

А.И. Ульянова -Елизарова

О В.И. Ленине и семье Ульяновых

Политическая стачка и уличная борьба въ Москвѣ.

Революціонныя событія въ Москвѣ, это первая волна грома, освѣтившая новое поле сраженія. Издавіе закона о Гос. Думѣ и заключеніе мира ознаменовали начало новой полосы въ исторіи русской революціи. Либеральная буржуазія, уже утомленная упорной борьбой рабочих и обезпокоенная призракомъ „непрерывной революціи“, вздохнула облегченно и съ радостью ухватилась за брошенную ей подачку. Началась по всей линіи борьба съ идеей бойкота, начинался явный поворотъ либерализма вправо. Къ сожалѣнію, даже среди социалъдемократовъ нашлись неустойчивые люди (въ лагерѣ мезонскровцевъ), готовые поддержать этихъ буржуазныхъ предателей революціи на извѣстныхъ условіяхъ, готовые „звать въ серъезъ“ Гос. Думу. Событія въ Москвѣ, можно надѣяться, устыдятъ набогѣрствъ и помогутъ сомнѣвающимся правильно оцѣнить положеніе дѣлъ на новомъ полѣ

Всероссійская политическая стачка.

Женева 26 (13) октября.

Барометръ показываетъ бурю! — Такъ заявляютъ сегодняшнія заграничныя газеты, приходя телеграфныя извѣстія о могучемъ росте всероссійской политической стачки.

И не только барометръ показываетъ бурю, но все и вся сорвано уже съ мѣста гигантскими вихрями солидарнаго пролетарскаго натиска. Революція идетъ впередъ съ поразительной быстротой, разлетѣвшая удивительное богатство событій, и еслибы мы захотѣли положить прелесть нашими пятаками подробнѣе истощить

Уроки московскихъ событій.

Революціонный подъемъ московскаго пролетариата, выразившійся такъ ярко въ политическую стачку и уличную борьбу, еще не улегся. Стачка продолжается. Она перешла частью въ Петербургъ, гдѣ бастуютъ наборщики изъ сочувствія своимъ московскимъ товарищамъ. Еще неизвѣстно, стихнетъ ли настоящее движеніе вслѣдъ до съѣздившей волны прибое, или приметъ лѣткими формами. Но нѣкоторые, впритомъ крайне печальныя, результаты московскихъ событій уже складываются, и на этихъ результатахъ стоить остановиться.

Въ общемъ и цѣломъ, движеніе въ Москвѣ не дошло до рѣшительнаго боя революціонныхъ рабочихъ съ силами царя. Это былъ только небольшій стычекъ на ферростатѣ, частью, можетъ быть, возникшая демонстрація въ гражданской войнѣ, но не одно изъ этихъ сраженій, которые определяютъ истинныя войны. Изъ двухъ предложеній, выдвинутыхъ въ Москвѣ, одно рѣшительнѣе, другое же покаравъ весь ростъ стачки — стачка.

Завтрашнее дѣшевщина, вале ча тѣ тѣхъ. Ге. в. чина право ченкаго гласн и въ эту

Первая побѣда революціи.

Женева, 1 ноября (19 окт.).

Въ понедѣльникъ поздно вечеромъ телеграфъ принесъ Европѣ вѣсть о царскомъ манифестѣ 17 октября. „Народъ побѣдилъ. Царь капитулировалъ. Самодержавіе перестало существовать“ — сообщалъ корреспондентъ Тайлса. Иначе выразились далекіе друзья русской революціи, приславшіе изъ Балтимора (Сѣв. Америка) телеграмму въ „Пролетарій“: „поздравляемъ съ первой великой побѣдой русской революціи.“

А.И. Ульянова -Елизарова

**О В.И. Ленине
и семье Ульяновых**

А.И. Ульянова - Елизарова

**О В.И. Ленине
и семье
Ульяновых**

Воспоминания
Очерки
Письма
Статьи

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1988 •

ББК 13.5
У51

Ответственный редактор *А. М. Совокин*
Составитель *С. У. Манбекова*

Ульянова-Елизарова А. И.

У51 О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания, очерки, письма, статьи.— М.: Политиздат, 1988.— 415 с.: ил.

ISBN 5—250—00169—6

В сборник включены воспоминания, очерки, статьи Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой о Владимире Ильиче Ленине, о семье Ульяновых, а также ее письма.

Все эти материалы воссоздают атмосферу высокой духовности, человечности и теплоты, в которой воспитывался Владимир Ильич, формировалось его мировоззрение, шло становление его как революционера.

Книга рассчитана на массового читателя.

у $\frac{0103020000-064}{079(02)-88}$ 34—88

ББК 13.5

ISBN 5—250—00169—6

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Дорогая Анюта» — так начинались многие письма Владимира Ильича Ленина своей старшей сестре Анне Ильиничне, близкой ему не только по крови, но и по убеждениям. Вместе с братом Александром она рано вступила на путь революционной борьбы, сочувствуя народникам, идеалом и целью которых была народная революция. В. И. Ленин писал позднее, что многие из русских марксистов начинали с революционного народничества, вступая на путь решительной борьбы с самодержавием, и в этом состояла их великая историческая заслуга. Пройдя через горнило народнических иллюзий и утопий, погибший как герой Александр Ильич озарил, по словам Анны Ильиничны, заревом революционного пожара путь следующего за ним брата, Владимира.

Трагическая судьба, арест, суд и казнь старшего брата с огромной, правдивой силой ожили под пером Анны Ильиничны на страницах книги «Александр Ильич и дело 1 марта 1887 г.», изданной в год десятилетия Великого Октября. Владимир Ильич, высоко оценивая беззаветную самоотверженность, энергию, смелость представителей революционного народничества, выступал против их ошибочных теоретических построений.

Мы, историки, говоря словами В. И. Ленина, обязаны выделить здоровое и ценное ядро искреннего, боевого демократизма из народнических утопий и проследить «связь его с тем, что получило название «большевизма» в первое десятилетие XX ве-

ка»¹. Мы не в укор Александру Ильичу, шедшему от народо-вольчества к марксизму, и не в укор Анне Ильиничне, ставшей одной из соратниц своего младшего брата — основателя большевизма, вспоминаем об их теоретических заблуждениях. Мы лишь подчеркиваем непростой путь старших Ульяновых в революцию.

Анна Ильинична стала не только соратницей В. И. Ленина по созданию партии нового типа, борьбе за свержение самодержавия и победу социалистической революции, но и фактически одним из первых его биографов. Первую ссылку после казни Александра Анна Ильинична отбывала в деревне Кокушкино вместе с младшим братом, который получил революционное крещение во время студенческой сходки в Казанском университете. Владимир Ильич с большим воодушевлением рассказывал старшей сестре «об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала... От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом»². Анна Ильинична была свидетельницей горячих споров Владимира Ильича с народниками в Самаре, Москве, Петербурге. Эти выступления многое разъясняли молодым марксистам, будили творческую мысль.

В период борьбы В. И. Ленина за создание российской революционной социал-демократии Анна Ильинична помогала ему налаживать сношения с группой «Освобождение труда», с социал-демократами разных городов страны. Она выполняла прямое поручение Владимира Ильича по изданию его труда по экономическим проблемам — «Развитие капитализма в России». А. И. Ульянова-Елизарова вела авторскую корректуру книги, которая явилась фактическим продолжением «Капитала» Маркса. Владимир Ильич осуществил в ней теоретический разгром идейных основ народничества, главного препятствия на пути утверждения марксизма в России.

В 1899 году она послала В. И. Ленину в Шушенское манифест «экономистов», так называемое «Credo», написанный Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем. В. И. Ленин выступил с

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 121.

² См. настоящий сборник, с. 121. *Ред.*

критикой этого документа, этой «квинтэссенции социал-демократического оппортунизма». Он написал «Протест российских социал-демократов», единодушно одобренный совещанием 17 ссыльных социал-демократов. Распространенный в России и за рубежом, этот ленинский «Протест» сыграл важную роль в борьбе с идеологией экономистов и в сплочении революционных социал-демократов на ленинских позициях.

Самоотверженная помощь брату в издании и распространении его трудов, активная революционная деятельность Анны Ильиничны в различных городах России — в Москве, Петербурге, Киеве, Самаре, Томске не осталась незамеченной охранкой. Отважную революционерку шесть раз арестовывала полиция.

Анна Ильинична участвовала в трех российских революциях, в их подготовке и проведении. В годы нового революционного подъема она, будучи секретарем редакции большевистского журнала «Просвещение», несла основную ответственность за его издание. Впоследствии А. И. Ульянова-Елизарова вспоминала: «...то, что «Просвещение» выходило в живое и горячее время «эпохи «Звезды» и «Правды», то, что нам удавалось проводить взгляды Ильича в его статьях и в статьях его последователей, наконец, то, что мы завоевывали все больше интереса и симпатии со стороны товарищей рабочих, от которых, как и от товарищей из ссылки, нам посылалось все больше статей, стихотворений и рассказов, — все это в памяти каждого участника редакционной коллегии отпечатлело как самое радостное, бодрое и полное прелести, весеннее время»¹. При непосредственном участии А. И. Ульяновой-Елизаровой в феврале к женскому дню 8 марта 1914 года вышел первый номер «Работницы», возрожденной накануне Октября и продолжающей воспитание трудящихся женщин в наши дни.

Свержение самодержавия в результате народной революции, к которой шли поколения революционеров, которую выстрадали народы России, освободило Анну Ильиничну из тюрьмы. Начался новый этап в жизни страны, в жизни и деятельности созданной Лениным партии большевиков и ее видного члена — Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой.

¹ Цит. по: Вопросы истории КПСС, 1964, № 8, с. 87.

Она вместе с Марией Ильиничной и другими соратниками Ильича готовит и выпускает возрожденный 5 марта 1917 года Центральный Орган большевиков — газету «Правда». Ее выход обрадовал вождя революции, который находился в это время в изгнании. Через Анну Ильиничну и Марию Ильиничну В. И. Ленин телеграммой извещает большевиков столицы о своем возвращении из эмиграции. После восторженной встречи В. И. Ленина революционным Питером, после его беседы с руководителями партии и столичной большевистской организации Владимир Ильич и Надежда Константиновна поселяются в квартире Анны Ильиничны и ее мужа Марка Тимофеевича Елизарова (ул. Широкая, д. 48/9, кв. 24. Ныне ул. Ленина, д. 52/9). Здесь они прожили с 4 апреля 1917 года вплоть до драматических июльских дней. Радость повседневного общения с братом наполняет революционную жизнь Анны Ильиничны и ее мужа новым содержанием. Во время июльского кризиса семья Елизаровых не избежала гонений и преследований со стороны контрреволюционных властей России. Был арестован Марк Тимофеевич: кто-то нашел в нем сходство с Владимиром Ильичем.

С победой Великого Октября, этого звездного часа победившего народа, Анна Ильинична, как и другие члены семьи Ульяновых, активно включилась в строительство нового государства, новой жизни, свободной от эксплуатации. Советская власть создала реальную возможность построить наш новый мир, как говорилось в партийном гимне, добиваться на деле высшей социальной цели при социализме: от каждого — по способностям, каждому — по труду. Однако на этом пути встали новые трудности. Разрушив мир эксплуатации и угнетения, революционная Россия столкнулась с бешеным сопротивлением внешней и внутренней контрреволюции на всех фронтах борьбы против старого мира.

Анна Ильинична, как и Надежда Константиновна, — в первых рядах борцов за будущее народа. После переезда Советского правительства в Москву Анна Ильинична работала в отделе охраны детства сначала в Народном комиссариате социального обеспечения, а затем в Народном комиссариате прос-

вещения. В труднейшие годы гражданской войны она отдавала все свои силы и творческие способности улучшению положения детей, особенно осиротевших и беспризорных. Разрешением этой сложнейшей социальной проблемы занималась даже Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) во главе с Ф. Э. Дзержинским. Будучи сама весьма непритязательной в быту, Анна Ильинична была очень настойчива, когда дело касалось улучшения снабжения и быта детей и детских учреждений, обращалась непосредственно к Ленину. По ее инициативе собирались Всероссийские съезды по охране и воспитанию детей. В семье Елизаровых воспитывались мальчики и девочки, которые на всю жизнь запомнили Анну Ильиничну как умную воспитательницу, требовательную хозяйку.

В 1921 году Анна Ильинична перешла на работу в Истпарт (Комиссию по истории Октябрьской революции и РКП(б)), учрежденный в декабре 1920 года. Работая в Истпарте, объединенном затем с Институтом Маркса — Энгельса — Ленина, А. И. Ульянова-Елизарова внесла значительный вклад в историко-партийную науку, особенно в Лениниану. Ее статьи и брошюры публиковались в журнале «Пролетарская революция», одним из руководителей которого она оставалась до конца своей жизни.

Предлагаемый сборник представляет первую попытку собрать воедино в одном издании литературное наследие А. И. Ульяновой-Елизаровой. В первую очередь обращают на себя внимание воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В них воссоздан образ юноши, стремящегося к вершинам науки, к познанию реальной действительности и переустройству ее на справедливых началах.

Внимательный читатель найдет в помещенных в сборнике произведениях Анны Ильиничны факты и соображения, введенные ею в научный оборот. Они нередко являются единственным источником для исследователя.

Анна Ильинична не только сама писала воспоминания, но и работала над воспоминаниями старых большевиков. Ее детищем стала целая серия воспоминаний — около 70 книг — «Воспоминания старого большевика», органическая часть «Библиотеки

рабоче-крестьянской молодежи». Некоторые из этих книг переиздавались по три-четыре раза. Анна Ильинична считала, что хорошо и правдиво написанные воспоминания оживляют архивные документы и материалы, воссоздают пережитое более ярко и доходчиво.

Работа в Истпарте, в Институте Маркса — Энгельса — Ленина, в журнале «Пролетарская революция», активное участие в редактировании и рецензировании воспоминаний старых большевиков — яркая страница в жизни и деятельности Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой. Она вместе с Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой, Д. И. Ульяновым, их боевыми соратниками закладывала научный фундамент и закрепляла ленинские традиции в собирании, хранении и публикации документов Маркса—Энгельса—Ленина, источников по истории КПСС.

Мы надеемся, что предлагаемый читателю сборник произведений А. И. Ульяновой-Елизаровой поможет в наше революционное время более глубокому изучению ленинского теоретического наследия, биографии вождя нашей партии и государства, славных страниц истории КПСС.

Доктор исторических наук

А. М. Собокин

Воспоминания

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ИЛЬИЧЕ УЛЬЯНОВЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Ильич Ульянов — старший брат Владимира Ильича Ленина — был осужден на казнь за участие в покушении на царя Александра III и казнен через повешение во дворе Шлиссельбургской тюрьмы 8 (22) мая 1887 года¹.

Это было во время самой тяжелой реакции, нависшей над нашей страной. Александр III справлял своим царствованием как бы тризну над отцом, убитым партией «Народная воля». Казнями, заточениями в Шлиссельбурге и дальними ссылками расправлялся он с остатками этой партии и самым свирепым образом подавлял всякое свободное проявление, всякое не рабски звучащее слово. Школы, печать, вся общественная жизнь страны были взяты под строжайший надзор. Школьников затягивали с детства в мундиры, из их среды изгонялись так называемые «кухаркины дети», то есть дети бедных слоев населения, — к ним приставлялись под видом педагогов настоящие полицейские ищейки. И это не только в средней, но и в высшей школе. Закрывались сколько-нибудь правдивые и смелые органы печати. Можно было спокойно жить только подлизам, карьеристам-чиновникам да разного рода эксплуататорам, наживающимся на бесправии и темноте народа, а из молодежи — лишь тем, которые готовились пойти по их стопам.

Но молодежь никогда не может быть превращена сплошь в карьеристов. Лучшая ее часть никогда не может удовлетворяться личным благополучием, всегда одушевлена мыслями об общем благе. А самая передовая, самая искренняя и честная молодежь не останавливается и перед страданиями, перед жертвами, отдает самую жизнь свою на то, чтобы хоть попытаться улучшить положение своей страны, своего народа.

Поэтому вся история самодержавия последнего столетия усеяна трупами идейной молодежи, которая не в состоянии

¹ Подробнее о деле 1 марта и об Александре Ильиче Ульянове см. в двух изданиях, появившихся в 40-летнюю годовщину его смерти, в 1927 году: в сборнике Истпарта при ЦК ВКП «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» и в издании Центраархива «Первое марта 1887 г.». А. Е.

была оставаться равнодушной и сносить терпеливо бесправие своего народа, гнет, лежащий на нем, самодурство правительства. Теоретические воззрения этой молодежи менялись: сначала мы видим идеи дворян-декабристов, стремившихся к замене самодержавия республиканским строем, который они наблюдали во Франции после революции 1789 года, к правам и свободе личности, а главным образом к отмене того позора нашей страны, который сохранился только у нас одних из всех культурных наций — к отмене крепостного права. Затем в 40-х годах прошлого века, одновременно с революциями 1848 года, пробушевавшими во всех почти европейских странах, более определенные республиканские убеждения, а наряду с ними и первые смутные социалистические захватили уже многих разночинцев¹, в числе которых пошел на десятилетнюю каторгу наш известный писатель Достоевский, описавший ее в своем романе «Записки из мертвого дома». И уже исключительно разночинцы начали заполнять тюрьмы и двигаться этапами по Владимирке с 60-х годов, с нашим великим первым социалистом-теоретиком Чернышевским во главе, и все 70-е и 80-е годы это были уже все социалисты разных оттенков, но в общем народнического направления.

Мы говорим тут только о политических, идейных противниках царя и всего самодержавного строя. Кроме них по Владимирке гнали и крестьян, не выдерживавших самодурства помещиков и чиновников и то тут, то там протестовавших против них поджогами усадеб, убийствами особенно жестоко издевавшихся над тогдашними «рабами» помещиков и управляющих. Гнали и ходоков, выразителей общественного мнения, направлявшихся искать справедливости в Питер, к царю или к его ближайшим слугам — министрам. И в песнях ссыльных пелось глухо:

Не за пьянство, за буянство
И не за ночной разбой —
Стороны своей лишился
За крестьянский люд честной.

Но, говоря только о политических противниках, о тех, в основе действия которых лежали известные теоретические убеждения в необходимости, так или иначе, изменить общественный строй, мы должны, конечно, указать прежде всего на народников, так как это направление было у нас издавна господствующим. Громадное численное преобладание крестьянства в нашей

¹ Людей не дворянского происхождения, выходцев из других сословий: чиновничьего, поповского, мещанского. А. Е.

«мужицкой» стране, рабское положение этого самого многочисленного сословия в те времена, когда ни одна из европейских стран не знала уже этого позора, заставили прибавлять к общему лозунгу всякого народа, борющегося за свое освобождение, — «воля» или «свобода» — слово «земля», как главное и самое насущное требование крестьянина. Это требование стояло на знамени всех древних бунтарей земли русской — Степана Разина, Пугачева и других, — и оно же после освобождения крестьян не с землей, а «от земли», как оказалось на деле в 1861 году, стало, естественно, лозунгом русских социалистов. Потомки дворян считали себя должниками перед рабами, которые выкормили своим трудом целые поколения; разночинцы, представители рабочих и крестьян не могли также не считать первой необходимостью удовлетворение крестьян. А то, что общинный уклад сохранился еще из всех европейских государств в одной России, давало надежду и иллюзию, что он сможет перейти непосредственно в высший, социалистический строй.

Результат западноевропейских революций, приведший после падения самодержавных правительств к власти новый эксплуататорский класс — буржуазию, поселил глубокое разочарование политической борьбой среди нашей социалистической молодежи. Если всякого рода конституции не приближают равноправия, если они, меняя форму правления, оставляют все же эксплуатацию человека человеком, то зачем стремиться к ним, ложиться костями из-за них? Не лучше ли взять попросту ту форму, которая у нас под боком и которую мы проглядели — наш общинный строй, — и расчистить только для народа пути развития ее в высшую форму — социализм, а одновременно с этим бороться с только еще появляющейся, насаждаемой и всячески поощряемой самодержавием формой — кулачеством, из которой вышел западноевропейский социализм?

Эти оба врага сливались для народников в одного. Недовольство крестьян земельной реформой 1861 года, оставившей их или без земли или предоставившей им таковую за высокие выкупы в пользу помещиков, бунты и восстания на этой почве в разных частях страны давали нашим социалистам того времени надежду, что из этих бунтов легко разжечь общее восстание, которое сбросит царя, а тогда уже всенародное собрание установит ту форму правления, которая будет наиболее приемлема и наиболее желательна для народа. И некоторые из народников, например Стефанович и Дейч, направлялись в деревни, чтобы сеять там семена восстания, хотя бы путем подложной грамоты от царя, личность которого не была еще дискредитирована в глазах народа.

Но так быстро — первые социалисты-народники должны были скоро убедиться в этом — дело совершиться не могло, и большинство их пошло на более длительную мирную пропаганду. Интеллигентная молодежь, бросая университеты, обучалась наскоро какому-нибудь ремеслу или, запасаясь дешевыми книгами, одевалась офенями и шла из села в село, причем старалась, конечно, всучить между разрешенными и нелегальные, социалистические книжечки. Поселялись в деревне в качестве волостных писарей, учителей, фельдшеров и т. п. Шли кроме интеллигентов и распропагандированные раньше рабочие и ремесленники.

Но и на этом пути социалистов-народников ждало скоро глубокое разочарование: народ — вчерашний раб, безграмотный и темный — не понимал их; он не имел, кроме того, никакого основания доверять детям своих извечных мучителей и эксплуататоров и легко внимал наговорам, что дети дворян, недовольные отменой крепостного права, замышляют какие-то козни для возвращения его обратно. Так как подобные, чисто личные мотивы были, кроме того, гораздо доступнее людям, не видевшим в жизни никаких иных мотивов, то случалось, что крестьяне и сами выдавали властям своих доброхотов. Правительство же, наоборот, очень хорошо понимало, что сила его главным образом в темноте народной, и очень яро взялось за молодых проповедников, арестовывая и высылая их за всякую самую мирную пропаганду. Тюрьмы переполнялись. По одному самому крупному делу было привлечено 193 человека. Они сидели в ожидании суда около четырех лет. Несколько человек сошло с ума и кончило жизнь самоубийством.

Эти печальные результаты показали, что овчинка окончательно не стоит выделки, что «хождение в народ» для мирной пропаганды среди крестьянства при самодержавии невозможно, что надо сначала сбросить царя. А сбросить вследствие отсутствия в то время в России определенных политических партий, политической борьбы можно было только одним путем — путем единоличного террора и уже тогда предложить народному представительству избрать то правительство, которое оно пожелает, то есть поставить надо всем волю народную. Так возникла партия народолюбцев.

От нее откололась, правда, тогда группа, получившая название «Черный передел», оставшаяся при прежней народнической программе, высказавшаяся против перехода на террор. Позднее из этой группы образовалась группа «Освобождение труда» с Г. В. Плехановым во главе — зародыш нашей социал-демократической партии. Но в то время партия чернопередельцев, более малочисленная, почти ничем не проявлялась, а

народовольческая давала себя несколько лет знать очень сильно и держала своими покушениями в страхе царя и власть. Необходимость достижения политической свободы ощущалась тогда так остро, политическая борьба встала настолько на первый план, что большинство молодежи, во всяком случае более энергичной, горячей и самоотверженной, было захвачено этим стремлением и пошло в ряды народовольческой партии. Во главе ее встали тогда лучшие, самые испытанные революционеры, самые самоотверженные личности, самые опытные организаторы. Имена Желябова, Перовской, Халтурина, Кибальчича¹ и других останутся навсегда в нашей памяти, как имена героических борцов за общее благо. Они прогремели тогда не только в России, но и за границей. Несколько покушений против сильных людей того времени, покушения на царя на железных дорогах (на юге и под Москвой), чуть-чуть не состоявшийся взрыв Зимнего дворца и, как завершение всего, казнь Александра II 1 марта 1881 года — все это было ярким единоборством смелой кучки беззаветно преданных делу, мужественных людей с всесильным самодержавием. В истории революции не наблюдалось другого движения такой исключительной цельности, силы и глубины, где все было бы настолько охвачено одним порывом, страшной ненавистью к царизму, страстным стремлением к освобождению от него, было бы в буквальном смысле слова борьбой не на живот, а на смерть.

Но самодержавие в конце концов победило. Расправившись виселицами и пожизненным заточением со своими врагами, оно наложило царствованием Александра III свою тяжелую, мертвящую лапу на все живое. И настала эпоха реакции конца 80-х годов — одна из самых тяжелых полос в жизни страны.

С одной стороны, народовольчество было обескровлено, особенно после ареста Лопатина, у которого удалось захватить много адресов, повлекших за собой массовые аресты по всей России. Все старые, опытные борцы сошли со сцены, осталась молодежь, разрозненная, не имевшая революционного опыта и веры в свои силы. Она не встречала ниоткуда поддержки: либеральное общество было слишком слабо, чтобы противопоставить что-либо силе правительства; его оппозиционное настроение, проявлявшееся во время расцвета «Народной воли», быстро потухло.

Уныние, разочарование и неверие царили повсюду. Но революционно настроенная молодежь все это остановить не может,

¹ А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич и С. Н. Халтурин — русские революционеры, члены Исполнительного комитета «Народной воли», организаторы покушения на Александра II. Первые трое были казнены 3 апреля 1881 года. *Ред.*

и в те годы занятия с рабочими так и не прекращались. Они велись как социал-демократическими, так и народовольческими кружками, между программами которых в те годы, когда социал-демократическая работа в России только еще начинала развиваться, не было определенной разницы. Но удовлетворения эта работа давала мало: очень невелики были кружки рабочих, которые (да и то с большим трудом и с большим риском) можно было собирать тогда, и пропаганду при неразвитости рабочих приходилось вести чересчур первоначальную. И за это все высылки, тюрьмы!.. Казалось уже более целесообразным идти на крайнее революционное дело, но способное, быть может, пробить брешь в стене самодержавия, и если все равно суждено погибнуть, так хоть за что-нибудь.

А затем «Народная воля» тогда еще не отзвучала. Признаки ее разложения как партии, по словам одного товарища, «были еще не так ярки: упадок скорее чувствовался, чем сознавался». И поэтому казалось, что только вялость и эгоизм мешают идти по стопам тех славных предшественников, которые погибли или томятся в каменных мешках Шлиссельбурга и Петропавловки. Их страдальческие тени звали к отмщению. Среди молодежи ходило тогда письмо заключенных в Петропавловской крепости — «От мертвых к живым», и наиболее честным и чутким людям казалось обязанностью продолжать их дело, поддержать выпавшее из их рук знамя. Идея самопожертвования носилась тогда в воздухе, многие из тогдашней молодежи вполне самостоятельно приходили к ней. Но прежней веры в скорую победу уже не было, и поэтому самопожертвование было тяжелее, настроение было подавленное. Не смелые боевые мотивы той эпохи борьбы рабочего класса с царизмом, которая наступила за этой полосой, звучали тогда, не победные и торжествующие песни настоящего времени — нет, гимн тогдашней молодежи кончался куплетом:

Настанет блаженное время,
Когда уж из наших костей
Поднимется мститель суровый,
И будет он нас посильней.

Эти строки показывают, насколько безрадостна была юность тогдашних революционеров. Все было в будущем, в том далеком будущем, когда поднимутся массы, до которого посчастливилось дожить нам и для которого молодежи того времени предстояло лишь складывать кости.

Александр Ильич Ульянов, биографию которого мы даем здесь, был из числа этой молодежи. Страстно любивший свою науку, талантливый и очень знающий естествовед, которого

прочили в профессора, он уже на третьем курсе был награжден за свою работу по зоологии золотой медалью, а на четвертом курсе, 20 лет, вступил в террористический кружок, состоявший почти исключительно из студентов и главным образом из естественников, которые, проходя основательно химию, научились изготовлять динамит. Александр Ильич взялся помогать в приготовлении динамита и выделке бомб, а когда пришлось, вследствие отъезда двоих из участников, взять на себя руководство покушением и выступал на суде безбоязненно с изложением своих взглядов. Как он, так и его ближайшие соучастники — Лукашевич, Шевырев, Осипанов — говорили, что только вследствие полной невозможности распространять свои взгляды путем устного и письменного слова взялись они за террор.

«Я убедился,— сказал Александр Ильич в своей речи на суде,— что единственно правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом. Но... жизнь показывала самым наглядным образом, что при существующих условиях таким путем идти невозможно... Невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже общекультурная... Те попытки, которые я видел вокруг себя, еще больше убедили меня в том, что жертвы совершенно не окупят достигнутого результата...»

Когда мать на свидании сказала ему, что избранные им средства борьбы (террор) так ужасны, он ответил:

— Что же делать, если других нет?

Так что только невозможность борьбы другими способами толкнула его на террор.

Александр Ильич, как и некоторые другие члены его кружка и вообще студенты его времени, вел занятия с рабочими. Он вел лично не один кружок, а кроме того, направлял товарищей и в другие кружки. Одно время он считал даже, что имеет связи со всем Васильевским островом. Об этом рассказывается в воспоминаниях одного из товарищей — Драницына. О некоторых речах и выступлениях Александра Ильича, о впечатлении, производимом им, говорят воспоминания всех его товарищей и всех, знавших его или встречавшихся с ним. Он был уже хорошо знаком с Марксом, перевел даже сам и готовил к изданию одно его сочинение.

«При своей явной молодости,— говорит о нем один из его товарищей по делу — Новорусский,— он определенно выделялся среди других своим развитием. Отпечаток его карточки, снятой жандармами уже во время ареста, дает очень плохое представление об его личности. Здесь он выглядит серым и даже мрачным, вообще «худым», чего совершенно не было в действительности. Напротив, его ясное и открытое лицо всегда

как-то особенно светилось не только обыкновенной юношеской привлекательностью, но и особой осмысленностью выражения. Это было одно из тех лиц, о которых мы говорим, что они озаренные.

На собраниях, где мы встречались, может быть, он не говорил ничего особенного. По крайней мере, мне не запало в память ни одно его даже краткое выступление. Но важно было не то, что он говорил, а как он говорил. Его голос, интонация, тон убежденности — все говорило за то, что у него это не простая фраза, а что он над этим думал и успел многое передумать».

Он не разделял уже взглядов народников на самостоятельное значение нашей общины, на то, что она может перейти непосредственно в социалистический строй, и народником себя уже не считал. Разделяя в общем взгляды Маркса, он и его товарищи не отошли еще, как и вся молодежь того времени, от народовольческих идей, они не видели вследствие особенно-го положения России возможности применять в ней практически социал-демократическое учение, хотя и считали социал-демократов своими ближайшими товарищами, как высказался в своей программе А. И. Уже не называя себя народовольцами, они взяли лишь название террористической фракции партии «Народная воля» именно затем, чтобы показать в данное время свое согласие с необходимостью террористической деятельности, и, откладывая более подробное обсуждение программных разногласий, они стояли в то время как бы на перепутье между народовольцами и социал-демократами. Об этом говорит и составленная Александром Ильичем программа их фракции, которая не была еще напечатана и не попала к жандармам и в черновике. Но Александр Ильич сам предложил восстановить ее по памяти в Петропавловской крепости, несомненно отягощая этим свое положение. Но благодаря этому она дошла до нас в бумагах департамента полиции, и мы имеем теперь ясное представление о том, чем являлась идейно эта группа, и имеем все основания полагать, что и они, как многие из их тогдашних единомышленников, определились бы, если бы остались живы, в скором времени как революционные социал-демократы. Недаром старые народовольцы называли заключенных в Шлиссельбурге товарищей Александра Ильича — Лукашевича и Новорусского — социал-демократами. Через несколько лет социал-демократическая работа пошла глубже и шире в массы, в те же годы она не давала почти никакого удовлетворения.

Покушение, как известно, окончилось неудачей. Три раза выходявшим на Невский метальщикам и сигнальщикам не пришлось встретить царя, и они были арестованы. Привлеченные к делу в самое последнее время, сигнальщики Канчер и

Горкун не выдержали перед угрозой смертной казни и рассказали на допросах все, что знали. На основании их показаний были взяты и руководители: Ульянов, Лукашевич и Шевырев. После отъезда Шевырева и Говорухина на Ульянова легла главная работа; он оказался наиболее на виду, как главный руководитель покушения, о нем было известно более, чем о других. И Александр Ильич, видя по предъявленным ему показаниям Горкуна и Канчера, что дело открыто, признал свое участие в нем. Отмечая, что он не был ни инициатором, ни организатором дела, он указал вполне точно и правдиво те части работы, которые он выполнял, принципиальные мотивы, толкнувшие его на террор. Добровольно уточняя свою роль в деле, он этим даже отягчал свое положение. Так, в одном из показаний он сказал:

«Нравственное и интеллектуальное мое участие было полное, т. е. все то, что позволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений».

Александр Ильич видел, что при данном составе подсудимых он один может — а следовательно, должен — выступить с принципиальной речью, с обоснованием взглядов всей группы, мотивов, приведших ее к террору¹. Поэтому он отказался от защитника и вместо защитительной произнес речь, поясняющую, что побудило его пойти на покушение против царя.

«Речь эта,— говорит его сопроцессник Новорусский,— изложенная в правительственном стенографическом отчете в сокращении, лишь в очень слабой степени может передать то впечатление, какое получили мы, слушавшие ее».

А в одном из нелегальных изданий того времени говорится:

«Речь, произнесенная Ульяновым, произвела очень сильное впечатление; ее сравнивают с речью Желябова».

Александр Ильич сказал, что социальными вопросами он начал интересоваться с тех пор, как стал сознательно относиться к окружающему. Над страданиями народа он стал задумываться чуть не с детства.

«Я могу отнести к своей ранней молодости,— сказал Александр Ильич,— то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, руководившим мною в настоящем случае. Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось, и смутные мечтания о свободе, равенстве

¹ Перед процессом А. И., как видно из воспоминаний С. А. Никонова (см. сборник «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.»), прочил на эту роль его, Никонова, но так как последний был арестован месяцем раньше, Александр Ильич взял ее на себя. А. Е.

и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно. Каждая страна проходит через строго определенные фазы развития и неизбежно должна прийти к общественной организации. Это есть неизбежный результат существующего строя и тех противоречий, которые в нем заключаются. Поняв это, каждый честный человек должен проводить свои убеждения в жизнь. Есть только один правильный путь развития: это — путь слова и печати. Для интеллигентного человека право свободно мыслить и делиться мыслями с теми, кто ниже его по развитию, есть не только неотъемлемое право, но даже потребность и обязанность...»

«Здесь председатель прервал Ульянова. Его пророческие слова, произносимые тоном глубокого убеждения вдохновенного юноши, были неприятны старому сенатору, поседевшему в защите старых порядков самодержавного режима», — говорит по поводу этого Новорусский.

«Но каким образом может русское общество бороться за эти необходимейшие для каждой человеческой личности права? У нас нет сильно сплоченных классов, которые могли бы, как в Западной Европе, сдерживать правительство путем печати, парламента и т. п. У нас отняты все пути к нормальному проведению в жизнь своих убеждений. Русское общество находится как раз в таких условиях, что только в таких поединках с правительством, как террор, оно может защищать свои права. Террор есть та форма борьбы, которая создана XIX столетием.

Конечно, это не есть организованное орудие борьбы. Это — лишь стихийная форма, происходящая оттого, что недовольство в отдельных личностях доходит до крайнего проявления. С этой точки зрения это есть выражение народной борьбы, того разлада, который дает сама жизнь. Те средства, которыми правительство борется, сражаясь не с причинами явления, а с последствиями, лишь усиливают его. Если реакция действует угнетающим образом на большинство, то меньшинству, отнимая у него последнюю возможность правильной деятельности, правительство указывает на тот единственный путь, который останется революционерам. Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь.

Если мне удалось доказать, что террор есть естественный продукт существующего строя, то он будет продолжаться... Я говорил это не с целью оправдать свой поступок с нрав-

ственной точки зрения, я хотел доказать, что это — неизбежный результат существующих условий, существующих противоречий в жизни.

Известно, что у нас дается возможность развивать умственные силы, но не дается возможности употреблять их на служение родине...»

Вот та речь, вернее, те отрывки речи Александра Ильича Ульянова на суде, которые дошли до нас. Стенографический правительственный отчет, изданный лишь в нескольких экземплярах для участников процесса и высокопоставленных лиц, передавал, ясное дело, не очень точно речи подсудимых — никто не был заинтересован в этом, а к тому же председатель суда прерывал Александра Ильича как раз на самых принципиальных местах его речи (и в донесении департамента полиции сказано, что председатель дважды останавливал Ульянова за теоретические рассуждения о пользе террора). Так что мы можем составить себе лишь общее представление о его речи. Но и то, что дошло до нас об этом негласно происходившем в крепких застенках самодержавия процессе, показывает нам хотя теперь основные мотивы и убеждения Александра Ильича, его принципиальную чистоту, отсутствие каких-либо личных побуждений; и теперь, через грань четырех десятилетий, раскрывается перед нами то, что руководило лучшими представителями тогдашней молодежи, что давало ей силы, прощаясь с только начавшейся жизнью, идти на муки, на смерть, да еще при полной безнадежности какого-либо результата от этой жертвы на ближайшее время. Не только ничего в оправдание себя он не произнес, но он брал на себя, где мог, вину других. Он шепнул тов. Лукашевичу, посаженному рядом с ним:

— Если вам что-либо нужно, говорите на меня.

И даже прокурор в своей обвинительной речи сказал:

«Ульянов признает себя виновным во всем, даже, вероятно, и в том, чего он не делал».

А кроме того, Александр Ильич, как всякий убежденный революционер, старался использовать всякий суд, чтобы выяснить свои взгляды, мотивы своих поступков. Хотя он велся при закрытых дверях и не только представители печати, но и никто из порядочной публики, кроме жандармов и самых продажных чиновников, самых преданных слуг царизма, туда не допускался, но все же в расчете на то, что хотя какие-нибудь крохи дойдут до общества, до народа, люди убежденные не боялись отягчать свое положение открытым признанием своих взглядов, поступая так, как считали лучше для дела, для распространения своих взглядов, для торжества их в будущем.

И действительно, кое-что из речи Александра Ильича, из его

поведения и выступлений на суде просочилось еще и тогда, окружив его личность ореолом, и передавалось устно, служа примером для молодежи. А теперь, после победы революции, мы, вступив в обладание всеми документами эпохи царизма, можем благодаря принципиальным речам обвиняемых восстановить для себя всю историю революционных движений того времени и их эволюцию.

Таким образом, поведение Александра Ильича, рассчитанное на выступление следующих за ним революционеров и на будущее, на далекое будущее, достигло своей цели...

«Суд» продолжался всего несколько дней и закончился осуждением всех 15 обвиняемых на смертную казнь через повешение. Не только все непосредственные участники, но и все оказывавшие содействие были приговорены к этому наказанию. Оно было назначено даже невесте одного из обвиняемых за то, что, узнав из письма, что нечто подобное готовится, она не донесла на своего жениха. Так боялись тогдашние чинуши показаться сколько-нибудь невнимательными к охране драгоценной личности царя. Конечно, приговор был решен заранее. Затем последовало смягчение относительно некоторых, в первую голову смягчили участь трем сигнальщикам за «откровенные показания», сослав их на каторгу на остров Сахалин. Там Канчер, не выдержав сознания, что предал товарищей, и того, что все ссыльные отвернулись тогда от него, покончил через несколько лет жизнь самоубийством. Пособники были посланы на разные сроки на каторгу и в ссылку, а из числа непосредственных участников Лукашевич и Новорусский были заточены пожизненно в Шлиссельбургскую крепость. Таким образом, смертная казнь была приведена в исполнение над пятерыми из осужденных: над Осипановым, Андреюшкиным, Генераловым — метальщиками — и Ульяновым и Шевыревым — руководителями. Их отвезли в Шлиссельбург и казнили там 8 мая на рассвете на уединенном дворе у стены старого корпуса. Казнь была обставлена такой тайной, все было убрано и посыпано песком так тщательно, что проводимые этим пустынным двором на следующий день на прогулку заключенные, как об этом рассказывает Новорусский, нигде не видали никаких следов совершившегося и уже только через много лет узнали об этом от очевидцев-жандармов.

«Александра Ильича не стало,— говорит в своих воспоминаниях тов. Новорусский.— Родные и друзья горевали. Но и в этом случае, как и во многих других, мертвые продолжают действовать, и на их могиле вырастает и созревает то семя, которое они сеяли, но вырастить не успели».

«На месте братской могилы всех замученных в Шлиссель-

бурге в промежутке между 1888 и 1905 гг., в годы предрасветных теней,— говорит дальше Новорусский,— когда революция вспыхивала, как отдаленная беззвучная зарница, предвещавшая настоящую, оглушительную грозу, был сооружен в 1919 г. памятник с именем всех тех, кто сложил здесь свои головы».

Этот памятник был сооружен стараниями тов. Новорусского, теперь уже также покойного, который спешил в оставшиеся ему еще годы жизни увековечить память товарищей, погибших как по одному с ним делу, так и по одному месту заключения, в котором он провел больше 18 лет...

Со сложным чувством выпускаю я в свет свои воспоминания о брате Александре Ильиче.

С одной стороны, я сознаю, что на мне, как на человеке, выросшем с ним с детства, проведенном вместе студенческие годы, привлеченном по одному с ним делу, лежит обязанность записать все, что я знаю о нем и что не может быть восстановлено никем другим. Но, с другой стороны, написанное не только ни в какой мере не удовлетворяет меня, но я сознаю, что и не могу дать вполне удовлетворительной биографии брата. И это по целому ряду причин.

Прежде всего, я не могу осветить с достаточной ясностью то, что интересует всего больше в биографии брата: дело, за которое он погиб, подготовку этого дела, так как не только не была участницей, но и не была посвящена в него. И только на основании догадок, сопоставлений того, что высказывалось другими, и разных косвенных указаний могу я восстановить для себя тот путь, которым брат пришел к решению принять участие в террористическом акте.

Поэтому мне осталось собирать разные черточки из жизни и проявлений его с детства, а таковые, как вследствие краткости его жизни, тюремная дверь над которой захлопнулась до его совершеннолетия, до того, как ему стукнул 21 год, так и вследствие исключительной замкнутости и глубины его натуры, крайне скупой на высказывания,— очень малочисленны и беглы. Но так как иная мелочь характеризует порою человека ярче, чем крупные факты, так как мне — близкому лицу, у которого его образ сложился на основании всей совместной жизни,— нельзя указать, какие именно проявления создали этот образ, то я решила записывать почти все сохранившееся в памяти, как не совсем обычное, все, что в свое время остановило почему-либо мою мысль, затронуло глубже мое чувство. И мне трудно решить, что из этих занесенных на бумагу черточек нужно, важ-

но, помогает читателям восстановить хотя до некоторой степени его образ и что отложилось особенно прочно на полочку моей памяти по чисто субъективным причинам. А сверить эти воспоминания теперь, когда почти не осталось людей, знавших близко Александра Ильича, мне не с кем. Самые близкие к нему люди — брат Дмитрий и сестра Мария — были к моменту его гибели слишком молоды и мало могут поэтому дать для его характеристики.

Наконец, самый процесс записи и этих отрывочных, часто не связанных одно с другим воспоминаний сильно затруднялся для меня двумя препятствиями: во-первых, брат Александр занимал такое исключительное место в моей жизни, что в течение долгих лет запись воспоминаний, как чересчур берущая рану, была невозможна для меня. И даже теперь мне трудно было писать эти листки, и если личные переживания придают обычно повествованию живости и наглядности, то несомненно, что более острое и болезненное чувство сковывает часто язык, делает рассказ нудным и тягостным. Я убедилась в этом в процессе писания моих воспоминаний. А во-вторых, я убедилась также и в том, что кроме других помех большое значение имело и время.

То, что 30 лет нельзя было записывать искренно свои воспоминания о брате, ибо противно было подумать, что в них станут копаться люди купленные, сыщики всех рангов, не осталось, конечно, без следа: эти годы — особенно последние, революционные, из которых иные равнялись по количеству пережитого десятилетию, — унесли так много из памяти, что один из наиболее близких к Александру Ильичу товарищей, С. А. Никонов, говорит: «Исчезли почти все конкретные черточки, всего лучше характеризующие человека, и осталось лишь общее впечатление светлого образа». Слыша об этом и от других, отмечая сама этот факт в поступавших ко мне воспоминаниях, я стала заносить все конкретные черточки, уцелевшие в моей памяти, хотя бы и незначительные. Я выписала из своих черновиков, относящихся к 1906 году, когда я составляла биографию брата для «Галереи шлиссельбургских узников», те мелочи, например поденную запись о последних перед 1 марта днях, которые уже сгладились более или менее из моей памяти за прошедшие с тех пор годы.

Все это, вместе взятое: истекающий сорокалетний срок со дня гибели брата, исключительная глубина и замкнутость его натуры, моя непосвященность в дело, которому он отдал жизнь; невозможность по причинам внешним запечатлеть эти воспоминания, пока они были вполне яркие и живы в памяти, и трудность по причинам внутренним слишком часто и глубоко ворошить их, — инстинктивное, из чувства самосохранения, старание из-

бежать этого,— все это определяет собою, что мои отрывочные, часто очень мелкие воспоминания не могут восстановить сколько-нибудь полно умственный и нравственный облик брата.

По годам мои записи разбиты на три части: «Детские и школьные годы», «Годы студенческие» и «Последний год жизни Александра Ильича».

I. ДЕТСКИЕ И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА

Александр Ильич Ульянов родился в Нижнем Новгороде 31 марта 1866 года. Он был вторым ребенком в семье учителя математики и физики нижегородской гимназии Ильи Николаевича Ульянова.

Отец Александра Ильича происходил из мещан города Астрахани, из нуждающейся семьи, и семи лет остался сиротой. Образованием своим он обязан старшему брату, Василию Николаевичу, которому пришлось отложить горячие мечты об учении и поступить на службу, чтобы содержать семью. Но он постарался дать брату то, чего ему не удалось достигнуть самому, содержал его в гимназии, а затем поддерживал и в Казанском университете, пока Илья Николаевич, с детства привыкший к труду, не стал содержать себя сам уроками. С большой благодарностью вспоминал всегда Илья Николаевич о брате, вполне заменившем ему отца, и детям говорил, как он обязан брату. По окончании университета в 1855 году Илья Николаевич занял место учителя математики и физики в пензенском дворянском институте. Оттуда в 1863 году он был переведен на такое же место в нижегородскую гимназию и дворянский институт. Отец любил свою специальность, а кроме того, он был педагогом в душе, излагал талантливо и толково свои знания, как о том свидетельствует, между прочим, его ученик — профессор Карякин¹.

С уважением вспоминали его, как любимого учителя, доктор Жбанков и такие добившиеся степеней известных при старом режиме люди, как сенатор Таганцев и прокурор Неклюдов². Он был снисходителен и терпелив к ученикам, собирал бесплат-

¹ См. его воспоминания в издании пензенского метеорологического бюро 1926 года. А. Е. (Юбилейный сборник. Памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925 гг.). Пенза, 1925, с. 19—21). *Пед.*

² Обвинитель Александра Ильича и его товарищей по процессу 1 марта 1887 года. А. Е.

но отстающих и не могущих иметь репетиторов в гимназии по воскресеньям или в свободные часы и подгонял их.

Но, несмотря на любовь к своему предмету, Илья Николаевич не задумался сменить это более спокойное и до некоторой степени насиженное место — он учительствовал лет 13 — на должность инспектора народных училищ, открывшуюся тогда впервые. Он поехал из Нижнего в глухой по тому времени Симбирск и с увлечением взялся за организацию нового трудного дела. Школ в губернии не было, или они были плохи, учителя не соответствовали своему назначению. Илье Николаевичу приходилось много колесить по губернии, насаждая, ревизуя, реформируя школы.

Это стало делом его жизни, в которое он вложил все свои силы и всю энергию, которое выполнял с большой любовью и со свойственной ему настойчивостью. Мало времени мог он отдавать при такой работе детям. Но его личный пример было то самое большое, неизмеримое по воспитательному значению, что получали от него дети. И небольшие его досуги, которые он всего охотнее проводил в семье, давали детям очень много. А затем он и непосредственно руководил занятиями детей, главным образом двух старших сыновей, в первые годы их школьной жизни, приучая их к исполнительности в уроках. Авторитет его в семье и любовь к нему детей были очень велики.

Огромное значение в воспитании детей имела и мать Александра Ильича — Мария Александровна, урожденная Бланк. Это была удивительно гармоничная и цельная натура. С большой твердостью и силой характера, выказавшимися во весь рост во время перенесенных ею тяжелых испытаний, она соединяла кротость и чуткость, а с глубиной душевных переживаний ровный, приветливый и веселый нрав, покорявший обычно всех, кто с ней сталкивался. Тем больше покоряла она своих детей, в которых вкладывала все силы, которых окружала самоотверженной любовью без баловства и потаканья, внимательным и чутким надзором без излишнего стеснения их свободы.

Воспитанная в деревне отцом-врачом, передовым по тому времени человеком, в условиях физического закаливания и труда, она в свои юные годы, по ее словам, не знала нервности. С умственным развитием дело обстояло хуже: отец не мог приглашать к младшим дочерям учителей, как к старшим, в другой обстановке. Институтское воспитание им не одобрялось. Поэтому Мария Александровна получила лишь домашнее воспитание: изучила под руководством тетки-немки новые языки и музыку и много читала. Ей страстно хотелось учиться больше, и она всю жизнь жалела, что обстоятельства не позволили ей этого.

Большая домоседка, она не интересовалась времяпрепровождением тогдашнего провинциального дамского общества. Любимым отдыхом ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. Досуг для этого занятия оказывался у нее лишь тогда, когда дети укладывались спать, и они любили засыпать под ее музыку, а когда подрастали, работать под нее.

Если прибавить к этому, что жила семья очень скромно, только на жалованье отца, и лишь при большой экономии матери удавалось свести концы с концами, но все же ни в чем необходимом дети не нуждались, то надо признать семейную обстановку и условия воспитания очень благоприятными для развития ума и характера детей.

Александр Ильич как лицом, так и характером походил больше на мать, особенно в детстве. Позднее рисунок губ и бровей стал напоминать отца. Но в общем можно было сказать, что он был в мать. То же редкое соединение чрезвычайной твердости и ровности характера с изумительной чуткостью, нежностью и справедливостью. Но более строгий и сосредоточенный, еще более мужественный характер.

Он рос спокойным, здоровым, как и мать в детстве, ребенком. Его кудрявая белокурая головка с черными бровями и большими черными глазами — «грезовская головка», по определению его первого учителя, Василия Андреевича Калашникова... была очень красива. Особенно хороши были глаза и их выражение, привлекавшее обычно все сердца и поражавшее своей недетской глубиной. Он отличался кротким, ровным характером и какой-то особенной чистотой. Характерно, что я, вспыльчивая и при постоянной хвори довольно капризная в детстве, не помню ни одной ссоры с ним. Не помню его ссор с другими братьями и сестрами или с товарищами. Он и ссора, стычка — это как-то не вязалось вместе. Какое-то особенное внимание и чуткость к личности другого было у него с детства.

В противоположность мне Саша мало хворал. Помню одну его опасную болезнь — воспаление желудка — в возрасте четырех лет. Помню поразившее меня отчаяние матери: она упала на колени перед образом, шепнув мне: «Молись за Сашу»; помню, как она оторвала от груди, перебросив няне¹, ревушего Володю и кинулась к Саше, которому было тогда, очевидно, плохо. Помню какие-то красивые привезенные ему игрушки, к которым

¹ Няня — Варвара Григорьевна Сарбатова почти 20 лет прожила в семье Ульяновых. *Ред.*

я, ничего не понимая, стала тоже тянуться и которые он с большой кротостью уступил мне. Помню потом просветлевшее лицо матери, когда она водила и поддерживала его, выздоравливающего, — приходилось снова учить его ходить.

Это было уже в Симбирске; воспоминания же раннего детства в Нижнем до осени 1869 года, относящиеся к Саше, у меня очень коротки и отрывочны. Помню нашу казенную квартиру в коридоре здания гимназии из четырех в ряд идущих комнат, причем лучшей была наша детская; помню кабинет отца с физическими приборами, а также и то, что одной из любимых наших игрушек был магнит и натертая сукном палочка сургуча, на которую мы поднимали мелкие бумажки. Помню площадь перед зданием гимназии с бассейном посередине, с мелькающими над ним деревянными черпалками на длинных ручках и окружающими его бочками водовозов.

Помню нижегородский откос — аллеи, разведенные по крутому склону к Волге, — с которого Саша упал раз и покатился, напугав мать. Очень ясна перед глазами картина: мать, закрывшая от страха глаза рукой, быстро катящийся вниз по крутому зеленому склону маленький комочек, а там, на нижней дорожке, некий благодетель, поднявший и поставивший на ноги брата, воспрепятствовав ему тем совершить еще один или два рейса, до следующих узеньких дорожек.

Помню зимние вечера, игру матери на фортепьяно, которую я любила слушать, сидя на полу подле ее юбки, и ее постоянное общество, ее участие в наших играх, прогулках, во всей нашей жизни. С тех пор как я начинаю себя помнить, у нас была одна прислуга, находившаяся больше на кухне, а мы бывали с матерью. Няnek у нас, двоих старших, я не помню. Особенно ясно запечатлелась ее игра с нами в нашем зальце и одновременно столовой, на стульях, изображавших тройку и сани. Брат сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам краткими понятными словами зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи. Мы оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сцены. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери. Объяснялось такое впечатление — кроме присущего матери живого воображения, — несомненно, еще и тем, что она искренно входила в нашу игру, в наши интересы, умела, для того чтобы доставить нам радость, увлечься и сама, а не снисходила до игры.

Хотя в том же гимназическом здании жили и другие семейные учителя, но память моя сохранила лишь имена некоторых детей, а не их самих, не игры с ними. Очевидно, мы встречались с ними лишь изредка и играли обычно вдвоем с Сашей, с которым были неразлучны.

Читать мы учились по звуковому методу. Меня мать начала, играя, учить с пяти лет — помню наклеенные на картон буквы, из которых я составляла слова, — брат выучился подле меня самостоятельно, и отец рассказывал потом, как он — четырехлетний — раскладывал на полу газету и читал, лежа на ней.

Помню поездку на пароходе нас, двоих старших, с матерью из Нижнего в Астрахань, к родным отца. Это было ранней весной, с первыми пароходами, когда мы были в возрасте трех-четырёх лет. Смутно припоминаю маленький домик, старушку бабушку¹ и дядю²; припоминаю, что с нами возились, как с желанными гостями, и, как мать находила, баловали нас чересчур. К этим родным мы ездили только раз. Гораздо теснее были связи с родными матери, к которым в Казанскую губернию мы уезжали каждый год на целое лето.

В сентябре 1869 года мы переехали в Симбирск, куда отец был назначен инспектором народных училищ, и поселились во флигеле во дворе дома Прибыловского на Стрелецкой улице. В этой квартире 10 апреля 1870 года родился брат Владимир. Осенью того же 1870 года семья наша перебралась в верхний этаж дома того же хозяина на улицу, где прожила до 1875 года.

Дом этот был тогда последним по Стрелецкой улице, упиравшейся в площадь с тюрьмой, которая выходила главным фасадом на так называемый «Старый венец» — высокий берег Волги со сбегавшими вниз фруктовыми садами. В противоположность «Новому венцу» — части нагорной набережной в центре города, с бульваром из неизбежной акации, с беседкой и музыкой, по праздникам служившему местом прогулки чистой публики, — «Старый венец» был совершенно дикой окраиной города. Здесь стояла лишь пара скамеек над обрывом к Волге; по праздникам звучала гармоника, земля усердно посыпалась скорлупами подсолнечников и семечками рожков — любимого тогдашнего лакомства, немало попадалось голов и хвостов воблы — главной снеди всех волжан. На пасху сюда выходили катать яйца, и «Старый венец» пестрел яркими платьями и красными рубашками местных обывателей. Водружалась карусель, нестройно, перебивая одна другую, звучали гармоники, сновали продавцы рожков, семечек и маковок. И публика ве-

¹ Анна Алексеевна Ульянова (Смирнова). *Ред.*

² Василий Николаевич Ульянов. *Ред.*

селилась почти непосредственно под завистливыми взорами обитателей тюрьмы. Бледные, обросшие, какие-то дикие лица глядели из-за решеток, слышалось лязганье цепей. Но в праздники мы разве с кем-нибудь из старших проходили по венцу, одних нас мать не пускала. К вечеру оттуда доносились уже пьяные песни, происходили драки, без которых народные празднества и гулянья были в то время немислимы.

В будни же он был обычным местом наших прогулок. Садика никакого при доме не было, ходить с нами дальше куда-нибудь матери обычно не было времени. В 1871 году родилась сестра Ольга, в 1873 году — умерший через несколько дней брат Николай, в 1874 году — брат Дмитрий. Няня, поступившая к Володе, была занята всегда с меньшими. А венец был под рукой, и мы, старшие, перебегали туда дорогу одни, рылись в так называемом «песке», то есть правильнее в пыли, выискивая камешки, осколки фаянсовой посуды и тому подобные сокровища и приносили их домой. Мать пускала нас скрепя сердце туда, поблизости тюрьмы, про обитателей которой ходили разные страшные слухи, но гулять больше было негде, и приходилось мириться.

Помню, как угнетало наши детские души это мрачное здание с его мрачными обитателями. Только увлечешься, бывало, чудным видом на Волгу, пением певчих птиц в сбегавших с обрыва фруктовых садах или собиранием «сокровищ», как лязг цепей, грубые окрики или ругань заставляли нас вздрагивать и оглядываться. Вместе со страхом перед этими людьми наши детские души охватывало и чувство глубокой жалости к ним. Помню его отражение в глубоких глазах Саши. И сейчас еще стоит перед моим взором одно худое, тонкое лицо с темными глазами, жадно прильнувшее к решетке окна.

Да и со взрослыми гулять в тогдашнем Симбирске детям было негде. Единственным общественным садиком был Карамзинский, вокруг памятника Карамзину. Это был типичный казенный садик того времени, с неизбежными аллеями из акации и сирени, с парой клумбочек. Гулять там надо было чинно, дети были стеснены в своих движениях, и обычно, кроме праздников, когда по аллеям его проводили несколько разодетых скучающих детей, он пустовал, а его пыльная подрезанная сирень кишела шпанскими мухами. Казенный садик был под стать казенным зданиям. На всякое учреждение общественного характера ложилась эта мертвящая рука. Помню еще один садик — Николаевский, — тоже в центре города, но совсем заброшенный: весь в кочках, грязный, с поломанной загородкой, за которую заходили, возвращаясь с пастбища, коровы. Все же там росла и зелень, и мы, двое старших, ходили туда одно время с девочкой лет 14, Еленой, дочерью нашей кухарки. Никаких

сторожей и запретов там не было, и мы бегали там охотно, но раз Елена увидела нас наклонившимися над темно-зеленой, таинственной бездной колодца, ничем решительно не загороженного. В ужасе потащила она нас прочь, не без сопротивления с нашей стороны, ибо загадочная глубь манила. С тех пор этот садик стал для нас под строгим запретом, и для прогулок оставался кроме улицы перед домом лишь «Старый венец». Дело шло, правда, лишь о весне и осени, так как на два, на два с половиной месяца мы уезжали ежегодно в деревню Кокушкино.

Чтению и письму, а также начаткам новых языков нас учила мать, но растущая семья, заботы о меньших и хозяйстве все меньше оставляли ей времени на это, и занятия получались, понятно, нерегулярные. Вследствие этого отец пригласил с осени 1873 года заниматься с нами учителя приходского училища Василия Андреевича Калашникова. Это был совсем молодой еще человек, недавно окончивший учрежденные отцом в Симбирске педагогические курсы. Опыта, конечно, у него еще никакого не было, притом он сам в семье директора несколько робел, что я, девчурка, тогда отметила и помню, что пользовалась этим, хотя в его памяти это, очевидно, и сгладилось, потому что в своих воспоминаниях он только хвалит нас за старательность. Возможно, конечно, и то, что имеет он в виду главным образом Сашу, с детства очень добросовестно и серьезно относившегося к своим обязанностям. Саше было тогда семь с половиной лет.

Приходил к нам Василий Андреевич только на час, а затем задавал уроки к следующему дню. Кроме того, мать занималась с нами языками, и мы много читали. Отец получал всю новую детскую литературу, которая переживала тогда пору некоторого расцвета, журналы «Детское чтение», «Семья и школа» и др. Брели нам также книги в Карамзинской библиотеке, имевшиеся детские и разные школьные хрестоматии. Так, помню сборник Гербеля «Русские поэты», который мы читали и перечитывали, из которого заучивали наизусть отрывки. У нас было в обычае готовить отцу и матери какие-нибудь сюрпризы к именинам и к праздникам. Позднее это были работы, так Саша выпиливал красивые вещи,— в раннем детстве мы могли самостоятельно выучить только стихи да разве еще переписать их покрасивее и вложить в конверты.

И вот я помню, что к одному из таких случаев Саша заучил по своему выбору «Ивана Сусанина» Рылеева и, мало любивший декламировать, читал с большой силой выражения слова жертвы того времени за благо отчизны, как он понимал тогда это:

•

«Убейте! замучьте! — Моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей!» — закричали враги, закипев:
«Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

.....

Не больше восьми лет было тогда Саше — это было еще до поступления его в гимназию, и характерно, с какой недетской серьезностью читал он это далеко не детское стихотворение. Помню также, что из сборника Гербеля мы читали с увлечением «Дурочку» Майкова. Читали роман Вальтера Скотта «Айвенго» — по тогдашнему переводу «Ивангое» — и очень увлекались им. Зато такими сочинениями, как Майн Рид и Фенимор Купер, Саша совсем не увлекался.

Любил Саша разного рода коллекционирование, причем отдавался со свойственной ему сдержанной страстностью и целостностью любимому в тот или иной период занятию. Так, в шести-семилетнем возрасте он собирал одно время все театральные афиши и раскладывал их порою на полу. Остался в памяти как раз Володя, всегда шаловливый и резвый; он побежал, несмотря на запрет, на этот ковер, стал топтать афиши, измял и изорвал несколько из них, пока мать не увела его. Саша, глубоко возмущенный, стал постепенно складывать свои сокровища. Я, понятно, разделяла его возмущение.

Описываю этот мелкий факт, так как в нем особенно выпукло проявились свойства характера Саши в раннем детстве. Он был возмущен вторжением в его права, но он не заплакал, — я совсем не помню его в детстве плачущим, — вспоминаю только раз в возрасте девяти лет в слезах во время опасной болезни матери. Он не применил также насилия к младшему — подобных случаев с ним совсем не бывало; не выругался — этого мы тоже никогда не слышали от него. Он испустил лишь возмущенный возглас, да его темные глаза еще больше потемнели.

Так — и без возгласов уже, совсем молчаливо, — реагировал он обычно и позднее на всякую несправедливость, на всякий осуждаемый им поступок. И сила этого немного неодоления импонировала в нем уже с детства. Даже такой самоуверенный, резвый и проказливый мальчик, как Володя, лишь

в раннем детстве проявлял по отношению к Саше выходки вроде вышеописанной. С наступлением некоторой сознательности — так, лет с пяти-шести — старший брат стал для него высшим авторитетом, предметом горячей любви и подражания. О чем бы в те годы ни спросили Володю, он отвечал неизменно одно: «как Саша». Помню, как мы трунили над ним, как ставили его иногда в намеренно неловкое положение, ничто не помогало. И если с годами подражание брату утратило такой смешной характер, то во всем основном по мере сил Володя, как и все мы, старался «равняться по Саше». Его пример и влияние в семье не может быть переоценено.

Помню я один случай, относящийся к более позднему времени, когда Саше было лет 10—11. Отец, уходя куда-то с матерью, за что-то резко побранил меня. Вспыльчивая и несдержанная, я, как только дверь захлопнулась за отцом, воскликнула возмущенно: «Гадкий папа!» — «Как это можно говорить так, Аня?» — сказал Саша. И я помню, что серьезное огорчение, прозвучавшее в его словах, подействовало на меня сильнее всякого, самого строгого выговора со стороны отца, матери или кого угодно из старших. Вся моя досада разлетелась как дым от этих простых слов, и я была озабочена лишь одним: восстановить себя во мнении брата. «Я ведь это так, я не думаю этого в самом деле», — говорила я, заглядывая в его глаза, страшась больше всего на свете потерять в его мнении. А между тем Саша был на полтора года моложе меня.

Еще залегло у меня в памяти, что Саша на вопрос: «Какие самые худшие пороки?» — ответил в эти же приблизительно годы: «Ложь и трусость».

Росли мы в семье по возрастным парам, и я была неразлучна с Сашей.

Наша семья жила очень замкнутой жизнью. В Нижнем Новгороде, где родители прожили шесть лет, у них составилась кружок знакомых из педагогического персонала гимназии, людей, подходящих по социальному положению и развитию, объединенных к тому же коридором гимназического здания, в котором большинство из них имело квартиры. У матери моей — от природы живого и общительного характера — были там добрые приятельницы; можно было, уложив детей, собраться почитать, поболтать, помузицировать вместе. Получались там все новые журналы. Отец читал иногда вслух по вечерам, между прочим, печатавшуюся тогда частями «Войну и мир» Толстого. Было там и детское общество. Переезд в Симбирск лишил всего этого. Чуждый, глухой, захолустный городок после более оживленного Нижнего Новгорода, менее культурные жилищные и иные условия, а главное, полное одиночест-

во — особенно при частых разъездах отца — очень тягостно ощущались матерью, и она рассказывала потом, что первые годы жизни в Симбирске сильно тосковала. Чуть не единственной знакомой ее тогда была акушерка Ильина, жившая в том же доме и принимавшая всех меньших.

Помню, как радовалась мать приезде из деревни одной учительницы¹, молодой девушки из знакомой ей семьи. Симбирские знакомства были малоинтересны, ограничивались обычно праздничными визитами. Общество симбирское разделялось тогда на две обособленные части: дворянство, жившее больше по своим поместьям и водившее компанию в своей среде, — Симбирск считался одним из дворянских гнезд того времени — и чиновничество, поддерживавшее знакомство по ведомствам, строго считаясь с табелью о рангах.

Сослуживцев у отца в первые годы не было. Такие появились лишь с 1874 года, когда он был назначен директором, а ему в помощь были даны инспектора. С этими помощниками завязались позднее более тесные семейные связи, и у меньших были среди их детей приятели. Детство же нас, двоих старших, протекало исключительно замкнуто, и это наложило свой отпечаток на нас обоих, сделало нас более дикими и, несомненно, усилило природную замкнутость и сосредоточенность Саши. За частыми отлучками отца мы проводили время преимущественно с матерью, читали, занимались, мастерили что-нибудь из картона и цветной бумаги для елки.

Так как почти все украшения были продуктом нашего труда под руководством матери, то начинали мы работать задолго до елки, и они заполняли содержанием наши зимние вечера. Таким образом, елка была для нас не чуждым, купленным украшением разубранного дерева, а нашим коллективным созданием; и даже позднее, в школе, не знавшей в то время никаких ручных работ, увлекались мы этим примитивным творчеством. На общем фоне трудовой жизни оно являлось тем радостным, творческим трудом, которому придается такое значение в современном воспитании.

Наша бабушка со стороны матери² была немка, и мать воспитывалась в значительной степени в немецких традициях, из которых первой была елка. Это была необходимая принадлежность встречи праздника в каждой мало-мальски состоятельной немецкой семье, даже если она состояла из одних взрослых. Перенесенная в Россию как детская забава, в странах германских она являлась принадлежностью культа и зажигалась

¹ *Софья Сергеевна Романовская. Ред.*

² *Анна Ивановна Грошофф (Бланк). Ред.*

обычно в канун праздника, в сочельник. Так повелось это и у нас. Ею встречался праздник, дети получали подарки и со своей стороны передавали родителям какие-нибудь предметы своего мастерства или читали заученные для них стихотворения. Так как отец мой был религиозен, то он ходил обычно в этот вечер ко всенощной, куда брал позднее с собой и нас, старших, и елка зажигалась уже по возвращении из церкви. В ранние же наши годы она зажигалась, очевидно, до службы. Таким образом, в нашей жизни сталкивались два культа; хотя, конечно, елка выветривалась уже до поэтической встречи праздника в своей семье. Мать моя, как все выросшие не в чисто национальной семье, не была богомольна и одинаково мало посещала как русскую церковь, так и немецкую, в Симбирске также имевшуюся. И для нее уже елка была, очевидно, поэтической традицией детства, не больше.

Для нас же в зимнее время елка была главной радостью. Запечатлелась почему-то особенно ярко в памяти одна елка, когда меньшей в семье была Оля и Саше было лет шесть-семь. Какое-то особенное чувство тесной и дружной семейной спайки, уюта, безоблачного детского счастья оставил этот праздник. Считаю, что такие переживания детства дают неисчислимо много для энергии, жизнерадостности и тесной семейной спайки на всю последующую жизнь.

На лето мы уезжали в Кокушкино — деревню Казанской губернии, имение деда по матери, к которому съезжались по летам его замужние дочери с детьми. До 1875 года поездки эти были ежегодными и были огромной радостью для нас. Задолго начинали мы мечтать о них, готовиться к ним. Лучше и красивее Кокушкина — деревеньки действительно очень живописной — для нас ничего не было. Впрочем, кроме двух, довольно неудачных поездок — в имение Симбирской губернии, к Назарьеву, и в Ставрополье по Волге, к тете С. А. Лавровой, — мы никуда больше не ездили. Думаю, что любовь к Кокушкину, радость видеть вновь эти места передались нам и от матери, проведшей там свои лучшие годы. Но конечно, деревенское приволье и деревенские удовольствия, общество двоюродных братьев и сестер были и сами по себе очень привлекательны для нас. И особенно позднее, после стен нелюбимых нами обоими казенных гимназий, после майской маеты с экзаменами лето в Кокушкине казалось чем-то несравненно красочным и счастливым.

Особенно, кажется мне, любил его Саша, находивший там столько простора для рано проявившейся в нем склонности к естественным наукам. Там занимался он разного рода коллекционированием, — помню особенно прекрасную коллекцию

птичьих яиц, собранную им там и пополняемую и в Симбирске. Позднее, в университетские годы, там занимался он препарированием лягушек и другими опытами, и даже на обыске 1 марта 1887 года в моей квартире, где дотоле жил он, была взята с большими предосторожностями какая-то земля, которая оказалась самой безвредной инфузорной землей, привезенной им для исследования из Кокушкина.

Лодка-душегубка, которой он очень ловко управлял и на которой пропадал подолгу, а позднее далекие странствования с ружьем в поисках дичи были главным его удовольствием. Саша горячо и глубоко любил природу и умел уже с ранних лет наслаждаться ею в одиночку.

Раз в детские годы мы поехали с Сашей вдвоем на душегубке. Пошел дождик. Я была простужена, и Саша, всегда чуткий и внимательный, забеспокоился, стал грести сильнее и поторопился причалить к берегу против соседней с Кокушкиным деревни Татарской. Мы побежали к самой близкой избе — Карпея. Это был наш хороший знакомый. Охотник и рыболов, он часто приходил в Кокушкино, предлагая дичь или рыбу, причем всегда беседовал на самые разнообразные темы. Отец мой называл его поэтом и философом. И вид у него был поэтический: густые, вьющиеся черные с проседью волосы, черные, красивые и выразительные глаза, стройная, крепкая фигура. Это был талантливый самородок, с речью, блестящей остроумием и меткими сравнениями. Но особенно запомнила я нашу беседу с ним в этот раз, когда мы забежали к нему укрыться от дождя. Он рассказывал нам, как по царскому приказу гнали через Казанскую губернию в Сибирь «жиденят». Этот рассказ очевидца был ярок и произвел на нас сильное впечатление. Позже, в студенческие годы, читая это описание в «Былом и думах» Герцена, мы вспомнили нашего деревенского поэта Карпея¹. А тогда мы возвращались задумчивые и опечаленные к нашей лодке, и я считаю, что для Саши это было одним из фактов, пробуждавших в нем еще в детские годы то смутное недовольство существующим политическим строем, о котором он говорил в своей речи на суде.

Кроме пребывания в Кокушкине огромной радостью для нас с Сашей было путешествие по Волге. Саша горячо любил Волгу, родную реку. Помню, как ему нравилось стихотворение «Есть на Волге утес» — конечно, за его революционное содержание.

¹ Герцен, отправляемый в конце 30-х годов прошлого столетия в ссылку, рассказывает, как он наткнулся на оторванных от родителей еврейских детей (среди них восьмилетних малюток), которых «гнали» пешком в Сибирь, причем

Говоря о Кокушкине, я забежала вперед. Первая часть детства, до начала школьной учебы, кончилась для Саши рано. Восьми с половиной лет он был отдан в приготовительный класс симбирской классической гимназии.

Отец стоял за раннее определение в школу, чтобы дети, особенно мальчики, привыкали к труду и втягивались в дисциплину, проходя гимназический курс с первых классов. Отличавшийся сам строгим выполнением долга и чрезвычайной исполнительностью, он считал важным привить эти качества и детям. Следя за уроками обоих старших сыновей, он и до гимназии и во время прохождения ими младших классов приучал их к шепетильно точному, отчетливому выполнению всех уроков. Он боялся изнеживающего домашнего баловства, считал полезным поставить мальчиков раньше под мужское влияние. Кроме того, отец и не мог бы, при большой семье, иметь отдельных учителей для нас, даже помещать всех нас в платные школы было бы для него трудно: семья возрастала, а жить приходилось исключительно на небольшое жалованье отца. Я не раз слыхала от него в детстве, что только благодаря исключительному хозяйственному умению и экономии матери мы сводим концы с концами. Министерские гимназии вследствие того, что отец был чиновником министерства народного просвещения, были бесплатны для его детей. За дочерей в Мариинской гимназии приходилось платить. Затем отец, бывший всегда слабого здоровья, не надеялся дослужить до пенсии, и судьба семьи все время очень заботила его. Он внушал нам, старшим, что, окончив гимназический курс, мы должны будем учить, ставить на ноги младших братьев и сестер.

И вот старший брат был рано запряжен в гимназическую лямку. Восемилетний ребенок был затянут в узкий мундирчик тогдашнего фасона с подпирющим стоячим воротником, должен был просиживать до третьего часа в гимназии и исполнять немалое количество заданий дома; а главное, попал в затхлую провинциальную школу, руководимую невежественным, совершенно дореформенным директором Вишневым. Когда брат находился уже в одном из старших классов, Вишневский был смещен и заменен Керенским, но оставлен в качестве директора женской Мариинской гимназии. Вскоре он скандально проворовался там и был уличен в этом на одном торжественном праздновании обиженным и подвыпившим учителем рисования, который, поднявшись с места с бокалом вина, вместо

многие падали и умирали дорогой... как он, забившись в свою кибитку, плакал и проклинал Николая I, изобретшего такую жестокость. А. Е.

тоста провозгласил: «А Иван Васильевич¹ грабил, грабил, грабил».

Если отметить, что этот своеобразный тост был провозглашен в присутствии губернатора и архиерея, то можно себе представить, каким громом среди ясного неба прозвучал он в богоспасаемом городке, какой явился встряской всего застоявшегося болота и какое произвел впечатление на учащуюся молодежь. И наконец-то был окончательно устранен многолетний руководитель просвещения всего юношества в городе Симбирске! При нем царили — и не могли не царить — грубость, невежество, лицемерие и лесть. Педагоги подбирались под стать центральному лицу букета. Процветал фамусовский принцип: все больше сестрины, свояченицы детки. Более порядочные учителя, не умевшие вертеть хвостом перед директором, устранились. Помню, с каким противным подобострастием относились к этому чисто гоголевскому типу начальница и другой педагогический персонал нашей женской гимназии. Лучшим, по крайней мере очень чистым, как личность, был старик С. М. Чугунов, с которого, как говорят, Гончаров списал Козлова в «Обрыве». Идеалист, совершенно ушедший от жизни в науку, обложенный книгами, он преподавал латинский язык с первого и историю с третьего класса. Ученики широко пользовались его рассеянностью, добротой, глухотой и всячески проводили его. Брат рассказывал, например, что на вопрос, какой падеж по латинской грамматике, они наловчились выкрикивать лишь конец: «и—ительный». А недоверявший своему слуху педагог подтверждал: «да, да, творительный» или «винительный».

Другим ископаемым был учитель немецкого языка Штейнгауер, обучавший еще моего отца и настолько привыкший к гимназии и просидевший там все стулья, что даже во время летнего ваката скучал дома и приходил в пустую гимназию пройтись по классам, побеседовать со сторожами. Остальных преподавателей младших классов я не помню. Они менялись часто, и ни об одном из них не слыхала я сочувственного отзыва брата.

Тяжела была Саше гимназическая ляпка. Все время прохождения курса он не видел в гимназии ничего положительного, а смотрел на нее только как на необходимый мост в университет. Первые же годы были прямо тягостны для него. Несомненно, что этот девятилетний искус еще больше закалил его и без того твердый характер, но больно подумать, насколько тягостен был он в первые годы для ребенка, выросшего в культурном семейном уголке. Убеденный в необходимости этой

¹ Вишневский. А. Е.

лямки, он не жаловался и не заикался о возможности какого-либо иного выхода. Он только еще больше замкнулся в себе, а его всегда грустные глаза стали еще грустнее. То есть он не скрывал, конечно, от домашних, что ему тяжело и все в гимназии не нравится, но он вел себя с самого начала как мужчина.

Не то я, которая годом позже неоднократно с горькими слезами просила мать взять меня из гимназии, уверяя ее, что дома с нею пройду больше, и вымаливала иногда разрешение пропускать посещение школы, усаживаясь тогда с большим рвением за работу. Очень болезненно ощущала я, что отец смотрит на это как на проявление лени. Я чувствовала, что это несправедливо, но объяснить толком не могла, да и не смела говорить об этом с отцом. Мать рассказывала потом, что она не знала, как быть, особенно ввиду моих частых головных болей и бессонницы, но отец был решительно против всяких потачек. Меня перевели только через две недели в следующий класс — из шестого в пятый (то есть из второго в третий по обычному счету), — ибо мне решительно нечего было делать в VI, и я тосковала на уроках. Семья дала нам такое развитие, что мы сильно опередили своих ровесников и кончили поэтому очень рано курс. Принимая во внимание, что тогдашняя школа ехала главным образом на домашних заданиях, часто очень бестолковых, но всегда громоздких, это сказалось большой, по возрасту, перегруженностью занятий. Отрицательной стороной был также и более старший возраст товарищей.

Характерно — как для того уровня культурности, который дала нам и поддерживала в нас семья, так и для того, какой уже сложившейся в моральном отношении личностью был Саша, — что на нем не отразилось в дурную сторону, как это обычно бывает и как должно бы, естественно, отразиться, общество старших по возрасту, менее культурных товарищей. Никаких дурных навыков он не приобрел и в семью не занес. Все это уже в восьмилетнем возрасте отскакивало от него. С грустью и возмущением рассказывал он мне иногда о некоторых грубых проделках товарищей, о солдатски грубом и часто несправедливом отношении учителей, но больше мы по его мрачному виду могли догадываться, что в гимназии было опять что-то неприятное. Характерно также, что ни разу за весь девятилетний курс на него не было жалобы в грубом или резком ответе учителю. Он с раннего возраста умел уже сдерживать себя. Правда, он и учился и держался безупречно.

Ко времени поступления в гимназию следующего брата Саша — ребенок 12 лет — заявил с той решительностью, которой отличались все его редкие заявления, что не следует отдавать Володю в подготовительный класс, а надо подгото-

вить его к первому. Брат Владимир начал действительно школу с первого класса; вероятно, отец с матерью и сами убедились, что лучше по возможности миновать хотя подготовительный класс, но заявление Саши имело, несомненно, значение.

Между прочим, по тогдашним гимназическим нравам считалось предосудительным водить компанию с девочками — это высмеивалось, и я помню, как раз Саша, когда я пошла провожать его в гимназию, попросил меня на одном углу повернуть, озабоченно вглядываясь в даль, не видно ли кого из насмешников. Мы были очень дружны с Сашей, и эта вынужденная необходимость отчуждаться была дика и тягостна для нас.

Отец мой не стоял за классическое образование: он смотрел на него лишь как на необходимый мост к университету. Я слышала, как он говорил кому-то уже позднее, когда стали открываться реальные училища, что ничего не поделаешь, приходится отдавать детей в классическую гимназию, ибо без нее нет доступа в университет и способный мальчик потом может упрекнуть родителей, что они закрыли для него эту дорогу. Особенно был он против обязательности греческого языка, в его время в гимназии был обязательным только латинский. Таким образом, при первых шагах отец мог направлять только в латинском, но не в греческом. Да перегруженность самого отца работой, его частые разъезды по губернии позволяли ему лишь в самых общих чертах направлять брата. Его личный пример постоянной добросовестной работы воспитывал в этом смысле. Сам чрезвычайно скромный и строгий к себе, считавший, что его напряженная идейная работа есть выполнение долга, не больше, он и нас воспитывал в этом духе. Он был против «захваливания», как он выражался, считая вредным чересчур высокое мнение о себе.

Теперь, когда я гляжу назад на наше детство, я думаю, что было бы лучше, если бы эта в общем правильная педагогическая линия не проводилась так неуклонно. Вполне правильной она была только для брата Владимира, большой самоуверенности которого и постоянным отличиям в школе представляла полезный корректив. Ничуть не ослабив его верной самооценки, она, несомненно, сбавила той заносчивости, к которой склонны бывают выдающиеся по способностям захваливаемые дети, и приучила его, несмотря на эти похвалы, упорно трудиться. Для всех нас — особенно для девочек, страдавших потом от некоторого недоверия к своим силам, — были бы полезны в небольшой дозе и похвалы. Помню, например, что для меня имела большое значение переданная мне

Сашей похвала отца моему первому сочинению, отличенному и в школе. Но я узнала о ней случайно, отец дал свой отзыв матери в моем отсутствии.

Конечно, Саша не страдал недоверием к своим силам, но в натуре его было и без того много скромности и строгости к себе, чувство долга было и без того превалирующим в его характере,— больше одобрения и всего способного поднять жизнерадостность было бы для него только полезно. Но обычно в семейном воспитании, как в музыкальной мелодии, доминирует одна нота. Равное отношение к детям не позволяет ослаблять ее для некоторых, а перегруженность своей работой не дает возможности с раннего детства определять уклон характера каждого с соответствующим ему особым педагогическим подходом. Но отец разбирал все-таки наши темпераменты. Помню, что он говорил как-то, что у брата Володи темперамент холерический, у Оли — сангвинический, а у меня — меланхолический.

Переходя от этого отступления к школьной жизни Саши, я могу сказать, что для него это была бурса,— конечно, с коррективом домашней жизни и семейного влияния. Очень много налегали на зубрежку. Между тем у брата были больше математические и рассудочные способности. Он не схватывал легко памятью, хотя бы ненадолго, чтобы протрещать бойко урок — особенно то, что было для него неинтересно, бессмысленно, что ему претило. У него была не специфическая память первого ученика, дающая часто возможность проходить блестяще курс, хотя и не зная ничего основательно. Но обдуманное, усвоенное он удерживал в памяти очень прочно и основательно. И вообще уже с детства читал очень продуктивно, составляя обо всем вполне самостоятельное, часто чрезвычайно самобытное мнение. Долбежка латыни, греческого, немецкого была ему противна. Помню особенно, что в одном из младших классов самым тяжелым для него днем была среда, когда кроме всех других уроков предстояло еще долбить немецкую басню — обычно малопонятную, изложенную недоступным детям языком старинную белиберду. Она приводила обычно Сашу на весь вечер в мрачное настроение, которое мать старалась, помню, подсластить палочкой шоколада. Застенчивый и мало-разговорчивый, он не умел также бойко протрещать урок по истории, географии и словесности, что, как известно, в школьной учебе ценилось больше, чем основательная, углубленная работа. Но самую историю Саша очень любил, охотно читал исторические сочинения, а в четвертом классе — 12—13 лет — выписал даже на сбереженные им деньги (нам давали иногда вместо подарка) журнал по истории — «Исторический вестник».

Гимназические сочинения он также не любил: они выходили у него хотя и дельными, с серьезно продуманным планом, но всегда краткими и суховатыми. Очень уж чужды были ему всякая риторика и фраза. Человек дела и глубокого сдержанного чувства, он был как-то щепетильно стыдлив на слова. Даже его письма к близким людям, даже в тот момент, когда он всей душой хотел бы облегчить их состояние, например к матери после смерти отца, были чрезвычайно скупыми и краткими. Но углубленной работой Саша выделялся с самого начала прохождения гимназического курса и получал ежегодно первые награды при переходе из класса в класс, а по окончании курса был награжден золотой медалью.

Неправильно было бы заключить из всего этого, что серьезное отношение к своим обязанностям делало Сашу в детстве каким-то «книжным человеком». Он был очень цельной натурой и так же цельно, как занятиям, отдавался он ребяческим играм, беготне. Помню, с каким увлечением играли мы, четверо старших, в «черную палочку» на дворе нашего дома на Московской улице в 1878—1879 годах, когда Саше было 12—13 лет.

Правда, помню я, как запрятаные на чердак, в ожидании Володи, который не мог найти нас, мы беседовали о какой-то только что прочитанной Сашей книге.

«Как интересны книги для взрослых!» — сказал он и с увлечением стал излагать мне ее содержание. Героем был какой-то государственный деятель, и Саша говорил мне о таможенной политике, о покровительственных пошлинах, разъясняя, что без них не может развиваться промышленность молодой, отсталой страны... А я слушала и удивлялась, какой Саша умный, как он понимает такие вещи. Но послышались шаги и голос Володи, и, прервав на середине рассказ, Саша пустился на перепрыгиванье, на разные уловки, чтобы выскочить и добежать раньше и тем выиграть игру.

Помню, как мы взлетали с ним, распевая что-нибудь из Некрасова, на подгнивших качелях; с каким жаром играл он в крокет, бегал на гигантских шагах, увлекался плаваньем, лодкой. За шахматами он мог также забываться: помню одну осень, увлечение нас, троих старших и отца, четверными шахматами.

Саша был всегда инициатором наших детских игр, и его участие придавало им наибольший интерес.

Особенно яркое впечатление оставила одна его затея: выпускать еженедельный журнал, редактором которого он взялся быть. Журнал этот получил название «Субботник», потому что должен был появляться по субботам. Скажу мимоходом, что суббота была нашим любимым днем: уроки можно было отло-

жить на воскресенье, а субботний вечер дать себе некоторый отдых в семейном кругу. Каждый из нас должен был за неделю написать что-нибудь на свободно выбранную тему; все эти листки передавались Саше, который вкладывал их без всяких изменений в приготовленную им обложку, добавлял что-нибудь от себя. И вот номер был готов и читался вечером в присутствии отца и матери, принимавших самое живое участие в нашей затее, к которой они отнеслись чрезвычайно сочувственно.

Помню их оживленные, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое и радостное оставили они воспоминание!

Конечно, материал для чтения был самый незатейливый, — да и могло ли быть иначе при возрасте двоих сотрудников от семи — девяти лет? Но оба они взялись за дело очень охотно, изобретая себе и литературные псевдонимы: Володя (довольно коренастый в те годы мальчуган) назвался Кубышкиным; Оля, прозванная за проворство и живость обезьянкой, — Обезьянковым. Конечно, меньшие склонны были откладывать задание до последнего дня. Помню особенно Олю, бегущую, после укоризненных напоминаний нас, старших, к себе наверх и скатывающуюся затем с лестницы со сложенным в четвертушку полулистиком бумаги. На нем под крупными, криво идущими карандашными строками — представлявшими все-таки связный рассказ — было начертано со свойственной ее возрасту орфографией: Абезянков.

Затем все собирались в столовую для чтения. Младшие были очень заинтересованы внешним видом номера, загадками и шарадами, придуманными Сашей, исполненными им иллюстрациями. Помню, особый интерес и оживление вызвали юмористические изображения в красках обоих меньших. Были взяты курьезные моменты в их жизни, особенно понятные членам семьи. Так, Володя был изображен в кислом виде с опустошенным пакетиком из-под пирожков. Только что переступивший порог гимназии мальчуган доверчиво протянул товарищу свой пакетик, рассчитывая, что он удовольствуется одним пирожком; но тот забрал со смехом все содержимое, оставив Володю без завтрака. Оля была изображена отчаянно ревушей, а подпись гласила: «Оля, посылаемая спать». Живая девчурка очень не любила вечерний час, когда раздавался возглас: пора спать. Она уверяла, что вообще никогда не спит, а только лежит с закрытыми глазами, и встречала нежеланный приказ ревом, про который мы говорили: «Оля взвыла». Шарады и

загадки тоже очень оживляли. Вообще Саша — серьезный и замкнутый Саша — проявлялся в этом журнале как веселый шутник, и его безобидная, ласковая шутка особенно сближала нас и придавала оживление всему предприятию. Он взял себе последний отдел: задач, ребусов — и подходящий к юмористике и так не подходящий ему вообще псевдоним — Вральман.

Я находилась в то время в периоде увлечения Белинским и была в твердом убеждении, что без отдела критики не может существовать ни один порядочный журнал, поэтому я дала разбор произведений прошлого номера, восклицая в конце: «А что же молчит наш почтенный Вральман? Что он ограничивается шутками и загадками?» и т. п. Критика сочинений меньших была, конечно, легкой задачей. Наибольший простор для нее дал мне более длинный рассказ Володи, в котором я подчеркивала разные невероятности и несоответствия, и я помню, с каким сосредоточенным вниманием слушал этот резвый мальчик новый для него род литературного произведения, не выказывая ни тени личной обиды, несмотря на язвительность некоторых словечек (ведь надо было подражать Белинскому).

Заступилась, понятно, за меньших мать, выразившая сомнение, чтобы в нашем журнале следовало помещать такие разборы. Мать опасалась, вероятно, что критика отобьет у меньших охоту писать, и правильно считала, что каждый дает, что может, по возрасту. Но за необходимость критики высказался горячо наш редактор. Поддержал его и отец. Отрицательно отнеслась также мать к моим «стихотворениям». Но Саша так горячо возразил: «Ведь, кроме нее, у нас никто стихов не пишет», что вопрос был решен. В качестве редактора он горячо защищал интересы журнала, в котором должны ведь быть и стихотворения.

Но, несмотря на все его организаторские усилия, журнал после нескольких номеров прекратил существование. Причиной этого были как загруженность работой Саши, так и различие в возрасте двух пар, старшей и младшей, сильно препятствовавшее объединению их в одном деле. Младшие, как водится, стали скучать, игра утратила для них интерес новизны. Помню, что мать выражала сожаление о том, что журнал прекратился, и хранила довольно долго тетрадки его в разрисованной Сашей с фигурно выписанными буквами «Субботник» обложке.

Любимым поэтом Саши в детстве был Пушкин. Помню по этому поводу разногласия и споры между нами, так как я предпочитала Лермонтова. Увлечение Некрасовым началось позднее. У нас была в руках книжечка отца — ранние стихотворения Некрасова, издание 1863 года. Помню, что одиннадцатилетним мальчиком, в третьем классе гимназии, Саша обратил

мое внимание в этой книжке на «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда». «Мне их папа показал,— сказал он,— и мне они очень понравились». И, не охотник до декламации вообще, Саша эти любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения.

Таким образом, отец, одушевленный лучшими идеями конца 60-х и начала 70-х годов, рано направлял в смысле общественных идеалов Сашу, своего старшего сына, лучшую надежду и несомненного любимца. Да характер его был таков, что его и нельзя было не любить. Со мною отец говорил на такие темы меньше — я была больше в обществе матери и впитывала в себя лишь то, что слышала от Саши, и то, что было разлито вокруг.

Помню только, что в Кокушкине во время прогулок по полям отец любил петь положенное на музыку студентами его времени запрещенное стихотворение Рылеева¹.

...По духу² братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

.....
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется
И, верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой.

Мы невольно чувствовали, что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде «святая святых», и очень любили, когда он пел ее, и просили запеть, подпевая ему. Помню, что раз и по возвращении в Симбирск, на нашем дворике, я напевала ее — мне было тогда лет 13—14 — и что мать подозвала меня и сказала, что я не должна здесь, в городе, петь эту песню, так как могу повредить отцу — враги у всех есть, скажут: «вот какие запрещенные песни распеваются на дворе директора народных училищ». Ясно запомнила я эти слова матери: ведь это было первое мое знакомство с запрещенным.

Эта песня и, главное, то, как отец пел ее, показывает, что восхождение по чиновной лестнице не помешало ему сохранить до пожилых лет верность чему-то вроде клятвы, что заключалось в словах: «будем питать до гроба вражду к бичам страны родной». Слыша постоянно о большой, горячей работе в области народных школ, встречая многих лучших представителей учи-

¹ А. Н. Плещеева. Ред.

² У автора: «По чувствам». Ред.

тельства в нашем доме, я рано стала мечтать о том, чтобы стать народной учительницей. Особенно пленил меня образ одной сельской учительницы, о которой рассказывала отцу в Кокушкине, во время прогулки по полям, моя двоюродная сестра, студентка медицинских курсов¹. Она говорила о своей приятельнице, идейной народнице, которая, очевидно, не ограничивалась преподаванием грамоты ребятам, а собирала по вечерам крестьян, читала, беседовала с ними, сильно подняла их сознательность и вызвала большую любовь среди них к себе. В результате донос, обыск, допросы крестьян и удаление, кажется, даже арест учительницы к общему горю всей деревни.

Помню горячий, возмущенный тон рассказчицы, рисуемый ею идеальный образ учительницы, с подчеркиванием, что ничего антиправительственного в ее деятельности не было; помню отца, молчаливого, сосредоточенного, с опущенной головой. Помню, что и на мои позднейшие расспросы об этой учительнице он больше отмалчивался. Мне было в то время 13—14 лет, это было в конце 70-х годов, когда движение вступило уже на революционный путь; очевидно, что отец, не бывший никогда революционером, в эти годы, в возрасте за 40 лет, обремененный семьей, хотел уберечь нас, молодежь. Поэтому же, вероятно, следующим детям он никакого подчеркивания в смысле общественных идеалов не делал. По крайней мере, я не слыхала о них, а думаю, что неизвестным для меня это бы не осталось. Что же касается отношения к террору, то помню его в высшей степени взволнованным по возвращении из собора, где было объявлено об убийстве Александра II и служилась панихида. Для него, прошедшего лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, и он был против террора. Он указывал потом с мрачным видом на более суровую реакцию при Александре III — реакцию, сказавшуюся и на его деле.

Забегая вперед, скажу, что при разговоре отца по возвращении из собора Саша не присутствовал. Припоминаю, что мне не удалось завязать с ним разговор на эту тему, он больше отмалчивался. Но я тогда как-то не остановила на этом своего внимания. Теперь я думаю, что отец, говоривший на эту тему со мной, не мог не говорить с братом, с которым он вообще с детства больше беседовал по общественным вопросам. Тот факт, что я об этой беседе ни от одного из них не слыхала, показывает, что либо Саша определенно не согласился с отцом, либо он о своем, может быть, не вполне сложившемся мнении (ему не минуло еще в то время 15 лет) умолчал. И тогда либо

¹ *Анна Ивановна Веретенникова. Ред.*

он молчал со мной по той же причине, что и с отцом, либо, не согласившись с отцом, он молчал об этом по указанию отца, что говорить о своем несогласии ни дома, ни в гимназии не следует. Мог он, конечно, молчать и по собственной инициативе, как вообще его характеру было свойственно. Думаю, что ввиду молодости брата вернее то предположение, что он молчал потому, что определенных воззрений им не было еще выработано, а общих ходячих, к которым относились и воззрения семьи, он не разделял.

В возрасте 13 и 12 лет читали мы с Сашей «Войну и мир». Он отнесся тогда определенно отрицательно к обоим главным типам — князя Андрея и Пьера, — в которых Толстой выводит две стороны своей личности.

Он заявил, что больше всех в романе нравится ему Долохов, очевидно пленивший его силой и смелостью своего цельного характера.

Кроме нас двоих во всех таких обсуждениях прочитанного принимала самое близкое участие двоюродная сестра, самая любимая из всех наших кузин и кузенов. Часто летними вечерами мы уединялись в Кокушкине от других братьев и сестер и подолгу беседовали — главным образом о прочитанном, — загадывали друг другу строфы стихов — откуда? — а иногда, конечно, и попросту болтали и шалили. Это было то поэтическое время «детства с двумя-тремя годами юности», о котором Герцен говорит, что это «самая настоящая, самая изящная, самая и а ш а часть жизни». Оно оставило на мне неизгладимое впечатление, тем более что я находилась тогда все время под обаянием общества Саши. Младший из нас троих — он был моложе кузины на три с половиной года, — он не только был всегда вполне самостоятельным в своих мнениях, но очень скоро догнал и перегнал в развитии и ее.

Так и Долохова он защищал стойко, несмотря на то что мы обе с жаром нападали на этот тип. Нам было странно, что Саша, всегда скромный и застенчивый, хотя решительный и твердый, взял настолько сторону этого бретёра, что выставляет его чуть не идеалом. Когда мы указывали на злобность Долохова, Саша подчеркивал его отношение к матери, показывающее, что он совсем не злой человек. Я находилась тогда под обаянием Андрея Болконского, кузина выделяла Пьера, его доброту, его отношение к людям. Брат относился к обоим этим типам пренебрежительно. Споры наши достигали порой большой страстности, особенно, помню, с моей стороны. Это было летом 1878 года, когда после некоторого совместного пребывания в Кокушкине кузина была отпущена погостить к нам в Симбирск.

Отец купил тем летом дом на Московской улице, в котором мы и жили до 1887 года. При нем был большой зеленый двор и молодой, но довольно обширный садик, большей частью фруктовый. Все место тянулось на целый квартал, и калитка в заборе сада давала возможность выйти на следующую, Покровскую, улицу. Окраинные, заросшие сильно травой улицы, прелестный цветник, которым заведовала мать, изобилие ягод и плодов, а также близость реки Свияги, куда мы ходили ежедневно купаться, делали этот уголок недурным летним пребыванием (конечно, воздух был все же городской, с деревней не могло сравниться). Мы подолгу гуляли в теплые летние вечера или сидели на увитой цветами терраске, а в особенно душные ночи вытаскивали на нее матрацы и спали на ней.

Любимым нашим поэтом был в то время Некрасов. Отец приобрел нам полное посмертное издание, и мы читали и перечитывали его. Особенно увлекались мы тогда «Дедушкой» и «Русскими женщинами», вообще интерес к декабристам был большой. В следующем уже году, кажется, беседовали мы о Достоевском, его судьбе, его «Записках из Мертвого дома». Помню, что на Сашу они произвели очень сильное впечатление. И вообще всего Достоевского он перечитал с большой вдумчивостью и симпатизировал ему больше, чем я. Читал он также многое из Шедрина.

В последних классах гимназии прочли мы с Сашей от доски до доски всего Писарева, который имел тогда большое влияние на нас. Так, я отказалась брать уроки музыки: ведь Писарев подсмеивался над тем, что каждую барышню учат обязательно игре на фортепиано, хотя бы у нее было больше способностей шить башмаки; ведь он говорил очень определенно, что, читая меньше 50 (или 100) страниц в день, никогда не будешь начитанным человеком,— а я с ужасом видела, что не успеваю выполнить этот минимум. Наконец, он указывал, что каждый молодой человек или девушка должны стремиться встать скорее на свои ноги и не висеть на шее у родителей.

Это последнее требование падало на подготовленную почву: ведь в нашем воспитании никакого барства, с которым боролся Писарев, не было. Наоборот, мы были склонны перегибать в этом вопросе палку. Так я в первый год самостоятельного заработка не хотела разрешить матери шить мне что-нибудь из костюма не на мои деньги. Припоминаю еще такой факт. Летом 1882 года в Москве открылась всероссийская выставка, и отец сказал мне, что думает поехать туда со мной и Сашей. И вот я, которая никогда не была в Москве, да и по Волге выше Казани не ездила, которая так любила наши ежегодные путе-

шестивия с отцом и с Сашей, вдруг отказалась от этого из ряда вон выходящего удовольствия, заявив решительно: «Нет, нам обоим через год придется в Петербург ехать учиться, сколько это будет стоить; не надо теперь на поездку в Москву тратить». Даже мать сказала мне: «Но если папа сам предлагает». Я стояла на своем. Саша, когда я сказала ему о мотивах отказа, подержал меня, но мне показалось, что я подметила оттенок сожаления в его глазах. И можно себе представить, как много вынес бы из такой поездки он.

Теперь, когда я вспоминаю об этом случае, мне так досадно, что я лишила такого удовольствия отца, себя и, главное, Сашу, жизнь которого и без того была так коротка и так бедна радостями!

Помню, что Сашу Писарев сильно отвратил от любимого им Пушкина, и он был разочарован, когда родители, памятуя его детскую любовь к Пушкину, подарили полное собрание сочинений его, когда Саше было 15 лет и он был под обаянием Писарева, а я стала стараться насытить свою постоянную потребность в стихах поэзией Гейне, которого Писарев выделял из других поэтов и которого я с увлечением начала изучать и переводить.

Брали мы Писарева, запрещенного в библиотеках, у одного знакомого врача, имевшего полное собрание его сочинений. Это было первое из запрещенных сочинений, прочитанное нами. Мы так увлеклись, что испытали глубокое чувство грусти, когда последний том был дочитан и мы должны были сказать «прости» нашему любимцу. Мы гуляли с Сашей по саду, и он рассказал мне о судьбе Писарева.

— Говорят, что жандарм, следивший за Писаревым, видел, что он тонет, но намеренно оставил его тонуть, не позвав на помощь.

Я была глубоко возмущена и выражала свое возмущение. Саша шел, как обычно, молча, и только его сосредоточенный и особо мрачный вид показывал, как сильно переживает он это.

Всех русских классиков мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными и пошлыми разные романы, которыми зачитывались наши одноклассники. Помню, как я начала «Петербургские трущобы», которыми бредили в моем классе, и бросила скоро, ибо они вызвали во мне лишь скуку и отвращение.

В Тургеневе брат выделял Базарова, особенно по характеристике, данной ему Писаревым. Помню еще, как он указал мне

у Тургенева на повесть «Часы». «Так, безделка,— сказал он,— но очень симпатичные характеры».

Показательно для Саши в юношеском возрасте его сочувствие цельным, мужественным, проникнутым чувством собственного достоинства натурам, каковыми были Давид и его невеста в повести «Часы».

Его отношение к Нежданову в «Нови» было резко отрицательное. Мне, я помню, Нежданов понравился, и я чуть ли не плакала над ним. А кроме того, мне почудились в нем струны, родственные моей душе. Поэтому отзыв брата огорчил меня.

— А знаешь,— сказала я грустно,— по-моему, я на него похожа.

— Нет, совсем ты на него не похожа,— решительно ответил Саша.

Увлечение брата естественными науками, конечно, нашло себе подкрепление во взглядах Писарева, но началось оно раньше и вполне самостоятельно. Саша начал налаживать себе кустарным способом маленькую лабораторию: выпивал разного рода стеклянные трубочки на спиртовой лампе, собирал всякие банки, пузырьки, огарки, которые служили ему для гальванопластики. Затем он покупал недорогие приспособления на свои деньги, которые в последних классах стремился увеличить уроками. Каким-то образом находил он время и на уроки! Удивительно умел он использовать время, ни минуты, кажется, не проходило даром. Исчерпав скудный запас реторт и колбочек, которые он мог найти в Симбирске, Саша стал выписывать простейшие химические приборы из Казани. Еще раньше он пополнил свою лабораторию кое-чем из вещей учителя Чугунова, умершего, когда Саша был в старших классах. Приобрел он немало книг из распродававшейся дешево библиотеки Чугунова. Так, там он купил и подарил мне ко дню рождения или именин Дрэпера «Умственное развитие Европы».

Прочел он и Бокля. А я, помню, тянулась за ним, но туго читался Бокль в летние жары и плохо усваивался мною. А то, что я ломала все же себя и дочитала-таки весь толстый том, поселило только во мне на всю жизнь отвращение к Боклю.

Увлечение Саши химией, а затем и другими естественными науками начало несколько отдалять нас друг от друга. С той цельностью и жаром, с которыми он отдавался всем своим увлечениям, он старался использовать для любимого предмета всякую свободную минутку; он взял частный урок, чтобы иметь возможность приобретать больше книг и приборов. А старшие классы гимназии давали такую массу работы! Столько приходилось просиживать за ненавистными греческим и латынью. Подстрочников в то время еще не было, да я думаю, что отец,

приучивший брата с детства к добросовестной работе, был бы против них. По утрам он приходил пораньше в класс по просьбе товарищей, которые не справлялись дома с заданным и обступали его с просьбой помочь как до уроков, так и в перемены.

— Да что там — один на весь класс работал,— сказал мне о нем позже, в студенческое уже время, один из его одноклассников — Савушкин.

Я была всю жизнь неисправимой словесницей, химией не интересовалась вовсе и была даже настроена против нее, ибо она отрывала меня от Саши. Потом, в последних классах, у меня было также немало занятий — я кончила курс 15¹/₂ лет; на следующий по окончании курса год прохворала большую часть зимы тифом. А следующей осенью — 17 лет — поступила помощницей учительницы в одну из симбирских школ, да еще дома занималась с меньшими. Общество гимназических подруг, как ни мало я дорожила им и как ни скоро отошла, общество учителей и учительниц, у которых бывали общие собрания и совместные педагогические обсуждения,— все это направляло меня на другую стезю, чем та, по которой шел Саша. Общего чтения, ввиду того что он читал в свободные часы, главным образом по естественным наукам, также почти не было.

По летам мы проводили больше времени вместе, хотя и тогда Саша бывал все время занят. Летом 1882 года при переходе его в последний класс гимназии, когда вследствие ремонта в доме мы сгрудились в маленьком флигельке, Саша упросил дать в его распоряжение отдельную кухоньку при этом флигельке, чтобы использовать ее в качестве лаборатории. И здесь вместо занятий урывками среди гимназических уроков он начал уже систематически проходить химию по Менделееву. Теперь он не боялся портить воздух окружающим. Сам же он и спал, и жил в своей лаборатории. Таков был его отдых после усиленной зимней работы. Родители беспокоились о его здоровье и всячески старались сами и поручали нам вытаскивать его на прогулки, на игру в крокет. Но это было не так-то легко.

Месяц он провел, правда, в Кокушкине, где бродил на охоту, которую очень любил, и пропадал на речке в маленькой душегубке в поисках за разными образчиками животного царства. Ночуя с двоюродным братом ¹ где-нибудь под стогом, чтобы пострелять уток на заре, он играл с ним на воображаемой доске в воображаемые шахматы. Вечером собирались двоюродные братья и сестры — молодежь и подростки,— которых особенно много съехалось этим летом, гуляли и пели, играли в разные игры и загадки. Но Саша все меньше принимал участие в

¹ Александр Александрович Ардашев. Ред.

этих развлечениях, предпочитая или закатиться на весь вечер на охоту, или если уже проводить время за беседой, то втроем — со мной и кузиной¹, а в последнее лето — 17 лет — предпочтительнее и с одной кузиной. Я не сразу поняла, что дружба к ней стала принимать в это лето оттенок первой любви, чего-то вроде поэтической дружбы Герцена к его кузине, и очень обижалась, что оказываюсь как-то особняком. Впрочем, когда поняла, то хотя обижаться стала и меньше, но все же ревновала и чувствовала себя несчастной: общество Саши было для меня самым дорогим, и болтовня кого-либо из кузенов ни в какой мере не могла мне заменить его.

Осталась у меня в памяти одна прогулка с Сашей этим летом в лунный вечер по саду. Все домашние разошлись уже на покой, а я, наскучив бродить одиноко по нашему садику, подошла к оконцам Сашиной кухни и стала с жаром упрашивать его погулять со мною. Он уступил. Мы прошли по улицам, а затем вернулись в сад. Мое настроение под влиянием какой-то полуребяческой влюбленности, которую я переживала тогда, было в этот вечер особенно восторженным, и я неожиданно для себя вдруг крепко обняла Сашу. Обычно никаких нежностей между нами не было, но тут я не могла уже удержаться. Саша ответил на мой порыв крепким и братским объятием, таким ласковым, таким чутким. И так, обнявшись, прошли мы несколько шагов по саду. И вот в этот момент все запело во мне особенно громко. Этот день я вспоминала в последующие годы как праздник — такое чистое и поэтическое счастье доставило мне это братское объятие.

Какой огромный запас чуткой любви был в его душе ко всем своим и как даже в те короткие минуты, которые он бывал с нами, все мы чувствовали на себе золотые крохи его привязанности, обаятельность общения с его сильной и в то же время такой нежной натурой! Меньшой брат Дмитрий — младше его на восемь лет — вспоминает с глубоким чувством некоторые мелкие знаки внимания к нему Саши, вспоминает, как тот считался с его личностью в краткие моменты, когда бывал в общении с ним, и как у него, маленького, появилось тогда такое глубокое чувство благодарности к Саше, что, кажется, в огонь бы за него пошел и в воду.

Младшие дети бывают всегда под влиянием старших, но в нашей семье все мы, не исключая и меня, самой старшей, были под совершенно исключительным влиянием Саши, хотя сам он всего менее проявлял стремление влиять на других.

Следующая за Владимиром сестра Ольга (родилась в

¹ Мария Ивановна Веретенникова. Ред.

1871 году) любила Сашу больше, чем других старших, и была с раннего детства его любимицей из младших. У ней и в натуре было много общего с Сашей: глубина и твердость характера при большой ровности и мягкости его, из ряда вон выходящая трудоспособность. Я сказала бы, что у ней, как и у Саши, в характере преобладающим было чувство долга. Пятнадцати с половиной лет окончила она с золотой медалью, блестяще, гимназию. Она изучила затем музыку, английский и даже шведский язык, собиралась поехать для прохождения курса медицины в Гельсингфорс, очень много и очень продуктивно перечитала. К концу первого года пребывания на курсах в 1891 году она умерла от брюшного тифа — по странному совпадению в тот же день, что и брат Саша за четыре года перед тем, — 8 мая.

Даже в бурсацкой почти толще тогдашней гимназии с ее бездельем, грубостью и лицемерием, в которой так тяжело было дышать Саше первые годы, он завоевал себе понемногу — он, самый младший в классе, — положение самого уважаемого и любимого товарища. Его скоро перестали высмеивать как тихону: его не чуждались как первого ученика; все шли к нему за советом и за помощью, на него полагались как на скалу во всех коллективных протестах. Так, в старших классах велась борьба против учителя латинского языка Пятницкого, карьериста и пройдохи, которым возмущались и лучшие из преподавателей. Эта борьба, принявшая очень острый характер, не расцвела ярким цветом лишь потому, что Пятницкий был скоро убран — это было уже в директорство Керенского¹. Протест против него дошел до своего конца в другой гимназии, кажется, саратовской, где он был побит, что сопровождалось, конечно, исключениями и другими карами. Я припоминаю только, что кто-то из более пожилых преподавателей высказал в частном доме свое удивление и неодобрение тому, что Саша принимал участие в протесте. Ему непонятно было, как мог он, лично не заинтересованный, портить таким образом свою карьеру первого ученика.

Постоянно занятый дома, успевающий при всем старании выкраивать слишком мало времени для своего любимого дела, Саша почти не посещал товарищей, — разве забегал ненадолго, по делу. Он не принимал участия в гимназических спектаклях и других увеселениях более общительных юношей. Но к нему в старших классах забегали многие. Некоторые, например самый близкий его приятель, Валентин Умов, и Страхов, начали также заниматься естественными науками и делились своими

¹ Федор Михайлович Керенский, назначенный директором симбирской гимназии в 1878 или 1879 году, был отцом А. Ф. Керенского, главы Временного правительства в 1917 году. А. Е.

наблюдениями с братом. Занимался с Сашей химией также младший его на один класс товарищ, Михаил Щербаков, живший одну зиму у нас пансионером. Прибегали товарищи за книгой по общественному вопросу, поговорить о прочитанном или о гимназических делах во время борьбы с Пятницким. Но подолгу также не засиживались, ибо Саша не был склонен к долгой болтовне. В последние годы он отправлялся иногда с товарищами и на общие прогулки, а по окончании выпускных экзаменов принимал участие в торжественном, с выпивкой, как водилось тогда, праздновании этого события.

Рад он был окончанию гимназии чрезвычайно. Как-то даже просветлел весь, видя перед собой свободу от обязательной учебы и желанный университет, возможность заниматься тем, к чему влекло призвание. Он выбрал Петербургский университет, ибо там естественный факультет был поставлен наилучшим образом и блистал такими светилами, как профессора Бекетов, Бутлеров, Вагнер и другие.

Отец, очень серьезно и бережно относившийся ко всем стремлениям брата, гордившийся им, не возражал, хотя обоим им с матерью было грустно отпускать так далеко его, такого еще юного, хотя они предпочитали бы, если бы он выбрал более близкую Казань, где и родственники были ¹. Но Саша не дал себе много праздновать по окончании курса. Его тяготило быть на шее отца, обремененного семьею, и он принял приглашение поехать на лето 1883 года на урок в деревню, в семью купца Сачкова. Но мать, которую мысль о разлуке с ним угнетала с самой весны, воспротивилась тому, чтобы он уехал на последнее лето, и отец стал убеждать его, что в состоянии посылать нам обоим и чтобы он просто отдохнул летом дома. Саша уступил настойчивому желанию матери, видимо, против убеждения, ибо несколько дней был угрюм, но уже, раз решив, не поминал об этом больше. Съездил он ненадолго в Кокушкино. Я этим летом, не желая оставить мать перед долгой разлукой, компанию ему не составила.

Забегав на год вперед, остановлюсь на одной мелочи, чрезвычайно характерной для брата. Он говорил отцу, что ему совершенно достаточно 30 рублей в месяц. Отец стал все же посылать нам по 40 рублей, несмотря на возражения Саши в пись-

¹ Помню разговор отца с кем-то о том, почему Саша выбрал естественный факультет.

— Приложения к жизни никакого нет; кем быть? Только учителем? — заявил собеседник отца.

— Можно профессором, — сказал отец, просто и скромно, как всегда, но гордость сыном светилась в его глазах.

— Да, если так, конечно, — сбавив тон, с видимым уважением ответил тот. А. Е.

ме. Тогда брат замолчал, но стал систематически откладывать по 10 рублей в месяц, без которых, как он заявил отцу, он может обойтись, привез за восемь месяцев, проведенных в Петербурге, 80 рублей и отдал их отцу. Отец с удивлением и восхищением рассказал мне об этом факте, оставшемся для меня неизвестным, так как брат ни словом не проговорился мне за всю зиму в Петербурге, не желая, очевидно, повлиять на меня.

Я рассказываю об этом так подробно потому, что такой факт из обыденной жизни, показывающий умение брать стойкие решения надолго и проводить их с неуклонностью, говорит о силе характера гораздо больше, чем иные прямо-таки героические решения на момент. Особенно изумительно это в семнадцатилетнем юноше, только что вылетевшем из семейного гнезда, непрактичном, не то что окруженном соблазнами — их он просто не замечал, — а долженствующем рассчитывать каждую копейку, каждый лишний кусок, чтобы не выйти из определенного себе бюджета. А он еще болел первую зиму в Петербурге возвратным тифом, после которого нужно усиленное питание, не говоря уже о сопровождающих болезни расходах на врачей и лекарства. Его же питанием, кроме обеда, служил обыкновенно один чай с хлебом. Наконец, сколько книг он охотно приобрел бы для своей работы!

Последние годы в гимназии и первые в университете Саша был уже вполне самостоятельным взрослым человеком, с мнением которого считались, которое импонировало иногда и родителям. И достигнуто это было совершенно спокойно, ровно, как бы незаметно, само собой. Никакой борьбы за это на глазах меньших не было. Это было естественным результатом его силы. Никогда при меньших Саша ничего не оспаривал, не отрицал; но когда отец, бывший всю жизнь искренно религиозным, спрашивал его иногда за обедом: «Ты нынче ко всеобщей пойдешь?» — он отвечал кратко и твердо: «Нет». И вопросы эти перестали повторяться.

Еще из присущих брату черт я должна отметить большой демократизм. С одинаковым уважением и вниманием относился он к прислуге и к крестьянам, к каждому, кто обращался к нему. И как любили его все! Помню в первое лето по возвращении Саши из Петербурга его встречу с рассыльным отца. Старик весь просиял, здороваясь с ним, а Саша так дружески просто пожал его руку, что в то время обратило на себя внимание, как малопринятое. Помню также его разговоры с крестьянами. Какой авторитет должен был он сразу снискать среди рабочих, какое доверие и уважение завоевать меж ними!

II. ГОДЫ СТУДЕНЧЕСКИЕ (1883—1887 гг.)

В конце августа 1883 года Александр Ильич приехал в Петербург. Он ехал Волгой до Нижнего, а затем по железной дороге. Путешествие по железной дороге он совершил тогда в первый раз в жизни. Поездка в III классе при страшной перегруженности и грязи вагонов показалась ему после парохода очень неказистой, и позднее он сказал мне: «Говорили об удовольствии езды по железной дороге. По-моему, без малого наказание».

Очевидно, он переживал также при этом путешествии «Железную дорогу» Некрасова, своего любимого поэта. Заболел поздней осенью возвратным тифом, он несколько раз просил меня говорить ему наизусть эту поэму.

Остановился он на день проездом в Москве. В письме своем к кузине он говорил, что Петербург понравился ему больше Москвы, что из московских достопримечательностей понравился только Храм Спасителя, а старинные церкви и здания Кремля совсем не понравились.

Остановился Александр Ильич в комнате на Песках, потому что кем-то в Симбирске была указана хозяйка, сдававшая там комнаты. В эту комнату приехала попозже, в сентябре, и я. Но страшная отдаленность от университета заставила Сашу со следующего же месяца переселиться отсюда. Он снял комнату на Петербургской стороне, где селилась обычно самая демократическая часть студенчества (комнаты на Васильевском острове были дороже), — на Съезжинской ул., в доме № 4, в квартире домовладелицы. Этот старого типа деревянный дом давно сломан, а на месте его возвышается теперь каменное здание пожарной части. Комната была с ходом прямо из передней. Смежная с ней гостиная, как полагалось, без гостей обычно пустовала, и потому в Сашиной комнатке было тихо и удобно для занятий. Хозяйка оказалась очень добродушной, старозаветной старушкой, каких, наверно, теперь и в глухих углах где-нибудь не сыщешь. Брат у нее и столовался, и она уделяла ему добросовестно часть своего домашнего обеда, не забывая праздничного пирога не только для него, но и для меня, когда я посещала его. Очень внимательна была она к нему и во время его болезни — возвратного тифа, перенесенного дома, — и, не требуя вознаграждения, посылала обед и на мою долю в те дни, которые я проводила около него. Я замечала часто с ее стороны чисто материнское отношение к нам, только что вылетевшим из родного гнезда юнцам. Тишина, добродушие и уютность, вместе с запахом лампадного масла, были разлиты повсюду. Я в центральной части Петербурга видела уже другие

типы хозяек, беззастенчиво промышлявших на счет студенческих желудков.

Бестужевские курсы помещались тогда на Сергиевской улице, в доме Боткина, и я взяла поэтому себе комнату тут же поблизости, на Сергиевской. Попала я в плохие условия: очень скучала без Саши и спохватилась уже позднее, что зря послушала общего мнения и убеждения брата, что с Петербургской стороны ходить мне будет слишком далеко, и не поселилась с ним вместе. Но у его доброй старушки другой комнаты не было, а о том, чтобы ему уйти от нее, при всех удобствах и уюте, которые он нашел там, я, конечно, не могла и думать. Мы установили определенные дни свиданий — помню, среду и воскресенье — и путешествовали аккуратно один раз я к нему, другой он ко мне, чтобы провести вместе вечер. Это, конечно, кроме кратких забеганий по делу, с письмом из дому и т. п. Путешествовали мы обыкновенно пешком — он из-за свойственного ему ригоризма и сжимания донельзя своих потребностей. В первой части я рассказываю, что он откладывал ежемесячно по 10 рублей из присылаемых ему отцом денег и вернул их по возвращении домой. Саша ел за утренним и вечерним чаем — ужина он не имел — один хлеб, больше весовой, сеяный, покупая булки или что-нибудь повкуснее лишь в дни моих визитов, и мерил все расстояния пешком.

В результате питания у своей хозяйки я нажила довольно скоро катар желудка. С этим у меня связано одно трогательное, рисующее брата, воспоминание. В свое посещение я рассказала ему, что сказал мне врач. Была я, очевидно, кислая, с больным видом. На следующий, внеурочный день брат пришел ко мне специально для того, чтобы убеждать меня вследствие развившегося у меня катара ехать обратно в Симбирск. Помню его озабоченное лицо, его горячий тон. Помню, что и сам он показался мне особенно бледным и усталым. Оказалось, что он сам был болен — у него начинался возвратный тиф, — и больной, в отвратительную питерскую погоду — дождь со снегом, — он пришел с Петербургской стороны пешком, чтобы убеждать меня. Я была с детства самой хворой, мать всегда особенно беспокоилась обо мне; потом брат видел, что я тоскую очень о семье, туго пускаю корни в питерскую жизнь, — но какую серьезную и глубокую, совсем уже не юношескую заботливость выказал при этом он, семнадцатилетний мальчик!

Конечно, я не поехала, а через пару дней врач определил у него возвратный тиф. Бывая у него чаще и ночуя в самое трудное время, я скинула с себя самое тягостное — чувство одиночества, а питание у его милой, очень заботливой к нам обоим хозяйки заставило меня забыть на время свой катар.

Курсы не удовлетворяли меня обязательностью латыни и тем, что преподавание вращалось в этом году в древнем периоде. Хотелось, как, должно быть, всем, стряхнувшим с себя гимназическую учебу, чего-нибудь более близкого к современности, более свежего и живого. Это был год закрытия «Отечественных записок», год глухой реакции. Курсы висели на волоске. Администрация стремилась показать, что на них учатся и только учатся. Вероятно, и выбор профессоров определялся до большой степени стремлением сохранить во что бы то ни стало курсы.

Лучший, более живой общественно состав слушательниц был на естественном отделении. Это было время почти поголовного увлечения естествознанием; к тому же Петербургский университет славился именно естественным факультетом, на котором читали такие знаменитости, как Сеченов, Менделеев, Боткин и другие. На старших курсах на почве общего участия в студенческой столовой и дежурств на кухне познакомилась и сошлась я с некоторыми естественницами, причем не замедлила сделать открытие, что это гораздо более живой и общественно интересный элемент курсисток. На первых же курсах я смотрела на них несколько предубежденно из-за их, часто подчеркнутой, нигилистической внешности: красные рубахи, волосы в скобку, мальчишеские жесты и ругательства отталкивали меня, как проявление чего-то напускного, легкомысленного и обезьяньего. Припоминаю, как грубо заявила одна курсистка, доводившая эту игру в нигилизм до особой крайности, по поводу предупреждения заведующей курсами Стасовой о нежелательности ярких косовороток: «Вот еще! Форма, что ли?! Я завтра в красной приду!»

Так же смотрел и Саша. При его серьезном и глубоком отношении к образованию вообще, к женскому в частности он мог относиться только отрицательно к таким проявлениям, не говоря о том, что все вообще показное, внешнее, крикливое было абсолютно чуждо и противно его натуре. Относительно этой нигилистической внешности были с ним разговоры еще в его гимназическое время, в Казани и в Кокушкине, где мы слышали от двоюродных братьев и сестер о казанском студенчестве. В разговорах о женской эмансипации, которые велись между нами и кузиной, он определенно отрицательно относился к тому копированию мужчин, которое проявлялось в остриженных волосах, пиджаках, косоворотках и намеренной небрежности к внешности и костюму. И когда мы, девочки, немножко пристрастно придирались к нему и спрашивали, какой костюм и внешний вид он одобряет, он сказал коротко: «Вот как у мамы», то есть опрятно и в высшей степени скромно. Этот разговор показыва-

ет, кроме того, как высоко стоял у нас в семье авторитет матери, каким идеалом являлась она.

Саша приехал в Питер в 1883 г., в августе. Лекции по большей части еще не начались. И он ходил читать в Публичную библиотеку. Помню, что читал Дарвина и другие научные книги по естествознанию. Помню, что я, не зная, куда притулиться в Петербурге, и, с другой стороны, не составившая себе программы чтения, спросила: «А можно ли там новые журналы получать?» И почувствовала себя сконфуженной, когда он сказал: «Думаю, что да, но не знаю. Я их не спрашивал». Я почувствовала, как всегда чувствовала перед ним, что вот человек знает, что ему надо, не мечется и не ищет, как я, и времени даром не тратит. И, просидев иногда и утро на лекциях или за практическими занятиями, идет и по вечерам читать научные книги.

Не удовлетворенная программой лекций на первый год, того заводящая знакомых, я страшно скучала по семье, и вечера казались мне бесконечными. Скучала и по школе, в которой работала два года до отъезда в Петербург, по ребятам. Вообще мне всегда свойственно было трудно приниматься на новой почве, одним из моих главных недостатков было жить долго прошлым.

Вечера, проводимые с Сашей, были для меня праздниками. Я выкладывала ему обычно все мои впечатления, мы менялись письмами из дома. Он рассказывал тоже обо всем пережитом, но обычно кратко, сжато. Он также чувствовал себя, конечно, одиноко первый год, но далеко не в такой степени, как я, ибо все часы его были заняты. И в дни наших свиданий, поделившись новостями, мы все чаще сидели каждый со своей книгой, как, впрочем, привыкли делать и дома. Я-то, конечно, болтала бы и слушала охотно и весь вечер, но Саша не любил болтовни. Но так уютно и хорошо проходило время вместе! Моя беспокойная, тоскующая, всегда во внутренних неладах душа как бы опиралась на его гармоничную, спокойную, уверенную, как бы заражалась этой его, чуждой мне, гармонией. Один из товарищей Саши говорит в своих воспоминаниях, что как-то «прочно, уютно» чувствовалось при нем¹. Я думаю, что испытывала это еще в большей мере, так как с детства привыкла к этому уюту подле него.

Обычно я старалась приготовить какое-нибудь угощение к вечернему чаю, конечно очень незамысловатое — вроде масла, сыру; моя хозяйка съедала большую часть моих ресурсов. Помню, что под Новый год, который Саша пришел встречать ко

¹ Егор Егорович Гарнак. А. Е.

мне, я придумала особое угощение: филипповские пирожки, которые разогревала в своей печурке.

Мне казалась, конечно, очень соблазнительной мысль поехать на рождественские каникулы домой, но Саша сказал решительно, что не поедет. Для него это было баловством: надо было пользоваться всем, что давал Питер, достаточно было одного летнего ваката. Да и деньги лишние тратить он был совсем не склонен. Первый год я осталась с ним, но следующие два не выдерживала и уезжала домой.

По праздникам с начала осени мы отправлялись с Сашей осматривать какие-нибудь достопримечательности Питера, особенно в первый месяц, прожитый с ним вместе на Песках. Маршируя пешком, прежде всего познавали, конечно, самое достопримечательное в Питере — громадность его расстояний. Чуть ли не первым нашим впечатлением были похороны привезенного из-за границы тела И. С. Тургенева. Вся погребальная процессия была сжата тесным кольцом казаков. На всем лежал отпечаток угрюмости и подавленности. Ведь опускался в землю прах неодобряемого правительством, «неблагонадежного» писателя. На его трупе это показывалось самодержавием очень ясно. Помню недоуменно тягостное впечатление нас, двух юнцов. На кладбище пропускали немногих, и мы не попали в их число. Потом попавшие рассказывали, какое тяжелое настроение царило там, как наводнено было кладбище полицейскими, перед которыми должны были говорить немногие выступавшие...

Осмотрев город с внешней стороны, мы отправились раз в Эрмитаж. Но никогда не видавшие живописи в провинции, совершенно не подготовленные тогдашней школой к пониманию ее, мы потерялись в больших залах среди чуждых, мало говорящих нам изображений и, перебегая все быстрее испанскую, голландскую и другие школы, ничего не вынесли, кроме усталости и разочарования. Да кроме того, и общее настроение тогдашней молодежи, враждебное всякому «чистому искусству», не благоприятствовало нашему пониманию его. Особенно, конечно, это имело отношение к Саше. Зато ему очень понравилась и произвела на него большое впечатление выставка картин Верещагина из эпохи войны с Турцией 1877—1878 годов. Для современных читателей скажу, что картины этого художника, цензурные каждая в отдельности, взятые вместе (в ансамбле), были сплошным криком против войны и именно так и были восприняты тогдашним обществом. Панихида священника над бесконечным полем, усеянным трупами; вошедшее в поговорку: «На Шипке все спокойно» (фигура часового, постепенно заметаемого снегом, — в трех видах) — и другие оставляли подав-

ляющее впечатление, зажигали протест против войн и их виновников и в тех, кто был далек от такого протеста. Что же сказать о Саше? Как и в детстве, он мало высказывался, но каждый из нас — я или товарищи — чувствовали при своих возмущенных излияниях молчаливую поддержку в его сосредоточенно мрачном виде. Впечатление, производимое выставкой на общество, заставило правительство спохватиться и закрыть ее.

Но больше всех из наших осмотров достопримечательностей столицы осталось у меня в памяти посещение в одно из первых воскресений Петропавловской крепости. Тогда это посещение, на которое начальство смотрело как на патриотическое паломничество к могилам русских императоров, было еще разрешено. Пропускали в собор, к гробницам. Но приходилось, конечно, после входа по мостику за тяжелые стены крепости проходить по ее двору, и атмосфера этого тюремного двора, с его зловещим молчанием, нарушаемым лишь бряцанием оружия и окликающими часовой, охватила нас. Под подозрительно-пристальными взглядами стражи прошли мы, с немногочисленной другой публикой, в собор. Мы рассеянно побродили между гробницами, слушая объяснения, который из императоров покоится в той или другой из них, а по выходе из собора оглянулись пыливо на мрачные тюремные стены, за которыми сидел четыре года наш недавний кумир Писарев, которые замыкались с тех пор беспощадно над столькими борцами за свободу. Нас неотступно провожал до ворот часовой. После деревенской почти свободы родного городка мы почувствовали себя как бы стиснутыми в одном из бастионов самодержавия, всецело и безнадежно в его власти. Это было первое для нас дуновение тюрьмы, с которой всей нашей семье пришлось затем познакомиться так основательно. Для Саши это было первым, добровольным покуда, посещением крепости, захлопнувшейся за ним безвозвратно три с половиной года спустя.

Мы вышли из крепостной калитки и оглянулись. За нами стояла эта неприступная твердыня всесильного самодержавия, над нами нависло серое питерское небо. Было часа четыре, сгущались осенние сумерки. Морозящий дождь и резкий ветер с Невы довершали общее безрадостное впечатление. Я пробовала заговаривать о том, где там помещаются заключенные, и еще что-то, но Саша отвечал односложно, и я умолкла тоже. Помню нас, как сейчас, шагающими вдоль решетки Летнего сада (по Марсову полю), помню то состояние тяжелой подавленности, которое, как камнем, сдавило грудь. Помню, что для меня, неспособной на такие глубокие и длительные переживания, это было уже чересчур, и я чувствовала потребность стряхнуть его, заговорить о чем-нибудь другом. Но чувствовалось,

что говорить о другом для Саши теперь недопустимо, и я шла, взглядывая на него исподлобья, подавленная с каждым шагом все больше не своими непосредственными ощущениями, а тем, как переживал их он. Тоска за его страдания и какая-то не оформленная, но чрезвычайно мучительная жуть за него, как предчувствием, сжала сердце. Я мало помню в своей жизни таких острых, мучительно гнетущих настроений. Это происходило, вероятно, и потому, что то были первые ощущения юношеской души,— души, не привыкшей еще к страданиям.

Не потому ли запечатлелось так ясно до сих пор выражение лица Саши, такое сосредоточенно-мрачное, как я его никогда до того не видала,— так ясно, что я могла бы и теперь передать его, если бы умела рисовать: эти плотно сжатые губы, эти сдвинутые брови, это непередаваемое выражение страдания в глубоких глазах. Точно сразу состарилось его лицо.

Может быть, потому я вижу в этом лице, как оно стоит в моей памяти, некоторое сходство с отцом — вообще-то брат походил на мать — в моменты мрачного раздумья, тревоги, страдания.

И этот темный путь мимо огромного пустынного Марсова поля в серый, печальный вечер с редко встречающимися прохожими, с жалобно бьющимися о железную решетку осенними деревьями под морозящим дождем,— это была точно эмблема его пути под безнадежно сковавшим все, обнаглевшим самодержавием, в тиши общей подавленности и апатии,— путь этого юноши с таким обостренным чувством долга и ответственности перед родиной, перед страдающими братьями, короткий и мужественный крестный путь...

Помню я и другое аналогичное проявление Саши в этот первый год, но уже к концу его, в апреле. В этот день у него был первый экзамен по химии, и мы условились, что к вечеру он придет ко мне. Несмотря на серьезную работу весь год, он готовился последние дни усиленно, сдал, конечно, прекрасно и довольный пришел ко мне. Мы оба переживали тогда весеннее настроение и мечтали о поездке домой, на родную Волгу. После нудных потемок бесконечной питерской зимы так ласково засветило нам весеннее солнце, и я помню, в каком счастливом настроении сидели мы за вечерним чаем.

Но... в общественной-то жизни просвета никакого не замечалось. Наоборот, о женских курсах говорили, что они существуют последний год, и, наконец, недавний тяжелый удар — были только что закрыты «Отечественные записки», тогдашний передовой журнал. Опытная рука редактора Щедрина, его изощренность в «эзоповском» языке не спасла журнала. Не помню, от меня ли первой услышал Саша об этом. Но я переда-

ла ему также в этот вечер, что на курсах говорили, будто Щедрин арестован. За минуту спокойный и довольный, Саша весь потемнел.

— Это такой наглый деспотизм — лучших людей в тюрьме держать! — сказал он негромко, но с такой силой возмущения, что мне стало снова жутко за него.

Саша мрачно ушел в себя на остальную часть вечера, который был окончательно испорчен для нас. Ругала я себя, глядя на него, что передала этот слух, — а особенно ругала на следующий день, когда оказалось, что он ложный.

Таковы были минуты отдыха для этого глубоко чувствующего юноши, и теперь я думаю, что более пронизательный наблюдатель предсказал бы и тогда его путь...

Умение ставить перед собой главную цель и неуклонно идти к ее осуществлению, страстная любовь к науке спасали его первое время.

Саша был очень доволен лекциями профессоров, лабораторными занятиями. Это была уже не его кухня в Симбирске. Перед ним было открыто в области любимой науки все, что могла дать тогдашняя мысль. И он с жадностью набросился на все это. Кроме университетских занятий в Питере имелись книги, которых не достать было в Симбирске. Он брал их в университетской библиотеке, он записался в частную. Я часто видела, что при моем или кого-либо из товарищей приходе он с сожалением отрывался от книги.

Забегали к Саше и товарищи. Первые годы это были больше свои земляки. Из них довольно часто начал посещать Сашу, а позднее и меня кончивший годом раньше его симбирскую гимназию И. Н. Чеботарев. Годами он был гораздо, лет на шесть, старше брата. Он предложил Саше, а затем и мне войти в симбирское землячество. В своих воспоминаниях он говорит, что особого энтузиазма в нас к этому первому общественному шагу не встретил. Особенно верно это относительно меня. Я была в то время очень дикой; к тому же среди земляков у меня не было никого близких. Товарищи Саши не были таковыми в гимназические времена, а из женской молодежи Симбирска я была в те годы единственной попавшей на курсы, и не очень-то одобряло мой почин и родителей, оному потворствовавших, тогдашнее симбирское общество. И дика я была по теперешнему времени прямо-таки невероятно.

С товарками на курсах я ходила тоже медленно. Досуги свои я посвящала обычно каким-нибудь стихотворным или беллетристическим опытам, которыми тогда увлекалась, мечтая стать писательницей, и читала их обычно Саше при наших свиданиях.

По этому поводу хотела сказать, что не встречала более внимательного, серьезного и в то же время более чуткого критика. С какой-то удивительно чистой, бескорыстной радостью отмечал и приветствовал он проявление всякой способности у другого. Так было и с моими литературными опытами. Более снисходительного судьи для своих виршей, переводов из Гейне, я не встречала. Но он был всегда требователен насчет содержания. Так фантастические и любовные мелочи Гейне (наиболее доступные мне для перевода) оставляли его совершенно равнодушным. Помню, что перевод известного стихотворения Гейне об юноше, вопрошающем море о смысле жизни, вызвал на его уста пренебрежительную улыбку реалиста. Помню, что стихотворение о девушке, умирающей от чахотки и страстно рвущейся к жизни, к борьбе, к труду, вызвало его одобрение, несмотря на очень дубовый стих «поэта»; но он поинтересовался узнать, откуда взяла я тему, знала ли я такую девушку. И когда я должна была смущенно признаться, что ничего такого в жизни не встречала, что стихотворение вылилось, когда у меня самой была повышенная температура, он отнесся к таким необоснованным фантазиям с явным неодобрением.

Зато, когда я прочла ему маленький рассказик «Из жизни девочки»¹, он вполне одобрил его. Помню, как он спросил меня: «Ну а тему-то ты откуда взяла?» И когда я сказала: «На улице видела», его одобрителный взгляд был для меня самой ценной наградой.

Еще больше понравилось Саше мое стихотворение «Волга», написанное уже на второй или третий год пребывания в Питере.

— Это, конечно, лучшее из того, что ты написала,— сказал он.— Ты мне дашь переписать его?

Вся внутренне расцветшая от его похвалы, я передала ему тот экземпляр, по которому читала. Похвалил Саша, несомненно, за содержание: буря на Волге претворялась в бурю народную, в революцию, то есть за то, что было для него главным, а к дубоватости стиха отнесся очень снисходительно.

Охотно слушал он также стихи одного товарища симбирца, А. А. Тенишева, с большими недочетами по части техники, но касавшегося тоже иногда общественных тем.

И не только литературное, всякое иное умение, всякую способность отмечал он как-то особенно радостно. Так, например, скучая очень по дому, по меньшим, я выискивала для них какие-нибудь мелкие сюрпризы, которые посылала то в письмах, то в посылках. «Как это ты умеешь находить?» — говорил он

¹ Был напечатан в «Работнице» 1914 года. А. Е.

про какую-нибудь безделку, искренно видя какое-то умение там, где было просто внимательное глазение в окна игрушечных или писчебумажных магазинов вместо сосредоточенной работы мысли.

Вообще чуткость и внимательность к другим, несмотря на все поглощение умственной работой, на внешне суровый вид, были у него удивительные.

Тиф он переносил очень мужественно, больше на ногах. Только несколько дней, кажется, при втором приступе, пролежал в постели. И, несмотря на полное почти отсутствие ухода, перенес его сравнительно легко. С прежней энергией принялся за занятия. Помогал даже мне нагонять пропущенное по-латыни. Прямо изумительны та трудоспособность и выдержка, та любовь к науке, которую проявил Александр Ильич в 17—18 лет. Помню, как поразило и смутило меня, когда он к весне этого, первого, года своей студенческой жизни заявил мне тоном глубокого сожаления:

— Больше шестнадцати часов в сутки я работать не могу!

Шестнадцать часов напряженной, самостоятельной умственной работы в те годы, когда юноши еще формируются, когда все они более или менее разбрасываются, еще ищут себя! Александру Ильичу этого не надо было: он еще мальчиком нашел себя, нашел свой путь, и он уже шел по нему неуклонно и твердо, озабоченный лишь тем, что находится все еще на иждивении отца, у которого и без него большая семья. И он искал уроков.

Помню, как мы с ним были по этому поводу с письмом от кого-то у некоей важной дамы. Как-то особенно ярко осталась в памяти еще юношески угловатая фигура брата, его большие, красные (без перчаток, верно, шел) руки. Помню, как смутилась я и как просто и деловито приступил к делу он, не сознавая или не желая сознавать, каким ярким диссонансом являлась его демократическая фигура и вся его определенная индивидуальность в этой утонченной гостиной. Ничего, конечно, не вышло: кроме таких дичков, как мы, было немало умевших более ловко обделывать свои дела молодых людей. Не вышло, конечно, с пользой для Саши, для его занятий.

В первый год у меня было немного экзаменов, да и те я сдала по большей части неофициально раньше и уехала уже в начале мая домой. Саша приехал неделями двумя позже. Осталась у меня в памяти его встреча с матерью после этого, первого, года разлуки. Он уже поздоровался со всеми, его обступили меньшие. Но вот он снова повернулся к матери и крепко, с молчаливым горячим порывом обнял ее. Помню, с какой растроганной радостью отвечала на его объятие мать; ясно помню

прекрасное, все какое-то светящееся выражение его лица. А письма его были обычно кратки, сухо деловиты. В письмах он не умел и не любил выражать свои чувства.

По летам — 1884-го и следующего 1885 года — Саша много занимался естественными науками. Колеся как будто для удовольствия в душегубке по Свияге, один, с меньшим братом или с кем-нибудь из товарищей, он подбирал себе материал для исследования, с которым возился потом в своей комнатке наверху. Это были черви разных пород, органы которых он изучал, на основании работ над которыми он представил в феврале 1886 года свою работу об органах сегментарных и половых пресноводных *Annulata*, награжденную на университетском акте большой золотой медалью «преуспевавшему». Помню, как кратко и просто гласило об этом его письмо к матери: «...за свою зоологическую работу о кольчатых червях я получил золотую медаль» — и как горько плакала мать, что отец, умерший месяц назад, не может порадоваться этому известию.

Помню, как раз я наклонилась над кишашими, объемом чуть не в нитку, червями, спросив у него: неужели у них все органы дыхания, пищеварения есть? И он с оживившимся лицом, очевидно, довольный, что любимая им область встречает интерес, ответил: «Да!» Но я, к сожалению, не пошла дальше в область естественных наук, поглотивших одно время почти всецело его внимание.

В биографическом очерке брата, помещенном в «Галерею шлиссельбургских узников», я сказала, что книги по общественным вопросам были забраны Сашей из Петербурга на последнее, проведенное им дома лето 1886 года. Я ошиблась: часть книг — по истории, политической экономии и т. п. — была привезена им весной 1885 года; мне помнится, что и «Капитал» Маркса появился у него тогда, что я видела его еще в занимаемой им в то лето комнате (в 1886 году, после смерти отца, мы уплотнились, и брат занимал уже другую комнату). Но если я не могу сказать точно относительно «Капитала», то часть книг по истории и политической экономии, из них многие на иностранных языках, я видела у него, несомненно, летом 1885 года.

Ездили мы по летам, как и раньше, в Кокушкино. В 1886 году, после смерти отца, Саша ездил туда ненадолго один.

О следующих двух годах петербургской жизни приходится сказать короче, так как они не давали уже остроты переживаний первого года, а во многом — занятия, наши свидания друг с другом — повторяли его, и потому отдельные эпизоды не запечатлелись так в памяти. Запечатлелись только наши депу-

тации к Салтыкову-Щедрину в день его именин — 8 ноября — в 1885 и 1886 годах.

Мы ощущали очень горестно, что наш любимый писатель вынужденно умолк, что орган его закрыт, но чем могли мы в то время выразить ему сочувствие? Все формы общественного проявления были тогда закрыты; единственно признанным было принесение приветствия в традиционный день именин. И молодежь воспользовалась этой форточкой. 7 ноября 1885 года ко мне пришел вечером товарищ Саши по гимназии, студент военно-медицинской академии Орловский, с предложением организовать на курсах депутацию к Щедрину, который болен и чувствует себя очень одиноким и всеми забытым. Он сказал, что говорил с Сашей, что такие депутации с письменными приветствиями будут посланы 8-го и от университета, и от нескольких других высших учебных заведений; желательно, чтобы была и от курсов.

Я набросала проект адреса, который был принят на другой день на общекурсовом собрании, и в составе избранной на нем делегации отправилась на квартиру Михаила Евграфовича. Видеть его нам не пришлось: нам сказали, что он очень болен, и мне помнится даже, что я слышала стон из его комнаты. Нас пригласили в гостиную, где было уже несколько посетителей и где дочка писателя, нарядная, как куколка, девочка лет тринадцати, в голубом плиссированном платье, подвигала нам стулья. Мы перемолвились несколькими словами о здоровье Михаила Евграфовича с его женой, вручили наш адрес и удалились.

Делегация студентов, в которую входил и Саша, попала в другое время.

На следующий день начальница Высших женских курсов Н. В. Стасова вызвала меня к себе и, затворившись со мной в пустой аудитории, рассказала, что видела также в день именин Михаила Евграфовича, который выразил ей свое удовольствие по поводу адреса от курсисток, сказав, что он показался ему самым прочувствованным, понравился ему больше всех других, полученных в тот день. Надежда Васильевна добавила: «Мне очень было приятно слышать это; уже второй раз (она назвала еще какого-то писателя или профессора) слышу я, что адрес от курсов признан лучшим. Я всецело сочувствую вам, но вы понимаете, конечно, что при теперешнем положении курсов мы не могли бы подать его от них официально».

Когда я рассказала об этом разговоре Саше, он спросил: «Это ты написала адрес?»

На следующий, 1886 год такой агитации по всем учебным заведениям, не помню уже по какой причине, проведено не бы-

ло, а 8 ноября на квартиру Щедрина отправилась общая небольшая, человек 8—10, делегация от высших учебных заведений. Кроме нас с Сашей в нее входили: студент Мандельштам, однокурсник брата, курсистка Москопуло (теперь Никонова), остальных не помню. На этот раз Щедрин вышел к нам. Помню, что он был хмурый, худой и желтый, с отросшей бородой, в потертом домашнем костюме. С устным приветствием от общего имени обратился к нему М. Мандельштам. Поблагодарив за него, Михаил Евграфович всем нам пожал руки. А. В. Москопуло-Никонова вспоминает, что, когда дошла очередь до Александра Ильича, он так крепко, от всей души пожал руку Щедрину, что тот схватил ее другой рукой и заворчал: «Ой-ой! Нельзя же так сильно. Я старенький, мне больно». Александр Ильич был страшно смущен, покраснел и стал бормотать какие-то извинения. «Ну, ничего, ничего», — сказал тогда добродушно Щедрин.

Я этого не помню, но у меня осталось в памяти, что вся наша делегация чувствовала себя смущенно, держалась угловато; что приветствие Мандельштама вышло скомканным и неумелым, а Саша при выходе выглядел хмуро и недоволено.

Саша так же усердно работал практически в кабинетах и так же много читал дома, но у него появилось больше товарищей, и правильность наших свиданий два раза в неделю была нарушена. При этом чаще мы бывали не вдвоем, а на людях. Оба мы вошли в землячество. Саша-то еще с первого года. На почве земляческих собраний сближались больше с товарищами. Затем как у него, так и у меня появились знакомцы среди однокурсников. Последних, насколько помнится, я стала встречать у Саши лишь в последние годы. Раньше на дом забегали больше земляки. С осени 1885 года женские курсы были переведены на Васильевский остров, в собственный дом, и я поселилась тоже на Петербургской стороне, у его первой хозяйки. Саша взял почему-то другую комнату. Последние два года мы жили с ним совсем близко друг от друга.

В складчину стали мы — члены симбирского и части самарского землячества — выписывать новые журналы, которыми менялись по очереди. Затем мы доставали некоторые неразрешенные тогда книги, например сочинения Герцена или нелегально выходившие «Сказки» Щедрина и сочинения Л. Н. Толстого: «Исповедь», «Так что же нам делать?», «В чем моя вера», «Деньги».

Помню, что «Исповедь» вызвала в Саше большой интерес; к сочинениям же Толстого, переходившим от критики существующего строя к попыткам наметить свой путь, он относился совершенно отрицательно и очень холодно.

Вообще Саша как раньше в гимназические годы, так и позднее, в студенческие, несмотря на углубленные занятия наукой, был в курсе всего, чем жила тогдашняя молодежь, и можно сказать, что для своих лет он был начитанным и самостоятельно усвоившим все прочитанное человеком.

По инициативе его возник среди наших земляков кружок по изучению экономического положения крестьянства. Помню, что мне достался первый реферат — об экономическом положении крестьянства в Древней Руси. Ничего-то в намеченных исторических курсах и сочинениях того времени я по этому вопросу не нашла, и экономическое положение крестьянства получилось очень проблематическим, а реферат очень бледным. Мы все были еще слишком неопытны, чтобы понять, что для такой темы требовалось изучение источников, что, конечно, было непосильно для нас.

Помню, товарищи в разгоревшейся по поводу реферата дискуссии напали на меня за то, что я мало дала, допытываясь с пристрастием, прочла ли я тот или другой труд. Я отчаянно защищалась, говоря, что сделала выписки из всех намеченных сочинений и не виновата, если в них по указанному вопросу ничего нет.

Наконец брат встал на мою сторону:

— Ну если человек говорит, что прочел все исследования, то, значит, действительно, в них нет ничего, — сказал он.

В тоне его было, помню, разочарование. Еще один-два реферата по вопросу об экономическом положении крестьянства были написаны, а потом кружок этот заглох. Кроме разочарования в возможности добыть доступными нам средствами нужный материал имело значение, конечно, и то, что кружок этот возник уже в последний, 1886 год и самые активные члены были отвлечены более интересными кружками, например «экономическим», а затем и революционной работой.

Слушали мы с Сашей лекции Семевского по крестьянскому вопросу. Когда курс Семевского был снят в университете и на женских курсах (В. Семевский был тогда на счету крайних левых), мы в числе избранных дослушивали на его квартире.

Стали тогда попадать к нам в руки и некоторые нелегальные издания. Помню в связи с этим, как я понесла брату какую-то прочитанную брошюрку. Жили мы тогда оба на Съезжинской (номера через три), приходилось только Пушкарскую наискось пересечь, и я, как совершенно неискушенный в конспиративных делах дичок, понесла брошюрку попросту, в открытом виде, как всякую легальную книжку. Помню удивленную усмешку Саши:

— Как, ты ее так, незавернутой даже по улице несла?

— Да ведь тут близко; кто же у меня в руках будет читать, какая она? — оправдывалась я.

— Все же никогда не видал, чтобы нелегальные книжки так носили, — сказал он с той же усмешкой, которая заставила меня, еще не сдававшуюся, намотать на ус, что так не делается.

Бывали изредка земляческие и иные вечеринки. Теперешней молодежи они показались бы, наверное, очень тоскливыми. Да, нудным было в те тяжелые годы и редкое веселье, которое могла себе позволить молодежь! А между тем и на него право получалось обычно не без борьбы. Землячества были неразрешенными организациями, в пользу пополнения их кассы — действительная цель большинства из них — открыто нельзя было организовать вечеринку. Тем менее, конечно, можно было устраивать в пользу Красного Креста политических или с целью активно революционную. Нужна была какая-нибудь вымышленная цель. Чаще всего таковой выставлялось семейное празднество, справлялась якобы помолвка, и выставлялись фиктивные жених и невеста, которые устраивали якобы вечер. Дело обходилось не без возни: нужно было подавать заявление в полицию и неоднократно бегать туда. Поэтому действующими лицами можно было выставлять не находящихся на подозрении полиции, а затем и зеленая молодежь тоже в женихи не годилась. Обыкновенно «женить» старались окончившего университет или кончающего, отъезжающего в провинцию. Таким образом, взял раз на себя роль жениха М. Т. Елизаров, окончивший университет и служивший в Питере.

Несомненно, для полиции не было секретом, что помолвки эти фиктивные, и она смотрела лишь, чтобы формальности были соблюдены. Помню, как мы все смеялись рассказу о том, как представитель полиции поймал Елизарова, спросив его врасплох: «Как фамилия вашей невесты?» Заспешив, Елизаров не сразу выговорил малоупотребительную фамилию Калайтан: «Ка-тай... Ка-лай...» — «Как, вы фамилии своей невесты не знаете?» Но вечеринка была, тем не менее, разрешена.

Посылался всегда представитель полиции, которого обычно зазывали в сторонку и усердно накачивали вином. Молодежь плясала, выпивала, но под сурдинку часть беседовала в какой-нибудь отдельной комнате на политические темы и обдeldывала некоторые конспиративные дела. Затем публика затягивала хором «Дубинушку» или «Назови мне такую обитель», «Замучен тяжелой неволей». Кое-кто декламировал революционные стихи. Помню, этим искусством отличался один наш земляк, А. Тенишев, декламировавший кроме своих собственных и некоторых легальных стихотворений и «На смерть Мезенцева» и произносивший с большой силой выражения: «Именинный пирог из

начинки людской брат подносит державному брату!» Но это последнее стихотворение декламировалось больше на частных квартирах или под конец вечера, где-нибудь в сторонке, когда напоенный основательно блюститель порядка уже не мог должным образом реагировать на происходящее. Выпивала и молодежь: не было естественного простора ее молодым стремлениям, она была стиснута, а потребность как-то выйти из келейного уединения, как-то встряхнуться и повеселиться неистребима. Чем тщательнее выкуривалось всякое содержание из собраний молодежи, тем более наименее устойчивая и инициативная часть ее склонна была найти веселье хотя бы в винных парах. И немало было таких, которые начинали выпивать еще студентами, чтобы продолжать это чуть не единственное доступное тогда развлечение на казенных местечках в разных более или менее глухих углах.

Помню некоторых студентов, порядком выпивавших. Из них особенно запечатлелся один товарищ брата в последние годы, лесник Державин. Очень симпатичный, хотя и малоинициативный, молодой человек был одарен, между прочим, хорошим голосом — помню его вместе с товарищем, фельдшером Воеводиным, в качестве запевалы и дуэтиста на наших собраниях. В трезвом виде он был угрюм и молчалив и оживлялся только в подвыпитии, что сделалось у него уже не забавой на вечеринке, а довольно частым состоянием.

Этот Державин воскрешает одну сцену с братом, ярко характеризующую последнего. Зашли они как-то оба ко мне. Державин был навеселе и болтал без умолку. Помню, что речь его была сплошным дифирамбом брату, к которому он очень привязался.

— Ты молчишь, ты все молчишь, — говорил он, — а заговоришь, и все перед тобой спасуют.

— Кто? Я спасую? — добродушно подавал ему с пятого на десятое реплики брат.

— Нет, не ты — другие все спасуют перед тобой.

— А, другие; а я думал: я спасую.

И так дружески деликатно было обращение брата, так чужда была его усмешка всякой насмешки, такое это было чисто братское, идеальное отношение!

— Ну, знаешь, мы с тобой болтаем, а сестре ведь заниматься надо, мы ей мешаем, пожалуй, — сказал он наконец, уводя с собой расходившегося товарища.

А я думала после их ухода, как правильно, собственно, сказал Державин, что перед Сашей все спасуют. Я вспоминала, как прислушивались обычно все присутствующие к его редким и кратким, но всегда очень определенным суждениям, как сму-

щались болтать перед ним пустяки, оглядывались на него, ждали его мнения. Сам же он, чуждый стремления влиять, молча сидел где-нибудь в сторонке и вдумчиво слушал.

Помню, раза два в комнате брата кто-нибудь из товарищей бегал за бутылочкой, угощал его; помню, как, выпив рюмку-две, брат твердо говорил: «Нет, больше не буду».

Сам не обладавший голосом и слухом, брат очень любил музыку и особенно пение. Им заканчивались обычно наши земляческие и иные собрания. Главным певцом был тенор Воеводин. Любимыми нашими песнями были «Полосынька» и песни революционного содержания. Так помню: «Пришла весна, защебетали птицы, а он, бедняк, сидит в стенах темницы»... и некоторые другие в этом роде.

Особенно любил Саша: «Замучен тяжелой неволей». Помню, на последней вечеринке, на которой мы были с ним вместе, в квартире родственника, Песковского кажется, уже в январе 1887 года, он попросил спеть этот гимн.

— Да ведь это похоронный,— возразил хозяин.

— Да, похоронный,— с ударением и как бы с некоторым вызовом ответил Саша, и гимн запели. Помню, что такое скорбное, почти мученическое выражение было у него при этом, что у меня заскребло на сердце.

Настроение было вообще какое-то гнетущее и тяжелое на этой вечеринке, точно предчувствие какое-то тяготело надо всеми. Не удалась она.

III. ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА

В декабре 1885 года, будучи на третьем курсе, я приехала опять на рождественские каникулы домой, в Симбирск. В Сызрани я съехала с отцом, возвращавшимся с очередной поездки по губернии, и сделала вместе с ним путь на лошадях. Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью,— это было меньше чем за месяц до его смерти. Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Это означало сведение насмарку дела всей его жизни. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку.

Конец декабря и начало января были, как всегда, заполнены для него лихорадочной работой по составлению ежегодных

отчетов. Около 10 января отец заболел. По мнению врача и его самого, это было только желудочное расстройство. Достаточно внимания на болезнь не было обращено: отец был на ногах, продолжал заниматься, к нему ходили его сотрудники-инспектора. Ночь на 12-е он провел почти без сна. Я находилась при нем, и он поручал мне читать какие-то бумаги; при этом я заметила, что он начинает немного путать и заговариваться, и я убедила его прекратить чтение. 12-го отец не пришел к нам, в столовую, обедать, сославшись на отсутствие аппетита, а только подошел к двери и заглянул на нас («точно проститься приходил», — говорила позднее мать). Лег в своем кабинете на диван, заменявший ему постель, а часу в пятом мать позвала в тревоге меня и Володю. Отец был, очевидно, уже в агонии: содрогнулся пару раз всем телом и затих. Приехавший врач определил кровоизлияние в мозг. Несомненно, в болезни его не разобрались: в ней были и мозговые явления, если она не была всецело мозговой. Вскрытия сделано не было. Его смерть и похороны показали, какой популярностью и любовью пользовался он в Симбирске.

Из всей семьи один Саша был не с нами. Он остался, как и в прежние годы, в Петербурге. Мать не захотела послать ему телеграмму, а поручила кому-то, кажется мне, написать двоюродной сестре, женщине-врачу, чтобы она подготовила его. Позднее эта кузина писала и говорила, что удивлялась глубине и серьезности его переживаний. Он чаще, чем прежде, стал заходить и беседовать с ней. Чеботарев, которому я написала, запрашивая о самочувствии брата, ответил, что первые недели после получения тяжелого известия он был «в глаза бросающе» грустным, что весть эта произвела на него сильное, «я бы сказал даже, слишком сильное впечатление». Так глубоко переживал брат потерю отца. В письмах же, только более частых и ласковых, он был по-прежнему краток и ничего о своих переживаниях не говорил.

Передо мной встала тогда дилемма: ехать продолжать занятия (я была на предпоследнем курсе) или остаться с матерью? И не столько из-за материального положения, хотя оно и сильно пошатнулось: мать хотела, чтобы я кончила курсы, и надеялась, что сможет содержать нас последние полтора года. Но я считала, что не должна оставлять ее после нашего несчастья. Между тем меня беспокоило, смогу ли я подготовиться в провинции к сдаче экзамена осенью, и некоторые знакомые, как питерские, так и симбирские, советовали ехать. Одна из них, жена помещика Александра Александровна Знаменская, усиленно убеждала меня ехать, предлагая и денег для окончания курса. Твердость и выдержанность матери, которую я видела после тяжелого

испытания впервые, ее слова, что для нее я не должна оставаться, смущали также. И вот в своей нерешимости я обратилась, как привыкла делать, к совету Саши. Его ответ гласил, что он будет посылать мне — как уже делал это — все нужные книги и лекции и что при этих условиях, он думает, возможно подготовиться к экзаменам и в Симбирске. Одним словом, он советовал мне больше остаться. Но по свойственной ему деликатности, боязни навязывать свое мнение, покушаться на чужую свободу он заканчивал свой совет словами: «Конечно, все это не может иметь большого значения для тебя, потому что главное — насколько удобно оставить маму — гораздо виднее тебе».

И вот я, видя мать твердой и мужественной, склонилась, после долгих колебаний, к тому, чего хотелось мне больше: поехала.

Это было уже в марте. Остановилась я в комнате Саши: Съезжинская, 12, а потом поселилась у его прежней хозяйки: Съезжинская, 4. Но оказалось, что я плохо взвесила свои силы. Оказалось, что не я была необходима для поддержки матери, а мне необходима была близость ее, близость всей семьи для сохранения душевного равновесия. Очутившись одна в комнате за материалом для занятий, я летела мыслью назад, я терзалась, что не выдержала характера, оставив мать, беспокоилась за нее, я переживала в одиночестве острее потерю отца — первую смерть близкого человека, перед которым я считала себя виноватой недостатком внимания за последнее время. Занятия шли от этого туго, но я ломала и заставляла себя работать, хотя мозг отказывался часто воспринимать. Саше, жившему в другой квартире и усиленно занятому, я не открывала своего состояния, стыдясь его, как малодушия.

Кончилось все это тем, что, сдав наиболее трудные экзамены, которых было много в том году, я сдрейфила перед двумя последними — пустячными. Я дошла до такого состояния, что не могла читать даже легкие книги, не могла спать, лишилась аппетита. В то же время неуравновешенность моей нервной системы проявлялась в страстных самообвинениях: я не выдержала, так сказать, испытания — раз поехала в Питер для сдачи экзаменов, то должна сдать их. И я всячески принуждала себя взяться за работу. Но все было бесплодно.

В это время Саша, сдавший раньше свои экзамены, собирался ехать домой. В день, назначенный для его отъезда, я пришла к нему утром и рассказала кое-что о своем состоянии. «Ты больна, поедem вместе домой», — сказал он. И так как мне нельзя было по курсовым делам выехать в тот день, отложил отъезд на следующий. Подсчитали наши капиталы: оказалось, на дорогу хватит.

Я и довольна была таким решением, ибо при моем состоянии меня брала неоформленная жуть оставаться одной в Питере, и в то же время мучилась, что проявляю недопустимую слабость, убегая от двух легких экзаменов. Состояние мое было настолько острое, что в курсовой канцелярии, где я говорила об отпускном билете и отложении двух экзаменов на осень, мне почудилось выражение насмешки и недоверия: струсила, мол. Помню удивленное выражение кое-кого из товарищей, заходивших в эти дни ко мне или к брату, его объяснение: «Она больна».

С отъездом из Питера настроение мое не улучшилось. Я как будто еще больше стала терзаться неправильностью своего поступка. Я стала порываться вернуться назад, каяться брату, что совсем не больна, а просто от лени бросила экзамены. Помню, что на одной большой станции я взволнованно бегала по платформе, прося брата отпустить меня назад, заявляя даже с возмущением: «Разве ты можешь не пускать меня?» И помню его бледное, взволнованное лицо, его ответ: «Я не могу не пускать тебя, но я говорю только, что поеду тогда вместе с тобой».

Недопустимость подвергать его этому сознавалась еще мною, и я ехала дальше, а потом уже видела, что и денег на обратный путь у меня неостало бы. Но состояние мое было настолько отвратительным, что меня даже броситься с поезда и с парохода тянуло, и, кажется, только сознание того, какое горе я ему причиню, удерживало меня. Помню его чуткое внимание, предложение купить мне аютиных глазок где-то на станции. «Ты, кажется, любишь их?» А я ответила: «Мне теперь не до них». Ночью на пароходе у меня были какие-то кошмары, и я приехала мрачной, больной. Помню, как всплеснула руками при виде меня мать, а Саша взглянул, как мне показалось, укоризненно, что в том моем состоянии равнялось для меня удару хлыстом.

И все лето я была мрачной, дикой. Я мучилась самобичеванием, ходила на могилу отца, болела какими-то странными, потрясающими лихорадками, повторявшимися регулярно недели через три.

Писарев говорит где-то, что молодежи, не перенесшей никаких испытаний, свойственно слишком высокое мнение о себе: кажется, что и горы сдвинешь; но вот какое-либо испытание спускает с высот, показывает истинный удельный вес, и это столкновение с действительностью может быть настолько сильным, переживания настолько болезненными, что грозят рассудку. Несомненно, что я в то время переживала нечто подобное, и психическое мое состояние было далеко не нормальным.

Я остановилась на этом своем проклятом состоянии отчасти потому, что оно оттеняет силу и выдержанность Саши, несмотря на глубину его переживаний, а также твердость и чуткость, которую он проявил по отношению ко мне. Он явился для меня действительной опорой; не знаю, что бы со мной было, если бы я осталась тогда одна в Питере. Ровно через год, день в день, также 19 мая, выехала я с матерью из Петербурга, уже после его смерти, точно для того, чтобы ярче встало в памяти путешествие с ним, его чуткое внимание и то, как я его мучила.

А затем это мое состояние отдалило меня в последний год от Саши. Ему, сильноному, выдержанному, должна была показаться жалкой расхлябанностью моя тогдашняя нервность, и я настолько стыдилась ее, считала себя настолько упавшей в его глазах, что пряталась в свою скорлупу и избегала его еще больше, чем других. Саша шел гигантскими шагами вперед и массу работал, а я копалась в себе, глядела назад, нервничала, хирела... И это было как раз то последнее лето, когда он ушел главным образом в общественные науки, — то лето, которое было так важно для его складывающегося политического мировоззрения! Я смотрела иногда с завистью на его книги, но читать я в то лето почти не могла, а это сознание делало меня еще ничтожнее в моих глазах.

Эта бóльшая по сравнению с прежним отдаленность продолжалась, несомненно, и по водворении нас обоих в Питере на последний год занятий. Опасение вводить меня в круг своих идей, брать на себя ответственность за меня перед матерью могло только углубляться доказательством неустойчивости моей нервной системы. Этим объясняется, вероятно, также, что, затеяв на этот год поселиться вместе с Чеботаревым, Саша отклонил предложение последнего взять в компанию и меня. Он так и сказал Чеботареву — о чем я узнала уже после его смерти, — что я не выказываю стремления к общественной деятельности, а приходящие к нему знакомые могут скомпрометировать меня. Мне же Саша сказал только, что лучше для меня поселиться в его прошлогодней комнате, у хорошей, испытанной хозяйки, чем идти на неизвестное, что он будет жить на той же Петербургской стороне, и видаться мы сможем часто. Но меня это не успокоило, я подумала: «Не хочет теперь Саша вместе селиться!» — и горестно сжалась в себе. Мнение Саши было для меня самым ценным с детства, и вот я сама поколебала его.

Мне пришлось усиленно заниматься на курсах, чтобы нагнать пропущенное, чтобы не сдрейфить опять в последний год. Я взяла факультетскую работу по истории, которую должна была читать в конце ноября, и много сидела за ней дома и в библиотеках; писала я и упомянутый реферат для нашего земля-

ческого исторического кружка. «Экономический» кружок, о котором с увлечением рассказывали Чеботарев и Елизаров и разговоры о котором поддерживал с бóльшим, чем обычно, оживлением и брат, пленял меня очень, но я, не читавшая еще ничего по политической экономии, не решалась и проситься в такой умный кружок.

Помню, как в эту последнюю осень я спросила раз брата:

— Скажи, какие у меня главные недостатки?

— Отсутствие определенных общественных убеждений,— сказал он тотчас, не задумываясь,— и некоторая неровность характера. А потом... да нет, больше ничего.

— Ну нет, скажи! Ты ведь хотел еще что-то сказать, Саша! — просила я, пораженная, что он нашел у меня так мало недостатков.

— Нет, больше ничего,— сказал решительно брат,— неровность характера.

И так он и не сказал мне, что имел в виду,— должно быть, какую-нибудь более неприятную черту, которую он, чтобы не быть резким, включил в понятие неровности характера. Он так боялся всегда быть слишком требовательным, суровым к другим!

В письме с характеристикой к кузине он просит последнюю простить ему резкость суждения, приписывая его своему дурному характеру, своей способности видеть якобы прежде всего дурное в людях. Характерно для Саши, как хотелось услышать его мнение, как просто и легко было обратиться к нему! Свойственное каждому чувство самолюбия или охраны своей индивидуальности совершенно умолкало при этом.

Мы приводим письмо к кузине¹ потому, что оно единственное с изложением принципиальных воззрений, которое дошло до нас. Саша, вообще говоря, не любил писать, не любил никаких излияний на бумаге, и письма его к родным очень кратки и имеют характер вестей, которыми он перекидывался. О революционной работе он не писал, конечно, по конспиративным соображениям. Характеристика же, данная им в приводимом письме, в возрасте 20 лет, не только очень правильно и глубоко разбирает характер этого лица, указывает тот уклон, в то время еще только намечавшийся, по которому он пошел в действительности; она еще более, чем объект характеристики, характеризует ее автора,— его способность к глубокому анализу, строго логическому, не останавливающемуся перед тягостными выводами,— «я нисколько не скрываю от себя того влияния, которое должно оказать это письмо на наши отноше-

¹ См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник. М.—Л., 1927, с. 130—133. *Ред.*

ния». А как известно уже, Александр Ильич дорожил этими отношениями.

И в то же время как чутко, как деликатно проявляется этот неумолимый критик! Не только его разбор характера и указание недостатков чужды самомалейшего сознания своего превосходства, в молодом человеке более чем естественного, но он склонен приписать всю резкость и неблагоприятность критики своему «резкому, скверному» характеру. Правдивость разбора (Александр Ильич исполнял данное обещание) совмещается с такой дружеской чуткостью. Человек, идущий гигантскими шагами вперед, не только не кичится этим, а с печальной лаской, больше всего боясь оскорбить, просит простить его за резкость...

В эту же последнюю осень спросила я и о Володе. Зимой 1885/86 года я много гуляла и разговаривала с Володей. Бывало это и последним летом, к концу, когда я стала понемногу оправляться от своей болезни и становилась способной слушать веселые шутки, остроты, развлекаться ими, принимать в них участие.

Беседы наши носили именно такой характер. Володя переживал тогда переходный возраст, когда мальчики становятся особенно резки и задирчивы. В нем, всегда очень бойком и самоуверенном, это проявлялось особенно заметно, тем более тогда, после смерти отца, присутствие которого действует всегда сдерживающе на мальчиков. Помню, что эта резкость суждений и проявлений Володи смущала порой и меня. Обратила я также внимание, что Саша не поддерживал нашей болтовни, а пару раз, как мне показалось, неодобрительно поглядел на нас. Всегда очень считавшаяся с его мнением, я в то лето особенно болезненно чувствовала всякое его неодобрение. И вот осенью я задала вопрос и о Володе. Помню даже форму вопроса: «Как тебе нравится наш Володя?» И он ответил: «Несомненно, человек очень способный, но мы с ним не сходимся» (или даже: «совсем не сходимся» — этого оттенка я уже точно не помню, но помню, что сказано было решительно и определенно).

Почему? — спросила я, конечно.

Но Саша не пожелал объяснить. «Так», — сказал он только, предоставив мне догадываться самой. Я объяснила это себе тем, что Саше не нравились те черты характера Володи, которые резали, но, очевидно, слабее, и меня: его большая насмешливость, дерзость, заносчивость, — главным образом, когда они проявлялись по отношению к матери, которой он также стал отвечать порой так резко, как не позволял себе при отце. Помню неодобрительные взгляды Саши при таких ответах. Так глубоко

и сильно переживавший смерть отца, так болевший за мать... сам всегда такой сдержанный и внимательный, Саша должен был очень реагировать на всякую резкость по отношению к матери. Объяснение это еще подтвердилось рассказом матери следующим летом, уже после смерти Саши. А именно, она рассказала мне, что раз, когда Володя с Сашей сидели за шахматами, она напомнила Володе какое-то требование, которое он не исполнил. Володя отвечал небрежно и не спешил исполнить. Мать, очевидно, раздраженная, настаивала... Володя ответил опять какой-то небрежной шуточкой, не двигаясь с места.

— Володя, или ты сейчас же пойдешь и сделаешь, что мама тебе говорит, или я с тобой больше не играю,— сказал тогда Саша спокойно, но так твердо, что Володя тотчас встал и исполнил требуемое. Помню, с каким растроганным видом рассказывала мне об этом проявлении Саши мать.

Сопоставление этого рассказа с моими личными впечатлениями, а также и с тем, как проявлялся тогда и чем интересовался Володя, сложило во мне прочное убеждение, что именно эти черты его характера имел в виду Саша, когда высказал свое суждение о нем. Из воспоминаний о Саше, как моих, так и некоторых из товарищей, видно, что всякая насмешка, поддразнивание были абсолютно чужды его натуре. Не только сам он никогда не подсмеивался, но даже реагировал как-то болезненно, когда слышал такие насмешки от других... Володе насмешка была свойственна вообще, а в этот переходный возраст особенно. А Саша, в это лето после потери отца, когда в нем созревала, очевидно, решимость стать революционером... был в настроении особом, даже для него, далеко от всякого легкого, с кондачка, отношения.

Я этим объясняю такое решительное заявление Саши, поразившее меня, хотя различие натур обоих братьев выделялось уже с детства, и близкими друг другу они никогда не были, несмотря на безграничное уважение и подражание Саше со стороны Володи с ранних лет. Гораздо большей симпатией Саши пользовалась из меньших Оля, в характере которой было много сходства с ним.

Я знаю, что такое суждение старшего брата — участника террористического акта — о младшем — социал-демократе — вызовет во многих искушение дать всего легче напрашивающееся объяснение: братья не сошлись в политических убеждениях. Но такое, как будто бы самое естественное, объяснение было бы самым неверным. Володе в последнее лето, проведенное им со старшим братом, было только 16 лет. В то время молодежь, особенно в глухой, чуждой общественной жизни

провинции, не определялась так рано политически. Зимой этого года, когда я много гуляла и говорила с Володей, он был настроен очень оппозиционно к гимназическому начальству, к гимназической учебе, к религии также, был не прочь зло подтрунить над учителями (кое в каких подобных шутках и я принимала участие) — одним словом, был, так сказать в периоде сбрасыванья авторитетов, в периоде первого, отрицательного, что ли, формирования личности. Но вне такого отрицательного отношения к окружающему — для него главным образом к гимназии — ничего определенно политического в наших разговорах не было, а я убеждена, что при наших тогдашних отношениях Володя не скрывал бы от меня таких интересов, расспрашивал бы меня о питерской жизни с этой стороны. Во всю свою жизнь он очень цельно отдавался всегда своим преобладающим стремлениям — не в его натуре было таить что-нибудь в себе. Летом, я помню, мы отмечали оба с Сашей, удивляясь этому, что Володя может по несколько раз перечитывать Тургенева, — лежит, бывало, на своей койке и читает и перечитывает снова, — и это в те месяцы, когда он жил в одной комнате с Сашей, усердно сидевшим за Марксом и другой политико-экономической литературой, которой была тесно заставлена книжная полка над его столом.

Следующей осенью, уже после отъезда Саши, если верить воспоминаниям одного из товарищей Володи¹, они начали вдвоем переводить с немецкого «Капитал» Маркса. Работа эта прекратилась на первых же страницах, чего и следовало ожидать: где же было зеленым гимназистам выполнить такое предприятие? Стремление подражать брату, искание путей, конечно, было, но не больше. Читать Маркса Володя начал уже в 1888/89 году, в Казани, по-русски.

Итак, определенных политических взглядов у Володи в то время не было.

С другой стороны, Саша, как видно из ряда воспоминаний — моих и других товарищей, — не принадлежал ни к какой партии летом 1886 года. Несомненно, что путь революционера был уже намечен им для себя, но он только знакомился тем летом с «Капиталом» Маркса, изучал русскую действительность². На суде он говорил, что считает самой правильной борьбу путем пропаганды и агитации; на следствии — что набравшаяся им в квартире Пилсудского общая часть программы представляла проект объединения партии «Народной воли» с социал-демо-

¹ Кузнецова А. Е.

² См. воспоминания Чеботарева и Говорухина о его изучении вопроса о русской общине и критике В. В. А. Е. (см.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 244, 218. *Ред.*).

кратической. А в восстановленной им по памяти программе террористической фракции партии «Народной воли» отмечал, что к социал-демократам их фракция относится не враждебно, а как к ближайшим товарищам.

Следовательно, «не сходитесь» с человеком, клонящимся к социал-демократии, у него основания не было.

А затем Саша был замкнутым, выдержанным человеком. Если он протестовал против привлечения молодых, неопределившихся людей в спешке приготовления террористического акта и был против нравственного и умственного давления на них; если по той же причине держал в неведении меня и отклонил поселение со мной на одной квартире, — то тем больше не стал бы он говорить на эту тему с младшим братом, гимназистом, особенно в год потери отца, когда ответственность за младших перед матерью он ощущал особенно остро. И как я уже указывала, он был противником какого-либо давления на личность, предоставляя каждому вырабатываться самостоятельно. Да и Володя, много говоривший со мной о партиях и своих убеждениях в последующие годы, рассказал бы мне, несомненно, если бы были какие-либо разговоры с Сашей на эту тему.

Небезынтересно также сопоставить с этим рассказ И. Х. Лаянца о том, как на вопрос его о деле Александра Ильича Владимир Ильич сказал: «Для всех нас его участие в террористическом акте было совершенно неожиданно. Может быть, сестра (имел в виду меня) знала что-нибудь, — я ничего не знал!»

Таким образом, предположение, что суждение Саши о брате было вызвано политическими разногласиями, должно отпасть совершенно. В корне его могло лежать одно несходство характеров, особенно проявившееся, по указанным причинам, в последнее лето, — несходство, осознанное и формулированное одним Сашей, — никогда ни одного намека на таковое от Володи я не слыхала. Очевидно, что при своей огромной выдержке Саша ничего младшему брату не высказывал. После же смерти Саши я, понятно, не стала говорить Володе об этом его мнении: я понимала, что нанесу ему только лишнюю боль, не сумев даже дать точное объяснение, какое несходство имел в виду Саша. Потеря его — такого любимого и уважаемого всеми нами — ощущалась и без того слишком остро, чтобы я могла причинить лишнее огорчение тем мнением Саши, которое Володя все равно не мог уже изменить. По-моему, все мы держались после нашего несчастья тем, что щадили друг друга. А потом я совсем не могла первые годы говорить о Саше, разве только с матерью. И наконец, я считала, что мнение Саши основывалось как раз на той несколько крайней мальчишеской резкости, которая за-

метно уменьшилась после нашего несчастья, а с годами, я видела, сглаживалась все больше и больше.

Но, конечно, старший брат погиб слишком рано, чтобы можно было сказать, как сложились бы отношения между обоими ними позднее. Это были, несомненно, очень яркие, каждая в своем роде, но совершенно различные индивидуальности. Обе они горели сильным революционным пламенем. Гибель старшего, любимого брата, несомненно, разожгла его ярче в душе младшего. А старший шел по дороге к революционному марксизму, который пытался еще примирить с народовольчеством, как большинство революционеров того времени, но к которому пришел бы окончательно. Кроме дальнейшей теоретической работы его привела бы к нему развивающаяся в этом направлении жизнь. За это говорят как его программа, так и отзывы товарищей¹, рассыпанные отдельными черточками в этом сборнике.

С осени 1886 года я заметила, что Саша стал вести более общественную жизнь. Они сняли вместе с Чеботаревым (математиком, только что окончившим курс), членом симбирского землячества, две комнаты на Александровском проспекте Петербургской стороны, д. № 25, с отдельным ходом. Это был деревянный двухэтажный дом обычного провинциального образца. Сняты были две комнаты на улицу, соответствующие зале и кабинету; в меньших, на двор, ютились хозяева-ремесленники. В узком кабинете, в одно окно, стояли в ряд две кровати, а противоположная стена была занята книжными полками до полу; кроме личных книг обоих жильцов на них помещалась библиотека симбирского землячества. Здесь можно было обычно достать выходившие тогда нелегально «Сказки» Щедрина или сочинения Л. Толстого: «В чем моя вера», «Так что же нам делать?», «Что такое деньги?», «Исповедь». Первая, зала, была приемной. Тот из двоих, кто желал заниматься, уединялся в спальне.

Уже самый характер такой, семейного типа, квартиры показывал на желание жить общественной жизнью. Просторная приемная, библиотека землячества должны были, конечно, сделать эту квартиру центральной для земляков; а затем бóльший простор привлекал вообще молодежь из тесных, с тонкими перегородками к хозяевам, комнаток. Не знаю, чьей инициативой было поселение в такой квартире, кажется, что инициативой Чеботарева; но, во всяком случае, одно согласие Саши поселиться вдвоем, иметь общую приемную указывает, что

¹ См: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 375—380, 135—270. *Ред.*

определенного намерения заняться подготовкой к террору у него тогда не было; при подобном намерении таких квартир не снимают. И в январе, когда решение это было окончательно принято, Саша предложил Чеботареву переменить квартиру: «Участие мое в одном серьезном деле может вас скомпрометировать». И Саша стал подыскивать себе другую, меньшую квартиру, вследствие чего дал мой адрес для посылки телеграммы из Вильно, но за всей занятостью последнего времени не успел выполнить этого до 1 марта.

Но если не о терроре, то о большем общении с людьми, о революционной работе, о выяснении своих взглядов на эту работу, несомненно, уже более определенно думал Саша, он как раз по этому мотиву отклонил поселение вместе со мной.

И посетителей я стала встречать у него гораздо больше, чем в первые годы; при этом земляки отходили заметно на задний план; зачастил главным образом, чуть не ежедневно, Говорухин. В первый раз я встретила с ним у Саши весной 1886 года. Он произвел на меня сразу очень неприятное — как редко кто в жизни — впечатление. Я верю своему первому впечатлению, и в жизни мне не раз приходилось убеждаться в правильности его. По мере знакомства впечатление это только укреплялось. Это был рыжеватый блондин, здорового вида, флегматичный, с характерным говорком на «о» и растягиванием кубанцев. Он казался малоинтересным. Суждения его были грубоваты, небрежны. Он способен был сидеть подолгу, развалившись на диване или на кровати, давая лишь односложные реплики. Как-то непонятно было, для чего он сидит, как будто ждет, когда я уйду. «И никогда не догадается выйти в другую комнату, оставить меня одну с Сашей хоть ненадолго», — думала я. А если заговорит, то так неискренно, посматривая на меня таким взглядом себе на уме. Я не могла понять, что находит в нем Саша.

— Хитрый вы, Макарыч! — сказала я ему раз, не выдержав (у донцов и кубанцев была привычка называть друг друга по отчеству).

— Я-то хитрый?! Что вы?! Спросите Ильича! — ответил он.

— Нет, он не хитрый, — сказал с убеждением Саша, ходивший взад и вперед по комнате.

Мнение Саши было для меня всегда очень авторитетным, и я сжалась, умолкла. Я старалась переломить себя, подметить, что находил хорошего в Говорухине брат, но подавить своей антипатии все-таки не могла. Как обычно бывает в таких случаях, она была, очевидно, взаимной.

Пришла как-то при мне познакомиться с Сашей слушательница акушерских курсов Шмидова, которая жила в одной

квартире с Говорухиным. Помню, что сначала она прошла с ним во вторую комнату — может быть, у нее было какое-нибудь поручение, — а потом сидела вместе с нами за чаем. Саша держался сдержанно, вслушивался и приглядывался; она болтала, не умолкая. Впечатление от нее получилось у меня менее определенное, чем от Говорухина, но скорее не в ее пользу: она показалась мне малоразвитой, малосодержательной. Она стала тоже довольно часто забегать к брату, а потом и ко мне, но наши с нею отношения не стали ближе; я к ней совсем не ходила. Она посещала тогда в качестве невесты одного заключенного в предварилке, и мы организовывали иногда совместно поездки ему. Стала я встречать у Саши кое-кого из его однокурсников. Помню из них Мандельштама и Туган-Барановского, позднее профессора политической экономии, на книгах которого учились в 90-х годах молодые социал-демократы. Оба стали легальными марксистами типа Струве, в революционной работе ни один из них участия не принимал.

Самым ярким воспоминанием от зимы этого года является для меня добролюбивская демонстрация. Это была первая демонстрация, в которой я принимала участие, и запомнилась она мне очень живо. Первые годы — 1883—1886 — никаких демонстраций не было; февральская 1886 года произошла в мое отсутствие. Хотя обе они устраивались студентами, но были чисто политическими демонстрациями: студенческие требования отсутствовали в них вовсе. Первая из них напоминала о самой основной из реформ минувшего царствования, которые современное нам стремилось понемногу брать назад. Вторая имела в виду чествовать писателя-революционера, одного из лучших сыновей родины. Услыхала ли я о том, что демонстрация предполагается, от Саши или от кого другого, я сказать сейчас не могу, но я была на ней все время с Сашей.

Демонстранты приезжали группами на конке прямо к Волкову кладбищу — помню, по крайней мере, относительно нас. Мы застали там порядочную толпу, которая все возрастала. Налево, против кладбища, обращало на себя внимание изрядное количество городских, еще больше их было, очевидно, спрятано во дворе, откуда они осторожно выглядывали. Ворота кладбища оказались запертыми. Все демонстранты — среди них депутаты с венками — остановились перед кладбищем. Представители пошли переговаривать с кем-то из полиции, звонившим из участка градоначальнику Грессеру. Торговались долго. Но удалось получить разрешение на пропуск только делегатов с венками, около 30 человек. С пением «Вечной памяти» двинулись они на кладбище. Мы, все остальные, продолжали стоять перед воротами.

Когда депутация вернулась, все пошли обратно. Настроение было подъемное, крайне возмущенное; демонстрация двигалась сплоченно. И тут, при одном из поворотов,— если память мне не изменяет, при первом, с Расстанной улицы на Лиговку,— появился на коне сам Грессер и вступил в переговоры с демонстрантами. Помню его слащавый тон и гарцующего под ним коня. Мы с братом оказались совсем близко от него. Помню, что Саша произнес какую-то краткую, возмущенную реплику на его убеждения и, махнув рукой, пошел вперед вместе с более решительной частью толпы.

— Куда мы идем, Саша? — спросила я через некоторое время.

— Да вот, хотели пройти по Гороховой, но, очевидно, на Невский уже идем,— ответил он, и по его тону я вывела заключение, что он стоял за более мирное направление — по Гороховой.

Недалеко от Невского, у здания участка, направо, мы увидели скачущих на нас с шашками наголо казаков. Остановившись, они преградили нам путь. Толпа стала. В то время Лиговский канал не был еще засыпан, и налево от нас была решетка канала, спереди и сзади путь преграждали казаки, направо был двор участка, огромный, растянувшийся, с низким и длинным, старинного типа, зданием. Выход оставался один: в ворота участка.

Был сырой ноябрьский день с пронизывающим туманом. Толпа, конечно, уже поредела: той сплоченности, которую мы наблюдаем при позднейших демонстрациях, в то время, понятно, еще не было. Топчась по грязи, демонстранты собирались кучками, совещались. Ко мне, стоявшей под руку с братом, подошла моя однокурсница Винберг с молодым кандидатом в профессора Клейбером.

— Что же теперь делать? — спросили они, указывая на живую цепь казаков.

— Идти вперед! — сказал брат, и его нахмуренное лицо приняло выражение какой-то железной решимости, жутью прошедшей по моим жилам. Насилие страшно возмутило его.

— Но куда же вперед? На казаков, на шашки? — отвечал Клейбер, и оба они с недоумением глядели на брата.

Он ничего не ответил и отошел вместе со мною.

— Какой ваш брат ужасно энергичный! — сказала мне на другой день Винберг, видевшая его впервые.

Пока мы стояли и толкались, оцепленные, на Лиговке — несколько часов,— происходили, конечно, и другие встречи, обмен мнениями, шутки. Помню подошедшего к нам с Сашей М. Т. Елизарова. Всегда уравновешенный, жизнерадостный,

веселый, он с комичной серьезностью заявил: «Позвольте представиться: М. Т. Елизаров». Помню, как сочувственно засмеялся, пожимая ему руку, за секунду перед тем нахмуренный брат, и как оба мы почувствовали облегчение при этой, несколько разрядившей атмосферу, невинной шутке.

Оцепленная молодежь частью возмущалась: кое-кого, более шумного или подававшего возбужденные реплики, отводили в участок и задерживали там; в другой, менее боевой части росла с усталостью апатия. Парами или маленькими группами стали через промежутки выпускать желающих.

По другую сторону канала собиралась сначала толпа, заинтересованная необычным зрелищем. Расспрашивали, в чем дело. Помню, Саша с оживлением передавал слова кого-то из этих зрителей:

— По профессору своему панихиду служить хотели... За это! Эдак, если я по родителям захочу, меня тоже в участок?

Так хотелось тогда общественного понимания, сочувствия, так тянуло, по самомалейшему признаку, верить ему! Ведь демонстрации организовались с целью встряхнуть общество, зажечь в нем хоть слабый отблеск того протеста, которым дышал самый революционный слой того времени.

Были случаи переброски через канал и булок в проголодавшуюся толпу.

Между тем отведенные в участок демонстранты — среди них Сашины однокурсники Мандельштам и Туган-Барановский — не возвращались. Очевидно, они были арестованы. Надо было подумать об очистке их квартир.

Вечер надвигался все больше, все сильнее редела толпа, и уже по-темному, когда народу оставалось совсем немного, вышли из-за живой ограды и мы с Сашей. Помню тут какие-то переговоры с Говорухиным, кажется об очистке квартир. Он пошел отдельно от нас. Саша был молчалив и сосредоточенно мрачен; по возвращении на Петербургскую сторону побежал на квартиры арестованных товарищей.

Все мы были чересчур взбудоражены, чтобы сидеть спокойно по домам в этот вечер, и поэтому я, перекусив и обогревшись, побежала к Саше, где застала уже кое-кого из товарищей и куда приходили затем и другие знакомые из демонстрантов. Говорилось о том, кто арестован; сообщалось о благополучной очистке их квартир; в речах звучали возмущение и тревога: ожидалось дальнейшие аресты и обыски. Делились впечатлениями: как всегда в подобных случаях, на народе было легче. Сообщалось, по какому поводу тот или иной был арестован.

Первая часть вечера протекала в озабоченном, подавленном настроении. Но вот явился Мандельштам, а затем Барановский,

как оказывается, освобожденные, стали говорить, что и остальных арестованных выпустили, — и все мы заликовали. Посыпались вопросы: за что брали? Помню Туган-Барановского, который со своим всегдашним флегматичным видом заверял, что он не понимает, за что, — что он ничего не говорил.

— Да ведь ты, говорят, сказал Грессеру: — Саша привел очень резкую реплику, которая улетучилась из моей памяти.

— Нет, не говорил, — решительно возразил Барановский. Сообщившие этот слух стали настаивать:

— Да как же! Сказал!

— Нет же! По-моему, я не говорил... Кажется... — начал сдавать Туган-Барановский.

Саша рассмеялся.

— Очевидно, человек был в таком состоянии, что сам не помнит хорошенько, сказал ли что-нибудь, — заметил он.

Все повеселели, слышались шутки, передавались любопытные эпизоды. Так, рассказывали при общем большом одобрении об ответе, данном Грессеру одним остроумным парнем из арестованных. А именно, когда при нем, сидящем в участке, туда вошел Грессер и заявил, ни к кому не обращаясь: «Ух, умалялся!» — то этот студент заметил подчеркнуто почтительным тоном: «Да, ваше превосходительство, должность незавидная».

После тревог и переживаний дня у всех создалось какое-то особенно счастливое, умиротворенное настроение: нам хорошо было сидеть кучкой, вместе; на душе было легко, и не хотелось расходиться, хотя уже как будто все переговорили. В один из таких моментов молчания М. Т. Елизаров хорошо сформулировал наше настроение, заявив со счастливой улыбкой: «Какое у нас единение душ, господа!» (слова «товарищ» в то время в обиходе еще не было: студенты в аудиториях обращались со словом «господа!»). Кое-кто слабо усмехнулся; другие постеснялись бы так прямо сказать, но не протестовал никто, ибо настроение было схвачено верно. Я не смогу перечислить всех присутствовавших; были здесь кроме «героев вечера» — Барановского и Мандельштама — Чеботарев, Елизаров, Говорухин, кажется, Шмидова; было и еще несколько человек. Но настроение того вечера — какое-то счастливое, праздничное и братское — живо запечатлелось в памяти. Это было, в микроскопической миниатюре, то же настроение, которое испытывается массами после напряженной борьбы и победы, пусть только кажущейся: отдых после борьбы в тесном кругу своих, особое ощущение спайки, подъема, не омраченное никакими жертвами, — те, кто считался вырванным, оказались снова в рядах...

Но, как после стольких революций, ощущение победы в нашем маленьком кружке оказалось преждевременным: в течение ближайших же дней посыпались кары — были обысканы и высланы на родину как забранные в участок во время демонстрации, так и некоторые другие, состоявшие на примете, всего человек 40 из всех высших учебных заведений. Высылки эти, которыми правительство хотело припугнуть остальных и остановить движение среди них, казались, как всегда, нелепыми, несправедливыми и возмутительными и, как таковые, оскорбляли нравственное чувство оставшихся тем больше, чем обостреннее оно было. «За что тех? Мы, другие, также виноваты! Какая возмутительная несправедливость!» — говорили или думали они, стараясь подвести под общие нормы поведения властей, которые в своих поступках руководствовались совсем не теми или иными нормами, а только чувством самосохранения.

Праздничное настроение сменилось мрачным, подавленным или возмущенным, в зависимости от индивидуальности. Помню, как сейчас, такое подавленное, прямо трагическое выражение лица у курсистки Разумовской, члена самарского землячества, после высылки ее сожительницы Долговой. Мне оно уже и тогда показалось не соответствующим причине. Это был, очевидно, человек с сильно расшатанной нервной системой — года через два после того она покончила самоубийством. В более активных натурах расправа властей вызвала горячий протест, стремление к отмщению, стремление показать правительству, что не все склоняют так покорно выи, что нельзя так безнаказанно оскорблять чувство человеческого достоинства, что этому будет, должен быть положен предел, чего бы это ни стоило, — что, если нужны жертвы, найдутся и жертвы...

Такой натурой был брат, Александр Ильич.

Как я, так и многие другие, знавшие брата, писавшие о нем... считают добролюбовскую демонстрацию с ее результатами сильным толчком, подвинувшим его на террор.

В наше время может показаться диким по несоответствию: разогнанная студенческая демонстрация толкает на самоубийство, на террор. Нам трудно перенестись за 40 лет назад, в психологию того «проклятого богом», по выражению Якубовича, поколения 80-х годов. Но прежде всего, неверно, чтобы это была студенческая демонстрация. Не студенческие, а общеполитические мотивы вызывали ее. Студенчество было только тем единственным слоем, в котором проявлялось иногда общеполитическое.

тическое недовольство. Так смотрели тогда на эти манифестации и в обществе. А что касается несоответствия причины со следствием, то надо только не забывать известной аллегории о последней капле, которая переполняет всякую, далеко не мелкую только чашу. Разве не эта капля играет всегда решающую роль во всех восстаниях, революциях, во всех тюремных бунтах? Вспомним особенно, какие ничтожные мелочи вызывают эти последние. Не потому ли, что в тюрьме, где личность и без того придавлена свыше всякой меры, всякое лишнее, как будто мелочно ничтожное давление является уже непереносным, ощущается как величайшее оскорбление, вызывает как бы несоответственно страстный протест. Точно так же было и в той всероссийской тюрьме, которой являлась общественная жизнь 80-х годов.

Попробовала как будто молодежь приоткрыть малюсенький клапан в нестерпимо душном воздухе тогдашней общественности, но и он захлопнулся по-самодурски грубо, вырвал жертвы, для многих такие близкие...

На редкость хороший товарищ, брат переживал эту несправедливость по отношению к некоторым из них так остро, как не пережил бы, вероятно, свою собственную высылку. Помню, какой мрачно-сосредоточенный вид был у него при известии о высылаемых, как чутко отзывался он, не любивший писать, на их письма, как спешил исполнить их поручения. Помню особенно письма М. И. Туган-Барановского, его lamentации... Высланным представлялось, очевидно, что их положение — верх несчастья.

Затем я вспоминаю себя в первые после добролюбовской демонстрации дни на квартире Саши, за круглым столом в большой комнате. Вместе с несколькими товарищами (не осталось в памяти, с кем именно) я надписывала адреса на конвертах для воззвания к обществу по поводу демонстрации 17 ноября, вкладывала гектографированные листки и в числе других понесла кипку таких конвертов по почтовым ящикам. Я не знала тогда, что воззвание это составлено братом, но видела, что он был одним из инициаторов. Помню предупреждение: не бросать нескольких конвертов в один ящик; помню также, что мне это показалось преувеличенной осторожностью и что под конец я, утомленная, бросила-таки в один ящик несколько штук.

С этого времени я стала чаще встречать у Саши Говорухина. Помню раз — около рождественских праздников как будто бы, — что тотчас по моем приходе Саша взял какой-то длинный и узкий предмет, нечто вроде ружья по форме, завернутый тщательно в бумагу, и пошел относить его куда-то, сказав мне, что вернется скоро, чтобы я подождала. Говорухин, находившийся

тут же, был, очевидно, в курсе дела, но, оставшись со мною, ничего не пожелал объяснить. Помню, что меня охватило смутное чувство беспокойства: что за странный предмет? Обычно я видела брата только с книгами. Что за поспешность и таинственность с передачей его куда-то? А вместе с тем неопределенное чувство досады на Говорухина, что он остался, а пошел Саша, что я должна сидеть и ожидать брата. А главное, что это за предмет? Не рискует ли Саша? Помнится, я что-то спросила Говорухина, он ответил односложно и уклончиво, и я уткнулась в книжку, дожидаясь, как тогда мне показалось, бесконечно долго возвращения Саши. Помню, была надежда, что я пересяжу Говорухина, но она не сбылась, и я, недовольная и встревоженная, ушла вскоре по возвращении Саши. Этот эпизод, объяснения которого я не получила, должен бы был, казалось, натолкнуть меня на то, что готовилось, но спокойствие Саши, его усиленные занятия, а также мои собственные дела и делишки отвлекли меня. Да и очень уж далека была я, как и другие непосвященные товарищи Саши, от мысли о том, что готовится террористический акт. Так, заскребла за сердце в этот вечер какая-то тревога смутная, да и потонула в других впечатлениях.

Помню еще из этих последних месяцев, что Саша принес мне перевод статьи Маркса о религии в «Deutsch-französische Jahrbücher», сделанный частью им, частью Говорухиным, с просьбой исправить его — я считалась большим знатоком немецкого языка. Помню, что я была очень польщена такой задачей и усердно сидела за работой; помню, что указывала Саше на большие недочеты, особенно в части, сделанной Говорухиным. Можно себе представить, как я исполнила эту работу, первую по редактированию, не имея знакомства с Марксом! За исправленным переводом, вместе с книгой, одолженной братом — как выяснилось потом — у В. В. Водовозова, зашел ко мне Говорухин. Это было, кажется, уже незадолго до его отъезда, чуть ли не последний раз, как я его видела¹.

Думаю, что этот перевод, как образчик спокойной литературной работы, которой занимались Говорухин с Сашей, был одним из впечатлений, заставивших меня позабыть про странный случай с длинным предметом.

На рождественские праздники в 1886 году я осталась в Петербурге: нельзя было позволить себе лишних трат с поездкой домой. А потом и работы в этот последний год было больше. Эти праздники проходили для меня очень нудно: с прекращением очередных лекций и занятий было больше простора для

¹ Говорухин рассказывает, с каким огромным увлечением читал Саша Маркса, как светилось при этом его лицо. А. Е.

воспоминаний, переживалась острее оторванность от семьи. Одиночество ощущалось тягостнее, общества Саши я жаждала больше, чем когда-либо, тоскливее было, что я только урывками вижу его.

Остался в памяти канун Нового (1887) года. Брат, отправляясь на новогоднюю вечеринку, зашел ко мне, но не один, а с Говорухиным. Они звали и меня — помнится, больше Говорухин, чем брат, — но я, вообще большая домоседка, была в своем настроении траура не расположена идти на веселье, да к тому же и публика там должна была, кажется, быть малознакомая. Помня, что брат первый год нашей питерской жизни приходил ко мне встречать вместе Новый год (две следующие зимы я проводила праздники в Симбирске), зная, что он вообще не сторонник большого веселья, глядя, очевидно, чересчур сквозь призму своего настроения, я просила его остаться у меня. Но он стремился настойчиво, как ему не было свойственно в таких случаях, когда он видел причиняемое отказом серьезное огорчение, уйти на вечеринку. Даже когда Говорухин, вероятно разленившийся идти, к моему большому удивлению, вдруг тоже поддержал меня, предложив брату остаться, он не уступил. Я опять-таки, избалованная его чуткостью и внимательностью с детства, приписала это изменившемуся отношению ко мне. Конечно, оставшись одна, я горько проревела, чувствуя, как никогда, и потерю отца, и одиночество, и горе матери.

Уже в тюрьме, продумывая подробно все поведение брата за последнее время, я поняла, что при состоявшемся решении принять участие в террористическом акте, что скрывалось от меня, ему — такому правдивому, что он мог только уклониться от ответа, а не солгать, так глубоко любящему мать и семью, что он должен был очень болезненно переживать подготовляемое ей горе, — было просто невозможно остаться в этот вечер со мною, с мыслями о семье. Надо было уйти от них, если не окунуться целиком (на вечеринке были далеко не только участники дела), то хотя найти отзвуки того, во что он вошел уже так сильно.

На следующий день (первый день нового, 1887 года) я сидела вечером у Саши. Чеботарев отсутствовал, мы были одни в первой, большой комнате, и оба сидели за книгами. Пришел Шевырев. Не помню, чтобы у него с братом был какой-нибудь конспиративный разговор; помню только, что он подсел к нашему чайному столу и затрещал, по обыкновению. Брат был, видимо, не рад его приходу и отвечал односложно, а потом совсем умолк, уткнувшись в книгу. Тогда Шевырев стал обращаться ко мне. Не заинтересованная разговором, видя, что он мешает

брату, я стала тоже замедлять свои реплики. Наконец Шевырев понял, что не ко двору, и ушел. А брат выразил досаду, что он помешал ему заниматься.

Вообще, если Александр Ильич работал напряженно до последнего времени, то незанятость Говорухина и особенно Шевырева бросалась в глаза.

В последних числах января я услышала от Елизарова или Чеботарева об аресте С. Никонова, о котором я слышала как об одном из самых симпатичных членов «экономического» кружка, куда входил и брат. И я отметила себе более печальное выражение лица Саши, отметила, что Саша очень сокрушен этим арестом.

Еще раньше узнала я, что Чеботарев переезжает от Саши и прискивает себе другую, меньшую квартиру. Мотива этого переезда ни один из них мне не указал, и я объяснила его себе по-иному, связав с другим моментом.

Помню, что Шмидова сказала мне как-то:

— А Александр Ильич скучает без Ивана Николаевича. Я спросила его как-то: скучно вам теперь одному? И он сознался, что скучно.

И действительно: большая, опустевшая квартира с сараеобразной первой комнатой, посетителей в которой стало гораздо меньше, производила какое-то унылое впечатление. Саша говорил, что заявил хозяевам об уходе и проживет только месяц, но мне казалось, что он проявлял тут мало энергии, чего я не понимала, ибо квартира была для него одного дорога, а конец месяца приближался. Да и вследствие слежки считалось, что ее лучше переменить. Помню, что и я ходила, искала квартиру Саше, но подходящего не видела, да и не могла решить без него, а он все был занят где-то, не имел времени посмотреть. Так и пришлось ему остаться еще на месяц, внеся плату вперед, что было в моих глазах верхом нерасчетливости.

Но наряду с этим около первых чисел февраля Саша засел опять основательно в зоологический кабинет университета, где стал проводить все утра. Он начал новую самостоятельную работу по изучению органа зрения у какого-то вида червей. Нервная беготня последнего времени как будто бы прекратилась или, во всяком случае, приостановилась. И я почувствовала большое облегчение: аресты миновали для него благополучно, засел опять за научную работу — так приблизительно умозаключила я.

Правда, незадолго перед этим Саша предупреждал меня, что на мой адрес может быть получена для него телеграмма за подписью «Петров», и раза два заходил справляться о ней. Ожидание этой загадочной телеграммы подержало меня пару

дней в нервном возбуждении; но она не приходила, и я перестала думать о ней.

Однако раз ночью я была разбужена звонком, повергшим в тревогу мою хозяйку, и телеграммой, заставившей меня прежде всего всполошиться, не дома ли что случилось? И хотя под телеграммой стояла чуждая мне подпись «Петров», и подана она была из Вильны, где у меня ни души знакомой не было, но ее непонятный текст: «сестра опасно больна» — и самый факт ее получения сильно взволновали меня, и я долго не могла заснуть. Наутро я понесла ее брату в университет, где, как я знала, он занимался, чтобы не откладывать до его возвращения домой.

Помню, как сейчас, его спокойный, все еще погруженный в интенсивную научную работу взор, когда он вышел ко мне; помню сменивший это выражение проблеск тревоги и напряженное, углубленное чтение телеграммы. Мне оно показалось страшно долгим для трех коротких слов, составлявших ее содержание: меня поразила та значительность, которой слова эти отобразились на его лице, та перемена взгляда и всего настроения, — точно человек отрывается от одного берега и плывет к другому. Такой смены настроений я на его спокойном лице ни разу — ни раньше, ни позже — не видала.

Я не выдержала:

— Что это значит? Это что-нибудь очень плохое, Саша? — спросила я.

— Нет, — ответил он спокойно, засовывая телеграмму в боковой карман, и точно вынули лампу из резного фонаря, точно спугнутый моим вопросом, ушел глубже внутрь тот свет, который освещал за минуту его лицо, и оно стало вновь суровым, непроницаемым, вновь появилось в нем что-то чуждое и неумолимое, что разделяло нас последнее время. И еще раз, подойдя почти вплотную к разгадке, я ничего не разгадала.

— Я сразу же, с утра, понесла ее к тебе; хорошо я сделала или нет?

— Да, спасибо!

Но я ушла с мучительным чувством раздвоенной психики: с одной стороны, я исполнила поручение, как меня просили, и, может быть, всеми принятыми мерами предосторожности отвлекла что-нибудь дурное — это говорил мне рассудок; с другой — в глубине души, в подсознательной, так сказать, области, что-то мучительно ныло, как бы предчувствием принесенного мною несчастья. Неизвестность мучила меня, и когда я вскоре после этого увидела брата у себя, в домашней обстановке, я спросила его опять о загадочной телеграмме. Он снова умолк и ушел в себя. Тогда, испуганная тем, что он из-за моих расспросов ничего доверять мне не будет, представлявшая себе, вероят-

но вследствие полного незнакомства с конспирацией, что нами дело было обставлено очень конспиративно, я сказала:

— Ну хорошо все же, что ты мой адрес дал, а не свой,— это осторожнее.

— Нет,— ответил брат,— я не потому его дал, но я ведь собирался тогда менять квартиру и не мог дать свой.

И опять я ничего большего не узнала.

Очень характерно для брата, что не стремление выгородить себя, а только отсутствие своего постоянного адреса заставило его дать адрес близкого лица. Не допуская возможности выдачи со стороны одного из участников, он не считал рискованной для меня такую замену на один раз. А потом, на суде, он говорил, что было ошибкой с его стороны дать адрес мой, человека совсем непричастного.

Затем я вспоминаю масленицу. В среду или в четверг на этой неделе я, не застав дома Саши, узнала от его хозяев, что он не ночевал дома. Это встревожило меня: во-первых, он никогда доселе не уходил куда-либо с ночлегом, а во-вторых, и не предупредил меня. Я забежала и на другой день. Тот же ответ. Тогда, крайне взволнованная, я отправилась за справкой к Говорухину. Там я застала Шевырева. Оба они были, видимо, также встревожены. Шевырев нервно бегал из угла в угол по комнате. Говорухин сидел насупленный. Он сказал мне, что брат выехал недалеко из Петербурга, не одобрил его, что он не предупредил меня, указал мне на неудобство ходить на квартиру за справками и старался успокоить меня. Но ни его тон, ни вид их обоих меня ничуть не успокаивали. Наоборот, тревога в моей душе усилилась. В то утро завеса на происходящее приоткрылась как будто бы всего больше передо мною, и теперь для меня непонятно, как я не додумала тогда всего до конца. Тем более что на мой вопрос, зачем поехал брат, Говорухин сказал, что для печатания или гектографирования чего-то, что это неопасно, что он скоро приедет. Между тем брат ни разу не говорил мне, что он самолично что-нибудь печатает или гектографирует, и я понимала, конечно, что это в большой степени рискованная вещь, и что оба успокаивающие меня товарища брата предпочли все же не ехать на это «малорискованное» дело, а сидеть, так сказать, «в бесте». Помню, я ушла в глухо враждебном настроении к ним обоим, получив обещание, что буду извещена тотчас же, как брат вернется.

И теперь в воспоминании меня охватывает та сгущенная атмосфера тревоги, которая царил в этой маленькой комнате; и так ясно, как немногое, рисуется мне и взбудораженный, как никогда, вид Шевырева, и Говорухин, хоть и старающийся поддержать свою всегдашнюю невозмутимость, но, видимо,

обеспокоенный. Только большой неопытностью и недоверием к себе, к своим непосредственным ощущениям могу я объяснить, как я дала так легко успокоить себя и фактом возвращения брата, и его всегдашним спокойным видом. Сначала я нашла оставленную мне в мое отсутствие записку, извещавшую, что он зайдет опять тогда-то; потом увидела его.

Помню также, что в его лице меня остановило какое-то особенное выражение, но, вероятно, я так перемучилась за последние дни, что больше по молодости лет и непривычке к испытаниям хваталась за то, что было успокоительного,— его присутствие, его спокойные слова,— чем за то, что было тревожного во всем этом. Помню, что я попеняла ему, что не предупредил меня об отъезде, и он признал свою вину в этом; помню, что спросила его, что он печатал, и высказала свое беспокойство относительно рискованности этого.

— Ты ведь печатал что-то?

— Нет,— ответил брат.

— А Говорухин сказал, что ты печатал.

Брат промолчал.

Очень характерной для него чертой было то, что он не умел лгать. Если он не хотел говорить чего-нибудь, он молчал. Это свойство его проявилось так ярко на суде. И вот при всех моих — немногих — расспросах я наталкивалась всегда, как на скалу, на это его твердое молчание. С одной стороны, оно, как я указала выше, обижало меня, я видела в этом недоверие, — и это я и высказывала и показывала ему, но встречала все ту же непоколебимую замкнутость. Помню, как один раз — не осталось уже в памяти, в какое время и по какому поводу, — моя обидчивость вырвалась наружу, и я воскликнула: «Ты не любишь и не уважаешь меня!» Но я тотчас же была пристыжена его глубоким огорченным тоном: «Ты очень хорошо знаешь, что я тебя и люблю и уважаю». У него это вышло непререкаемо. После этих слов, после сопровождавшего их взгляда оставалось только нравственно подобраться.

С другой стороны, я инстинктивно чувствовала, что тут есть что-то более глубокое и серьезное, что импонировало мне, и я не решалась настаивать. Отчасти же его более внимательное отношение, несколько ласковых слов, а главное, его спокойствие, совершенно непостижимое для моей природы при скольких-нибудь волнующих обстоятельствах, быстро успокаивали мою недалновидность. Так было и в это короткое посещение его после Парголова. Кроме того, я боялась быть навязчивой, спрашивая его, боялась, что он тогда еще меньше станет говорить мне.

В один из последних дней масленицы я поехала по пригла-

шению сестер Шевырева — моих однокурсниц — на блины в Лесное, где они проводили праздник у старшего брата, профессора Лесного института. Петра Яковлевича я там не застала. И сестры, и особенно брат выражали неудовольствие, что он не уезжает в Крым, как ему необходимо по состоянию здоровья, что он много бегают, рискует... Я поняла при этом, что беспокоит их не столько его физическое здоровье, как то, чтобы он не лезет. И тревога за Сашу, к которому он бегают, с которым о чем-то шепчется, прошла ножом по сердцу...

Отметила я при этом, что семейные Петра Яковлевича относились к нему несколько пренебрежительно. Позднее Чеботарев рассказывал мне, что, когда он встретился во время суда в свидетельской комнате с Шевыревым-профессором, тот определенно высказывался с пренебрежением о своем брате, удивляясь, как могли серьезные люди принять его в свою организацию. Конечно, это можно объяснить до некоторой степени тем, что профессор был далек от революционных взглядов, но ведь сила — всегда сила, и ум — всегда ум. Люди обычно признают и то и другое и считаются с ними, хотя бы и не соглашались с их направлением.

В одно из воскресений на масленице, кажется в последнее, я отправилась с братом обедать в организованную Шевыревым столовую — где-то на Петербургской стороне. Она кишела народом. Встретили мы там и Шевырева, и мне бросилась в глаза его особенная суетливость. Обменявшись кивком или полупонамеком с братом, он подсел ко мне и затрещал какие-то пустяки. Так как у меня с ним было лишь поверхностное знакомство и к такому тону болтовни с барышней я совсем не привыкла, я слушала его со скукой, торопясь окончить обед, а брат смотрел совсем хмуро. И вот у меня, человека совершенно неопытного в каких-либо конспиративных делах, зародилось смутное, но тем не менее очень тягостное подозрение, что меня стараются отвлечь, провести, что болтовня вся идет для того, чтобы замазать что-то. И когда мы вышли с братом, на губах у меня вертелось предостережение, я хотела сказать: «Шевырев старается замазать что-то. Это так заметно. Остерегайся его!» Но недостаточная уверенность в себе и сосредоточенный вид брата не дали мне высказать свое мнение, и я промолчала.

Это мое впечатление показывает, что суетливость и нервный ажиотаж, в котором находился Шевырев, бросался в глаза даже непосвященным, даже таким неопытным людям, какой была в то время я.

В своем состоянии неопределенной, но не менее от того жгучей, тревоги за брата я помышляла в последнюю пару недель перед 1 марта о том, чтобы обратиться к кому-нибудь, кто

мог бы воздействовать на Сашу в смысле проявления им большей осторожности. Мысль моя останавливалась при этом лишь на одном, на отце моей курсовой подруги, Л. В. Винберг, в семье которой я бывала. Владимир Карлович Винберг был передовым человеком, очень развитым и симпатичным. В то глухое время, непосредственно после убийства Александра II, когда в адресах всех земств новому царю выражалось одно лишь раболепие, только он, председатель симферопольской губернской земской управы, да председатель самарской, А. Н. Хардин, рискнули — в осторожных, понятно, выражениях — указать, как на главную задачу нового царствования, на необходимость увеличения крестьянских земельных наделов. Оба были смещены за эту дерзость, а Винберг выслан даже из Крыма. У него были и непосредственные связи с революционерами: так, он укрывал, как я узнала впоследствии, в своем имении видных террористов. Это не было обнаружено, но, может быть, некоторые подозрения у правительства на близость его к революционерам имелись. Владимир Карлович выбрал Дерпт, чтобы быть ближе к переселившейся в Питер семье своей, к которой наезжал и нелегально; а через два-три года ему было разрешено поселиться и в самом Петербурге.

Живой, отзывчивый, молодой духом, Винберг очень чутко относился к молодежи, которая охотно тянулась к нему. На его журфиксах бывало обычно очень оживленно, и я любила бывать на них. Пробовала я затащить Сашу туда, но это не удавалось мне. На то, чтобы поговорить с Винбергом откровеннее о тревогах относительно Саши, натолкнуло меня одно его предупреждение. А именно — в последнее время, если не ошибаюсь, уже в феврале,— я показала ему раз листок со штампом «Красного Креста», предлагая пожертвовать в пользу заключенных. Он сказал мне:

— Денег я вам дам, но листок этот лучше порвите и обращайтесь без него к знакомым, которым вы доверяете. Эти листки и записи ведут только к провалам: тот, кто доверяет вам, и без них даст вам денег.

Я последовала этому совету в одной его половине: ни к кому больше с листком не обращалась, но не уничтожила его до обыска, и, будучи уже арестованной, удалось мне бросить его скомканным во дворе охранки.

Припоминаю по этому поводу, что В. К. Винберг выказал трогательное внимание ко мне: 2 марта, услышав о многочисленных арестах, он самолично, вспомнив о факте нахождения у меня листка, побежал предупредить меня, но был остановлен кем-то, сообщившим, что я уже арестована. Его простое, сердечное и очень тактичное отношение к нам, молодежи,

заставляло меня думать, что и на брата он смог бы повлиять. Но это было уже в последние перед 1 марта недели; я колебалась — и к Винбергу достаточно близкой себя не чувствовала, и относительно брата не знала, должна ли так поступить, да и не видела возможности осуществить что-либо конкретно, раз Сашу не затащить было к Винбергам... И так и не успела привести этого плана в исполнение.

Вспоминая еще из этого времени посещение нами с Сашей одного из завсегдатаев Винбергов, молодого профессора — тогда, кажется, только оставленного при университете — Михаила Александровича Дьяконова. Я занималась вместе с его женой, моей однокурсницей, и бывала у них часто; Саша зашел впервые, но Дьяконова, кажется, встречал уже где-то. Зашли мы днем на минутку. Я, помню, была довольна, что Саша пошел со мной, я желала познакомиться его с этой семьей; но возвращалась я с ним разочарованная: он пошел, оказывается, по специальному делу, попросить, помнится, для чего-то адрес у Дьяконова. Тот отказал в просьбе. Саша ничего не сказал, как обычно, но выражение крайнего неодобрения легло на его лицо, и оно, всегда суровое и замкнутое, стало еще суровее и холоднее. Помню, как оба Дьяконовы старались смягчить впечатление отказа, но это ни к чему не привело: брат поднялся минуты через две, и мы пошли. Мне казалось, что Сашина холодность была недостаточно обоснована, и я высказывала ему это на обратном пути, я старалась уверить его, что Дьяконовы хорошие люди, но он хранил то же мрачное, упорное молчание.

Потом, после его смерти, когда Дьяконовы зашли проститься со мной перед моим отъездом из Петербурга, и я упрекала себя, что не сумела спасти брата, предотвратить эту трагедию. Михаил Александрович сказал мне:

— Что же можно было тут сделать?! Кто мог бы повлиять на него? Я знал так мало вашего брата, но сразу было видно, что это железный характер.— А потом добавил: — Я могу только сказать вам в утешение, что ваш брат погиб даром,— и привел в доказательство сего какие-то разговоры в сферах.

Я никоим образом не могла согласиться с этим и ответила с горечью: «Если даже и так, разве оплачиваются этим такие жертвы, гибель таких людей?»

Дьяконов сказал холоднее: «Конечно, родственные чувства...» — или нечто в этом роде и, видимо, отнесся неодобрительно к тому, что я не могу выйти из круга родственных чувств.

А я видела перед собой мрачное лицо Саши после того посещения, и оно становилось понятнее мне, оно говорило как

будто: «Вот эти люди... одобряют крайние меры, а коснись их самих, так пустяком не хотят рискнуть...» И то, что не вязалось как-то прежде с деликатным, нетребовательным к другим характером Саши: суровое осуждение за первый же отказ в мелочах, становилось мне ясным.

После ареста, в доме предварительного заключения, когда я напряженно продумывала последние встречи с братом, стремясь осмыслить для себя все происшедшее, я восстановила в памяти, день за днем, последнюю неделю и позднее записала для себя. Таким образом, я могу с точностью сказать, что в понедельник, 23 февраля, Саша пришел ко мне и провел у меня, что за последнее время было прямо-таки редкостью, целый вечер. В ожидании чая он прилег на кушетку и проспал довольно долго. Потом я показала ему письмо из Симбирска одного из сослуживцев покойного отца, И. В. Ишерского, который, очевидно в ответ на мою просьбу, писал мне о матери. Он писал, что самое последнее время она стала спокойнее и бодрее, между тем как дни, связанные с годовщиной смерти отца, переживались ею очень тяжело.

Подперев голову обеими руками, Саша долго-долго смотрел на эти строки, смотрел так, точно вся душа его сосредоточилась на них... Мне стало больно за его переживания, за этот скорбный, точно ушедший в себя взгляд, но в то же время я сказала себе: «Хорошо, что я показала ему это письмо,— он так болеет душой за маму, он будет осторожнее для нее». Лишнее доказательство того, что никто не может выйти из своей натуры, а соответственно ей переживает окружающее: я не могла себе представить, чтобы глубокая и серьезная дума о горячо любимой матери, о ее горе могла сочетаться с такой решимостью, с такой деятельностью, которая должна была нанести страшный удар матери... и чтобы можно было сохранять спокойствие при этом. Вообще я была страшно рада приходу брата и почувствовала некоторое успокоение после этого вечера.

На другой день Саша опять заходил ко мне, кажется, затем, чтобы попросить дать пристанище на ночь одной приезжей¹.

В среду вечером я пошла к нему, но застала у него какое-то собрание, на котором увидела нескольких незнакомых мне людей (в одном из них по предъявленной мне карточке я узнала Лукашевича). Саша вышел со мной ненадолго в другую комнату. Его, видимо, ждали, и он торопился. Смущенная видом незнакомых людей и тем, что помешала, я поспешила

¹ Анне Лейбович, нелегально приезжавшей из Вильны. О том же просила меня Шмидова. А. Е.

уйти. На сердце у меня было тяжело: происходило что-то, во что брат меня не посвящал, для чего считал, очевидно, недостаточно развитой, но что-то серьезное... Это было то совещание перед первым выходом метальщиков на улицу, 25 февраля, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Лукашевич.

Следующий день, 26-е, был праздник, царский день. Саша пришел ко мне утром. Во что-то погруженный, чем-то как будто расстроенный, он отвечал более односложно, чем всегда. Он пришел без всякого дела, сел, не раздеваясь, у самой двери, но просидел довольно долго. Не помню уже, спросила ли я его о чем-нибудь, но помню, что старалась развлечь, «разговорить»: я рассказывала ему о некоторых общественных и литературных новостях, передавала содержание какой-то новой, только что вышедшей тогда книги, которая казалась мне удивительно умной... Я из кожи лезла, чтобы заинтересовать его, и осталась сбитой с толку, разочарованной и немного обиженной тем, что он ушел как-то внезапно, что он ни о чем не говорил со мной, что он что-то как будто от меня скрывает...

Я поняла лишь позднее, что, находясь в этот день первого выхода метальщиков на улицу в страшном напряжении и тревоге, он зашел ко мне, как к своему человеку, чтобы найти душевный отдых, может быть, чтобы проститься... А я не дала ему того, чего он искал, я не сумела подойти к нему так, чтобы он хоть частично открыл передо мною душу. И это поистине последнее свидание с ним (на следующий день я видела его, но только мельком, на улице) оставило во мне глубокое чувство недовольства собою на долгие годы.

Но что-то неясное тяготело надо мною, мешало мне сосредоточиться на занятиях, и 27-го я решила поехать в Волкову деревню, послушать там уроки учителя народной школы, которого мои однокурсницы превозносили. Я готовилась стать учительницей. Не найдя ничего особенного в преподавании после наших, симбирских, школ и выплакав лишь до некоторой степени свою тоску среди чуждых мне могил, в которых я на обратном пути через кладбище заплуталась, я уже на Петербургской стороне встретила Сашу. Услышав, что я с Волкова кладбища, он приостановился и спросил с удивлением, зачем я ездил туда? Но, получив ответ, пошел, с очевидно угасшим интересом, своим путем.

На следующий день, 28-го, я пошла к нему вечером, но не застала его дома. 1 марта, в воскресенье, ко мне пришла утром Шмидова и сказала, что была только что у брата и что он ушел уже куда-то. Пришел ко мне и М. Т. Елизаров, и мы втроем отправились побродить по улицам, чтобы воспользоваться

прекрасной погодой — был ясный, солнечный, весенний день. Тревога за брата не покидала меня, и я поделилась ею слегка и со своими спутниками. «Да,— сказал тогда М. Т.,— Александру Ильичу давно уже вечную память поют». М. Т. Елизаров, употребивший, конечно, это выражение в смысле опасения ареста, не представлял себе тогда, как буквально оно исполнится, но у меня оно как ножом пришло по сердцу...

Я ждала весь день брата: ведь в воскресенье нет лекций и занятий — и побежала к нему вечером. Три окна его квартиры были ярко освещены. В своей неопытности я обрадовалась: значит, он дома, я увижу его! Я вошла по лестнице, позвонила... Меня встретила полиция, в комнатах все было уже вверх дном. Производился обыск, который мне пришлось видеть тогда впервые. Мне не сказали, конечно, что брат уже арестован, и, задержанная, я терялась в догадках, где он; думала, не зашел ли он ко мне в это время.

Кроме меня задержанным в Сашиной квартире оказался и его гимназический товарищ Валентин Умов, студент Московского университета, приехавший по каким-то делам в Питер. Я настолько не сознавала серьезности положения и не допускала мысли, что буду арестована, что позвала Умова зайти как-нибудь ко мне, сообщив ему свой адрес. Помню удивленный взгляд жандарма при этом. Не знаю, был ли арестован Умов, вернее — нет. Сужу об этом по тому, что, когда я была освобождена, я слышала от Елизарова или Чеботарева, что Умов рассказывал им: «...а она еще меня к себе звала!»

Когда обыск в квартире брата был закончен, часть полицейской ватаги отправилась вместе со мной на мою квартиру.

У меня было забрано заклеенное письмо к Анне Лейбович, которой Шмидова и брат просили дать переночевать у меня. Уходя куда-то вечером, я сочла возможным, кроме предупреждения хозяйки, оставить на столе письмо на ее имя — таково было мое полное невежество в конспиративных делах! — и продержать его пару дней. К счастью, Лейбович удалось скрыться, и так, неразысканной, фигурировала она и в обвинительном акте. С особыми, совершенно непонятными мне предосторожностями была забрана из ящика комода так называемая «инфузорная» земля, вывезенная Сашей из Кокушкина еще летом 1885 года и оставленная им в этой, занимаемой им раньше, комнате. Мое объяснение, что это — земля, привезенная им из деревни для исследования, очевидно, совершенно не удовлетворило жандармов. Я была отвезена в Охранное отделение на Гороховую улицу, а через сутки — в дом предварительного заключения. По дороге пристав, ехавший со мною на извозчике, сообщил мне, сокрушаясь об участи молодежи,

что вот-де студент Генералов бросил бомбу в государя, и за это теперь берут его знакомых, много невинных. Меня охватил ужас: Генералов! Он был знаком с Сашей, я встретила его там раз. Как отразится это на Саше?!

Я подумала сначала лишь об опасности знакомства. Только постепенно, в одиночестве, напряженно разматывая в своем мозгу клубок минувших событий, встреч, разговоров, всего неясного для меня в поведении Саши, я стала понимать с ужасом, леденившим мне душу, что тут дело не в одном знакомстве, а в активном участии. Первый же допрос утвердил меня в этом мнении, доказав многое. Так, допрашивая меня относительно телеграммы из Вильны, прокурор Котляревский сказал: «А вы знаете, о чем была телеграмма? В ней извещалось о присылке азотной кислоты, чтобы приготовить бомбы для покушения на государя-императора». А затем он сказал мне: «Шевырев уехал в Крым, Говорухин скрылся за границу, а ваш брат остался бойцом на поле битвы».

Но неопытная в революционных делах, с одной стороны, из инстинктивного чувства самосохранения — с другой, я старалась в стенах одиночки не углубляться особенно в мрачные мысли и предположения. Большую поддержку в этом оказала мне мать, приехавшая в Питер и получившая свидание со мною. С братом она получила первое свидание лишь 30 марта. Никаких фактических сведений о деле я получать, конечно, не могла. Иных связей с волей у меня не было. Перестукивание, которому я научилась, с товарками, сидевшими уже давно, не могло также дать никакого материала. А выдержка и поразительная твердость матери обманывали меня так же, как раньше спокойная уравновешенность Саши. Я не могла допустить, что готовится, а последние дни заключения, — что произошло нечто непоправимое, видя ее хотя потрясенную, грустную, но в полном самообладании. Памятуя горе, причиненное ей моей болезнью за год перед тем, я старалась поддерживать себя для нее, показывать ей также бодрое, спокойное лицо. А она была настолько мужественна, что уже после казни брата, о которой она узнала из листка, раздаваемого прохожим на улице, одна, она пришла ко мне на свидание и, прося надзирательниц не ставить меня в известность о происшедшем, старалась ободрить меня, настаивала на необходимости мне беречь здоровье, успокаивала меня относительно себя.

Не умеющая лгать, как и брат, она на мой вопрос о нем сказала только: «Молись о Саше». И хотя мне было безумно тяжело, я не поняла истинного смысла этих слов. Я обратила только внимание на то, с каким особым уважением пропускали ее фигуру в трауре, уходившую со свидания, лица тюремной

администрации. Такая сила воли при ее переживаниях импортировала и им.

Я писала Саше из тюрьмы два раза. Первое письмо было воплем души; в нем я писала между прочим: «Лучше тебя, благороднее тебя нет человека на свете. Это не я одна скажу, не как сестра; это скажут все, кто знал тебя, солнышно мое ненаглядное!» Но ответа я не получила: передано ли было, я не знала, и следующее я написала уже сдержанно, теми общими, более или менее казенными фразами, какими писались обычно письма через тюремный контроль, которые мучительно не удовлетворяли писавшего и не могли дать ничего получавшему их. Ответ Саши¹ — единственное письмо, полученное мною от него из тюрьмы от 26 апреля, — был получен мною уже по освобождению, после его смерти, из департамента полиции. Мне думается, что оно было ответом на второе письмо и что первого, искреннего, которое скорее могло бы заменить последнее прощание, он не получил. О свидании, как видно из прилагаемого письма, просил брат, просила и я, но оно не было разрешено.

Я была освобождена 11 мая стараниями М. Л. Песковско-го², который подал в департамент полиции просьбу об освобождении меня ради матери, мотивируя это тем, что иначе он боится за ее рассудок. Меня после сообщения тяжелого известия он предупредил, чтобы я сдерживалась при матери, старалась отвлекать ее от тяжелых мыслей, ибо он замечал, что она иногда «заговаривается». Вторая волна ужаса пронизала меня, и я стала всячески сдерживать себя для матери. Мне показалось, что Песковский выразил свое истинное опасение в тот момент, но если бы даже дело обстояло иначе, и он применил тут как бы хлыст, чтобы заставить меня взять себя в руки, я благодарна ему, ибо это оказалось действительной мерой... Хотя, конечно, и при этом несчастии, как и при первом, потере отца, мать явилась опорой мне, а не я ей. Я убеждена, что только благодаря ее близости и поддержке перенесла я гибель брата.

Мать рассказывала мне, что пошла на одно заседание суда. Близким родственникам предоставлялось это право. Как раз на этом заседании выступал со своей защитительной речью Александр Ильич. Мать передавала: «Я удивилась, как хорошо говорил Саша: так убедительно, так красноречиво. Я не думала, что он может говорить так. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала».

¹ См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 133—134. *Ред.*

² Мужа двоюродной сестры, Ек. Ив. Веретенниковой. *А. Е.*

Рассказывала она и о своих свиданиях с Сашей. На первом из них он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе; он говорил, что кроме долга перед семьей у него есть долг и перед родиной. Он рисовал ей бесправное, задавленное положение родины и указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее...

— Да, но эти средства так ужасны,— возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама,— ответил он. Он очень старался на этом и на следующих свиданиях примирить мать с ожидавшей его участью.

— Надо примириться, мама! — говорил он.

Он напоминал ей о меньших детях, о том, что следующие за ним брат и сестра кончают с золотыми медалями и будут утешением ей.

На одном из свиданий он сказал:

— Я хотел убить человека,— значит, и меня могут убить.

После суда, в доме предварительного заключения, убитая горем мать долго убеждала и просила его подать прошение о помиловании.

— Не могу я сделать этого после всего, что я признал на суде,— ответил Саша,— ведь это было бы неискренно.

На этом свидании присутствовал некий молодой прокурор Князев, несколько раз отходивший к дверям и выходявший даже из камеры, чтобы дать матери возможность переговорить свободнее с сыном. При последних словах брата он обернулся и воскликнул:

— Прав он, прав!

— Слышишь, мама, что люди говорят! — заметил брат.

— У меня тогда просто руки опустились! — рассказывала мать.

Он говорил ей о Шлиссельбурге — единственно возможной для него замене смертной казни,— об ужасе вечного заключения.

— Ведь там и книги дают только духовные; ведь эдак до полного идиотизма дойдешь. Неужели ты бы этого желала для меня, мама?

Мать указывала, конечно, что он молод, что многое может измениться.

— Позвольте и мне присоединиться к словам вашей ма-тушки,— вмешался в разговор присутствовавший в другой раз на свидании начальник дома предварительного заключения,— вы молоды, и ваши взгляды могут измениться.

Мать передавала, что Саша отвечал и ему так же твердо, но вместе с тем внимательно, как он относился ко всем людям¹.

¹ В то время такого обостренного классового антагонизма, как позднее, не было; тогдашний начальник дома предварительного заключения, помнится,

Он говорил и матери на свиданиях в доме предварительного заключения, куда был переведен из Петропавловской крепости на время суда, что ему тут хорошо «и люди все тут такие симпатичные».

Он просил мать на одном из свиданий выкупить его золотую университетскую медаль, заложенную за 100 рублей, продать ее — она стоила 130 рублей — и полученные таким образом 30 рублей отдать некоему Тулинову, которому он остался должен эту сумму¹. Просил он также разыскать и вернуть две одолженные им редкие книги².

На вопрос матери на свидании после суда, нет ли у него какого-нибудь желания, которое она могла бы исполнить, Саша сказал, что хотел бы почитать Гейне. Мать затруднилась, где достать эту книгу. Тогда достать ее брату взялся присутствовавший на свидании прокурор Князев³.

Последнее свидание с братом мать имела в Петропавловской крепости. Она рассказывала мне о тягостной обстановке этого свидания за двумя решетками, с расхаживающим между ними жандармом. Но она говорила также, что в этот раз она явилась повидать брата, окрыленная надеждой. Распространились слухи, что казни не будет, и материнское сердце, конечно, легко поверило им. Передать об этом при суровых условиях свидания она не могла, но, желая перелить в брата часть своей

по фамилии Ерофеев, был человеком добродушным и располагавшим к себе; из другого персонала я помню также людей очень внимательных и сочувствующих, например фельдшеру. А. Е.

¹ Мы разыскивали потом этого Тулинова и отдали 30 руб., но, как оказалось потом, не ему, а его однофамильцу. А. Е.

² Обе книги принадлежали В. В. Водовозову. Одна из них оказалась у Чеботарева и была возвращена. Другая — «Deutsch-französische Jahrbücher» — со статьей Маркса о религии была передана мною вместе с переводом Говорухину. Ее найти не удалось. Мы искали купить ее за границей, в книжных магазинах и у букинистов, но не нашли. А. Е.

³ Упоминаемый товарищ прокурора Князев говорит в своих воспоминаниях, что в конце апреля (очевидно, после суда) ему было поручено дать свидание Ульянову с его матерью, и он, желая обставить его как можно меньшими формальностями и стеснениями, провел Ульянову в одиночную камеру, в которой содержался ее сын, оставшись сам в коридоре у открытой в камеру двери. (Подсудимые содержались во время суда в нижних камерах дома предварительного заключения; свидания давались тоже в одной из камер первого этажа.) Такое исключительное свидание могло состояться так, как описывает его Князев.

— Прошло около сорока лет с тех пор, — говорит он, — но не померкла в глазах моих тяжелая картина этого свидания подавленной несчастьем любящей матери и приговоренного к смерти сына, своим мужеством и трогательной нежностью старавшегося успокоить мать. Она умоляла его подать прошение о помиловании, выражая надежду и почти уверенность, что такая просьба осужденного будет уважена. Но, видимо, с большой душевной болью отказывая матери, Ульянов привел между прочим, как хорошо помнится, такой довод, несомненно свидетельствующий о благородстве его натуры:

надежды и бодрости на все предстоящие ему еще испытания, она раза два повторила ему на прощание: «Мужайся!»

Так как надежды ее не сбылись, то вышло, что этим словом она простилась с ним, она проводила его на казнь...

А. И. Ульянова-Елизарова.

Воспоминания

об Александре Ильиче Ульянове.

3-е изд. М.— Л., 1931

— Представь себе, мама, что двое стоят друг против друга на поединке. В то время как один уже выстрелил в своего противника, он обращается к нему с просьбой не пользоваться в свою очередь оружием. Нет, я не могу, — закончил он, — поступить так.

Видя невозможность настаивать больше на своей просьбе, Ульянова в конце продолжавшегося около часа свидания спросила сына, не нужно ли ему что-нибудь? Он ответил отрицательно, но, подумав немного, сказал, что ему очень хотелось бы почитать Гейне. Старушка очень обеспокоилась, как исполнить эту просьбу, так как приобретение сочинений Гейне было обставлено какими-то цензурными формальностями. Глубоко сочувствуя ей и желая облегчить ее чем-нибудь, я сказал, что доставлю просимую книгу, поехал прямо из дома заключения в книжный магазин Меллье, где мне продали немецкое издание Гейне, которое я в тот же вечер передал Ульянову. А. Е.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЛЬИЧЕ

I. СЕМЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА

(Родители В. И. Ульянова-Ленина и их время)

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов, был родом из бедных мещан города Астрахани. Семи лет лишился он отца. Своим образованием — а он получил не только среднее, но и высшее — он обязан всецело своему старшему брату Василию Николаевичу. Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, и нам, детям своим, говорил, как обязан он брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер¹ и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору и оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если самому ему учиться не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последним гимназии отправил его в Казань, в университет, и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам содерживать себя уроками.

Василий Николаевич не имел своей семьи и всю жизнь отдал матери, сестрам и брату.

Студенческие годы Ильи Николаевича пришлось в тяжелое царствование Николая I, когда родина наша страдала под игом крепостного права, большая часть населения была рабами, которых владельцы их, помещики, могли сечь, ссылать в Сибирь, продавать, как скотину, разрознивать семьи, женить по своему усмотрению. Задавленная, забитая крестьянская масса была совсем некультурной, безграмотной. Там и сям вспыхивали бунты против особо жестоких помещиков, пускались им «красные

¹ Мать — Анна Алексеевна Ульянова (Смирнова), сестры — Мария Николаевна и Федосья Николаевна. *Ред.*

петухи» (поджоги), но все это было неорганизованно, сурово подавлялось, и опять в деревнях стояли беспросветная тьма и отчаяние, заливаемые единственным утешением, единственным спасением — водкой. А для самых непокорных, для тех, кто не мог подчиниться, оставалось одно: бежать в степи, леса и жить разбоем.

Знать, в старинный тот век
Жизнь не радость была.
Коль бежал человек
Из родного села,
Отчий дом покидал,
Расставался с женой
И за Волгой искал
Только воли одной.

Так пелось в одной народной песне.

Тяжкий гнет над большинством населения, «низшим» сословием, как тогда говорилось, не давал жить спокойно и счастливо честно и искренно любящим свою родину людям сословия «высшего». Они возмущались беспорядком своей страны, откликались на западноевропейские революции, говорили о необходимости свободы слова, печати, собраний, о преимуществе выборного начала в управлении и прежде всего о необходимости отмены крепостного права — этого позора, которого ни в одной европейской стране давно уже не было. Те, которые выступали особенно смело, гибли на каторге и виселицах (процесс декабристов 1825 года, петрашевцев 1848 года¹ и др.); остальные затихали или шептались по углам и опять, по выражению поэта:

Лежит вокруг мгла предрассветная,
Вихрь злобы и бешенства носится.
Над тобою, страна безответная;
Все живое, все честное косится.

Особенно тяжел стал этот гнет после революции 1848 года, прокатившейся по всей Европе. Как общеевропейский жандарм, стоял тогда на страже самодержавия Николай I, посылая русских солдат проливать кровь, усмиряя революцию в Венгрии.

¹ *Петрашевцы* — члены кружка русской дворянской и разночинной интеллигенции, существовавшего в 1845—1849 годах в Петербурге под руководством М. В. Петрашевского. Петрашевцы были последователями идей утопического социализма, сторонниками уничтожения самодержавия и крепостничества. В 1849 году петрашевцы были арестованы. Часть из них была сослана на каторгу в Сибирь, другие отправлены в арестантские роты и в действующие полки на Кавказе. *Ред.*

Так сильно еще было тогда самодержавие, что могло позволить себе роскошь подавления восстаний не только в своей стране, но и в соседних.

А в своей было задавлено всякое проявление свободной мысли. Тяжелый гнет лежал и на студенчестве. Лишь в тесных кружках решалась молодежь отводить душу разговорами, петь свои запрещенные песни на слова Рылеева и др. Эти песни слышали потом от Ильи Николаевича его дети вдали от города, в прогулках по лесам и полям¹.

Надо было пережить то трудное время, чтобы почувствовать огромное облегчение, когда, со смертью Николая I и со вступлением на царство его сына Александра II, началась для России полоса реформ. Прежде всего, решено было отменить крепостное право. Решение это вызывалось, конечно, главным образом необходимостью получить свободные рабочие руки для развивающейся капиталистической промышленности и возмущавшим недовольством и бунтами крепостных. Недаром Александр II сказал: «Надо торопиться дать свободу сверху, пока народ не возьмет ее снизу». Освобождение крестьян было таким большим сдвигом, что общее ликование стояло в стране. Это настроение хорошо выражено Некрасовым:

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,
Так... Но распутать их легче народу.
Муза, с надеждой приветствуй свободу.

Конечно, скоро началось отрезвление. Первым ударил в набат наш великий провидец Чернышевский, заплативший за это целой жизнью в тюрьмах глухой Сибири; начали возникать и революционные организации молодежи. Но для людей типа мирных, культурных работников открылось все же широкое поле деятельности после тисков николаевского режима, и они с жаром устремились туда. Новые суды, несравненно большая свобода печати, наконец, народное образование — все это звало к себе передовых людей того времени. Народное образование — возможность просвещать вчерашних рабов — это было увлекательно для многих и многих.

Илья Николаевич был из их числа. Он с радостью пошел на вновь открывшуюся должность инспектора народных училищ в Симбирской губернии. До того он был учителем гимназии и был очень любим своими учениками. Внимательно и терпеливо объяснял он им уроки, снисходительно относился к их шалостям, бедных учеников готовил бесплатно к экзаменам. Он был пе-

¹ И. Н. Ульянов любил песни на слова поэта А. Н. Плещеева. *Ред.*

дагогом в душе, любившим свое дело. Но ему хотелось поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов.

И поле открылось действительно широкое. В Симбирской губернии было очень немного школ, да и те старинного типа: ютились они в грязных и тесных помещениях, учителя были малообразованные и вколачивали учебу больше тумаками. Надо было насаждать все снова: убеждать крестьян на сходах, чтобы строили новые школы, добывать и другими путями средства для них, устраивать для молодых учителей педагогические курсы, чтобы обучить их преподаванию по новым требованиям педагогики. Надо было всюду поспевать, а Илья Николаевич был один на всю губернию. Затрудняли очень работу тогдашние дороги: тряские, непролазные в грязь или распутицу, ухабистые зимою. Приходилось уезжать из дому на недели и даже месяцы, питаясь и ночуя в грязных въезжих избах. А здоровье у Ильи Николаевича было некрепкое. Но любовь к делу и большая исполнительность и настойчивость побеждали все, и за 17 лет работы Ильей Николаевичем было построено в губернии около 450 школ, были открыты курсы, воспитавшие новых учителей, которые так и звались «ульяновскими».

Дело разрасталось. Илье Николаевичу стали понемногу прибавлять помощников — инспекторов, а сам он был назначен директором. Ему пришлось уже больше руководить делом, но он оставался таким же усердным работником, таким же простым в образе жизни и обхождении человеком. Учителя приходили к нему запросто советоваться, в школах он заменял иногда заболевших педагогов. Большая семья, воспитание детей поглощали весь его заработок, на себя он тратил очень мало, не любил большого общества и удовольствий. Для отдыха от дела любил разговоры с людьми, которых это дело интересовало, любил отдыхать в семье, следя за воспитанием детей, любил игру в шахматы. Требовательный к себе и к другим во время работы, он умел быть увлекательным, веселым собеседником во время отдыха, шутил с детьми, рассказывал им сказки и анекдоты. В разговорах и играх (шахматы, крокет) держал себя с детьми по-товарищески, увлекаясь не меньше их.

Он рано сгорел на большой работе и умер внезапно от кровоизлияния в мозг 12 января 1886 года, на 55-м году от роду.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача¹, очень передового по своему времени человека.

¹ Александр Дмитриевич Бланк. Ред.

Большую часть своего детства и юности она провела в деревне. Средства у отца были очень ограниченные, семья большая, и молодая девушка, воспитанная строгой теткой¹, рано привыкла к труду и бережливости. Отец воспитывал дочерей² по-спартански: девочки носили лето и зиму ситцевые платья с короткими рукавами и открытой шеей, и платьиц таких было только по две смены на каждую. Пища была простая: даже взрослыми они не получали ни чаю, ни кофе, которые отец считал вредными. Это воспитание закалило здоровье Марии Александровны, сделало ее очень выносливой. Она отличалась ровным, твердым, но в то же время веселым и приветливым характером. Одаренная хорошими способностями, она изучала иностранные языки и музыку и много читала.

Страстно хотелось ей учиться больше, и она всю жизнь вспоминала с сожалением, что отсутствие средств не дало ей этой возможности.

Не находя интереса в нарядах, сплетнях и пересудах, составивших в то время содержание дамского общества, Мария Александровна замкнулась в семье и отдалась со всей серьезностью и чуткостью воспитанию детей. Подмечая недостатки детей, она терпеливо и настойчиво боролась с ними. Никогда не повышала она голоса, почти никогда не прибегала к наказаниям и умела добиться большой любви и послушания детей. Любимым удовольствием ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. И дети любили засыпать под ее музыку, а позднее — работать под нее.

Не было также между родителями, жившими очень дружно, споров или несогласий в вопросах воспитания, что действует всегда так вредно на детей. Всякие сомнения на этот счет обсуждались ими обычно наедине, и дети видели всегда перед собой «единый фронт».

Чувствуя искреннюю любовь, видя, что их интересы всегда на первом плане у родителей, дети и сами приучились отвечать тем же. Дружной, спаянной была наша семья. Жила она очень скромно, только на жалованье отца, и лишь при большой экономии матери удавалось сводить концы с концами, но все же ни в чем необходимом дети не нуждались, и их духовные запросы, по возможности, удовлетворялись.

Мы видим, таким образом, что семейная обстановка и условия воспитания были очень благоприятны для развития ума и характера детей. Детство Владимира Ильича и его братьев и сестер было светлое и счастливое.

¹ Екатерина Ивановна Эссен. Ред.

² У А. Д. Бланка было пять дочерей: Анна, Любовь, Екатерина, Мария, София. Ред.

II. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Владимир Ильич родился в Симбирске 10(22) апреля 1870 года. Он был третьим ребенком в семье. Живой, бойкий и веселый, он любил шумные игры и беготню. Он не столько играл игрушками, сколько ломал их. Лет пяти он выучился читать, затем был подготовлен приходским учителем¹ Симбирска к гимназии, куда и поступил в 1879 году осенью, девяти с половиной лет, в первый класс.

Учение давалось ему легко. С младших классов шел он лучшим учеником и, как таковой, получал при переходе из класса в класс первые награды. Они состояли в то время из книги с вытисненным на переплете золотом «За благонравие и успехи» и похвального листа. Кроме прекрасных способностей, лучшим учеником его делало серьезное и внимательное отношение к работе. Отец приучал к этому с ранних лет его, как и его старших брата и сестру, следя сам за их занятиями в младших классах. Большое значение имел также для маленького Володи пример отца, матери, постоянно занятых и трудящихся, и особенно старшего брата Саши. Саша был на редкость серьезный, вдумчивый и строго относящийся к своим обязанностям мальчик. Он отличался также не только твердым, но и справедливым, чутким и ласковым характером и пользовался большою любовью всех младших. Володя подражал старшему брату настолько, что мы даже посмеивались над ним,— с каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно одно: «Как Саша». А если пример важен в детстве вообще, то пример несколько старших по возрасту братьев важнее примера взрослых.

Вследствие привычки серьезно относиться к делу, Володя, как он ни был шаловлив и боек, на уроках слушал внимательно. Эта большая внимательность, как отмечали в то время его учителя, вместе с бойкими способностями давала ему возможность хорошо усваивать еще в классе всякий новый урок, так что ему почти не приходилось повторять его дома. Помню, как быстро оканчивал он уроки в младших классах, а потом начинал шалить, ходил колесом и мешал нам, старшим, учившимся в той же комнате. Отец уводил его иногда к себе в кабинет, чтобы проверить уроки, и спрашивал латинские слова по всей тетра-

¹ К первому классу гимназии Володю Ульянова готовили две зимы народные учителя. Зимой 1877/78 года занятия вел Василий Андреевич Калашников. Через два месяца его сменил Иван Николаевич Николаев. Завершила подготовку Володи к поступлению в гимназию учительница Вера Павловна Прушакевич. *Ред.*

ди, но обычно Володя все знал. Много также читал он в детстве. Отцу присылали все вновь выходящие детские книги и журналы; подписывались мы и в библиотеке.

Постоянной подругой игр Володи была сестра Оля (родилась 4 ноября 1871 г.). Очень способная, живая и бойкая девочка, она четырех лет выучилась около него читать и училась тоже очень легко и охотно. Кроме того, напоминая некоторыми чертами характера брата Сашу, Оля была чрезвычайно трудолюбива. Помню, как в одном из последних классов гимназии Володя, слушая из соседней комнаты бесконечные этюды Оли на фортепиано, сказал мне: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать». Сознав это, Володя стал развивать и в себе трудоспособность, которой все мы удивлялись в его позднейшие годы и которая, наряду с его прекрасными способностями, помогла ему достичь таких блестящих результатов.

Охотно делился Владимир Ильич своими познаниями с товарищами по школе, объясняя им трудные уроки, задачи, сочинения и переводы с греческого и латинского. А в последних двух классах гимназии он, кроме своих уроков, занимался с одним учителем чувашенином¹, подготавливая его к выпускному экзамену для поступления в университет. Занимался бесплатно, так как платить последнему было нечем. И Владимир Ильич подготовил-таки своего ученика, несмотря на его малоспособность. Он сдал экзамен и смог заниматься в университете своей любимой математикой.

Пришлось и мне лично, на самой себе познакомиться с Владимиром Ильичем как с преподавателем, хотя он был на пять с лишним лет моложе меня и был еще гимназистом, а я была уже на предпоследнем курсе Высших женских курсов. И тем не менее он помог мне ликвидировать один прорыв. Весной 1886 года мне предстояло сдать несколько экзаменов, в том числе латынь за целых три года. Латынь была тогда обязательным предметом на историко-словесном отделении. Преподавалась она в те годы преобладания классического образования очень казенно и была в забросе у меня, как и у большинства курсисток. Молодежь по окончании гимназической учебы тянулась, понятно, к чему-либо более живому и общественному, и я порывалась даже, чтобы бросить латынь, перейти в вольнослушательницы московских курсов. Когда этот план был оставлен, мне пришлось взяться за латынь всерьез, и я намечала подогнать ее во время зимних каникул, но ничего сделать не успела. А после смерти отца (12 января 1886 года) все занятия пошли у меня особенно туго, и латынь не двигалась с места.

¹ Н. М. Охотников. Ред.

Тогда Володя предложил помочь мне в этом, несмотря на то что у него и у самого в предпоследнем классе гимназии было немало уроков и он занимался еще с учителем чувашской школы Охотниковым. Мальчик, которому не исполнилось еще 16 лет, взял на себя так легко и охотно эту новую обузу. И не только взял — мало ли за что готова бывает взяться сгоряча молодежь, чтобы бросить при первом же затруднении, — а вел занятия очень серьезно и усидчиво и продолжал бы их, если бы я не уехала в марте в Петербург. И вел их так внимательно, с такой живостью и интересом, что вовлек скоро в «противную латынь» и меня. Пройти предстояло много, требовалось прочесть и перевести Юлия Цезаря «О старости»¹, а главное, знать и уметь объяснять все встречающиеся правила сложной латинской грамматики. Я испытывала, конечно, чувство неловкости, что не сумела преодолеть своего прорыва самостоятельно, а прибегла к помощи младшего брата, который сам-то умел работать без прорывов. Была тут, несомненно, и некоторая доза ложного самолюбия, что я стала заниматься под руководством младшего брата-гимназиста. Но занятия у нас пошли так оживленно, что скоро всякое чувство неловкости исчезло. Помню, что Володя отмечал для меня с увлечением некоторые красоты и особенности латинского стиля. Конечно, я слишком мало знала язык, чтобы уметь оценить их, и занятия сосредоточивались больше на объяснении разных грамматических форм, свойственных латинскому языку, как супинум герундий и герундив (отглагольное прилагательное и существительное), и изобретенных для более легкого запоминания изречений и стихотворений вроде (герундив):

Gutta cavat lapidem
Non vi sed saepe cadendo;
Sic homo sit doctus
Non vi sed multo studendo.
Капля камень долбит
Не силой, а частым паденьем.
Так человек становится ученым
Не силой, а многим ученьем.

Помню, что я высказывала Володе сомнение, чтобы можно было пройти в такой короткий срок восьмилетний курс гимназии, но Володя успокаивал меня, говоря: «Ведь это в гимназиях, с бестолково поставленным преподаванием там, тратится на этот курс латыни восемь лет, — взрослый, сознательный человек вполне может пройти этот восьмилетний курс в два года», и в доказательство указывал мне, что пройдет его в два года с

¹ Трактат «О старости» написан Цицероном. *Ред.*

Охотниковым, и действительно прошел, несмотря на более чем посредственные способности последнего к изучению языков. Очень оживленно, с большой любовью к делу шли у нас занятия. Это не был первый ученик, усердно вызубривший уроки, — это был, скорее, молодой лингвист, умевший находить особенности и красоты языка.

Так как вкус к языковедению был присущ и мне также, я была очень скоро покорена, и эти занятия, перемежаемые веселым смехом Володи, очень подвинули меня вперед. Я сдала весной успешно экзамен за три года, а через несколько лет знание основ латыни облегчило мне изучение итальянского языка, которое дало мне возможность иметь заработок и доставило много удовольствия.

Любопытно отметить, что некоторые современные писатели находят в стиле Ленина сходство с латинским классическим стилем (см. статьи Эйхенбаума, Якубовского и Тынянова в журнале «Лэф») ¹.

В 1886 году, когда Володе не исполнилось еще 16 лет, умер его отец, Илья Николаевич, а годом позже семью постигло другое тяжелое несчастье: за участие в покушении на царя Александра III был арестован, приговорен к смертной казни и затем казнен — 8 мая 1887 г. — его старший любимый брат Александр. Несчастье это произвело сильное впечатление на Владимира Ильича, закалило его, заставило серьезнее задуматься над путями, которыми должна была идти революция. Собственно, уже и Александр Ильич стоял на перепутье между народолюбцами и марксистами. Он был знаком с «Капиталом» Карла Маркса, признавал намеченный им ход развития, что видно из составленной им партийной программы ². Он вел кружки среди рабочих. Но почвы в то время для социал-демократической работы еще не было. Рабочих было мало; они были разъединены и неразвиты; к ним тогда было трудно подступить интеллигентам, да и гнет царского деспотизма был так силен, что за малейшую попытку общения с народом сажали в тюрьму, высылали в Сибирь. И не только с народом: если студенты-товарищи организовывали какие-нибудь самые невинные кружки для чтения, для общения друг с другом, то кружки разгоняли, а студентов высылали на родину. Лишь те из молодежи, кто помышлял только о карьере да о спокойном проживании, мог оставаться безразличным к такому режиму. Все более честные, искренние люди рвались к борьбе, прежде

¹ «Лэф» — журнал, издававшийся в 1923—1925 годах литературной группой ЛЕФ (Левый фронт искусства), которая была связана с футуризмом и другими формалистическими течениями. *Ред.*

² См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта. А. Е.

всего, рвались хотя немного расшатать те тесные стены самодержавия, в которых они задыхались. Самым передовым это грозило тогда гибелью, но и гибель не могла устрашить мужественных людей. Александр Ильич принадлежал к числу их. Он не только, не задумываясь, оставил университет и любимую науку (его прочили в профессора), когда почувствовал, что не в силах больше терпеть давящий всю страну произвол, но, не задумываясь, отдал и жизнь. Он взял на себя рискованные работы по подготовке снарядов и, признаваясь в этом на суде, думал только о том, чтобы выгородить товарищей.

Александр Ильич погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата, Владимира.

Несчастье это случилось как раз в год окончания Володиной гимназии.

Несмотря на свои тяжелые переживания, которые он сумел выносить с большой твердостью, Володя, как и сестра Оля, окончил в этом году гимназию с золотой медалью.

Естественно, что тучи от пронесшейся над семьей грозы сгустились и над головами остальных ее членов, что на следующего брата власти склонны были смотреть очень подозрительно, и можно было опасаться, что его ни в какой университет не пустят.

Тогдашний директор симбирской гимназии Ф. Керенский очень ценил Владимира Ильича, относился очень хорошо к умершему за год перед тем отцу его, Илье Николаевичу, и желал помочь талантливому ученику обойти эти препятствия. Этим объясняется та в высшей степени «добронравная» характеристика его, которая была направлена Керенским в Казанский университет и подписана другими членами педагогического совета. Покойный Илья Николаевич был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но и вследствие усердия и аккуратности Владимира Ильича в исполнении требуемого, качеств, воспитанных той разумной дисциплиной, которая была положена в основу домашнего воспитания.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия¹, так же как старается подчеркнуть

¹ Отец наш был искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, совсем «чистым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «при-

«излишнюю замкнутость», «нелюдимость» Владимира Ильича¹. Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение», Керенский даже грешит немного против истины. Всегда смелый и шаловливый, метко подмечавший смешные стороны в людях, брат часто подсмеивался и над товарищами, и над некоторыми преподавателями. Одно время Владимир Ильич взял мишенью для насмешек учителя французского языка, по фамилии Пор.

Этот Пор был очень ограниченный фат, говорят, повар по профессии, пролаза, женившийся на дочке симбирского помещика и пролезший через это в «общество». Он терся постоянно около директора или инспектора; порядочные педагоги относились к нему с пренебрежением. Разобиженный вконец, он настоял на четверке из поведения дерзкому ученику в четверть.

Ввиду того что брат был уже в седьмом классе, это происшествие пахло серьезным. Отец рассказал мне о нем зимой 1885 года, когда я приехала на каникулы, добавив, что Володя дал ему слово, что этого больше не повторится.

Но разве не в таких же пустяках коренилось часто исключение и порча всего жизненного пути непокорному юноше?! Отношение к отцу и ко всей семье, а также исключительная талантливость Владимира Ильича избавили его от этого.

На тех же соображениях, что и характеристика Керенского, основывалось решение моей матери не отпускать Владимира Ильича в университет одного, а переехать в Казань всей семьей.

В Казани была снята с конца августа 1887 года квартира в доме б. Ростовской, на Первой горе, откуда Владимир Ильич переехал через месяц со всей семьей на Ново-Комиссариатскую, в дом Соловьевой.

В те годы затишья и безвременья, когда «Народная воля» была уже разбита, социал-демократическая партия еще не зародилась в России и массы еще не выступали на арену борьбы, единственным слоем, в котором недовольство не спало, как в других слоях общества, а проявлялось отдельными вспышками, было студенчество. В нем всегда находились честные, горячие

нято». Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тишина», отрывки из которой отец любил цитировать, — именно то место, где говорится о храме божием, пахнувшем на поэта «детски-чистым чувством веры».

В гимназии, правда, требовали посещения церкви, говения. Но дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь (помню такой случай с братом Александром), и никакому давлению не подвергались. А. Е.

¹ Больших приятелей у него в гимназические годы не было, но, конечно, нелюдимым его никак нельзя было назвать. А. Е.

люди, открыто возмущавшиеся, пытавшиеся бороться. И его поэтому давила всего сильнее лапа правительства. Обыски, аресты, высылки — все это обрушивалось всего сильнее на студентов. В 1887 году гнет еще усилился, вследствие попытки покушения на жизнь царя, произведенной весной этого года в Петербурге, участниками которой были почти одни студенты¹.

Мундиры, педеля, самый тщательный надзор и шпионство в университете, удаление более либеральных профессоров, запрещение всяких организаций, даже таких невинных, как землячество, исключение и высылки многих студентов, бывших хотя сколько-нибудь на примете, — все это подняло настроение студентов с первых же месяцев академического года.

Волна так называемых «беспорядков» прошла с ноября по всем университетам. Докатилась она и до Казани.

Студенты Казанского университета собрались 4 декабря, шумно требовали к себе инспектора, отказывались разойтись; при появлении последнего предъявили ему ряд требований — не только чисто студенческих, но и политических. Подробности этого столкновения, переданные мне в свое время братом, не сохранились в моей памяти. Помню только рассказ матери, ходившей хлопотать о нем, что инспектор отметил Володю, как одного из активнейших участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть ли не со сжатыми кулаками. Владимир Ильич был арестован на квартире с 4 на 5 декабря и просидел несколько дней с другими арестованными при участке (всего 40 человек). Все они были высланы из Казани. В. В. Адоратский рассказывает о переданном ему позднее Владимиром Ильичем следующем разговоре с приставом, отвозившим его после ареста.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена.

— Стена, да гнилая, тхни — и развалится, — ответил, не задумываясь, Владимир Ильич.

Вся история с исключением произошла очень быстро. Владимир Ильич был выслан в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, в благоприобретенное имение деда его по матери Александра Дмитриевича Бланка, где в то время проживала под гласным надзором сестра его Анна (пишущая эти строки), которой пятилетний гласный надзор в Сибири был заменен, по хо-

¹ Дело 1 марта 1887 года, разбиравшееся судом сословных представителей. Из 15 обвиняемых 5 человек было казнено через повешение — среди них А. И. Ульянов, старший брат Владимира Ильича; двое осуждены на пожизненное заключение в Шлиссельбурге, а остальные — на разные сроки ссылки в Сибирь и на Сахалин. А. Е.

датайству матери, высылкой в эту деревню. Пятая часть этого имения принадлежала моей матери, и во флигеле одной из двух хозяйничавших там теток¹, очень холодном и неблагоустроенном, провела наша семья (некоторое время спустя мать с меньшими переселилась тоже в Кокушкино) зиму 1887/88 года.

Никаких соседей у нас не было. Провели мы зиму в полном одиночестве. Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязательного проверять, на месте ли я и не пропагандирую ли я крестьян, — вот и все, кого мы видели. Владимир Ильич много читал — во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди², очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того, мы подписывались в казанской библиотеке, выписывали газеты. Помню, каким событием были для нас оказии из города и как нетерпеливо раскрывали мы заветный пещер (корзинка местной работы), содержащий книги, газеты и письма. Равно и обратно при оказии пещер нагружался возвращаемыми книгами и почтой. Связано у меня с ним и такое воспоминание. Раз вечером все сидели за корреспонденцией, готовя почту, которую должен был забрать ранним утром в упакованном пещере работник тетки.

Мне бросилось в глаза, что Володя, обычно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в возбужденном состоянии. Весь пещер был нагружен; мать с меньшими уже улеглись, а мы с Володей сидели еще, по обыкновению, и беседовали. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой — помнится, в один из южных — университет. Описал в нем, конечно, с большим задором студенческие беспорядки в Казани и спрашивал о том, что было в их университете.

Я стала доказывать брату никчемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий, которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда нелегко. В повышенном настроении, прохаживаясь по комнате и с видимым удовольствием передавая мне те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей предержавших, он подсмеивался над моими опасениями и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письмо такого содержания на его личный адрес, на то, что товарищ этот, может быть, находится тоже среди исключенных или состоящих на примете и подобное письмо принесет ухудшение его участи.

Тут Володя призадумался, а потом довольно быстро согла-

¹ Речь идет о Л. А. Ардашевой-Пономаревой. *Ред.*

² А. П. Пономарев. *Ред.*

сился с этим последним соображением, пошел в кухню и вынул, хотя и с видимым сожалением, из пещера злополучное письмо.

Позднее, летом, я имела удовольствие услышать от него в одной беседе по какому-то случаю между нами и двоюродной сестрой полушутливое, полусерьезное заявление, что за один совет он мне благодарен. Это произошло после того, как он перечел провалявшееся несколько месяцев в его ящике письмо и подверг его уничтожению.

Кроме чтения Владимир Ильич занимался в Кокушкине с младшим братом, ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но это была его первая, так сказать, проба ружья, и охота была всю зиму безуспешная¹. Я думаю, что это происходило и потому, что охотником в душе, как другие два брата мои, он никогда не был.

Но жизнь протекала, конечно, скучно в занесенном снегом флигельке, и тут-то и помогла Володе привычка к усиленным занятиям. Помню особенно ярко крутую, раннюю весну, после этой утомившей нас одинокой зимы, первую весну, проводимую нами в деревне. Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег...

Летом приехали двоюродные братья — у Володи появились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли. Они, хотя и более старшие, сильно пасовали перед метким словцом и лукавой усмешкой Володи.

С осени 1888 года Владимиру Ильичу разрешено было переселиться в Казань, куда переехала мать с меньшими. Несколько позже дозволено было перебраться туда и мне.

III. ЖИЗНЬ В КАЗАНИ

Квартира была снята в доме Орловой, на Первой горе, недалеко от Арского поля, во флигеле. При квартире был балкон и довольно живописный садик по горе. В первом этаже были почему-то две кухни, а в верхнем — остальные комнаты. Володя выбрал себе вторую, лишнюю, кухню потому, что она была уединеннее и удобнее для занятий, чем верхние комнаты, окружил себя книгами и просиживал за ними большую часть дня. Здесь начал он изучать I том «Капитала» Карла Маркса.

Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему побол-

¹ Помню это по одной шутке между нами: раз, следующим летом, возвратившись с прогулки с двоюродным братом, он заявил: «А нам нынче заяц дорогу перебежал». — «Володя, — сказала я, — это, конечно, тот самый, за которым ты всю зиму охотился». А. Е.

тать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на усталой газетой плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников. Таких сторонников, молодых людей, изучавших также марксизм и революционно настроенных, он скоро нашел себе в Казани.

Вследствие особого поднадзорного положения нашей семьи, знакомые эти почти не ходили к нам, а уходил обыкновенно Володя на квартиры, где они собирались. Из фамилий, упоминаемых им, помню лишь две: Четверговой, пожилой народоволки, о которой Володя отзывался с большой симпатией, и студента — не помню уже, исключенного ли — Чирикова, будущего писателя-беллетриста, отошедшего потом от революции и даже перешедшего в лагерь врагов. Владимир Ильич был все же довольно осторожен из внимания к матери. Исключительное мужество, с которым она переносила несчастье с потерей брата Александра, вызывало удивление и уважение даже со стороны посторонних людей. Тем более чувствовали это мы, дети, ради которых, для забот о которых она страшным усилием воли сдерживала себя. Надежда Константиновна¹ говорила мне, что Владимир Ильич рассказывал и ей о том удивительном мужестве, с которым мать перенесла потерю брата, а позднее — сестры Ольги.

Влияние ее на нас с детства было огромное. Подробнее я скажу об этом в другом месте, здесь же укажу только на один эпизод из казанской жизни. Володя начал покуривать. Мать, опасаясь за его здоровье, бывшее в детстве и юношестве не из крепких, стала убеждать его бросить курение. Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, она указала ему, что и лишних трат — хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери) — он себе, не имея своего заработка, позволять бы, собственно, не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же — и навсегда — бросил курить. Мать с удовлетворением рассказала мне об этом случае, добавляя, что, конечно, довод о расходах она привела в качестве последней зацепки.

Говорил Володя мне о рефератах, которые читались у них, о некоторых собраниях рассказывал с большим оживлением.

¹ Жена Владимира Ильича. А. Е.

К весне, как это всегда бывает, деятельность кружков стала энергичнее, и Володя стал чаще отсутствовать по вечерам.

В то время, как мы видим по вышедшим теперь исследованиям тогдашней кружковой работы, в Казани было несколько кружков. Объединяться, даже встречаться, по требованию конспирации, они не могли. Некоторые члены даже не знали о существовании других кружков, а некоторые если знали или догадывались, то были не осведомлены о том, кто в них входил. Фамилии без надобности не назывались. В центральном кружке состоял в то время очень активный молодой революционер, убежденный социал-демократ Николай Евграфович Федосеев¹.

Исключенный еще из последнего класса гимназии, Федосеев повел энергичную революционную работу. При центральном кружке имела библиотека нелегальных и неразрешенных книг, а с весны стала налаживаться техника для воспроизведения местных изданий и для перепечатки редких нелегальных. Владимир Ильич слышал об этих планах, но сам в этот кружок не входил. И самого Федосеева он лично не знал, а лишь слышал о нем. Но все же он говорил мне, услышав об аресте, происшедшем в Казани в июле 1889 года, что он влетел бы, вероятно, также: был арестован Федосеев, разгромлен его кружок, а также забраны некоторые члены того кружка, в котором состоял Владимир Ильич. Спас тогда Ильича переезд всей нашей семьи в мае 1889 года в Самарскую губернию, на хутор близ деревни Алакаевки, купленный моей матерью через М. Т. Елизарова². С осени того же года, по выходе моем замуж за М. Т. Елизарова, вся наша семья обосновалась в Самаре³.

Таким образом, Владимир Ильич счастливо ушел от казанского погрома, стоившего Федосееву около двух с половиной лет тюремного заключения — сначала предварительного, а потом, по приговору, в «Крестах» (так называлась Выборгская тюрьма в Петербурге, куда сажали приговоренных к отсидке). Переезд в более глухую Самару дал ему возможность заниматься спокойнее выработкой своего марксистского мировоззрения, а позднее — подготовкой к экзамену при университете. А летнее пребывание на хуторе в очень здоровой, прекрасной местности укрепило, несомненно, его здоровье.

¹ О нем см. книгу «Н. Е. Федосеев» с предисловием т. Ленина. Издание Истпарта. А. Е. (Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России (Сборник воспоминаний). М.— Пг., 1923. *Ред.*).

² Товарищ брата, Александра Ильича, по студенческому поволжскому землячеству. А. Е.

³ Семья Ульяновых-Елизаровых переехала с хутора близ деревни Алакаевки в Самару 5(17) сентября 1889 года. *Ред.*

IV. ЖИЗНЬ В САМАРЕ

Владимир Ильич стремился поступить вновь в университет, но ему упорно отказывали в этом, а когда разрешили наконец вместо того сдать окончательный экзамен при университете, то он засел вплотную за зубрежку разных юридических наук и в 1891 году сдал экзамен при Петербургском университете. Тогда многие удивлялись, что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом. Кроме прекрасных способностей Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность.

Помню, как летом в Самарской губернии он устроил себе уединенный кабинет в густой липовой аллее, где дал вкопать в землю скамейку и стол. Туда уходил он, нагруженный книгами, после утреннего чая с такой точностью, как будто бы его ожидал строгий учитель, и там, в полном уединении, проводил все время до обеда, до трех часов.

Никто из нас не ходил в ту аллею, чтобы не мешать ему.

Кончая с учебой в утренние часы, он после обеда уходил в тот же уголок с книгой по общественным вопросам — так, помню, читал по-немецки Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». А потом погуляет, выкупается, и после вечернего чая выносится лампа на крылечко, чтобы комары в комнату не налетели, — и опять Володина голова склонена над книгой. Но если усиленные занятия не делали Владимира Ильича угрюмым, книжным человеком в более поздние годы, то тем более не делали его таким в молодости. В свободное время, за обедом, гуляя, он обычно шутил и болтал, развеселяя всех других, заражая своим смехом окружающих.

Умея работать, как никто, он умел и отдыхать, как никто.

В Самаре революционно настроенной молодежи было, конечно, меньше, чем в Казани — городе университетском, но и там она была. Были, кроме того, и пожилые люди, бывшие ссыльные, возвращавшиеся из Сибири, и поднадзорные. Эти последние были, конечно, все направления народнического и народовольческого. Для них социал-демократия была новым революционным течением; им казалось, что для нее нет достаточной почвы в России. В глухих ссыльных местах, в улусах Сибири они не могли следить за теми изменениями в общественной жизни, в ходе развития нашей страны, которые происходили без них и начинали создаваться в крупных центрах. Да и в центрах представителей социал-демократического направления, начало которому было положено еще в 1883 году группой «Освобождение

труда» за границей, было еще немного, — главным образом, это была молодежь.

Направление это лишь пробивало себе путь. Столпами общественной мысли были еще народники: Воронцов (В. В.), Южаков, Кривенко, а властителем дум — критик и публицист Михайловский, имевший раньше тесные связи с народовольцами. Этот последний выступил, как известно, в 1894 году с открытой борьбой против социал-демократов в самом передовом тогдашнем журнале «Русское богатство». Для борьбы с устоявшимися взглядами надо было прежде всего вооружиться как теоретическим знанием — изучением Маркса, так и материалом по приложению этого знания к русской действительности — изучением статистических исследований развития нашей промышленности, нашего землевладения и т. п. Обобщающих работ в этом смысле почти не было: надо было изучать первоисточники и строить на основании их свои выводы. За эту большую и непочтую работу взялся в Самаре Владимир Ильич.

Продолжая серьезное изучение всех сочинений Маркса и Энгельса (некоторые из них, как «Нищета философии», имелись тогда лишь на иностранных языках), он познакомился и со всеми сочинениями народников и взялся для проверки их и для выяснения возможности социал-демократии в России за статистические исследования. Новые данные самарского отдела Истпарта показывают нам, какое большое число книг брал по этим вопросам Владимир Ильич из городской библиотеки. Читая и изучая, он писал и рефераты по прочитанному. Одним из таких рефератов, разросшихся в объемистую тетрадь, является его работа о книге Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» под заглавием «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»¹.

Как известно, на юге России крупное капиталистическое хозяйство в земледелии стало развиваться раньше, чем в центре и на севере, — там возникли крупные сельскохозяйственные экономики с большим количеством безземельных рабочих-батраков. Поэтому положение земледелия на юге России было особенно интересно с точки зрения того, в какую сторону развивается наше хозяйство. Постников стоял, конечно, далеко не на революционной точке зрения, и Владимир Ильич оставил без рассмотрения его указания на разные реформы: он взял у него фактический материал и сделал из него свои выводы.

Этот реферат, как и другие, ранее написанные рефераты по изучению марксизма (например, краткое изложение «Нищеты

¹ Помещена в 1-м томе Сочинений Ленина. А. Е. (Полн. собр. соч., т. 1, с. 1—66. *Ред.*).

философии» и против народников — В. В. (Воронцова), Южакова), читался Владимиром Ильичем в кружках местной молодежи. Раньше других Владимир Ильич познакомился в Самаре с Вадимом Андреевичем Ионовым, приятелем Марка Тимофеевича Елизарова, моего мужа. Ионов был старше Владимира Ильича и стоял на народовольческой точке зрения. В то время он был, пожалуй, самой видной фигурой среди самарской молодежи и пользовался влиянием. Владимир Ильич постепенно перетянул его на свою сторону. Вполне своим стал сразу однолеток Владимира Ильича Алексей Павлович Скляренко (Попов), исключенный из самарской гимназии и отбывший уже заключение в «Крестах» по своему первому делу¹. Вокруг Скляренко группировалась молодежь из семинаристов, учениц фельдшерской школы. В этом кружке, а также в народнических и выступал Владимир Ильич; в последних велись страстные прения. Много споров бывало также при встречах и беседах со старыми народовольцами. Из них всего чаще видался Владимир Ильич с Александром Ивановичем Ливановым, которого очень ценил за его революционный закал.

Умея брать отовсюду все лучшее, Владимир Ильич не только оспаривал воззрения Ливанова и других народовольцев, он впитывал от них революционные навыки, с интересом выслушивал и запоминал рассказы о приемах революционной борьбы, о методах конспирации, об условиях тюремного сидения, о сношениях оттуда; слушал рассказы о процессах народников и народовольцев. Располагали очень к Александру Ивановичу чуткость и деликатность, отсутствие того подчеркивания, что молод, мол, ты, зелен, которое было свойственно многим старикам. Большая смелость и непримиримость Владимира Ильича казались большинству спорщиков лишь молодым задором и чрезмерной самоуверенностью. И в самарские годы, и позднее ему не прощались резкие нападки на таких признанных столпов общественного мнения, как Михайловский, В. В., Кареев и др. И во все четыре зимы, проведенные Владимиром Ильичем в Самаре, более солидные слои передового общества смотрели на него как на очень способного, но чересчур самонадеянного и резкого юношу. Лишь в кружках молодежи, будущих социал-демократов, пользовался он безграничным уважением. Рефераты Владимира Ильича о сочинениях В. В., Южакова, Михайловского, читанные в самарских кружках, позднее подвергшись некоторой обработке, составили три тетради под общим заглавием «Что такое «друзья народа» и как они воюют против

¹ О Скляренко см. подробнее в сборнике Истпарта «Старый товарищ А. П. Скляренко». А. Е. (Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916 гг.). Сборник статей. М., 1922. *Ред.*).

социал-демократов?». Одна из таких тетрадей до сих пор не найдена, а две другие вошли в Полное собрание его сочинений¹ и, как справедливо указывалось, заключают уже в себе все главные основы развитых им позднее взглядов, основы ленинизма.

Но в самарский период Владимир Ильич прошел не только теоретическую школу. Жизнь его в этой такой типичной для русского крестьянства губернии дала ему много того знания и понимания этого общественного слоя, которое так удивляло всех нас позднее. Как в формулировке аграрной части нашей программы и во всей дореволюционной борьбе, так и в строительстве нашей партии после победы это знание сыграло огромную роль. А черпать его Владимир Ильич умел отовсюду.

Склярченко служил секретарем у мирового судьи Самойлова, человека идейного и передового. Вместе со своим патроном ему приходилось выезжать на разбор дел по деревням, принимать приезжавших в город с жалобами крестьян и получать таким образом ценные данные о положении крестьянства в уезде. Он делился этими наблюдениями с Владимиром Ильичем. Беседовал по этому вопросу Владимир Ильич и с самим Самойловым, и с остальными знакомыми, у которых было много связей в крестьянстве. Но больше всего материала почерпал он из рассказов Марка Тимофеевича Елизарова, происходившего из крестьян Самарской губернии и сохранившего тесную связь со своими односельчанами. Беседовал он и со старшим братом Марка Тимофеевича, Павлом Тимофеевичем. Это был так называемый «крепкий» крестьянин, разбогатевший арендой близлежащих удельных (то есть принадлежащих царскому дому) земель и пересдачей их крестьянам. Самое популярное лицо в деревне, он бесменно выбирался в земские гласные. Как все люди его типа, он стремился к округлению капиталов, лез в купцы, чего позднее и добился. Помню, что меня удивляло, как подолгу, с каким интересом мог говорить Володя с этим полуграмотным, чуждым каких бы то ни было идеалов кулаком, и лишь позднее поняла я, что он почерпал у него данные о положении крестьян, о расслоении, идущем среди них, о взглядах и стремлениях этой экономической верхушки деревни. Заразительно, как всегда, хохотал он над некоторыми рассказами купца, и тот был чрезвычайно доволен оказываемым ему вниманием и проникнут большим уважением к уму Владимира Ильича. Но он не мог понять, что хохочет Володя часто не над тем, как ловко устраивают свои делишки деревенские купчи-

¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346. *Ред.*

ны, а над народниками, над их наивной верой в крепость крестьянского уклада, в крепость общины, в возможность привить крестьянам социализм.

В этих разговорах проявлялось характерное для Ильича умение разговаривать со всякой публикой, вытягивать из каждого нужное ему; умение не отрываться от почвы, не быть задавленным теорией, а трезво вглядываться в окружающую его жизнь и чутко прислушиваться к ее звукам. В этом умении стать стойким последователем известной теории и в то же время трезво учитывать все особенности и все изменения неустанно бьющей вокруг него жизненной волны, ни на минуту не терять из виду общей принципиальной линии, а также ни на момент не отрываться от родной российской почвы, на которой он стоял, — в этом сочетании, как уже не раз указывалось, заключался главный источник силы и значения Ильича. Но в его юные годы, за оживленной болтовней и шутками, за беззаботно звучащим смехом вряд ли кто заметил бы этот источник. Он никогда не говорил книжно, никому не навязывал своей теории, он умел быть веселым, бесхитростным товарищем в часы досуга, но и досуг этот он умел использовать для чуткого прислушивания к окружающей жизни и выбора из нее всего ценного и нужного для своего пути, для задачи своей жизни.

Много заимствовал Владимир Ильич и из непосредственного общения с крестьянами в Алакаевке, где он провел пять летних сезонов подряд, по три-четыре месяца в год, а также и в деревне Бестужевке, куда ездил с Марком Тимофеевичем к родным последнего. Но, знакомясь в разговорах с общим положением крестьян, Ильич старался больше узнать от них, чем говорил сам, — во всяком случае, убеждений своих не высказывал. И не только потому, что ему приходилось считаться с поднадзорным положением. Нет, он знал, что крестьян непосредственно революцией и социализмом не проймешь, что с этим надо идти к другому слою, к слою промышленных рабочих; он берег себя для них. Ему была чужда всякая фраза, а дела, он знал, из разговора с крестьянами в то время не вышло бы.

Таким образом, развивался и рос незаметно в провинциальном городе и в тиши уединенного хуторка тот Ленин, который заложил основы РКП(б) и повел ее к победе, а после победы — к строительству на этих основах.

Годы жизни в Самаре и еще ранее год в Казани являлись лишь подготовительными для его работы, разлившейся затем так широко. Но эти годы были вместе с тем самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича: в это время складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия.

V. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА (Н. ЛЕНИНА)

I. ИЗ САМАРЫ В ПЕТЕРБУРГ

Владимир Ильич переехал из Самары в Петербург осенью 1893 года ¹ с целью взяться за революционную работу. Окончательные экзамены при университете были им сданы еще в 1891 году. Самара не могла дать простора его деятельности, она давала слишком мало пищи его уму. Теоретическое изучение марксизма, которое он мог взять и в Самаре, было уж взято им ².

Почему же не уехал он с осени 1892 года, когда уже окончил университетский курс, зачем сидел еще год в Самаре?

На этот вопрос я могу ответить: сидел для матери.

Я говорила уже в описании его детских и юношеских лет, каким большим авторитетом, какой горячей любовью пользовалась и с его стороны, как и со стороны всех нас, наша мать. Той твердости, с которой она переносила свои тяжелые несчастья, удивлялись все, кто ее знал, — тем более чувствовали это дети. Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них.

Она старалась, по мере возможности, не омрачать их молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье... И она понимала их революционные стремления.

Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчать ее горе. А в год окончания Владимиром Ильичем университета над семьей стряслось новое несчастье: умерла в Петербурге от брюшного тифа его сестра Ольга. Владимир Ильич приехал как

¹ В. И. Ленин приехал в Петербург 31 августа (12 сентября) 1893 года. *Ред.*

² Далее в рукописи следует:

«Он начал изучать русскую действительность, прилагая к ней метод Маркса; он написал частью разбор сочинений народников, который вошел потом в его работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в эту работу, в которой, как правильно указывали, заключается уже в основном все его позднейшее учение. И городскую самарскую библиотеку — библиотеку для провинциального города хорошую — он во всем для себя существенном уже использовал». *Ред.*

раз тогда, весной, для сдачи первой половины своих экзаменов. Ему пришлось отвезти сестру в больницу (попала, к несчастью, в очень плохую), потом, когда ей стало плохо, вызвать телеграммой мать. Владимир Ильич был один с матерью в первые, самые тяжелые, дни. Он привез ее домой в Самару. Он видел, как и при этом новом ударе проявилось ее мужество, ее чуткость к другим прежде всего.

Стараясь преодолеть свое горе, мать все же, конечно, сильно страдала. Ольга была прекрасная, с выдающимися способностями и большой энергией девушка¹.

Осенью 1890 г. она поехала в Петербург на Высшие женские курсы. Ни в Казани, ни тем более в Самаре высшего женского заведения не было, а она страстно рвалась к учению. На курсах она выделилась в первый же год своими знаниями, своей работоспособностью, и подруги ее — З. П. Невзорова-Кржижановская, Торгонская, покойная А. А. Якубова — говорили о ней, как о выдающейся девушке, бывшей центром их курса. Со всем неясным или непонятым подруги шли к ней, и она повредила себе тем, что, уже больная, объясняла им по химии и другим предметам к начавшимся экзаменам. Она искала также путей и для общественной работы, и из нее вышла бы, несомненно, выдающаяся и преданная революционерка. После ее потери одно могло облегчить несколько горе матери: близость к ней остальных детей. И Володя остался еще на год дома, в Самаре.

Но к концу этой последней зимы он уже иногда порядочно скучал, стремясь к более оживленному центру, к простору для революционной работы: Самара в те годы была как бы только станцией из Сибири, из настоящей ссылки, в центры умственной жизни, которыми были столицы и университетские города.

Остался у меня в памяти разговор с Володей о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем.

¹ Далее А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (М., 1926, с. 30—31) пишет: «Она кончила в один год с Володей и так же, как и он, с золотой медалью гимназию, где была очень любима подругами». Ред.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова. И он твердо решил, что уедет из нее следующей же осенью. Но ему не захотелось основаться в Москве, куда направилась вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет меньшим братом Митей. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре — Питере. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Да, вероятно, его намерение искать связи среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы компрометировать.

Поздней осенью, устроившись в Москве, мы с матерью ездили в Питер навестить Володю. У матери была при этом специальная цель: купить ему зимнее пальто. Володя был всегда очень непрактичен в житейских обыденных вещах — он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно и позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе никогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и во многом другом, был весь в отца.

2. НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА И СВЯЗИ

Знакомства по приезде в Петербург Владимир Ильич стал заводить понемногу, осмотрительно: он знал, что правительство смотрело на него предубежденно, как на брата Александра Ильича, он видел, как часто за неосторожную болтовню влетала молодежь, не успев ничего сделать. Всякая болтовня и фраза были чужды ему: он хотел нести свои знания, свою работу в тот слой, который — он знал — совершит революцию, в слой рабочих. Он искал знакомства с людьми, которые разделяли его взгляды, которые считали, что революцию можно ждать не от крестьянства, якобы социалистически настроенного, якобы разделявшего коммунистические верования и навыки предков, и не от представителей интеллигенции — самоотверженных, готовых идти на смерть, но одиноких. Он искал таких, которые знали твердо, как и он, что революция в России будет произведена рабочим классом или ее не будет вовсе (слова Плеханова). Таких людей, социал-демократов, было тогда меньшинство. Большин-

ство революционно настроенных образованных людей придерживались народнических и народовольческих взглядов, но так как организация была уже разрушена, дела никакого не было, то активно мало кто проявлялся, а было больше разговоров, шумихи. От этой интеллигентской болтовни и старался держаться подальше Владимир Ильич. Полиция, власти считали тогда тоже опаснее представителей народовольчества, идущих насилие, несущих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались мало опасными. «Маленькая кучка, да когда-то что будет — через пятьдесят лет», — говорил о них директор департамента полиции Зволянский.

Таково же приблизительно было воззрение на социал-демократов и в обществе. Если такой руководитель умов того времени, как Михайловский, настолько не понимал взглядов Маркса, что не видел — или затушевывал — революционное значение их, то чего же можно было ожидать от широких слоев. Маркса почти никто не читал, представление о социал-демократах имелось главным образом по легальной парламентской деятельности их в Германии. В России парламентом в то время и не пахло, поэтому нетерпеливой, рвущейся к революционной работе молодежи казалось, что русские социал-демократы просто избирают себе спокойный удел: почитывая Маркса, дожидаться, когда заря свободы взойдет над Россией. Им казалось, что объективизм Маркса прикрывал тут попросту вялость, старческую рассудочность в лучшем смысле, а в худшем — шкурнические интересы. Так смотрели на русских учеников Маркса авторитетные для молодежи старые революционеры, возвращавшиеся с каторги и ссылки. Их молодость была горячим и дерзким порывом борьбы со всемогущим самодержавием, они, направляясь в народ, забрасывали книжки, плевали на дипломы... И они с тоской и непониманием взирали на новую, какую-то не по-юному солидную молодежь, которая считала возможным обкладывать себя толстыми томами научных книг в то время, как ничто не сдвинулось еще в устоях самодержавия и положение народа было плачевным по-прежнему. Они видели в этом какую-то холодность. Они готовы были применить к этой молодежи слова Некрасова:

Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.
Ему нет горше укоризны...

Каждое время выставляет свои требования, и обычно бывает, что представители старого поколения плохо понимают идеа-

лы и стремления молодого, начавшего мыслить при изменившихся общественных условиях. А если политические условия остались в России прежние, то экономические начали сильно меняться: капитализм захватывал все большие области, все несомненное становилось, что ход развития пойдет у нас так же, как на Западе, что вожаком революции будет и у нас, как и там, пролетариат. А сторонникам старых, народнических воззрений, не понимавшим, что дело тут не в чем-то безразличии и не в чьей-то злой воле, что таков ход развития и против него никаким самым самоотверженным порывом ничего не поделаешь, казалось, что марксисты, слепо идя по пути Запада, хотят выварить всех крестьян в фабричном котле. Крестьянам же, по их убеждению, были присущи коммунистические взгляды, с которыми они могли бы миновать тяжелый путь через капитализм, несущий, особенно в первой своей стадии, неисчислимы бедствия и страдания для народа. «Лучше бы без капитализма», — говорили они устами В. В. (Воронцова), Южакова и других народников и старались найти доказательства, что это «лучше бы» возможно. Они негодовали на марксистов, как негодует человек, не понимающий необходимости какой-либо операции, на холодность и сухость врача, спокойно подвергающего больного всем связанным с нею страданиям, не пытаюсь обойтись «лучше» без них.

Это добренькое «лучше без капитализма» Владимир Ильич высмеивал очень ядовито и в устных своих выступлениях в тот период, и в первых своих работах, посвященных главным образом критике народничества. Отсылаем читателя к упомянутому уже нами сочинению его «Что такое «друзья народа»...», которое дает наилучшее представление о взглядах Ильича в тот период и которое в перепечатанных тогда на мимеографе тетрадках зачитывалось до дыр молодежи.

Еще раньше, чем тетрадки эти появились, — зимой 1893 года Владимир Ильич выступал против народников в Москве. Это было во время рождественских каникул, когда он приехал побывать к нам. На праздниках устраивались обычно вечеринки. Так и тут на одной вечеринке с разговорами в студенческой квартире выступил против народников Владимир Ильич. Ему пришлось здесь сцепиться главным образом с известным писателем-народником — В. В. (Воронцовым)¹. Не встречаясь с В. В. лично, Владимир Ильич не знал, против кого он выступает,

¹ О вечеринке, состоявшейся 9(21) января 1894 года, и выступлении В. И. Ленина в донесении московского охранного отделения в департамент полиции от 20 января (1 февраля) 1894 года говорилось: «Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замол-

и потом даже рассердился на знакомую ¹, приведшую его на эту вечеринку, что она не сказала ему, кто его противник. Выступал он со свойственной ему великолепной смелостью, во всеоружии своих знаний и со всей силой убеждения, сосредоточив на себе весь интерес вечеринки. Сторонникам противной стороны дерзость неизвестного молодого человека казалась чрезмерной; вся марксистски настроенная молодежь была страшно рада неожиданной поддержке и жалела, что, отчитав В. В., незнакомец быстро ускользнул с вечеринки. А Владимир Ильич ругал себя потом, что, раззадоренный авторитетностью, с которой В. В. высказывал свои устарелые взгляды, дал вызвать себя на обличения в неконспиративной обстановке. Но сошла эта вечеринка благополучно: на праздниках и полиция в Москве любила поприбавлять, а потом имени Ильича никто не знал, его называли «петербуржец». Значение же его выступления для московской молодежи было большое: оно разъяснило молодым марксистам многое, оно дало им опору, толкнуло их вперед.

И в Питере в ту зиму у Владимира Ильича было мало знакомств. Он сошелся с кружком технологов, группировавшихся вокруг братьев Красиных ², с которыми связался через Нижний Новгород, затем познакомился с несколькими сознательными и активными рабочими, как Бабушкин (расстрелянный после революции 1905 года в Сибири ³) и В. А. Шелгунов, давно уже ослепший, который и теперь выступает в Москве со своими воспоминаниями ⁴. Он познакомился с некоторыми легальными литераторами-марксистами, как с П. Б. Струве, А. Н. Потресовым, с которыми его сближала общая борьба против народников. Потресов, впрочем, был его ближайшим товарищем и позднее, по работе в «Искре», вплоть до раскола на II съезде в 1903 году. Но, направляя вместе со Струве удары против народников, Владимир Ильич раньше других почувствовал в нем чуждые струнки неревolucionера, не делающего всех выводов из учения Маркса, останавливающегося на чисто легальном, профессорском, буржуазном марксизме. Он почуял в нем будущего кадета и тогда же напал горячо на это вредное

чать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела» (Красный архив, 1934, № 1 (62), с. 76). *Ред.*

¹ М. П. Ясневу-Голубеву. А. Е.

² Герман и Леонид Борисовичи. Последний — видный нелегальный работник под кличкой Никитич. При Советской власти — нарком внешней торговли и полпред сначала во Франции, затем в Англии. Умер осенью 1926 года. А. Е.

³ См. статью-некролог «Иван Васильевич Бабушкин» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 79—83). *Ред.*

⁴ В. А. Шелгунов умер в 1939 году. *Ред.*

уклонение в статье под псевдонимом К. Тулин¹, помещенной в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», изданном Потресовым в 1895 году. Сборнику этому не удалось проскочить через цензуру, как изданной ранее книге Плеханова под псевдонимом Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Мудреное заглавие спасло книгу Плеханова, содержащую ярые нападки на народников и определенно высказывавшую точку зрения революционных марксистов. А сборник «Материалов», несмотря на несколько сухих, кишаших цифирью статей, влетел за статью Тулина и был сожжен. Удалось спасти только несколько экземпляров, и немногие поэтому прочли тогда статью Владимира Ильича.

Таким образом, цензура быстро разобрала разницу между марксизмом революционным — социал-демократией — и марксизмом легальным. Стали понимать эту разницу и кое-кто из народников-революционеров, стали замечать, что собственно их противники социал-демократы также революционеры и что нельзя валить их в одну кучу с «легальными марксистами», которые, устанавливая факт, что Россия «идет на выучку к капитализму» (эпиграф к книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»), никакого вывода в смысле необходимости борьбы с существующим строем из этого не делают. Кое-кто из молодых народовольцев, не признававших значения нашей общины (мы видели в одной из предыдущих глав, что ее не признавали уже Александр Ильич с товарищами в 1887 году), стали подходить ближе к социал-демократам, убеждаясь, что они не только не против политической борьбы, а выставляют ее на своем знамени. Так, народовольцы, имевшие свою типографию в Петербурге (Лахтинская типография), сами предложили социал-демократам печатать их листовки и брошюры, считая, что разница между двумя направлениями лишь в том, что социал-демократы обращаются к рабочим, а не к другим классам общества, но что направление их также революционное. В Лахтинской типографии были напечатаны многие листовки Владимира Ильича и его брошюра «О штрафах»²; вторая, «О стачках», была забрана там при аресте типографии и погибла.

Но это было уже позднее. Лето 1894 года — после первой зимы в Петербурге — Владимир Ильич проводил с нами под

¹ Речь идет о статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 1, с. 347—534). *Ред.*

² См.: *Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах.*— *Полн. собр. соч.*, т. 2, с. 15—60. *Ред.*

Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино, Курской железной дороги. Жил довольно уединенно и много занимался. Для отдыха гулял с меньшим братом и сестрой по окрестностям и заложил в них основы социал-демократического учения. Из московских социал-демократов выделялся с Мицкевичем, с которым познакомился еще раньше в Нижнем Новгороде, с Ганшиным и братьями Масленниковыми. Эти товарищи взяли печатать его тетрадки «Что такое «друзья народа»...», которые появились осенью 1894 года в Москве и Петербурге, размноженные на мимеографе¹.

Помню, что не успела прочесть его тетрадку о Михайловском в рукописи и разыскивала ее потом в Москве.

Это было не так-то легко, потому что выступление Михайловского против социал-демократов возмутило многих, и в Москве ходило несколько рукописных или замороженно напечатанных ответов ему. Легально ответы эти напечатаны быть не могли, это-то и возмущало против Михайловского, что он нападает и клевет на людей, которым зажат рот. Мне стали рассказывать о двух-трех ответах и, характеризуя их, заявили: «Один более основательный, только выражения очень уже недопустимые». — «А какие, например?» — спросила я с живостью. «Да, например, Михайловский сел в лужу». — «Вот этот, пожалуйста, мне и достаньте», — заявила я, решив совершенно определенно, что этот и должен был принадлежать перу Володи. И потом мы смеялись с ним относительно того признака, по которому я безошибочно определила его работу.

3. БОРЬБА С «ЭКОНОМИСТАМИ»

Кроме народников и «легальных марксистов» Владимиру Ильичу пришлось сражаться еще с так называемыми «экономистами». Это было направление, отрицавшее необходимость политической борьбы со стороны рабочих и агитацию за таковую в рабочих массах. Вытекало оно из здорового и естественного стремления подходить к рабочим, политически совершенно неразвитым, сохранившим еще в массе веру в царя, с точки зрения их повседневных нужд и требований. Дело шло о первых шагах в этих массах, которые надо было пробудить, в которых надо было развить стремления к защите своего достоинства, сознание, что спасения можно искать только в объединении, в сплочении, и содействовать этому сплочению. А объединить можно было только на непосредственных, наглядных нуждах — прежде всего на протесте против притеснения со стороны хозяев. Так,

¹ Первый выпуск указанной работы был издан в июне, второй и третий — в августе и сентябре 1894 года. *Ред.*

призыв восстать против непомерно удлиняющегося рабочего времени, сокращаемого с помощью разных мошенничеств заработка, призыв требовать кипятка в обеденное время, более раннего окончания работы в субботу для того, чтобы пользоваться баней, отмены несправедливых штрафов, удаления грубых, зазнавшихся мастеров и т. п. был понятен самым серым, неразвитым рабочим.

Сплочаясь на таких обыденных нуждах, они научались бороться вместе, дружно, стойко, защищать общие интересы, а удача в этой борьбе давала им чувствовать свою силу и объединяла еще более. Удача первых стачек — а чем мельче и справедливее были выставленные требования, тем легче они удовлетворялись — окрыляла и толкала вперед сильнее всякой агитации. Добытые улучшения в положении давали больше досуга и возможности читать, развиваться дальше. Поэтому все социал-демократы, шедшие к рабочим массам, начинали агитацию с экономических нужд. И листовки Владимира Ильича указывали на самые насущные требования рабочих того или иного завода или фабрики, производя этим большое впечатление. В случае несогласия хозяев удовлетворить мирным путем требования рабочих, рекомендовалось прибегнуть к стачке. Успех стачки в одном предприятии побуждал к этому методу борьбы и другие¹.

То время было временем перехода от занятий в небольших кружках — пропаганды, к работе в массах — агитации. И Владимир Ильич был одним из тех, кто стоял за такой переход. Разница между пропагандой и агитацией определялась, пожалуй, лучше всего словами Плеханова: «Пропаганда дает много идей небольшому кругу лиц, а агитация — одну идею массам».

Но если первый подход к совершенно неразвитым рабочим должен был по необходимости идти от ближайших экономических нужд, то никто не говорил с самого начала определеннее Владимира Ильича, что это должно быть лишь начальной ступенью, что политическое сознание должно развиваться с первых же бесед и с первых листков. Помню разговор с ним об этом поздней осенью 1895 года, незадолго до его ареста, когда я приехала опять к нему в Петербург.

«Как подходить с разговорами о политике к серым рабочим,

¹ А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (с. 42—43) пишет: «Авторитет тех неведомых защитников, которые выпускали эти листовки, уча рабочих бороться, возрастал до огромных размеров, и позднее, когда Владимир Ильич был уже арестован, а организованный им союз назывался «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», рабочие разных производств обращались к нему с просьбой листков, заявляя: «Почему нас союз забыл?». *Ред.*

для которых царь — второй бог, которые и листки с экономическими требованиями берут еще со страхом и оглядкой? Не оттолкнуть бы их только этим», — говорила я, имея в виду еще более серых московских рабочих.

Владимир Ильич указывал мне тогда, что все дело в подходе.

«Конечно, если сразу говорить против царя и существующего строя, то это только оттолкнет рабочих. Но ведь «политикой» переплетена вся повседневная жизнь. Грубость и самодурство урядников, пристава, жандарма и их вмешательство при всяком несогласии с хозяином обязательно в интересах последнего, отношение к стачкам всех власть имущих — все это быстро показывает, на чьей они стороне. Надо только всякий раз отмечать это в листках, в статьях, указывать на роль местного урядника или жандарма, а там уже постепенно направляемая в эту сторону мысль пойдет дальше. Важно только с самого начала подчеркивать это, не давать развиваться иллюзии, что одной борьбой с фабрикантами можно добиться чего-нибудь». «Вот например, — говорил Владимир Ильич, — вышел новый закон о рабочих (не помню сейчас точно, чего он касался. — А. Е.), его следует разъяснить, показать, насколько тут делается что-либо для рабочих и насколько — для фабрикантов. И вот в газете, которую мы выпускаем, мы помещаем передовицей статью «О чем думают наши министры?»¹, которая покажет рабочим, что такое наше законодательство, чьи интересы оно защищает. Мы намеренно говорим о министрах, а не о царе. Но эта статья будет политической, и такой должна быть обязательно передовица каждого номера, чтобы газета воспитывала политическое сознание рабочих». Статья эта, принадлежащая перу Владимира Ильича, входила, действительно, в первый номер «Рабочей газеты», не увидевший тогда света, забранный, как известно, при аресте Володи с товарищами 9 декабря 1895 года. Я читала ее, как и другой материал для первого номера «Рабочей газеты», подготавливавшегося тогда. Выпуск номера на mimeографе был делом громоздким и подготавливался задолго. Помню, как ядовито был поддет в этой статье министр и какой она была популярной и боевой.

Говорю об этом так подробно, чтобы указать, насколько неправы были многие, клонившиеся тогда к «экономизму» люди, которые оправдывались позже тем, что и Владимир Ильич писал в то время листовки на экономические темы. Арест номера газеты с политической передовицей в рукописи и последовавшее затем изъятие Владимира Ильича на четыре с лишком года давали некоторую почву для таких оправданий, хотя и при крат-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 75—80. *Ред.*

ковременном пребывании на воле перед ссылкой, да из тюрьмы и из ссылки Владимир Ильич проявлялся в этом отношении достаточно определенно, чтобы можно было не валить на него обвинения в «экономизме». Достаточно напомнить хотя бы его протест из ссылки против кусковского «Кредо»¹.

Это ярко-политическое направление было присуще Ильичу с самого начала, оно вытекало из правильно понятого учения Маркса, оно находилось также в соответствии со взглядами родоначальницы русской социал-демократии — группы «Освобождение труда», собственно ее основателя — Плеханова. Владимир Ильич хорошо знал его взгляды по его литературным работам, а кроме того, летом 1895 года, когда ездил за границу, и лично познакомился с ним. Официальной целью было отдохнуть и полечиться после воспаления легких, а неофициальной — завязать сношения с группой «Освобождение труда».

Владимир Ильич был очень доволен своей поездкой, и она имела для него большое значение. Плеханов пользовался всегда большим авторитетом в его глазах; с Аксельродом он очень сошелся тогда; он рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные. Мнением обоих Владимир Ильич очень дорожил. Позднее, из ссылки, он послал им для напечатания свою брошюру «Задачи социал-демократов в России»². И когда я передала ему хвалебный отзыв о ней стариков, он написал мне: «Их (стариков) одобрителный отзыв о моих работах — это самое ценное, что я могу себе представить». И после свидания с ними он еще определеннее и энергичнее вступил на путь организации политической партии социал-демократов в России.

По возвращении из-за границы Владимир Ильич был у нас в Москве и много рассказывал о своей поездке и беседах, был особенно довольный, оживленный, я бы сказала даже — сияющий. Последнее происходило главным образом от удачи на границе с провозом нелегальной литературы.

Зная, что на него, вследствие его семейного положения, смотрят особенно строго, Владимир Ильич не намеревался везти с собой что-нибудь недозволенное, но за границей не выдержал, искушение было слишком сильно, и он взял чемодан с двойным дном. Это был обычный в то время способ перевозить нелегальную литературу; она укладывалась между двумя днами. Работа производилась в заграничных мастерских чисто и аккуратно, но

¹ Изложение своих убеждений. А. Е. (см.: *Ленин В. И.* Протест российских социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 4, с. 163—176). *Ред.*

² См.: *Ленин В. И.* Задачи русских социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 433—470. *Ред.*

способ этот был все же очень известен полиции, — вся надежда была на то, что не станут же исследовать каждый чемодан. Но вот, при таможенном осмотре чемодан Владимира Ильича был перевернут вверх дном и по дну, кроме того, прищелкнули. Зная, что опытные пограничные чиновники определяют таким образом наличие второго дна, Владимир Ильич решил, как рассказывал нам, что влетел. Тот факт, что его благополучно отпустили и он сдал чемодан в Питере, где последний был также благополучно распотрошен, привел его в великолепное настроение, с которым он и приехал к нам в Москву.

4. СЛЕЖКА И АРЕСТ

Вполне возможно, конечно, что Владимир Ильич не ошибся, что скрытое содержание было действительно обнаружено, но, как это практиковалось, влетевший не арестовывался сразу, чтобы проследить целый ряд лиц, принимавших литературу, распространявших ее, и создать таким образом большое дело¹.

К осени 1895 года за Владимиром Ильичем сильно следили. Он говорил мне об этом в упомянутый мной приезд к нему поздней осенью этого года. Он говорил, чтобы, в случае его ареста, не пускать в Питер мать, для которой хождение в разные учреждения с хлопотами о нем было особенно тягостно, так как было связано с воспоминаниями о таком же хождении для старшего сына. В тот приезд познакомилась я у брата с В. А. Шелгуновым, тогда еще молодым, здоровым рабочим.

Рассказывал Владимир Ильич мне несколько случаев о том, как он удирал от шпииков. Зрение у него было хорошее, ноги проворные, и рассказы его, которые он передавал очень живо, с веселым хохотом, были, помню, очень забавны. Запомнился мне особенно один случай. Шпион настойчиво преследовал Владимира Ильича, который никак не хотел привести его на квартиру, куда отправлялся, а отделаться тоже никак не мог. Выслеживая этого нежеланного спутника, Ильич обнаружил его в глубоких воротах питерского дома. Тогда, быстро миновав ворота, он вбежал в подъезд того же дома и наблюдал оттуда с удовольствием, как заметался выскочивший из своей засады и потерявший его преследователь.

¹ А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (с. 47—48) пишет: «И после ареста через 3—4 месяца Владимир Ильич был очень озабочен этой уликой, и в первых наших с ним сношениях из тюрьмы чемодан играл большую роль, на него намекали и на первом допросе, но, очевидно, концы с этим были спрятаны удачно, и это «преступление» потонуло в других, более определенно доказанных». *Ред.*

«Я уселся,— передавал он,— на кресло швейцара, откуда меня не было видно, а через стекло я мог все наблюдать, и потешался, глядя на его затруднительное положение; а какой-то спускавшийся с лестницы человек с удивлением посмотрел на сидящего в кресле швейцара и покатывавшегося со смеха субъекта».

Но если при ловкости и удавалось уходить иногда от преследований, то все же полиция, дворники (которые были тогда домовою полицией) и стаи шпионов были сильнее. И они выследили наконец Владимира Ильича и его товарищей, которым приходилось маленькой кучкой исполнять множество различных неразрешенных дел: встречаться на конспиративных собраниях, куда очень мудро было не привести никому шпика, посещать рабочие квартиры, которые были приметны и за которыми следили, добывать и передавать нелегальную литературу, писать, перепечатывать и раздавать листки и т. п. Разделения труда было мало, ибо и работников было мало, и каждый поэтому быстро привлекал внимание полиции. А затем, кроме уличных ищеек, были еще провокаторы, втиравшиеся под видом «своих» в кружки; таков был в то время зубной врач Михайлов, входивший хотя не в тот кружок, где работал Владимир Ильич, но имевший сведения и о других кружках. Насаждались такие провокаторы и в рабочих кружках, а кроме того, тогдашние рабочие были наивны и легко попадались на удочку. При нелегальной работе люди «жили» в то время недолго: лишь с осени 1895 года стала она развертываться, а 9 декабря Владимир Ильич и большая часть его товарищей были «изъяты».

И вот первый период деятельности Владимира Ильича закончился дверями тюрьмы. Но за эти два с половиной года был пройден большой этап как им лично, так и нашим социал-демократическим движением. Владимир Ильич за эти годы провел решающие бои с народниками, он выявил вполне определенно свою революционную марксистскую сущность, отмежевавшись от разных уклонений, он завязал связь с заграничной группой основоположников марксизма. Но что еще важнее, он начал практическую работу, он завязал связь с рабочими, он выступил в качестве вождя и организатора партии в те годы, когда считалась еще сомнительной возможность зарождения ее в условиях тогдашней России. И хотя создалась она (I съезд партии) уже без него, когда он был в ссылке, но создалась под его давлением и после того, как им была заложена первая политическая организация социал-демократии в Петербурге, был намечен первый политический орган, были проведены первые крупные — на весь Питер и на Москву — стачки.

VI. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ

Владимир Ильич был арестован измученным нервной сутолокой работы последнего времени и не совсем здоровым. Известная «охранная» карточка 1895 года дает представление о его состоянии.

После первого допроса он послал к нам в Москву Надежду Константиновну Крупскую с поручением. В зашифрованном письме он просил ее срочно предупредить нас, что на вопрос, где чемодан, привезенный им из-за границы, он сказал, что оставил его у нас, в Москве.

«Пусть купят похожий, покажут на мой... Скорее, а то арестуют». Так звучало его сообщение, которое я хорошо запомнила, так как пришлось с различными предосторожностями покупать и привозить домой чемодан, относительно внешнего вида которого Надежда Константиновна сказала нечто очень неопределенное и который оказался, конечно, совсем непохожим на привезенный из-за границы, с двойным дном. Чтобы чемодан не выглядел прямо с иголки, новеньким, я взяла его с собой в Петербург, когда поехала с целью навестить брата и узнать о его деле.

В первое время в Петербурге во всех переговорах с товарищами, в обмене шифром с братом и в личных беседах с ним на свиданиях чемодан этот играл такую большую роль, что я отворачивалась на улицах от окон магазинов, где был выставлен этот настолько осатаневший мне предмет: видеть его не могла спокойно. Но хотя на него и намекали на первом допросе, концов с ним найдено не было, и обвинение это, как часто бывало, потонуло в других, относительно которых нашлись более неопровержимые улики.

Так, доказано было сообщество и сношение с целым рядом арестованных одновременно с ним лиц, и у одного из них, Ванеева, был взят рукописный номер нелегальной «Рабочей газеты»; была доказана связь с рабочими в кружках, с которыми — за Невской заставой — Владимир Ильич занимался. Одним словом, доказательств для того, чтобы начать жандармское расследование, было вполне достаточно.

Вторым приехавшим к нам в Москву после ареста брата был Михаил Александрович Сильвин, уцелевший член его кружка; он рассказал о письме, полученном от Владимира Ильича из тюрьмы на имя той знакомой, у которой он столовался¹. В этом первом большом письме из тюрьмы Владимир Ильич развивал

¹ Письмо В. И. Ленина было написано 2 (14) января 1896 года и послано на адрес А. К. Чеботаревой (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 15—17). *Ред.*

план той работы, которой хотел заняться там,— подготовлением материала для намечаемой им книги «Развитие капитализма в России»¹. Серьезный тон длинного письма с приложенным к нему длиннейшим списком научных книг, статистических сборников искусно замаскировал тайные его цели, и письмо дошло беспрепятственно, без всяких помарок. А между тем Владимир Ильич в письме этом ни больше ни меньше как запросил товарищей о том, кто арестован с ним; запросил без всякого предварительного уговора, но так, что товарищи поняли и ответили ему тотчас же, а бдительные аргусы ничего не заподозрили.

«В первом же письме Владимир Ильич запросил нас об арестованных,— сказал мне с восхищением Сильвин,— и мы ответили ему».

К сожалению, уцелела только первая часть письма, приложенного к ней списка книг нет: очевидно, он застрял и затерялся в процессе розыска их. Бóльшая часть перечисленных книг была действительно нужна Владимиру Ильичу для его работы, так что письмо метило в двух зайцев и, в противовес известной поговорке, попало в обоих. Я могу только восстановить по памяти некоторые из тех заглавий, которыми Владимир Ильич, искусно вплетая их в свой список, запросил об участии товарищей. Эти заглавия сопровождались вопросительным знаком, которым автор обозначал якобы неточность цитируемого на память названия книги и который в действительности отмечал, что в данном случае он не книгу просит, а запрашивает. Запрашивал он, пользуясь кличками товарищей. Некоторые из них очень подходили к характеру нужных ему книг, и запрос не мог обратить внимания. Так, о Василии Васильевиче Старкове он запросил: «В. В. Судьбы капитализма в России». Старков звался «Веве». О нижегородцах — Ванееве и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский, запрос должен уже был остановить более внимательного контролера писем заключенных, так как книга не относилась к теме предполагавшейся работы,— это был Костомаров «Герои смутного времени». Но все же это была научная, историческая книга, и, понятно, требовать, чтобы просматривающие кипы писем досмотрели такое несоответствие, значило бы требовать от них слишком большой дозы пронизательности. Однако же не все клички укладывались так сравнительно удобно в рамки заглавий научных книг, и одной из следующих, перемеженных, конечно, рядом действительно нужных для работы книг была книга Брема «О мелких грызунах». Здесь

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 1—609. *Ред.*

вопросительный знак запрашивал с несомненностью для товарищей об участии Кржижановского, носившего кличку Суслик. Точно так же по-английски написанное заглавие: *Maune Rid* «*The Mynoga*» — обозначало Надежду Константиновну Крупскую, окрещенную псевдонимом «Рыба» или «Миного». Эти наименования могли как будто остановить внимание цензоров, но серьезный тон письма, уйма перечисленных книг, а кроме того, предусмотрительная фраза, стоящая где-то во втором (потерянном) листке: «Разнообразии книг должно служить коррективом к однообразию обстановки», усыпили их бдительность.

К сожалению, в памяти моей сохранились лишь эти несколько заглавий, по поводу которых мы когда-то немало хохотали. Еще я вспоминаю только «*Goutchoul*» или «*Goutchioule*», намеренно сложным французским правописанием написанная фамилия фантастического автора какой-то исторической книги (названия ее уже не помню). Это должно было обозначать Гуцул, то есть Запорожец. Помню еще, что по поводу «Героев смутного времени» Сильвин рассказывал, что они ответили: «В библиотеке имеется лишь I т. сочинения», то есть арестован лишь Ванеев, а не Сильвин.

Владимир Ильич был посажен в дом предварительного заключения, коротко называвшийся «предварилкой». То была полоса довольно благоприятных условий сидения. Свидания разрешались обычно через месяц после ареста и по два раза в неделю: одно личное, другое общее, за решеткой. Первое в присутствии надзирателя продолжалось полчаса; второе — целый час. При этом надзиратели ходили взад и вперед — один сзади клетки с железной решеткой, в которую вводились заключенные, другой — за спинами посетителей. Ввиду большого галдежа, который стоял в эти дни, и общего утомления, который он должен был вызывать в надзирателях, а также низкого умственного развития их, можно было при некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях почти обо всем. Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги — два раза. При этом книги просматривались не жандармами, а чиновниками прокурора суда, помещавшегося в доме рядом, и просмотр этот, при массе приносимых книг, был, вероятно, в большинстве случаев простой формальностью. Книги разрешались к пропуску довольно широко, без больших изъятий; разрешались даже ежемесячные журналы, а потом и еженедельные. Таким образом, отрыва от жизни — одной из самых тяжелых сторон одиночного заключения — не было. Была довольно богата и библиотека «предварилки», составившаяся из разных пожертвований, так что многие товарищи, особенно из рабочих, серьезно пополняли в ней свое образование.

Владимир Ильич, налаживаясь на долгое сидение, ожидая далекой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы — «Развитие капитализма в России». Он послал в письмах длинные перечни научных книг, статистических сборников, которые доставались ему из Академии наук, университетской и других библиотек. Я с матерью жила большую часть тюремного заключения Владимира Ильича в Питере, и мне приходилось таскать ему целые кипы книг, которыми был завален один угол его камеры. Позднее и с этой стороны условия стали более суровы: число книг, выдаваемых заключенному в камеру, было строго и скупо определено. Тогда же Ильич мог не спеша делать выписки из статистических сборников и, кроме того, иметь и другие — научные, беллетристические — книги на русском и иностранном языках.

Обилие передаваемых книг благоприятствовало нашим сношениям посредством их. Владимир Ильич обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма.

Ну и перепортили мы с этой перепиской глаза не мало! Но она давала возможность снести, передать что-либо нужное, конспиративное и была поэтому неоцененна. При ней самые толстые стены и самый строгий начальнический надзор не могли помешать нашим переговорам. Но мы писали, конечно, не только о самом нужном. Я передавала ему известия с воли, то, что неудобно было, при всей маскировке, сказать на свидании. Он давал поручения такого же рода, просил передать что-либо товарищам, завязывал связи с ними, переписку по книгам из тюремной библиотеки; просил передать, к которой доске в клетке, в которую пускали гулять, прилеплена черным хлебом записка для того или другого из них. Он очень заботился о товарищах: писал ободряющие письма тому, кто, как он слышал, нервничал; просил достать тех или иных книг; устроить свидание тем, кто не имел его. Эти заботы брали много времени у него и у нас. Его неистощимое, бодрое настроение и юмор поддерживали дух и у товарищей.

К счастью для Ильича, условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно. Конечно, он похудел и, главным образом, пожелтел к концу сидения, но даже желудок его — относительно которого он советовался за границей с одним известным швейцарским специалистом — был за год сидения в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле. Мать приготавливала и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему

указанным специалистом диетой; кроме того, он имел платный обед и молоко. Очевидно, сказалась благоприятно и регулярная жизнь в этой российской «санатории», жизнь, о которой, конечно, нечего было и думать при нервной беготне нелегальной работы.

Свидания с ним были очень содержательны и интересны. Особенно много можно было поболтать на свиданиях за решеткой. Мы говорили намеками, впутывая иностранные названия для таких неудобных слов, как «стачка», «листовка». Наберешь, бывало, новостей и изоощряешься, как передать их. А брат изоощрялся, как передать свое, расспросить. И как весело смеялись мы оба, когда удавалось сообщить или понять что-либо такое запутанное. Вообще наши свидания носили вид беспечной оживленной болтовни, а в действительности мысль была все время напряжена: надо было суметь передать, суметь понять, не забыть всех поручений. Помню, раз мы чересчур увлеклись иностранными терминами, и надзиратель за спиной Владимира Ильича сказал строго:

— На иностранных языках говорить нельзя, только на русском.

— Нельзя, — сказал с живостью, обертываясь к нему, брат, — ну, так я по-русски говорить буду. Итак, скажи ты этому золотому человеку... — продолжал он разговор со мной.

Я со смехом кивнула головой: «золотой человек» должно было обозначать Гольдмана, то есть не велели иностранных слов употреблять, так Володя немецкое по-русски перевел, чтобы нельзя было понять, кого он называет.

Одним словом, Владимир Ильич и в тюрьме проявлял свою всегдашнюю кипучую энергию. Он сумел устроить свою жизнь так, что весь день был наполнен. Главным образом, конечно, научной работой. Обширный материал для «Развития капитализма» был собран в тюрьме. Владимир Ильич спешил с этим. Раз, когда к концу сидения я сообщила ему, что дело, по слухам, скоро оканчивается, он воскликнул: «Рано, я не успел еще материал весь собрать».

Но и этой большой работы было ему мало. Ему хотелось принимать участие в нелегальной, революционной жизни, которая забила тогда ключом. Этим летом (1896 года) происходили крупные стачки текстильщиков в Петербурге, перекинувшиеся затем в Москву, стачки, произведшие эпоху в революционном движении пролетариата. Известно, какой переполох создали эти стачки в правительственных кругах, как царь боялся вследствие них вернуться в Питер с юга. В городе все кипело и бурлило. Было чрезвычайно бодрое и подъемное настроение. Год коронации Николая II с его знаменитой Хо-

дынкой¹ отмечен первым пробным выступлением рабочих двух главных центров, как бы первым, зловещим для царизма маршем рабочих ног, еще не политическим, правда, но уже тесно сплоченным и массовым. Более молодым товарищам трудно оценить и представить себе все это теперь, но для нас, после тяжелого гнета 80-х годов, при кротообразном существовании и разговорах по каморкам, стачка эта была громадным событием. Перед нами как бы «распахнулись затворы темницы глухой в даль и блеск лучезарного дня», как бы выступил сквозь дымку грядущего облик того рабочего движения, которым могла и должна была победить революция. И социал-демократия из книжной теории, из далекой утопии каких-то марксистов-буквоедов приобрела плоть и кровь, выступила как жизненная сила и для пролетариата, и для других слоев общества. Какое-то окно открылось в душном и спертom каземате российского самодержавия, и все мы с жадностью вдыхали свежий воздух и чувствовали себя бодрыми и энергичными, как никогда.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», как был назван уже после ареста Владимира Ильича основанный им союз, становился все более и более популярным. Предприятия одно за другим обращались к нему с просьбой выпустить и для них листовки. Посылали и жалобы: «Почему нас союз забыл?» Требовались и листовки общего характера, прежде всего первомайские. Товарищи на воле жалели, что их не может писать Владимир Ильич. И ему самому хотелось писать их. Кроме того, у него уже были намечены темы для брошюр, как «О стачках».

Он был занят вопросом программы. И вот он стал пробовать писать в тюрьме и нелегальные вещи. Передавать их шифром было, конечно, невозможно. Надо было применить способ незаметного, проявляемого уже на воле письма. И, вспомнив одну детскую игру, Владимир Ильич стал писать молоком между строк книги, что должно было проявлять нагреванием на лампе. Он изготовил себе для этого крошечные чернильницы из черного хлеба, с тем чтобы можно было проглотить их, если слышится шорох у двери, подглядывание в волчок. И он рассказывал, смеясь, что один день ему так не повезло, что пришлось проглотить целых шесть чернильниц.

Помню, что Ильич в те годы и перед тюрьмой и после нее

¹ Имеется в виду катастрофа 18 мая 1896 года на Ходынском поле (Москва) во время массового гулянья по случаю коронации Николая II, когда из-за преступной халатности властей, не обеспечивших порядка, произошла давка, в которой погибло 1389 человек, 1300 получили увечья. *Ред.*

любил говорить: «Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить». И в тюрьме он со свойственной ему находчивостью упражнялся в этом. Он писал из тюрьмы листовки, написал брошюру «О стачках», которая была забрана при аресте Лахтинской типографии (ее проявляла и переписывала Надежда Константиновна). Затем написал программу партии и довольно подробную «объяснительную записку» к ней, которую переписывала частью я после ареста Надежды Константиновны. Программа эта тоже не увидела света: она была передана мною по окончании А. Н. Потресову и после ареста его была уничтожена кем-то, кому он отдал ее на хранение¹. Кроме работы ко мне по наследству от Надежды Константиновны перешло конспиративное хранилище нелегалщины — маленький круглый столик, который, по мысли Ильича, был устроен ему одним товарищем-столяром. Нижняя точеная пуговка несколько более, чем обычно, толстой единственной ножки стола отвинчивалась, и в выдолбленное углубление можно было вложить порядочный сверток. Туда к ночи запрятывала я переписанную часть работы, а подлинник — прогреты на лампе странички — тщательно уничтожала. Столик этот оказал немаловажные услуги: на обысках как у Владимира Ильича, так и у Надежды Константиновны он не был открыт; переписанная последнюю часть программы уцелела и была передана мне вместе со столиком матерью Надежды Константиновны. Вид его не внушал подозрений, и только позднее, после частого отвертывания пуговки, нарезки стерлись, и она стала отставать.

Сначала Владимир Ильич тщательно уничтожал черновики листовок и других нелегальных сочинений после переписки их молоком, а затем, пользуясь репутацией научно работающего человека, стал оставлять их в листах статистических и иных выписок, нанизанных его бисерным почерком. Да такую, например, вещь, как подробную объяснительную записку к программе, и нельзя было бы уничтожить в черновом виде: в один день ее нельзя было переписать; и потом Ильич, обдумывая ее, вносил постоянно исправления и дополнения. И вот, раз на свидании он рассказывал мне со свойственным ему юмором, как на очередном обыске в его камере жандармский офицер, перелистав немного изрядную кучу сложенных в углу книг, таблиц и выписок, отделался шуткой: «Слишком жарко сегодня, чтобы

¹ Эта объяснительная записка была также забрана еще в рукописи и долгое время считалась погибшей. Уже после смерти Владимира Ильича был найден один неполный экземпляр ее, напечатанный в ленинском 3-м (26-м) номере «Пролетарской революции» 1924 года. А. Е. (см.: *Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии.* — Полн. собр. соч., т. 2, с. 81—110. *Ред.*)

статистикой заниматься». Брат говорил мне тогда, что он особенно и не беспокоился: «Не найти бы в такой куче», а потом добавил с хохотом: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи,— меня взять не могут». Он-то смеялся, но я, конечно, беспокоилась, просила его быть осторожнее и указывала, что если взять его не могут, то наказание, конечно, сильно увеличат, если он попадется; что могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме.

И поэтому я всегда с тревогой ждала возвращения от него книги с химическим посланием. С особенной нервностью дожидалась я возвращения одной книги: помнится, с объяснительной запиской к программе, которая, я знала, вся сплошь была исписана между строк молоком. Я боялась, чтобы при осмотре ее тюремной администрацией не обнаружилось что-нибудь подозрительное, чтобы при долгой задержке буквы не выступили — как бывало иногда, если консистенция молока была слишком густа,— самостоятельно. И, как нарочно, в срок книги мне не были выданы. Все остальные родственники заключенных получили в четверг книги, сданные в тот же день, а мне надзиратель сказал кратко: «Вам нет», в то время как на свидании, с которого я только что вышла, брат заявил, что вернул книги. Эта в первый раз случившаяся задержка заставила меня предположить, что Ильич попался; особенно мрачной показалась и всегда мрачная физиономия надзирателя, выдававшего книги. Конечно, настаивать было нельзя, и я провела мучительные сутки до следующего дня, когда книги, в их числе книга с программой, были вручены мне.

Бывало, что и брат бил тревогу задаром. Зимой 1896 года, после каких-то арестов (чуть ли не после ареста Потресова), я запоздала случайно на свидание, пришла к последней смене, чего обычно не делала; Владимир Ильич решил, что я арестована, и уничтожил какой-то подготовленный им черновик.

Но подобные волнения бывали лишь изредка, по таким исключительным поводам, как новые аресты; вообще же Ильич был поразительно ровен, выдержан и весел на свиданиях и своим заразительным смехом разгонял наше беспокойство.

Все мы — родственники заключенных — не знали, какого приговора ждать. По сравнению с народовольцами социал-демократов наказывали довольно легко. Но последним питерским инцидентом было дело М. И. Бруснева, которое кончилось сурово: 3 года одиночки и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь — так гласил приговор главе дела.

Мы очень боялись долгого тюремного сидения, которого не вынесли бы многие, которое во всяком случае сильно подор-

вало бы здоровье брата. Уже и так к году сидения Запорожец заболел сильным нервным расстройством, оказавшимся затем неизлечимой душевной болезнью; Ванеев худел и кашлял (умер в ссылке, через год после освобождения, от туберкулеза¹); Кржижановский и остальные тоже более или менее нервничали.

Поэтому приговор к ссылке на три года в Восточную Сибирь был встречен всеми прямо-таки с облегчением.

Он был объявлен в феврале 1897 года. В результате хлопот матери Владимиру Ильичу разрешено было поехать в Сибирь на свой счет, а не по этапу. Это было существенным облегчением, так как кочевка по промежуточным тюрьмам брала много сил и нервов.

Помню, как в день освобождения брата в нашу с матерью комнату прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, т. Якубова.

И очень ясно запомнилось выразительно просиявшее бледное и худое лицо его, когда он в первый раз забрался на империал конки и кивнул мне оттуда головой.

Он мог разъезжать в конке по питерским улицам, мог повидаться с товарищами, потому что всем освобожденным «декабристам» разрешено было пробить до отправки три дня в Петербурге, в семьях. Этой небывалой льготы добилась сначала для своего сына мать Ю. О. Цедербаума (Мартова) через какое-то знакомство с директором департамента полиции Зволянским; а затем, раз прецедент создан, глава полиции не считал возможным отказывать другим. В результате все повидались, снялись группой (известный снимок), устроили два вечерних, долго затянувшихся собрания: первое — у Радченко Степана Ивановича и второе — у Цедербаума. Говорили, что полиция спохватилась уже после времени, что дала маху, пустив гулять по Питеру этих социал-демократов, что совсем не такой мирный они народ; рассказывали также, что Зволянскому был нагоняй за это. Как бы то ни было, после этого случая таких льгот «скопом» уже не давалось; если и оставлялись иногда до высылки, то или люди заведомо больные, или по особой уже протекции. Собрания были встречами «старых» и «молодых». Велись дебаты о тактике. Особенно таким чисто политическим собранием было первое — у Радченко. Второе — у Цедербаума — было более нервное и сутолочное. На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли».

¹ Похороны А. А. Ванеева состоялись 10 (22) сентября 1899 года. В. И. Ленин произнес речь на его могиле. *Ред.*

Владимиру Ильичу было разрешено провести три дня и в Москве, в семье. Повидавшись с товарищами, он решил было заарестоваться в Москве и ехать дальше с ними вместе. Тогда была только что окончена магистраль до Красноярска, и этап представлялся уже не таким тягостным, как раньше: только две тюрьмы — в Москве и Красноярске. И Владимиру Ильичу не хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это очень огорчило мать, для которой разрешение Володе ехать на свой счет было самым большим утешением. После того как ей доказывали, насколько важно добиться поездки на свой счет, после того как ей передавали слова кого-то из старых ссыльных: «Ссылку мог бы повторить, этап — никогда», Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму.

Но дело обошлось. «Декабристы», заарестованные в Питере, не прибыли еще к окончанию трех льготных дней в Москву, а между тем засуетившаяся московская охранка поставила вызванного к себе Владимира Ильича перед ультиматумом: или получение проходного свидетельства на завтра или немедленное заарестовывание. Перспектива идти в тюрьму тотчас же, даже не простившись с домашними, и ждать там неопределенное время приезда «своих», — эта конкретная русская действительность, да еще в ее менее причесанной, чем в Питере, в ее московской форме, в этом отпечатке «вотчины» князя Сергея, навалилась на него, на его стремление идти вместе с товарищами. Естественный протест здравого ума против такой бесплодной растраты сил для того, чтобы не отличаться от товарищей, всегда присущее ему сознание необходимости беречь силы для действительной борьбы, а не для проявления рыцарских чувств, одержало верх, и Ильич решил выехать на следующий день. Мы четверо — мать, сестра Мария Ильинична и я с мужем, Марком Тимофеевичем, поехали провожать его до Тулы.

Владимир Ильич пошел в ссылку вождем, признанным многими. Первый съезд партии 1898 года наметил его редактором партийного органа и ему поручил написать программу партии. И наше социал-демократическое движение сделало за эти годы первый, а потому и самый трудный шаг к партийности, к широкой массовой борьбе. Почти все руководители были арестованы, участники I съезда были сметены почти целиком, но основы были заложены. Первый, начальный этап движения был пройден.

VII. ССЫЛКА

Ссылка протекла для Владимира Ильича также в сравнительно благоприятных условиях. По ходатайству матери ему было разрешено, вследствие слабости здоровья, отбывать ее в самой здоровой местности Сибири, в Минусинском уезде. Пунктом ссылки было назначено ему село Шушенское, или, как оно называлось тогда кратко, Шуша. С ним вместе было два или три рабочих-поляка¹. Товарищи по делу были разосланы по другим селам. В худшие условия попал — очевидно как еврей — Ю. О. Цедербаум (позднее Мартов). Он был сослан в самый северный пункт, в Туруханск, отделенный непроходимыми топями и болотами, и был на все время ссылки отрезан от товарищей. Другие же имели возможность встречаться, съезжаться друг к другу на празднования, вроде свадьбы, встречи Нового года и т. п., получать разрешение проехать в Красноярск для лечения, — так, брат ездил туда для лечения зубов. С Мартовым же сношения поддерживались только перепиской, но переписка с ним была зато у Владимира Ильича самой деятельной.

Время Владимира Ильича проходило очень однообразно, за усиленной и напряженной работой. Он за время ссылки написал «Развитие капитализма» (вышла в марте 1899 года) и ряд статей, помещавшихся частью в тогдашнем легальном марксистском журнале «Новое слово» и собранных затем в одну книжечку под заглавием «Экономические этюды и статьи»².

Приучивши себя работать регулярно, он не допускал больших перерывов в занятиях даже тогда, когда они обычно считаются неизбежными, например в дороге или в неопределенном, выжидательном положении. Так, он не только в течение того месяца, который провел в Красноярске в ожидании назначения, отправлялся ежедневно заниматься в библиотеку купца Юдина, версты за три от города, но даже те три дня, на которые ему разрешено было остановиться в родной семье, в Москве, ухитрился использовать частично для занятий в Румянцевской библиотеке³. Этим он поверг в полное недоумение одного молодого студента, Яковлева, с детства знакомого с нашей семьей, который забежал повидать его перед отъез-

¹ В Шушенском отбывали ссылку участник польского социал-демократического движения И. Л. Проминский с семьей и путиловский рабочий финн О. А. Энгберг. *Ред.*

² Первый сборник произведений В. И. Ленина под названием «Экономические этюды и статьи» за подписью «Владимир Ильин» вышел в октябре 1898 года в Петербурге. *Ред.*

³ Ныне Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина. *Ред.*

дом в трехлетнюю ссылку. Отдыхом служили для него прогулки по окрестным лесам, охота за зайцами и дичью, которыми они в те годы изобиловали.

В одном из своих писем из ссылки Владимир Ильич описывает село, «Шу-шу-шу», — как он его шутливо называет, — в которое он был назначен.

«Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1—1¹/₂ от села (точнее, от меня: село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея подхода нет.купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет. С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в 1¹/₂ — «бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырбленный лешишко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слышал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 30—40 верст). Горы... насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат *верстах в 50*, так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения¹ содержит в себе некую поэтическую гиперболу (есть ведь такая фигура у поэтов!) насчет «подножия»... Поэтому на такой вопрос: «на какие я горы взбирался» — могу ответить лишь: на песчаные холмики, которые есть в так называемом «бору» — вообще здесь песку достаточно»².

Дешевизна в то время в Сибири была большая. Так, первый год ссылки Владимир Ильич за свое пособие, полагавшееся ссыльным, — 8 рублей в месяц — имел комнату и полное содержание в крестьянской семье.

Через год к нему приехала вместе с матерью его невеста — Надежда Константиновна Крупская³; Владимир Ильич пересе-

¹ В письме из Красноярска, где Владимир Ильич сообщал о состоявшемся для него назначении в село Шушенское, он писал шутя, что начал уже сочинять стихотворение, первая строка которого гласит: «В Шуше, у подножия Саяна». А. Е. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 35. *Ред.*).

² Там же, с. 47—48. *Ред.*

³ Н. К. Крупская с матерью Елизаветой Васильевной приехала в село Шушенское 7 (19) мая 1898 года. *Ред.*

лился в квартиру побольше и стал жить по-семейному. Надежде Константиновне была назначена местом ссылки Уфа, но была разрешена по ее просьбе замена селом Шушенским, куда назначен был Владимир Ильич. Вместе с Надеждой Константиновной переводил Владимир Ильич, в целях заработка, книгу супругов Вебб о тред-юнионизме, с английского.

Переписка с Ильичем шла у меня в те годы все время самая деятельная. В обыкновенных письмах он запрашивал книги, давал поручения, писал о своих литературных работах, о своей жизни, о товарищах; в химических я ему писала о ходе революционной борьбы и работы в России, а он посылал свои статьи для отправки их в питерский «Союз борьбы» или за границу — группе «Освобождение труда» для издания. Так была переправлена им брошюра «Задачи социал-демократов в России»¹, появившаяся за границей с предисловием П. Б. Аксельрода, и ответ на записку тогдашних «экономистов», составленную Кусковой и Прокоповичем и получившую название «Кредо». Вследствие этого ответ известен под именем «Антикредо». С большим жаром выступил в нем Владимир Ильич против этого самого откровенного в то время изложения тех взглядов, что рабочие должны довольствоваться экономической борьбой, предоставив политическую либералам. Изложение это было сделано, правда, не борющимися отрядом социал-демократов, но людьми, имевшими в то время авторитет среди молодежи. И кроме того, наиболее выукло выраженные взгляды давали возможность подчеркнуть более решительно, к чему ведут уклоны в экономизм. Протест этот был зачитан при одной из упомянутых встреч социал-демократов, съехавшихся из разных сел, принят тогда же и отослан как «Ответ 17-ти социал-демократов» — заглавие, под которым он известен в партийной литературе.

В противоположность большинству ссыльных, Владимир Ильич не рвался в более оживленный центр, не стремился к перемене места. На предложение матери похлопотать о его переводе в город (через год или полтора) он писал, что не стоит, что временные наезды в Минусинск или Красноярск, по его мнению, лучше, чем постоянная жизнь там. Очевидно, потому, что жизнь в тихом селе и на одном месте давала больше простора и удобства для занятий, ничто не отвлекало от них, как в более людных колониях, где, кроме того, вынужденное безделье порождало те склоки, которые были самой тягостной стороной ссылки. По поводу одной такой склоки, вызвавшей самоубийство Н. Е. Федосеева в Верхоленске, Владимир Ильич

¹ См.: Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 433—470. *Ред.*

писал мне: «Нет, не желай мне лучше товарищей из интеллигентов: эти склочные истории — самое худшее в ссылке».

Но иногда Владимир Ильич охотно ездил повидаться с товарищами в другое село, верст за 50, за 100 или встречался с ними в Шуше. Такие поездки разрешались тогда для встречи Нового года, празднования свадьбы или именин. При этих съездах на три-четыре дня время проводилось, как писал Ильич, «очень весело»: гуляли, отправлялись на дальние охоты и на купанье летом; катались на коньках и играли в шахматы зимою. Беседовали на разные темы, читали отдельные главы из книги Владимира Ильича или обсуждали различные новые направления в литературе или политике. Так, для осуждения упомянутого «Кредо» товарищи съехались под предлогом празднования рождения дочери Лепешинского¹. Охотно также ездил Владимир Ильич два или три раза за время ссылки в Минусинск и Красноярск под предлогом лечения.

Кроме компании ссыльных, в которой Владимир Ильич откровенно излагал свои взгляды, которым охотно помогал в смысле их развития, указания им литературы, он интересовался и жизнью местных крестьян, из которых некоторые помнят его и до сих пор и послали свои воспоминания о нем. Но с ними он был, понятно, сдержан в разговорах. Тогдашнее крестьянство и российское, не говоря уже о более отдаленном, сибирском, было политически совсем неразвито. Кроме того, в его положении ссыльного, поднадзорного, было бы не только нецелесообразно, но прямо дико вести пропаганду.

Но Владимир Ильич охотно разговаривал с крестьянами, что давало ему возможность изучать их, выяснять себе их мировоззрение; он давал им и советы во всем, что касалось их местных дел, главным образом юридические. За этими последними крестьяне стали приходить к нему и из округи, их накоплялось иногда довольно много. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях крестьяне, а также и Надежда Константиновна. И незаметно на почве этих разговоров, на почве бесед на охоте Владимир Ильич почерпал и из этого пребывания в деревне, как раньше из пребывания в приволжских деревнях, то знание крестьянства, его психологии, которое сослужило ему такую большую службу как во время его революционной работы, так и позднее, у кормила правления².

¹ О. П. Лепешинской. *Ред.*

² А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (с. 60—61) пишет: «Несмотря на самую большую и самую отвлеченную научную работу и наряду с ней Владимир Ильич никогда не отрывался от жизни, ее непосредственного пульса, а умел как будто бы за болтовней почерпать знания практические. В этом, кроме его выдающихся способностей и прозорливости, была его сила». *Ред.*

Он умел во время беспритязательной болтовни развязывать языки своим собеседникам, и они выкладывали ему себя как на ладонке.

Таким образом, из ссылки Владимир Ильич поехал не только революционером, имевшим опыт и определенно выкристаллизовавшуюся индивидуальность, которая была уже авторитетом в подполье; не только человеком, выпустившим научный труд, но и укрепившим, в результате трехлетней жизни в самой деревенской гуще, свое знание крестьянства — этого основного слоя населения России.

На этом заканчивается первая часть биографии Владимира Ильича, до его возвращения из ссылки, до того времени, когда — в возрасте 30 лет — он взялся снова вплотную за революционную работу, но уже в несравненно более широком масштабе; за ту работу, которая сплотила революционный российский пролетариат и привела его к победе.

VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЛЬИЧА ИЗ ССЫЛКИ И ИДЕЯ «ИСКРЫ»

Это было в феврале 1900 года. Мы все, а особенно покойная мать, ожидали этого месяца, как праздника: ведь оканчивался срок ссылки брата, Владимира Ильича, и он должен был вернуться из Сибири. Мы не видали его три года и, конечно, с нетерпением поджидали его возвращения. Срок оканчивался, собственно, в одно из последних чисел января, в день подписания распоряжения о высылке, но предстояла еще неблизкая дорога, сперва на лошадях из села Шушенского через Минусинск в Красноярск¹ — верст 350, потом по железной дороге. А кроме того, не вполне было спокойно на сердце, подлинно ли окончилась ссылка, не вышло бы какой-нибудь зацепки. Ведь мы жили тогда под самодержавием, и это была административная ссылка, то есть полный произвол власти. Какое-нибудь столкновение с начальством, какая-нибудь мелкая месть местного сатрапа, и срок ссылки мог быть продлен.

И хотя, главным образом, такая судьба постигала за какие-нибудь провинности в месте ссылки, но бывали случаи, что она диктовалась и соображениями из центра, например усилением революционного движения, при котором нежелательным считалось возвращать из глухих углов влиятельных революционеров.

¹ В. И. Ленин с семьей выехали из Шушенского 29 января (10 февраля) 1900 года. Ехали на лошадях через Минусинск до железнодорожной станции Ачинск. *Ред.*

Поэтому Владимир Ильич, хотя жил он скромно и явным образом, по крайней мере, запретов не преступал, был непокоен относительно своей участи и, чем ближе подходил срок, тем более нервничал.

«Выеду такого-то, если не надбавят срока»¹, — писал он нам.

Это опасение не сбылось, Владимир Ильич мог выехать, как предполагал, и мы по письмам или телеграмме (теперь не помню) знали день и час его приезда и ждали его².

Меньший брат, Дмитрий Ильич, проживал тогда по первому своему делу поднадзорным в Подольске Московской губернии. Он сел в сибирский поезд при остановке его в Подольске и приехал вместе с Владимиром Ильичем в Москву.

Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице. Увидав подъехавшего извозчика, мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери:

— Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!

— Я действительно поправился. Я только за последнее время, перед отъездом, сдал.

Надежда Константиновна рассказывала потом, что нервность перед окончанием срока, неуверенность в том, что он подлинно настанет, съела почти всю поправку брата в Сибири³.

— А Юлий приехал? Было письмо? Телеграмма? — забросал нас Володя вопросами тотчас после первых приветствий, едва вошел, разоблачившись, в нашу столовую.

Юлий Цедербаум, известный по более позднему псевдониму Мартова, был сослан по одному с Владимиром Ильичем делу в Туруханск и оканчивал свой срок одновременно с ним. Как еврею, ему был назначен самый отдаленный и скверный угол Енисейской губернии.

Наш ответ, что мы никаких вестей от Юлия не имели и ничего о нем не знаем, взволновал Владимира Ильича.

¹ Возможность увеличения срока ссылки серьезно тревожила Владимира Ильича. Свои опасения на этот счет он высказывал также в письме А. Н. Потресову от 27 июня (9 июля) 1899 года: «Мой срок кончается 29.1.1900. Только бы не прибавили срока — величайшее несчастье, постигающее нередко ссыльных в Восточной Сибири. Мечтаю о Пскове» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 46, с. 32). *Ред.*

² О своем выезде В. И. Ленин послал телеграмму на имя матери М. А. Ульяновой. Телеграмма до настоящего времени не разыскана. *Ред.*

³ Н. К. Крупская писала об этом из Уфы М. И. Ульяновой 30 марта (12 апреля) 1900 года: «...похудел Володя очень, это за последнее время его так подтянуло, а то он выглядел очень хорошо... Последнее время он хронически недосыпал, волновался перед отъездом, да и морозы стояли сильные очень, так что не гулял совсем. Как поехали, так Володя повеселел сразу и есть и спать стал по-человечески» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 55, с. 416). *Ред.*

— Как же? Ведь мы с ним условились. Что бы это могло значить? — говорил он, бегая по комнате. — Надо послать ему телеграмму. Митя, я попрошу тебя отнести.

И он тотчас занялся составлением телеграммы и командированием брата, к некоторому разочарованию как этого последнего, так и нас всех, желавших, естественно, в эти первые минуты приезда иметь Владимира Ильича всецело для себя.

Меня это удивило, кроме того, потому, что я знала по периоду до ссылки, что с Мартовым, вступившим позже в кружок, Володя был гораздо менее близок, чем с другими его членами — с Кржижановским, Старковым; знала, что с этими последними он жил в ссылке по соседству (верстах в пятидесяти) и встречался довольно часто. При этих условиях близость обычно лишь увеличивается. Между тем о них Владимир Ильич рассказывал мало, в общих, спокойных тонах; вести же о Мартове ждал с самым горячим нетерпением.

Последующие беседы разъяснили мне это. Он считал Цедербаума своим ближайшим товарищем для дальнейшей работы, главным образом для общерусской газеты. Он восхищался революционным темпераментом Юлия и очень волновался, пока не получил известия, что тот благополучно выехал из Туруханска. Он напевал нам сложенную Цедербаумом в ссылке песенку:

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралась пурга.
В стоне ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, братья, смело, и над долей злой
Песней насмеемся удалой.

Там, в России, люди очень пылки,
Там под стать геройский им наряд,
Но со многих годы дальней ссылки
Быстро позолоту соскоблят.
И порывы эти все сведет на ноль
Сдобренный махоркой алкоголь.
И т. д.

Пел Ильич, и сестра подбирала за ним на фортепьяно также польские революционные песни, которым он научился от ссыльных рабочих-поляков, отчасти по-польски, отчасти в русском переводе их, сделанном Кржижановским.

Таковы были: «Беснуйтесь, тираны», «Вихри враждебные», «Червоны штандар». Ясно помню Володю, как он расхаживал из угла в угол по нашей маленькой столовой и пел с увлечением:

А колёр штандара червоны,
Бо на ним работников крєв.

Он восхищался революционными песнями польских рабочих и указывал на необходимость создать таковые для России.

В те годы людям, возвращающимся из ссылки, было исключено для жительства около 60 пунктов России: кроме столиц и университетских городов — те промышленные пункты, которые были захвачены рабочим движением, а таковыми к 1900 году были более или менее все. Оставалось выбирать среди очень немногих городов. Владимир Ильич выбрал еще в Сибири Псков, как более близкий к Петербургу, и согласился относительно этого местожительства с Цедербаумом и Потресовым (сосланным в Вятскую губернию). С ними обоими предполагал он издавать общерусскую газету. Цедербаум проехал в Псков из Петербурга, где виделся с родными, а Потресов заезжал к нам в Москву, но уже после отъезда Владимира Ильича.

Я не помню, сколько дней пробыл у нас брат. За это время приезжал повидаться с ним из Екатеринослава его старый самарский знакомый, И. Х. Лалаянц, который был в то время членом комитета социал-демократической партии и редакции газеты «Южный рабочий». Он пробыл у нас дня три. У него были с братом деловые разговоры.

Позднее Владимир Ильич рассказывал мне, что они касались главным образом созыва II съезда партии, который предполагался тогда еще в России. Повальные аресты на юге в апреле 1900 года — и Лалаянца в том числе — убедили окончательно Владимира Ильича в невозможности созывать съезд в России. Он говорил мне об этом в июне, перед отъездом за границу, когда развивал подробный план общерусской газеты, организация которой протягивала бы щупальца во все концы России, объединяя вокруг основных принципов все разбросанные по нашей необъятной стране комитеты и кружки.

«Если только подготовки к съезду вызывают такие провалы,— говорил он,— разрушают чуть не до корня организацию, ведут к аресту наиболее ценных работников, следовательно, в самодержавной России съезды являются непозволительной роскошью. Нужны другие способы объединения партии. И вот, таким способом может явиться общерусская газета, издаваемая за границей, вокруг которой, как вокруг лесов, поставленных на воздвигающемся здании, будет строиться партия».

Из этой идеи возникала «Искра» с ее эпитафией: «Из искры возгорится пламя», и она выполнила, действительно, задачу объединения партии и разожгла пожар революции.

IX. ТРЕТИЙ АРЕСТ ИЛЬИЧА. ПОЕЗДКА В УФУ И ОТЪЕЗД ЗА ГРАНИЦУ

Не успели мы порадоваться возвращению Ильича из Сибири, быстро умчался он, проведя несколько дней у нас, в Москве, в Псков, — как в мае вновь тревожная весть: арестован в Петербурге. Помню, как сильно поразила она нас, особенно, конечно, мать, которая была прямо-таки в отчаянии, несмотря на неоднократно проявленную твердость характера. Но мать была уже измучена арестами: за время ссылки Владимира Ильича был арестован меньшей брат, Дмитрий, студент V курса, и просидел девять месяцев по нудному, никак не выходящему у его творцов делу. Фактов не было, из простого кружка самообразования ничего криминального не получалось, а его занятия с рабочими на заводе Гужона не были раскрыты. Брат плохо выносил московские условия сидения, и мать под конец совсем расхворалась. А незадолго до возвращения Владимира Ильича из ссылки была арестована сестра, Мария Ильинична, уже вне всякого наиневиннейшего «сообщества», были прерваны ее занятия в Брюссельском университете, и она была выслана в Нижний. И мать ездила то в Тулу к Дмитрию, то в Нижний к Мане. Только удалось добиться возвращения последней домой и водворения Мити в Подольск Московской губернии, куда мы собирались на летние месяцы, как новая беда, грозившая быть много худшей: Володя, уже показавший себя серьезным революционером, за родство с которым брали и меньших, оказался вновь арестованным в Петербурге, куда он не имел права являться, арестован уже с заграничным паспортом.

Значит, не попасть ему за границу! Ну, конечно, если даже у Мани отобрали заграничный паспорт и не позволили ехать учение продолжать, то его-то уж, конечно, не пустят.

А мы так желали для него заграницы, мы видели, что в России с его революционным темпераментом ему несдобровать. Да и это ли только?.. Опять какое-нибудь большое дело... Мы были в полном неведении, за что, при каких обстоятельствах он арестован, и не могли, конечно, принимать всерьез успокоительных строк его письма через жандармов. Помнится, что он сам таким письмом известил нас. Знали мы по горькому опыту, во что разрастаются эти две недели, месяц, которыми успокаивают обычно родных первое время после ареста. Но на этот раз дело вышло неожиданно совсем наоборот. Володя был через две-три недели освобожден и приехал к нам в Подольск, и даже с заграничным паспортом в кармане¹. Оказа-

¹ В. И. Ленин был в заключении с 21 по 31 мая (с 3 по 13 июня) 1900 года.
Ред.

лось, улик не было найдено: Владимир Ильич и Цедербаум, арестованные вместе, были признаны виновными лишь в неразрешенной поездке в Петербург.

Брат рассказывал нам, как все вышло. Они поехали вдвоем с корзиной литературы в Питер и доехали бы, может быть, благополучно, если бы не переконспирировали. А именно: они решили, для того чтобы замести следы, пересечь по пути на другую железнодорожную линию, но упустили из виду, что пересели на дорогу, идущую через Царское Село, где жил царь, и слежка была поэтому много строже. В охране над ними подтрунили за эту конспирацию. Но все же сразу их не арестовали. Корзину удалось сбить по приезде, и навесить кое-кого они успели, не приведя хвостов. На ночлег они устроились где-то в Казачьем переулке у Екатерины Васильевны Малченко, матери их товарища¹, инженера, сосланного по общему делу в Архангельск. Но только что вышли они утром, как были схвачены на улице шпиками. Владимир Ильич рассказывал: прямо за оба локтя ухватили, так что не было никакой возможности выбросить что-либо из кармана. И на извозчике двое весь путь за оба локтя держали. Так же был схвачен и повезен на другом извозчике Цедербаум.

Владимир Ильич беспокоился главным образом за химическое письмо Плеханову, написанное на почтовом листке с каким-то счетом. В этом письме сообщалось о плане общерусской газеты, и оно выдало бы его с головой. И все три недели он не знал, проявлено ли письмо. Всего больше беспокоило его, что химические чернила иногда со временем выступают самостоятельно. Но оказалось с этой стороны благополучно: на листок не обратили внимания, и он был в этом же виде возвращен брату. Владимир Ильич приехал к нам в Подольск сияющий. Заграница для них обоих, а следовательно, и план общерусской газеты, не отпала.

Мы переехали тогда с ранней весны в Подольск, где сняли вместо дачи квартиру в доме Кедровой, в конце города, на берегу реки Пахры. Володя пробыл у нас с неделю, если не больше², принимая участие в наших прогулках пешком и на лодке по живописным окрестностям Подольска, играл с увлечением в крокет на дворе. Приезжал к нему туда Лепешинский, приезжали Шестернин с женою Софьей Павловной. Последние ночевали у нас, и я помню, как горячо обрушился Володя на позицию защищаемой ими заграничной группы «Рабочее дело». Приезжал и еще кто-то. Со всеми Владимир Ильич договари-

¹ Имеется в виду А. Л. Малченко. *Ред.*

² В. И. Ленин жил у своих родных в Подольске с 1 по 7 (с 14 по 20) июня 1900 года. *Ред.*

А. И. Ульянова-Елизарова. 1900—1902 гг.

М. А. Бланк. 1863 г.

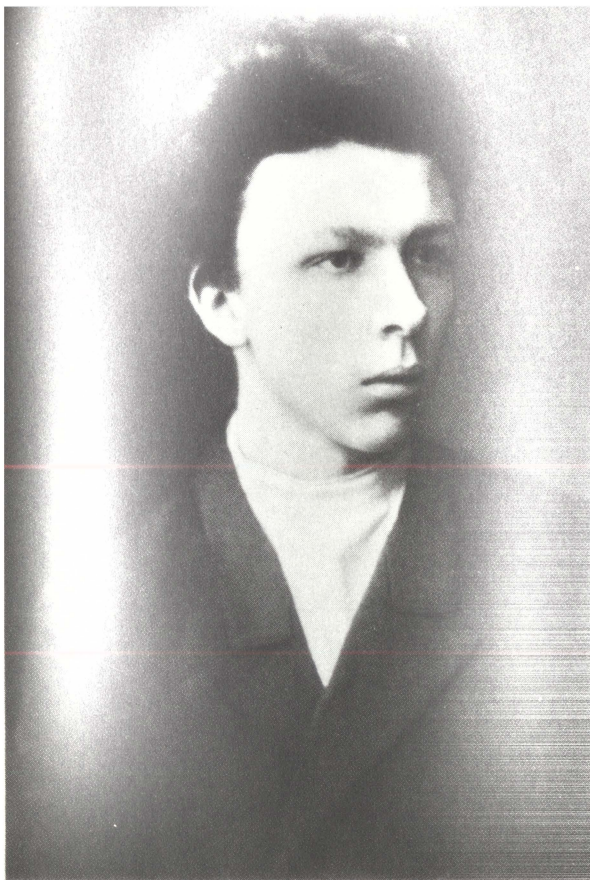
И. Н. Ульянов. 1863 г.

Семья Ульяновых: Мария Александровна, Илья Николаевич и их дети — Ольга, Мария, Александр, Дмитрий, Анна, Владимир. 1879 г.

А. И. Ульянова. 1883—1887 гг.

А. И. Ульянов. 1887 г.

В. И. Ульянов. 1887 г.

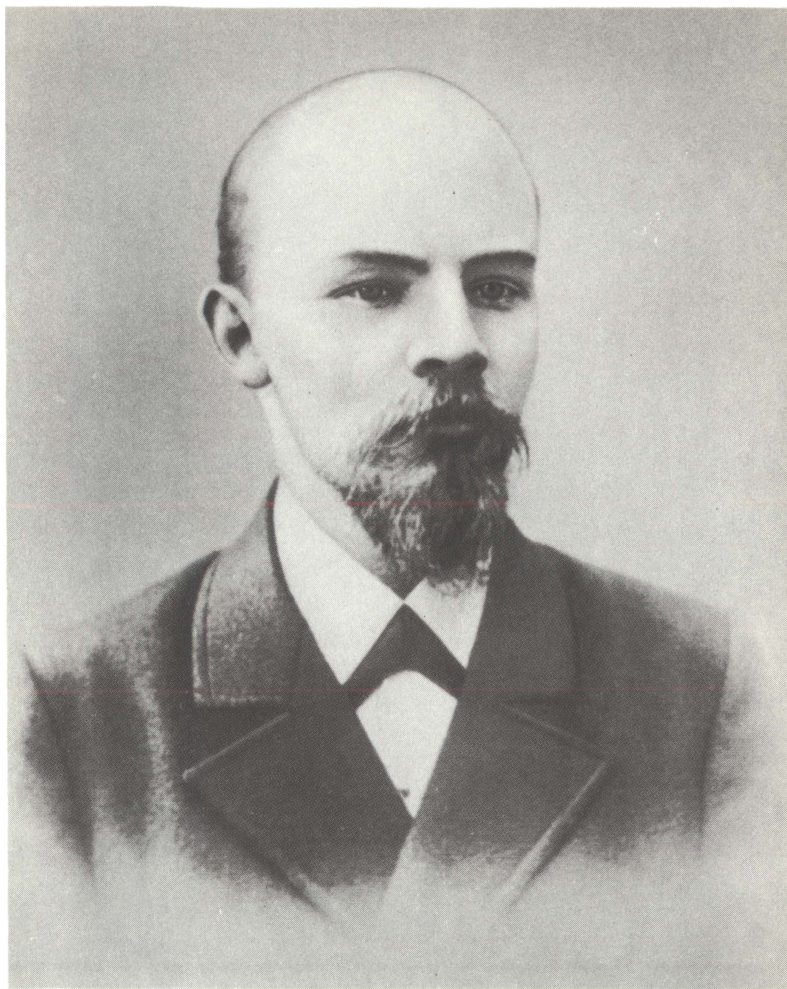
О. И. Ульянова. 1887 г.

Д. И. Ульянов. 1893 г.

М. И. Ульянова. 1893 г.

В. И. Ульянов. 1900 г.

Н. К. Крупская. 1895 г.

Симбирск. Дом на Московской улице. Здесь жила семья Ульяновых с 1878 по 1887 г.

А. И. Ульянова-Елизарова и М. И. Ульянова. 1912 г.

А. И. Ульянова-Елизарова и М. Т. Елизаров. 1915 г.

В. И. Ленин и А. И. Ульянова-Елизарова на похоронах М. Т. Елизарова. 1919 г.

А. И. Ульянова-Елизарова. 1921 г.

В. И. Ленин в своем рабочем кабинете в Кремле. 1918 г.

А. И. Ульянова-Елизарова с В. В. Кашкадамовой. 1929—1930 гг.

вался насчет шифра, убеждал в необходимости правильного корреспондирования в намечавшуюся общерусскую газету, о которой он говорил лишь с наиболее близкими.

До отъезда за границу у Володи было еще желание — съездить в Уфу, повидаться с женой, Надеждой Константиновной, которая должна была отбывать еще до марта 1901 года срок гласного надзора¹.

Похлопотать об этой льготе поехала в Петербург мать. К удивлению нашему, и это удалось. Мать сказала в департаменте полиции, что поедет вместе с сыном. И вот, мы втроем выехали по железной дороге в Нижний, с тем чтобы продолжать путь на пароходе.

Путешествие это я хорошо запомнила. Был июнь месяц, река была в разливе, и ехать на пароходе по Волге, потом по Каме и, наконец, по Белой было дивно хорошо. Мы проводили все дни на палубе. Володя был в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхая чудный воздух с реки и окрестных лесов. Помню наши с ним подолгу в ночь затягивавшиеся беседы на пустынной верхней палубе маленького парохода, двигавшегося по Каме и по Белой. Мать спускалась, утомленная, в каюту. Редкие пассажиры исчезали еще раньше. Палуба оставалась лишь для нас двоих, и вести конспиративные разговоры среди затихшей реки и сонных берегов было очень удобно. Владимир Ильич подробно, с увлечением развивал мне свой план общерусской газеты, долженствовавшей сыграть роль лесов для построения партии. Он указывал, как постоянные провалы делают совершенно невозможными съезды в России. Как раз в апреле того года огромные провалы на всем Юге вырвали чуть ли не с корнем несколько организаций, между прочим редакцию «Южного рабочего» в Екатеринославле. Там был арестован и самарский приятель Владимира Ильича И. Х. Лалаянц, приехавший к нему как раз для переговоров о подготовляющемся II съезде партии еще в феврале, когда брат по пути в Псков остановился на несколько дней у нас в Москве.

«Если одни приготовления к съезду влекут за собой такие крахи, такие жертвы, то безумно организовать его в России;

¹ 20 апреля (3 мая) 1900 года В. И. Ленин написал прошение директору департамента полиции, в котором просил, в связи с болезнью жены, разрешить ему поездку к ней в Уфу сроком на полтора месяца. В этой просьбе Владимиру Ильичу было отказано. Позднее разрешение было получено по ходатайству М. А. Ульяновой.

13 (26) мая 1900 года департамент полиции в отношении на имя псковского губернатора уведомлял, что Владимиру Ильичу Ульянову, проживающему в Пскове, Архангельская ул., д. Чернова, разрешено приехать в Уфу на полтора месяца (Красный архив, 1934, № 1 (62), с. 134). *Ред.*

только орган, выходящий за границу, сможет длительно бороться против таких направлений, как «экономизм», сможет сплотить партию вокруг правильно понятых идей социал-демократии. Иначе, если бы даже съезд и собрался, все распалось бы опять после него, как после I съезда».

Я не могу, конечно, восстановить через столько лет наши беседы, но общее содержание глубоко залегло в моей памяти. Много говорили о позиции группы «Освобождение труда» и «Рабочего дела» и коллизии между ними. Владимир Ильич был горячим рыцарем первой и Г. В. Плеханова, защищая последнего от всех нападков в нетоварищеском, высокомерном отношении, а всю группу — в инертности. Я указывала ему, как и Шестернин и другие практические работники, что нам нельзя порывать связи с «Рабочим делом», потому что лишь оно одно дает нам популярную литературу, печатает наши корреспонденции, исполняет заказы. Так, Московский комитет послал ему первомайский листок 1900 года для отпечатания, от группы же «Освобождение труда» нет ни шерсти, ни молока, даже на письма ответа не дожждаться. Владимир Ильич говорил, что, конечно, они люди старые, больные, чтобы выполнять практическую работу, в этом молодые должны помогать им, но не обособляясь в особую группу, а признавая целиком их вполне правильное и выдержанное теоретическое руководство. Владимир Ильич именно так и мыслил свою с товарищами работу за границей.

Говорили мы с ним о «Кредо» и «Антикредо», о Бернштейне и Каутском, обо всех жгучих в то время вопросах. Володя был в подъемном настроении, особенно увлекателен, и это совместное с ним путешествие осталось одним из лучших моих воспоминаний.

В Уфе Владимир Ильич виделся с местными товарищами. Помню из них Крохмалю, с которым он уславливался о шифре; знаю, что из некоторых уездов приезжали ссыльные повидаться с ним. Мы с матерью уехали через три дня; он же оставался дольше¹ и назад поехал по железной дороге, причем делал остановку в Самаре. Везде он договаривался о корреспонденциях, о шифре. По возвращении в Подольск собрался скоро за границу. Недели через две после него выехала туда же и я.

*Воспоминания
о Владимире Ильиче Ленине.
В 5-ти томах. М., 1984, т. 1, с. 13—65*

¹ В. И. Ленин приехал в Уфу 15 (28) июня 1900 года и пробыл там около трех недель. *Ред.*

ИЗ СТАТЬИ
«ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ТЮРЬМЕ
(Декабрь 1895 года — февраль 1897 года)»¹

Владимир Ильич был арестован 9 декабря ст. ст. 1895 года. Месяца за полтора до этого я с матерью была у него в Петербурге. Он жил тогда в Б. Казачьем пер.— вблизи Сенного рынка — и числился помощником присяжного поверенного. Несколько раз брат и выступал, но, кажется, только по уголовным делам, по назначению суда, то есть бесплатно, причем облакался во фрак покойного отца. В это время круг его знакомых был уже довольно широк; он много бегал и суетился. У него на квартире я познакомилась с Василием Андреевичем Шелгуновым, тогда еще зрячим...

Владимир Ильич предупреждал меня тогда о возможном аресте, о том, чтобы не пускать мать для хлопот о нем в Питер.

Он знал, как и все мы, что тяжелое для всех матерей хождение по мытарствам при аресте сына для нее еще во много раз тяжелее, так как заставит ее вновь переживать все, что она перечувствовала в питерской охранке и департаменте полиции при хлопотах о брате, Александре Ильиче. По этой причине я приезжала после ареста Владимира Ильича в Питер одна, а потом с лета 1896 года жила вместе с матерью и ходила большей частью сама, иногда с ее прошениями, в эти присутственные места, связанные для нее с такими тяжелыми воспоминаниями.

И действительно, около половины декабря мы получили сообщение о его аресте (от Чеботаревых, у которых он столовался)...

(Далее А. И. Ульянова-Елизарова рассказывает, что В. И. Ленин через Н. К. Крупскую просил родных достать чемодан, похожий на тот, который он привез из-за границы, так как на допросе сообщил, что оставил его у родных в Москве. См. настоящий сборник, с. 141.— Ред.)

¹ Статья дана в извлечениях, дополняющих воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой о пребывании В. И. Ленина в тюрьме, которые печатаются в настоящем сборнике, с. 141—150. Опущенный текст статьи идентичен тексту указанных воспоминаний. Ред.

Этот чемодан очень беспокоил всех товарищей в первое время после ареста: хотя Ильича и пропустили с ним, но вопрос о нем при аресте или тотчас после него показывал, что внимание на себя чемодан обратил, что, пропустив его на границе — может быть, намеренно, с целью пожать большие плоды, — они потеряли его, очевидно, в Петербурге и разыскивали следы его. Владимир Ильич рассказывал, что на границе чемодан не только повернули вверх дном, но еще и прищелкнули по дну, вследствие чего он решил, что наличие второго дна установлено и он влетел...

(Затем А. И. Ульянова-Елизарова пишет о том, что В. И. Ленин сумел включить в список необходимых ему книг, переданный им из тюрьмы на волю, ряд названий несуществующих книг, запросив таким образом о судьбе своих товарищей. См. настоящий сборник, с. 141—143.— Ред.)

Мои стремления дополнить этот список привели только к одному результату: к подтверждению указанного мною Михаилом Александровичем Сильвиным, от которого впервые я услышала об этой хитрости брата, и Надеждой Константиновной Крупской, которая получала письма брата. Ничего больше вспомнить они не могли. Но и перечисленные мною «книжки» дают достаточное представление о том, каким образом Владимир Ильич перехитрил жандармов и дал товарищам идею о способе передачи. В ответном письме, переписанном рукою А. К. Чеботаревой и отправленном от ее имени, они сообщили со своей стороны о ком-то тем же способом...

Я приехала в Петербург в первой половине января 1896 года, пробыла приблизительно с месяц, получила несколько свиданий с братом, доставила ему большое количество книг (тогда выдавалось без ограничений), выполнила, кроме того, некоторую дозу поручений, которых у Ильича и вообще всегда бывало много, а в тюрьме, понятно, тем больше, подыскала ему «невесту» на время моего отсутствия и уехала. Относительно «невесты» для свиданий и передач помню, что на роль таковой предлагала себя Надежда Константиновна Крупская, но брат категорически восстал против этого, сообщив мне, что «против нейтральной невесты ничего не имеет, но что Надежде Константиновне и другим знакомым показывать на себя не следует».

Через месяц приблизительно я снова приезжала на некоторое время в Питер, а с мая мы вместе с матерью и сестрою Марией Ильиничной приехали туда, с тем чтобы поселиться на даче поблизости, навещать брата и заботиться о нем. Для меня выезд из Москвы на это лето диктовался еще отношением ко мне московской полиции и жандармерии, пред-

ложившей мне выехать перед коронацией Николая II из Москвы.

Мы разделили свидания. Мать с сестрой отправлялись на личные, по понедельникам, — в те времена на них давалось по 1/2 часа, — а я по четвергам, на свидания за решеткой, которые мы с братом предпочитали, во-первых, потому, что они были более продолжительны — минимум час (помню одно свидание, длившееся 1 1/2 часа), — а главным образом потому, что на них можно было сказать гораздо больше: надзиратель полагался один на ряд клеток, и говорить можно было свободнее. Мы пользовались с братом псевдонимами, о которых улавливались в шифрованных письмах, — так, помню, что злополучный чемодан фигурировал у нас под наименованием «лампа». Пользовались, конечно, всюю иностранными словами, которые вплетали в русскую речь. Так, стачка у нас именовалась по-английски: «страйк»; стачечники — «гревисты», с французского, и т. д.

(Далее А. И. Ульянова-Елизарова рассказывает о крупных стачках текстильщиков в Петербурге и Москве и о том подъеме, который они вызвали у революционных социал-демократов. См. настоящий сборник, с. 145—146. — Ред.)

С одной стороны, это настроение воли должно было, вероятно, вызывать во Владимире Ильиче и его товарищах более страстное стремление выйти на простор из тюрьмы; а с другой — бодрое настроение за стенами при общении с ним, которому тогдашние — очень льготные как сравнительно с предыдущим, так и с последующим периодом — условия заключения давали широкую возможность, поддерживало, несомненно, бодрость в заключенных. Известно ведь, что никогда тюрьма не переносится так тягостно, как в годы затишья и реакции: естественная в тюрьме склонность преувеличивать мрачные стороны питается общей атмосферой.

...Я приносила книги два раза в неделю — по средам и субботам. В каждой пачке книг была одна с шифрованным письмом — точками или штрихами карандашом в буквах. Таким образом мы переписывались во все время заключения брата. Получив кипу книг, он прежде всего искал ту из них, где по условленному значку было письмо. Доставка книг от прокурора происходила без всякой задержки — на другой же день они обычно передавались заключенным. Помню несколько случаев, когда я, торопясь передать какие-нибудь сведения или запросить о чем-нибудь Ильича, приносила ему книги в среду к вечеру и получала от него шифрованный ответ в сдаваемой мне книге на следующий день, в четверг, от тюремных надзирателей.

Обмен таким образом происходил идеально быстро. А в тот же четверг на свидании за решеткой брат уточнял мне кое-что в письме. Таким образом, передача Владимиру Ильичу о событиях на воле была очень полная; у меня была тесная связь с оставшимися на воле членами «Союза борьбы», и я специально выдалась с ними перед свиданием, чтобы получать из первых рук — от Надежды Константиновны, Якубовой, Сильвина и др. — сведения о ходе работы и забастовки, которые, кроме того, и из более широких источников слышала...

Говоря о впечатлениях прочитанной им книги (с шифрованным письмом), Ильич беседовал об этом письме. Кроме событий на воле, я должна была осведомлять его о товарищах, сидевших с ним, передавать вести от них и обратно. Для этого надо было всегда прийти раньше в наш «клуб» — комнату в «предварилке», где приходящие к заключенным ожидали вызова на свидание и приема передачи, чтобы от них забрать известия и им передать...

Но хотя, как видно из всего изложенного, день Ильича и без того был занят — кроме книг, необходимых для его работы, ему переправлялись все вновь выходящие, в том числе все ежемесячные, журналы; разрешались и еженедельники, из которых можно было черпать сведения о политических событиях; выписывала я для него какой-то немецкий еженедельник, кажется «Archiv für Sociale Gesetzgebung und Statistik»¹, — он не мог удовлетвориться этим, не мог оставить вне поля своего зрения нелегальную работу. И вот Ильич стал писать, кроме того, нелегальные вещи и нашел способ передавать их на волю. Это, пожалуй, самые интересные страницы из его тюремной жизни. В письмах с воли ему сообщали о выходящих листках и других подпольных изданиях; выражались сожаления, что листки не могут быть написаны им, и ему самому хотелось писать их. Конечно, никаких химических реактивов в тюрьме получить было нельзя. Но Владимир Ильич вспомнил, как рассказывал мне, одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять потом на свечке или лампе. Молоко он получал в тюрьме ежедневно. И вот он стал делать миниатюрные чернильницы из хлебного мякиша и, налив в них несколько капель молока, писать им меж строк жертвующей для этого книги. Владимиру Ильичу посылались специально беллетристика, которую не жаль было бы рвать для этой цели, а кроме того, мы утилизировали для этих писем страницы объявлений, приложенных к номерам журналов. Таким образом, шифрованные письма точками были заменены этим, более ско-

¹ «Архив социального законодательства и статистики». *Ред.*

рым способом. В письме точками Ильич сообщил, что на такой-то странице имеется химическое письмо, которое надо прогреть на лампе.

Вследствие трудности прогревания в тюрьме, этим способом пользовались больше мы, чем он. Надежда Константиновна указывает, впрочем, что можно было проявлять письма опусканием в горячий чай и что таким образом они переписывались молоком или лимоном, когда сидели (с осени 1896 года) одновременно в «предварилке».

Вообще Ильич, всегда стремившийся к уточнению всякой работы, к экономии сил, ввел особый значок, определявший страницу шифрованного письма, чтобы не рыться и не разыскивать его в книгах. Первое время надо было искать этот значок на стр. 7. Это был тоненький карандашный штрих, и перемножение числа строк с числом букв на последней строке, где он находился, давало страницу: так, если была отмечена 7-я буква 7-й строки, мы раскрывали 49-ю страницу, с которой и начиналось письмо. Таким образом легко было и мне, и Владимиру Ильичу в полученной, иногда солидных размеров, стопке книг отыскать быстро ту, в которой было письмо, и страницу письма. Этот способ обозначения — страницы время от времени менялись — сохранялся у нас постоянно, и еще в последних перед революцией письмах, написанных по большей части рукой Надежды Константиновны, в 1915 и 1916 годах, я определяла по этому условному значку местонахождение письма в книге.

...Характерно для кипучей энергии брата, а пожалуй, и для того, что за стенами тюрьмы он не представлял себе вполне ясно условия хлопот и беготни на воле, что как-то на свидании он сказал мне: «Что ж ты, собственно, делаешь здесь, в Петербурге?» Мне оставалось лишь руками развести: хождение по «мытарствам», беготня по поручениям, разъезды по конкам для свидания с людьми, шифровка, переписка химических писем — дела было больше чем по горло.

(А. И. Ульянова-Елизарова далее пишет о том, что приговор по делу В. И. Ленина — ссылка на три года в Восточную Сибирь — был встречен его семьей с облегчением, так как опасались более сурового приговора. Но все же мать В. И. Ленина беспокоилась, как он будет жить один в ссылке. См. настоящий сборник, с. 148—149. — Ред.)

...Помню, как я успокаивала мать тем, что три года — срок не долгий, что физическое здоровье брата поправится в хорошем климате Минусинского уезда, а также и тем, что к нему поедет, наверное, по окончании дела Надежда Константиновна (тогда видно уже было, к чему шло дело) и он будет не один.

Назначение Владимиру Ильичу Минусинского уезда прои-

зошло вследствие прошения о том матери в департамент полиции, так же как и разрешение ехать на свой счет. Ко дню его освобождения мы занимали с матерью комнату на Сергиевской, кажется, № 15...

(Далее А. И. Ульянова-Елизарова говорит о собраниях социал-демократов Петербурга, в которых В. И. Ленин принял участие, выйдя из тюрьмы. См. настоящий сборник, с. 149.— Ред.)

На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли»: спорил Ильич, которого поддерживали все «старики», с Якубовой. Последняя очень разволновалась: слезы выступили у нее на глазах. И тягостно было ей, видимо, спорить с Ильичем, которого она так ценила, выходу которого так радовалась, и мнение свое не могла не отстаивать. Оно клонилось к тому, что газета должна быть подлинно рабочей, ими составляться, их мысли выражать; она радовалась пробуждающейся инициативе рабочих, массовому характеру ее. Ильич указывал на опасность «экономизма», который он предвидел раньше других. Спор вылился в поединок между двумя. Мне было жаль Якубову; я знала, как беззаветно предана она революции, с какой трогательной заботливостью относилась лично к брату за время заключения, и мне казалось, что брат преувеличивает опасность уклона «молодых». Очень тягостно повлиял спор — «разногласия тотчас после освобождения» — на Запорожца, тогда уже больного.

На третий день мы все трое уехали в Москву. Не помню уже, было на этот счет дополнительное напоминание со стороны «начальства» или мы сами сочли благоразумнее не откладывать отъезда. Помню только, что в эти дни мне приходилось бегать в департамент полиции и брать отсрочки со дня на день и для себя лично, потому что я получила уведомление, что лица, бывшие под гласным надзором, не имеют права, впредь до особого разрешения, проживать в столицах. Это было уже толкование в применении к случаю, потому что существовавшее дотеле постановление гласило: «Лица, бывшие под гласным надзором, не имеют права съезда в столицы в течение года после окончания его». Мой гласный надзор по делу 1 марта 1887 года окончился в 1892 году, и через год, с 1893 года, я переехала в Москву; да и в Питере жила во время сидения брата с перерывами целый год, а тут вдруг — очевидно, в связи с делом брата и моими личными знакомствами в Питере и Москве — спохватились.

...Питерские знакомые очень настаивали на необходимости этого (поездки к месту ссылки на свой счет.— Ред.), чтобы

сберечь его недюжинные силы. А. М. Калмыкова предлагала даже средства для этого. Мать отказалась от помощи, передав через меня А. М. Калмыковой, что пусть те деньги пойдут для более нуждающегося, например Кржижановского, а она сможет отправить Владимира Ильича на свои средства...

Ильич уехал с обещанием писать, и он выполнил это обещание. За все три года его ссылки у нас была наиболее обстоятельная, наиболее регулярная переписка с ним. Но это не входит уже в рамки статьи.

*Воспоминания
о Владимире Ильиче Ленине.
В 5-ти томах. М., 1984, т. 1.
с. 66—71*

ПО ПОВОДУ ПОСЫЛКИ «CREDO» ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ В СИБИРЬ ¹

Это было, помнится, весной 1899 года. В одну из своих поездок из Москвы в Петербург, куда я ездила главным образом по поводу издававшихся тогда книг Владимира Ильича — «Экономические этюды» и «Развитие капитализма в России», я зашла, как обычно, к Александре Михайловне Калмыковой. У нее был в то время книжный магазин на углу Литейного и Невского (кажется, Литейный, 60), который служил в некотором роде штаб-квартирой. Там можно было узнать о жизни социал-демократических организаций, о всех переменах и изъятиях, происшедших в них. Прежде всего, по приезде в Питер, забегаешь, бывало, в этот книжный склад.

Александра Михайловна стояла очень близко к первым марксистским организациям Петербурга. Струве вырос в ее семье, — был в гимназические годы ее воспитанником и, как она говорила, был ближе ей, чем ее собственный сын, пошедший по другому пути. Эта выдающаяся по уму и энергии женщина, принадлежавшая к довольно высокому кругу — ее муж был, если не ошибаюсь, сенатором, — оказывала очень деятельные услуги нелегальным социал-демократическим организациям, главным образом «Союзу борьбы», и находилась в курсе их работы. Все первые члены «Союза борьбы» — Радченко, Крупская, Якубова, Невзорова, народовольческой организации — Книпович — были в тесной связи с нею. Пользуясь своими большими связями в обществе, она устраивала квартиры, склады, добывала деньги. У ней же происходили первые заседания редакций тогдашних легальных марксистских газет.

Я получала от нее разные питерские новинки, которые пересылала или пересказывала в письмах Владимиру Ильичу в ссылку.

¹ Воспоминания являются ответом на запрос Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) о том, как было послано в Сибирь Владимиру Ильичу «Credo». *Ред.*

И вот раз она передала мне ту, составленную Прокоповичем и Кусковой, программу, которая известна теперь под именем «Credo», сказав, что хотя составители сами не работают, но имеют некоторое влияние среди «молодых».

По возвращении в Москву я к очередному химическому письму брату, которые писала в книгах и журналах, прибавила и это, химически переписанное, произведение. Стремясь, естественно, к возможной краткости и сжатости при этом кропотливом и утомительном способе переписки, я дала документу первое пришедшее в голову краткое название, написав: «Посылаю тебе некое «Credo» «молодых». Моя совершенно отрицательная оценка этого писания, как измышления досужих литераторов, отголоска которого в жизни я не видала не только вокруг себя, в Москве, но даже в питерской «Рабочей мысли», далеко до этого не договорившейся, — вероятно, невольно еще возросла в процессе той кропотливой и неблагодарной работы, которую представляло химическое переписывание. Казалось, что не стоит мне переписывать, а Владимиру Ильичу проявлять это либеральное умствование. Обозначив его для краткости «Credo» «молодых», я не верила, чтобы оно могло служить для руководства действовавших социал-демократов.

Поэтому, когда из ответа Владимира Ильича я увидела, какое глубокое возмущение оно вызвало, когда я узнала о намерении выступить с протестом против него, я обвиняла себя, что неточность его обозначения в моем письме придала ему в глазах брата большее, чем следовало, значение. И я поспешила объяснить, что именем «Credo» «документ» назван мною и что молодые социал-демократы, насколько мне известно, им не руководствуются. Но протест тем не менее был составлен и послан.

При свидании с Владимиром Ильичем по возвращении его из ссылки мы затронули эту тему, и он очень удивился, узнав, что название «Credo» дано было не автором, а мною случайно (очевидно, в химическом письме это как-то исчезло для него), но потом сказал, усмехнувшись: «Ну, все равно. Протестовать все-таки следовало».

Помню также, что Кускова очень возмущалась, — один раз в личном разговоре со мною, — что документ был назван «Credo», как авторы его не называли.

Вот все, что могу в связи с этим припомнить.

*Написано 12 октября 1923 г.
Печатается по тексту книги:
В. И. Ленин. Сочинения.
3-е изд. М. — Л., 1937, т. 2,
с. 637—638, сверенному с рукописью*

К 18 МАРТА

(Отрывок из воспоминаний)

Теперь, когда тактика II Интернационала, и в первую очередь германской социал-демократии, с несомненностью доказала свое банкротство, небезынтересно, может быть, вспомнить одно из первых впечатлений разочарования и недоверия, которое начала поселять в нас эта тактика.

Ведь в 90-е годы мы все благоговели перед германской социал-демократией. Помню, как торжествовал Владимир Ильич в 1890 году, когда закончился срок исключительного закона, и с какой живой радостью следили мы за сказочным ростом этой партии. Сочинения Каутского и Бебеля были нашими настольными книгами; мы изловчались найти адреса, по которым доходил бы теоретический орган германских социал-демократов «*Нейе цейт*»; на «*Форвертс*», попав за границу, мы прямо набрасывались; помню рассказ Владимира Ильича, как ему пришлось выкручиваться перед хозяйкой-немкой, которая, прибирая его комнату, неодобрительно покачала головой перед грудой «*Форвертса*», промолвив: «*Der Kaiser ist mit diesem Blatte sehr böse*» («Император очень зол на эту газету»). Помню, как и я считала своим священнейшим долгом покупать ежедневно эту газету и в первый свой приезд за границу обыкновенно путешествовала с ней по улицам Берлина.

То впечатление разочарования, о котором я только что упомянула, относится уже ко второму моему посещению Германии, в 1901—1902 году. Это было во время «Искры» и нарастания сильной российской партии. И сама я, находясь за границей с 1900 года, пригляделась к тамошней жизни и получила способность относиться к ней критически.

Зима 1901/02 года была тяжелой и для германского пролетариата. Дороговизна и безработица и без того сильно давили на него, а тут еще ожидалось введение желательных для помещиков хлебных пошлин, против которых велась борьба социал-демократами в парламенте и в печати. Все силы были напряжены для этой борьбы. Помню даже распространявшиеся тогда

открытки, изображавшие длину хлеба, колбасы и т. п., которые рабочий может иметь теперь за известную денежную сумму, и соответственное укорочение этих продуктов (путем передергивающейся на обратной стороне ленточки), которое должно было получиться по введении новых пошлин на хлеб. Пояснялось их влияние на цены и на многочисленных митингах.

Помню, как на одном из них Бебель, где-то на окраине, восхитил меня своим умением подойти к серой толпе, толкуя ей — большинство были женщины, — как отразится конкретно на их бюджете влияние новых хлебных пошлин.

— Вы платите теперь за картофель столько-то, за яблоки — столько-то, за гуся — столько-то. А тогда вот сколько будет стоить картофель, яблоки, гусь.

Весь многолюдный митинг был страшно наэлектризован: возмущенные восклицания, проклятия неслись отовсюду; худые, озабоченные, негодующие лица, резкие, энергичные жесты — все это далеко выходило из рамок обычного, в меру приподнятого, но неизменно приличного берлинского митинга. Революционная волна заметно поднималась; думалось: во что-то выльется в этом году празднование годовщины Берлинской революции 1848 года, совпадающей с годовщиной Германской революции 1848 года. Я намеренно отправилась в этот день в один из отдаленных районов, где должен был выступать некий Розенов, очень любимый рабочими оратор.

Чисто пролетарский митинг напомнил мне Россию. Тут не было и следа квалифицированных, по-праздничному приодетых немецких рабочих. Засаленные блузы, синие рабочие фартуки, общий потрепанный вид костюмов, черные, с вьезшейся угольной копотью руки, исхудалые, нервные лица, — это был подлинный пролетариат, голодающий, чернорабочий. И зал, в котором он собрался, был из дешевых — скудно освещенный, закопелый. Сидели все на простых деревянных скамейках — как на многих теперешних наших собраниях, — и даже пиво, этот неизбежный спутник немецких митингов, не разносилось. Очевидно, трактирщик не надеялся заработать на этой публике.

Розенов, немец с почти русской фамилией, оказался действительно хорошим оратором. Он умело подошел к аудитории и живо стал излагать ей историю революционных дней в Берлине в 1848 году. Излагал, конечно, по истории революции Блоса. Аудитория оживилась, глаза заблестели, слышался порою смех и меткие выразительные возгласы. Помню, особенное удовлетворение вызвал рассказ о том, как воззвание Фридриха Вильгельма «Моим милым берлинцам» было наклеено на жерло пушки, стрелявшей по этим «милым» подданным. Создалось ярко подъемное, почти революционное настроение,

и некоторые из этих энергичных, горящих одушевлением лиц запечатлелись до сих пор в моей памяти.

— Но...— перешел к обычному финалу Розенов,— Jetzt haben wir mit diesem Revolut... — он запнулся,— mit diesem Pseudorevolutionismus beendet. Jetzt haben wir unser Wahlrecht... («Теперь мы покончили с этим революц... псевдореволюционизмом, теперь у нас есть избирательное право...»),— и пошел обычной мелкой рысцой запряженной в этот излюбленный лозунг лошадки.

Я оглянулась.

За минуту одухотворенные, горячие взоры тухли; энергично приподнятые головы опускались. Скука затягивала серой паутиной эти лица, эти черты. Вот еще несколько традиционных фраз, и кое-кто украдкой зевнул. Другие разочарованно ерзали на месте и поглядывали на дверь.

Мне тоже стало вдруг невообразимо скучно, и я ушла, не дождавшись конца доклада. Сторонний наблюдатель немецкой жизни, я дивилась тогда, как это германские социал-демократы не используют революционного настроения, создавшегося в ту весну, не используют даже в день годовщины революции, даже в такой аудитории, из которой я удалялась? Как это они не стремятся подкрепить каким-нибудь революционным выступлением свою агитацию в парламенте и в газетах? Мне досадно было, как это Розенов, только что умело подошедший к этому, самому необеспеченному слою рабочих, не понял, что, по крайней мере, в этот день надо было найти иной язык и не разжевывать на сотни ладов одно и то же, навязшее у всех в зубах «Wahlrecht» («избирательное право»).

Неужели германская социал-демократия действительно покончила с «революционизмом», как чуть было не признался Розенов? И в чем она видит «псевдореволюционизм», как он неумело поправился?

В этой запинке сказалось так ярко слабое место германской социал-демократической партии. И я помню, как смеялся Владимир Ильич, когда я следующим летом рассказывала ему об этом.

*Ульянова-Елизарова А. И.
Воспоминания об Ильиче.
Сборник статей
с предисловием М. И. Ульяновой.
М., 1934, с. 147—150*

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ В ГОДОВЩИНУ ЕГО СМЕРТИ ¹

Товарищи!

Годовщина смерти Вл[адимира] Ильича совпадает почти с другой годовщиной, с 20-летней годовщиной первой нашей революции. Поэтому, мне думается, уместно будет вспомнить вместе с вами о том, как проявлялся Ильич в революцию 1905 года, о его роли в ту революцию.

Началом револ[юции] считается, как вы знаете, расстрел безоружн[ых] рабочих, шедших с петицией к царскому дворцу, ведомых попом Гапоном, оказавшимся потом предателем. В[ладимир] И[льич] был в то время за границей, в Швейцарии. Он приехал уже после, осенью 1905 года, после царск[ого] манифеста, обещавшего некоторые свободы, открывшего двери тюрем и возможность возвращения для эмигрантов. Поэтому о 9 янв[аря] я расскажу вам немного по своим личн[ым] впечатлениям. Я жила тогда в Саблино, близ Питера, наезжала туда, имела там связи. Быстрый рост гапон[овских] организ[аций]... 11 отделов. Страшна растущая популярность, захватила неск[олько] врасплох организации. Что я слышала о Гапоне от видевшего его и впечатл[ение], которое он производил. Мое путешествие к Нарвской заставе... День 9 января. Мои корресп[онденции] в «Вперед».

Сразу после окт[ябрьской] стачки и опубликов[ания] маниф[еста] 17 окт[ября] Ленин выехал из Женевы в Петербург. Его предвидчивость: писал мне как-то в сент[ябре], что будем выпускать скоро газету легально, с редакцией на Невск[ом] просп[екте]. Я не поверила, а действит[ельно] через месяц с небольшим газета «Новая жизнь» в Питере на Невском вместо «Пролетария» в Женеве.

Ильич с жаром приветствов[ал], что можно было из подполья выйти на широкий свет.

Он сейчас же горячо рекомендует привлекать широкие

¹ В январе 1925 года. *Ред.*

слои рабоч[их], он страшно радуется, что вместо десятков нелег[альных] работн[иков] можно вовлекать сотни и тысячи рабоч[их] соц[иал]-демокр[атов].

Как шла работа в подполье (в общих словах) — строго конспират[ивно], никак[их] выборов. Как В[ладимир] И[льич] умел переводить работу сразу на другие рельсы при меняющемся положении. Поверхн[остным] людям казалось, что он говор[ит] совсем иное, чем дотоле, что он себе противореч[ит]. А он просто умело учитывал обстоятельства, он переводил, как действительно знающий машинист, поезд в нужное время на другие рельсы.

Ну, а иногда приходится ведь круто в другую сторону поезд переводить. И вот, когда мы видим, как он повернул после револ[юции] 1905 года, мы начинаем вообще понимать его тактику,— это дает нам понимание ленинизма. Он сразу же, в одной из первых статей по приезде, указывал, что рабочим след[ует] научиться владеть оружием, то есть не обольщая себя надеждой на дарованные свободы, как многие и многие... Он сразу заговорил о необходимости сильно расширить рамки партии (на одного члена партии из интелл[игентов] неск[олько] сот рабоч[их]).

«Мы, эмигранты, соскучились по практике. Давайте же, объединимся и для дела»...

Тогда же понял Ильич и роль крестьянства. Его статья «Пролет[ариат] и крестьянство»¹ в первых числах ноября, то есть вскоре по приезде, содержит все те главн[ые] положения о роли и значении крестьянства, которые мы вид[им] у него позже.

«От роста сознательности крестьянства зависит в громадной степени ход и исход великой русской револ[юции]».

«Крестьянство хочет земли и воли», «всю землю и всю волю». ² Противополож. требованиям крестьянства ³...

Печатается впервые. по рукописи

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 94—98. *Ред.*

² Там же, с. 95. *Ред.*

³ На этом рукопись обрывается. *Ред.*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «ПИСЬМАМ В. И. ЛЕНИНА К РОДНЫМ (1910—1916 годы)»

Осенью 1911 года, в октябре — ноябре, мне удалось побывать за границей, и я провела недели две в Париже, у Владимира Ильича. Нашла, что он живет плохо в материальном отношении, питается недостаточно и, кроме того, сильно обносился. Я стала убеждать его пойти со мною на следующее утро в магазин, чтобы купить необходимое ему зимнее пальто. Но он категорически отказался, и я, уже не ожидая его, была удивлена, когда услышала из-под окна моей комнаты, выходящей во дворик, его оклик в условленный час. Оказалось, что Надя¹ после моего ухода убедила его принять мое предложение. При покупке Владимир Ильич отказывался от всего более дорогого, и только убеждения приказчика, что одно пальто является «inuisable» («неизносимым»), заставили его остановиться на нем. Но тужурку, которую я считала тоже необходимой ему, он решительно отказался купить.

Заметила я также в это посещение Владимира Ильича, что и настроение его было менее жизнерадостным, чем обычно. Как-то раз во время прогулки вдвоем он сказал: «Удастся ли еще дожить до следующей революции?» И вид у него был тогда печальный, похожий на ту фотографию, что была снята с него в 1895 году в охранке. Это было время тяжелой реакции, симптомы возрождения, как факты выхода «Звезды» и «Мысли», только еще намечались.

Выяснив условия посылки съестного из России за границу, я посылала ему в Париж мясное (ветчину, колбасы). По поводу домашней запеченной ветчины он выразился в одном несохранившемся письме, что это «превосходная еда», из чего можно было заключить о разнице между этим мясом и тем, которым

¹ Н. К. Крупская. Ред.

ему приходилось питаться в Париже. В Австрию пересылка мясного не разрешалась, и поэтому по переезде его в Краков я посылала ему рыбное (икру, балык, сельди и т. п.) и сладкое, которое он сам, конспиративно от Надины, просил послать ей. Об этих «гостинцах» упоминают в письмах от 1912 и 1913 годов и он, и Надежда Константиновна.

*Воспоминания
о Владимире Ильиче Ленине.
В 5-ти томах. М., 1984, т. 1, с. 72*

РЕЧЬ НА ВЕЧЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ

«ЛЕНИН И ОКТЯБРЬ»

В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА 29 октября 1927 года

Я не собиралась говорить и не приготовила своих воспоминаний, поэтому они будут представлять из себя небольшие отрывочки.

Я не могу говорить о партийной работе в то время, потому что не принимала в ней участия. Коснусь периода немного более раннего. В последний раз я видела Владимира Ильича в Париже в 1911 году. Это были годы реакции, тогда еще не начинала выходить «Правда», глухая реакция была, и я помню, в разговоре с Владимиром Ильичем у него мелькнули печальные нотки, он сказал: не знаю, удастся ли нам чего другого дожидаться. Потом я уехала.

Революция пронеслась так быстро, так волшебно. Я тогда начала работать секретарем в «Правде», в первые послереволюционные дни. Мы ждали с нетерпением приезда Владимира Ильича и, когда узнали, что он едет, — как-то все не верилось, что он может открыто приехать, — с большим нетерпением ожидали его. Я встретила его на Финляндском вокзале, и эти моменты оставили у меня впечатление чего-то большого и яркого, было какое-то общее настроение подъема. Это было вечером. На Финляндском вокзале я встретила массу народа, рабочих. Они шпалерами выстроились около поезда, на котором приехал Владимир Ильич, и встречали его с большой радостью. Помню дружественные, восторженные лица рабочих. Мы вместе пошли на вокзал, где, как вы знаете, Владимир Ильич выступил, содержания его речи я передать не могу, помню только настроение общего большого подъема, которое вызвала эта его речь.

Потом он выступил на броневике, на площади Финляндского вокзала, тут были красные факелы, настроение было какое-то особенно торжественное и подъемное, с одной стороны, а с другой стороны, как-то немножко страшно было, что это действительно он может так свободно говорить, или это только так кажется.

Владимир Ильич остановился у нас в квартире, на Широкой улице, очень много товарищей к нему приходило туда, очень много было разговоров, но опять-таки из этих разговоров помню лишь отрывочки, помню, что многие товарищи, которые не совсем стояли на большевистской пораженческой точке зрения, которые считали, что как же это возможно кончить войну, после этих бесед очень скоро убеждались, личное слово Владимира Ильича убеждало чрезвычайно.

Жизнь пошла очень сутолочная, очень горячая, каждый день сидели в «Правде», где я с ним работала. Народу бывало очень много. Он ездил на собрания.

В то же время помню маленькие личные черточки, которые могут охарактеризовать его до некоторой степени. Однажды я прихожу и застаю его за игрой и возней с одиннадцатилетним мальчиком, моим воспитанником¹, который чрезвычайно привязался к Владимиру Ильичу. Владимир Ильич очень любил детей и умел подходить к ним. И вот Владимиру Ильичу стал бегать за этим мальчиком вокруг столового стола, мальчик был увертливый, и Владимиру Ильичу не удалось догнать его. Тогда он протянул руку через стол, чтобы схватить его. Движение было настолько энергичное, что стол опрокинулся, полетел графин, что-то перевернулось, разбилось. Я это рассказала для того, чтобы показать, как он мог наряду с серьезным делом увлекаться игрой.

В июле, когда начались выступления, он ушел от нас с квартиры. Одно время он думал, чтобы дать себя арестовать. Помню, он сказал тогда, что если арестуют, то очень вероятно, что с ним покончат, потом они, может быть, даже слезы прольют, крокодиловы слезы, скажут, как это нельзя было удержать, но все же постараются расправиться таким образом. Все это внушало страх за него. Особенно в этом пришлось убедиться, когда к нам стали приходиться с обысками. Было восемь обысков, причем они происходили не так, как в царской России. Как только откроешь дверь, являются солдаты со штыками на винтовках, солдаты эти измученные, исхудалые, озлобленные, они бежали по коридору и стремились найти того, кого им надо было. Они не искали книжек, как раньше, не смотрели их, а они штыками прокалывали матрацы, диваны, открывали сундуки, словно он где-либо мог лежать там. Мало, конечно, они давали себе отчет в том, что происходило. В тот раз, как говорила Надежда Константиновна, когда они забрали моего мужа, ее и прислугу, дело происходило так, что прислуга эта была деревенская примитивная женщина, она отперла дверь, а сама повернулась и

¹ Г. Я. Лозгачев. Ред.

пошла, через кухню, за хлебом, что ли. Но пришедшие с обыском, которые искали Владимира Ильича, решили, что она прячет его и пошла предупредить, и стали обыскивать весь дом. Это был второй обыск. А во время первого обыска была такая история. Тут был один шпион, который утверждал, что знает Владимира Ильича. Когда оказалось, что Владимира Ильича здесь нет, они стали искать его карточку в альбоме. Нашли карточку и смотрят на моего мужа и, хоть он совсем был не похож, говорят: «Вот он!» И Марка Тимофеевича забрали и повезли на грузовике, потом уже все разъяснилось. Но эта прислуга имела глупость и второй раз также уйти, когда пришли с обыском. Отперла дверь и пошла куда-то. Они побежали за ней и стали искать по всему двору этого дома, часа три искали, потому что дом большой был, все углы облазили, искали, где Владимир Ильич. Оставили у нас сидеть двух солдат, тогда Надежды Константиновны не было дома, она, подходя к дому, увидела, что неблагополучно, и ушла. А мы с сестрой¹ сидели за чаем в столовой и с этими двумя солдатами чай пили. Они были очень озлоблены. Один из них сказал: «Если бы я его увидел, я бы его своими руками убил». Мария Ильинична начала разговор с ними. Налили им чаю, дали бутербродов. Мария Ильинична спрашивает: «Почему вы думаете, что он подкуплен, откуда это видно? Он столько лет работал нелегально, столько пострадал от царизма». Когда они слушали этот разговор, они как-то смягкли, и один из них сказал: «Значит, тогда Керенский подкуплен». — «Почему же обязательно должен кто-нибудь быть подкуплен?» — говорит моя сестра.

Потом еще три раза приходили искали, и после этого весь дом на этой Широкой улице был до глубины души возмущен нами и требовал, чтобы мы ушли с этой квартиры, такие вредные люди. Это вот мои личные воспоминания.

А потом относительно Октября тоже очень небольшие отрывочки. Помню, что было как-то чрезвычайно жутко за него, как он может вернуться, каким образом, после того как его так тщательно искали, настолько ли перевернулось настроение солдат, чтобы можно было не бояться ареста? Увидела я его уже в Смольном. Вследствие конспирации он скрывался на квартире, куда лишних людей не пускали, поэтому я увидела его только в Смольном. Особенно ярко вспоминаю день 25 октября, когда был совершен переворот, это заседание, когда был прочитан манифест о земле и о прекращении войны и об

¹ М. И. Ульянова. Ред.

основании социалистической республики ¹. Все это было так неожиданно и такое яркое и подъемное настроение было, что верилось и не верилось, казалось, что какую-то сказку переживаешь.

Помню, как затем в связи с выступлением Краснова было очень тревожное настроение, и, когда я пришла в Смольный, т. Розмирович сказала мне, что у нас в военных делах только один человек понимает. Я решила, что этим человеком был муж ее, т. Крыленко, тогдашний наш военный комиссар. «Нет,— говорит она,— не он, один Владимир Ильич понимает только у нас в военных делах». Я говорю: «Как же это может быть, он ведь никогда этим делом не занимался». И я пошла к нему в кабинет. Тут была масса карт, он был весь окружен картами, и я особенно обратила внимание на выражение его лица: он сидел такой бледный и какой-то углубленный, глубоко углубленный, что мне как-то страшно стало за него, и я подумала: «Как же это он с военными делами сможет разобраться?» И стало страшно за него, вид у него был очень утомленный.

Если ограничиться только Октябрем, то это самое яркое воспоминание у меня осталось, как он сидел и работал над военными картами и как страшно утомлен был. Потом он так же страшно утомлялся, когда ему приходилось на заседаниях Совнаркома решать самые мелкие дела.

Вот то, что я могу сейчас вспомнить кратко об Октябрьских днях.

*Воспоминания
о Владимире Ильиче Ленине.
В 5-ти томах. М., 1984, т. 1, с. 73—76*

¹ Декреты о мире, о земле и постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства были приняты II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 года. *Ред.*

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ В СОВНАРКОМЕ

Большой, напряженной работой было у Владимира Ильича председательствование в Совнаркоме. Первые годы после революции он вел ее всегда сам, и заседания происходили обычно ежедневно, начинаясь в 6, реже в 7 часов и продолжаясь до 10—11 часов вечера. Малого Совнаркома тогда еще не было, все дела поступали в один — Большой Совнарком, — и каких только разнообразных вопросов не приходилось решать в те годы, когда нас разрывали фронты гражданской войны, а государственная машина еще только налаживалась! В 1917 и 1918 годах на заседаниях Совнаркома бывал почти постоянно мой муж, М. Т. Елизаров, тогда нарком путей сообщения, а потом страхования, и рассказывал мне о происходившем там. В 1918, 1919 и 1920 годах бывала часто на этих заседаниях и я. Это было в период развертывания работы Наркомпроса, простиравшего свои длани на все и всякие — не только школьные — учреждения, а также и на всякие иные организации, как-либо захватывающие детей и их интересы. В числе других Наркомпрос требовал передачи ему из Наркомсобеса всех учреждений охраны детства, прежних приютов, с чем мы, работники Наркомсобеса, не соглашались, доказывая, что у Наркомпроса достаточно задач с обучением всех возрастов, начиная с детских садов до университета, с подготовкой педагогического персонала для всех этих учреждений. Мы утверждали, что Наркомпрос не справится добавочно с теми задачами, которые выполнялись Наркомсобесом по делу организации детдомов для детей сирот, по устройству и воспитанию их. И мы оказались правы: уже через пару лет многие из учреждений, перешедших в Наркомпрос из разных ведомств, стали возвращаться к ним обратно; организация же детдомов была до большой степени разрушена.

Дебаты по поводу этого выносились на Совнарком. На Совнаркоме же ставились вопросы о беспризорных детях, о так называемых малолетних преступниках, проводились постанов-

ления о ненаказуемости детства, о замене для подростков тюрем воспитательными заведениями. Тут мы вступили в дебаты с ЧК. Помню одно такое заседание в присутствии Ф. Э. Дзержинского. Отделом охраны детства был поставлен тогда — на основании объезда и осмотра тюрем — вопрос об освобождении несовершеннолетних, об условиях заключения, о необходимости изменить их и расширить возраст, при котором тюрьмы должны быть заменены воспитательными учреждениями, до 18 лет. Совнарком решил тогда вопрос в нашу пользу.

Наконец, все время шла борьба всех ведомств между собой из-за зданий, из-за пределов своих полномочий. Управление государством было делом для всех новым и трудным, нелегко было рассесться правильно, по своим местам; самые разнообразные области соприкасались, втирались одна в другую, и сначала все стремились захватить шире сферы работы, не умея расчленивать, выделить... Сколько было неправильных перемещений, пересаживаний, внедрений в чужие области, которые приходилось опять потом переделывать!

Заседания были часто очень волнующие, и повестка дня обычно большая. Все товарищи, дела которых значились на повестке, приходили со своими бумагами, документами, приводили своих спецов; все они, пока дело не касалось их вопроса, выходили покурить, побеседовать в другую комнату или если и оставались в зале, то просматривали свои бумаги, просто сидели, не слушая не интересующие их доклады и прения. Один Ильич, председатель, должен был слушать все, вникать во все, давать или сокращать слово, находить наиболее подходящее решение в запутанных часто лабиринтах споров, в разгоравшихся страстях. От него требовалось тогда быть спецом по всем вопросам.

Помню, как раз на повестке Совнаркома стоял в числе других вопрос о «мелких кожах». Мы оба с мужем, М. Т. Елизаровым, были в тот день на заседании. Марк Тимофеевич, всегда очень негодовавший на слишком большую перегрузку Владимира Ильича, был в этот день особенно возмущен. «Неужели даже такой вопрос, как о мелких кожах, надо обязательно на Ильича наваливать?! Неужели хоть такой незначительный нельзя без него разрешить?» — говорил он. Но вопрос этот не был снят: в свой черед поднялся один товарищ и начал доклад. Спешно и захлебываясь говорил он что-то, торопясь высказывать свои мысли. Тишина стояла, как всегда, полная, но так очевидно было, что слушал мало кто... А Ильичу надо слушать и это все с одинаковым вниманием, думала я, оглядывая затихший зал со сгустившейся уже атмосферой, с печатью усталости на всех лицах.

В эту минуту из кабинета Владимира Ильича за его спиной в зал вошел с какой-то телеграммой в руках Я. М. Свердлов и остановился, показывая ее Владимиру Ильичу, переговариваясь с ним о чем-то, очевидно, важном.

«Ну, вот теперь уже никто этого доклада о мелких кожах не слушает», — подумала я. А докладчик продолжал тараторить что-то. Но вот Владимир Ильич, как будто совершенно погруженный в разговор с Я. М. Свердловым, вдруг оборачивается и, подняв палец, останавливает на каком-то пункте оратора, который начинает объяснять, поправляться. «Значит, Владимир Ильич все-таки, несмотря на телеграмму, слушал, значит, он все же в курсе докладываемого», — подумала я, с удивлением глядя на его побледневшее, сосредоточенное лицо. В зале кое-кто тоже восторженно; отпечаток удивления увидела я и еще на некоторых лицах. Начались прения. Вопрос дошел до своего конца. Было принято какое-то решение. Повестка дня продолжала развиваться дальше.

Мы ушли с Марком Тимофеевичем подавленные этим вопросом о «мелких кожах», который стал для меня с тех пор как бы нарицательным. Я обозначала этими словами все те мелкие, специальные вопросы, которые, кроме больших, общегосударственного значения во всех областях, также не обходились без Владимира Ильича, наваливались также на него. И, получая повестку в Совнарком, мы говорили часто с мужем: «Опять о мелких кожах вопросы». И вообще Владимир Ильич никогда не удовольствовался одним заседанием: то он обращался, продолжая слушать доклады или прения, к секретарше, затребуя те или иные справки или документы, то посылал записочки тому или другому товарищу в зал по вопросу, не имевшему никакого отношения к обсуждаемому, отвечал на такие же записки товарищей. Некоторые, не имея никакого вопроса на тот или иной вечер в Совнарком, собственно, для того только и приходили, чтобы перемолвиться по тому или иному делу с Ильичем. Все это было добавочной нагрузкой для Ильича, и потом, когда он заболел, врачи указывали, что особенно вредно было, что он вел, собственно, во время одного заседания два или три. На вопросе о мелких кожах это прошло очень рельефно.

Переговаривалась такими записочками иногда и я. Припоминаю случай, когда Ильич сам говорил мне: «Ты напомни мне об этом на Совнарком» или: «Я узнаю и на Совнарком сообщу тебе». Ту записочку, которая имеет общий интерес и которую я поэтому сохранила и прилагаю сюда, он написал мне по одному волновавшему меня тогда делу, о котором у меня был с ним раньше разговор. Дело шло о моей тогдашней заместительнице по отделу охраны детства.

Это было осенью 1920 года. С января этого года, согласно постановлению Совнаркома, мой отдел был переведен из Наркомсобеса в Наркомпрос. Я не сразу решила перейти вместе с ним: я боялась не сработаться с Наркомпросом, с которым у меня были кое в чем разные точки зрения, особенно после неожиданного назначения в заместительницы мне вместо одной из моих сотрудниц представительницы Наркомпроса — человека совершенно незнакомого. Владимир Ильич советовал мне попробовать, а если дело не выйдет и не удастся сработаться с этой заместительницей, тогда уже бороться за замену ее другой.

Дело действительно не вышло: вместо прежней спаянности получились трения, разногласия, выплыли мелочная обидчивость и несоразмерная притязательность, совершенно не дававшие вести работу. Я рассказала об этом опыте Владимиру Ильичу, и вот он, улучив более свободную, как ему казалось, минутку на заседании и осторожно, чтобы не помешать прениям, пройдя весь зал, подошел ко мне и передал мне следующую записку:

«Основной принцип управления, по духу всех решений РКП и центральных советских учреждений,— определенное лицо целиком отвечает за ведение определенной работы.

Я веду (столько-то времени), я отвечаю. Мне мешает лицо X, не будучи ответственным, не будучи заведующим.

Это — склока. Это хаос. Это вмешательство *непригодного* к ответственной работе лица. Требую его *удаления*¹.

Так как записочка эта выражает очень ярко в свойственной Владимиру Ильичу сжатой, определенной форме его убеждение в необходимости единоличной ответственности при ведении всякого дела, то она сохраняет свой интерес и в других условиях и в другое время, и поэтому я привожу ее здесь. В описанном же случае поддержка эта сильно подняла во мне энергию в борьбе за необходимое для меня условие работы, и мне удалось добиться тогда благоприятного результата.

Воспоминания
О Владимире Ильиче Ленине.
М., 1957, ч. 2, с. 291—294

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 23—24. Ред.

В. И. ЛЕНИН И САМАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ ¹

Из многих воспоминаний, которые встают в памяти в связи с шестой годовщиной со дня смерти Ильича, мне хочется закрепить сейчас одно небольшое, вызванное тремя маленькими бумажками, попавшими в мои руки.

Бумажки эти представляют собою телефонограмму Владимира Ильича тт. Енукидзе и Каменеву и расписку крестьян деревни Алакаевки. Документы относятся к марту 1922 года — года голода на Поволжье.

Тов. Енукидзе и т. Каменеву.

9 марта 1922 года ²

«Прошу оказать содействие по покупке и получению хлеба для деревни Самарской губернии Алакаевки представителю ее крестьянину Сергею Фролову ³, а также и по снабжению деревни семенами на яровой посев. Так как я был с этой деревней знаком лично, то считал бы политически полезным, чтобы крестьяне не уехали без какой-либо помощи наверняка.

Прошу постараться устроить это и сообщить мне, что удалось сделать.

Ленин»

1922 г., марта 10.

«Мы, нижеподписавшиеся, уполномоченные Самарской губернии и уезда, Асанин и Филиппов, получили от ЦК Помгол сто пудов продовольствия для деревни Алакаевки, за какое от имени голодающих крестьян передаем центральному рабоче-крестьянскому правительству нашу сердечную благодарность.

¹ Статья была опубликована в «Правде» 21 января 1930 года. *Ред.*

² В Полном собрании сочинений В. И. Ленина (т. 54, с. 108—109) письмо датировано 9 января 1922 года. *Ред.*

³ В источнике, по-видимому, опечатка; в Москву приезжал Кузьма Фролов, сын Сергея. *Ред.*

Мы, уполномоченные, возвратясь домой, в Самарскую губернию, удостоверим пославших нас крестьян, что в центре действительно проявляется сугубая забота к преодолению великого голодного бедствия и что наш великий вождь т. Ленин принял близко к сердцу все нужды пострадавшего крестьянства.

В чем и подписуемся уполномоченные:

*Асанин
Филиппов».*

Относительно жизни в деревне Алакаевке всей нашей семьи я собираюсь написать подробнее, теперь же скажу только, что жили в этой деревне каждое лето все мы и Владимир Ильич — с 1889 по 1893 год, то есть почти 40 лет назад. Встречи некоторых членов нашей семьи с крестьянами этой деревни происходили изредка в последующие годы, а после революции они поставили по своей инициативе и на свои средства школу имени Ленина на месте того хутора, где он жил, и исходатайствовали назвать деревню Ленинкой.

Крестьяне этой деревни по своей инициативе в 1919 году отправили в адрес правительства два вагона хлеба.

Я была в этой деревеньке минувшим летом. Память об Ильиче жива среди крестьян. Школа функционирует, но ежегодно им приходится затрачивать рублей 150—175 на ремонт ее. Следовало бы соорудить более прочное здание, помочь снабжением книгами как школы, так и избы-читальни, взять шефство над деревней Ленинкой.

С осени в Ленинке организован колхоз с обобществлением всего живого и мертвого инвентаря. Поля еще раньше обрабатывались тракторами, привезенными туда в 1927 году, о чем имеется письмо крестьян в Музее Революции.

Необходимо дальнейшее содействие, чтобы затерянная в самарских степях деревенька имени Ильича встала прочнее на путь социалистического преобразования.

*Ульянова-Елизарова А. И.
Воспоминания об Ильиче.
Сборник статей с предисловием
М. И. Ульяновой.
М., 1934, с. 107—108*

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ АННЫ ИЛЬИНИЧНЫ УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

Я родилась в августе 1864 года в Нижнем Новгороде. Училась я в симбирской Марииинской женской гимназии, куда поступила в 1875 году и которую окончила в 1880 году. По окончании гимназии работала два года помощницей учителя в одном из приходских училищ Симбирска. В гимназические годы читала я Белинского, потом мы читали вместе с братом¹ Писарева, которого тогда уже в библиотеках не выдавали, которого мы доставали у нашего домашнего доктора², имевшего полное собрание сочинений. Моим первым сознательным стремлением было стать сельской учительницей. У симбирских учителей и учительниц народных училищ происходили периодические совещания по разным педагогическим вопросам. Я занималась с большой любовью с детьми и по отъезде в Питер на курсы осенью 83 года долго скучала о своих ребятах. Бестужевские курсы³ (я поступила на историко-словесное отделение) разочаровали меня несколько обилием древности. В политическом отношении это были глухие 80-е годы. Я не участвовала ни в каком революционном кружке и не слыхала ни об одном. Принимала только участие в одной политической демонстрации, организованной в ноябре 1886 года объединением студенческих землячеств к 25-летней годовщине смерти Добролюбова. Мы были оцеплены казаками, многие были арестованы и высланы из Питера. 1 марта 1887 года я была арестована по делу о покушении на Александра III за то, что на мой адрес была дана телеграмма о высылке азотной кислоты для приготовления динамита. Мне была назначена административная высылка в Сибирь на пять лет, которая была заменена по просьбе матери высылкой на пять лет в деревню Кокушкино Казанской губер-

¹ Имеется в виду старший брат Александр Ильич Ульянов. *Ред.*

² Доктор И. С. Покровский. *Ред.*

³ Высшие женские курсы, Бестужевские (названы по имени их официального руководителя историка К. Н. Бестужева-Рюмина), были открыты в 1878 году. *Ред.*

нии. Оттуда я была переведена весной 89 года для лечения на хутор при деревне Алакаевка Самарской губернии, а к зиме — в Самару. И после выхода моего замуж за М. Т. Елизарова¹ гласный надзор был переведен туда. Там я закончила свой гласный надзор и осенью 93 года перебралась в Москву. До тех пор я была народнических воззрений, а к этому времени определилась как социал-демократка. В Москве я завязала связь с рабочим кружком Мицкевича и помогала ему, а после его ареста — кружку финна Чорбы. Я перевела с немецкого «Ткачей» Гауптмана, которые были изданы на гектографе и читались среди рабочих Москвы и близких провинций. Потом я составила краткую брошюру по книге Дементьева «Фабрика», которая тоже много читалась рабочими. Осенью 98 года я вступила в первый Московский комитет социал-демократической партии. К этому времени у нас было уже довольно много связей с рабочими, и к 1 мая 99 года Московский комитет заказал уже листок, печатанный за границей. Весной 99 года был полицейский разгром. Летом 1900 года я поехала за границу, где провела два года, участвовала в группе «Искры» в Париже и в Берлине. Я вернулась в Россию только осенью 1902 года, но не поехала в Москву, так как, по всем данным, Зубатовым была развита сильная слежка. Я поехала в Томск, завязала связь с искровцами Томска и еще пары сибирских городов. Весной 1903 года поехала в Самару, где жила с матерью высланная Мария Ильинична. Осенью мы все вместе перебрались в Киев, а на 1 января 1904 года были все арестованы. Тогда был взят ЦК, образовавшийся после II съезда, Киевский комитет, а затем несколько человек, перебравшихся этой осенью из Москвы, очевидно замеченных Зубатовым. Я просидела полгода и была освобождена в июле до конца дела. Поселиться удалось в часе езды от Питера, в Саблине Царскосельского уезда. Оттуда выезжала в Питер, участвовала в финансовой комиссии Петербургского комитета. Кроме того, вела корреспонденцию с Заграничным центром большевиков, получала литературу оттуда, отвозила ее в Питер, частью посылала в Москву и ближайшие провинции.

Зимой 1904—05 года в Питере шумели гапоновские общества. На собрание за Нарвской заставой мне пришлось попасть под 9 января. Наутро я с несколькими товарищами прошла вместе с толпой через Троицкий мост и попала под выстрелы, видела раненых, бегущих...

Издательство Марии Малых заказало мне перевод с немецкого книги Вильгельма Либкнехта «Революция 48 года в Германии» и еще что-то мелкое. Открылось социал-демократи-

¹ А. И. Ульянова вышла замуж за М. Т. Елизарова в июле 1889 года. *Ред.*

ческое большевистское издательство «Вперед». В Питере была основана социал-демократическая большевистская газета «Новая жизнь» с редакцией на Невском проспекте. Я была одним из членов редакции «Вперед».

Осенью 1907 года я ездила за границу разыскивать некоторые архивные документы, осматривала ящики с ними, привезенные из Женевы в Швецию, потом в Женеве остальные. В январе 1907 года я попала в Москву проездом из Самары. В январе этого года в Москве происходили выборы во II Государственную думу, и я была арестована на улице с пачкой листовок, рекомендующих депутатов от социал-демократов в Государственную думу. Я просидела тогда несколько дней. Осенью 1908 года я перебралась в Москву, где провела и 1909 год. Я корреспондировала за границу, но в местной работе участия принять мне не удалось, — с одной стороны, из-за тяжелой болезни матери, а с другой — потому что мне пришлось налаживать издание и корректировать книгу Ильича «Материализм и эмпириокритицизм», которая вышла в Москве весной 1909 года. После 1910 года я перебралась в Саратов, где участвовала в легальной демократической газете «Приволжская газета» и потом популярной «Саратовской копейке». Писала также листовки для Саратовского комитета. 12 мая была арестована вместе с сестрой Марией Ильиничной и некоторыми членами Саратовского комитета. Но просидела только две недели.

Потом я взяла на себя секретарство в журнале марксистов-большевиков «Просвещение». Статьи там помещались главным образом из-за границы, и приходилось все время вести переписку с Заграничным центром.

В январе 1914 года у нас образовалась, в дополнение к заграничной, российская редакция журнала для женщин «Работница», которая стала собирать корреспонденции и готовить статьи для первого номера; последний решено было выпустить в женский день 8 Марта. Номер был отпечатан и распространен, хотя за несколько дней перед тем была арестована на редакционном собрании почти вся редакция. Летом 1914 года я уехала в Вологду, где жила в ссылке по саратовскому делу сестра Мария с матерью. Тогда разразилась мировая война, и все марксистские журналы и газеты были закрыты. Я в Питере продолжала вести переписку с заграницей, собирала деньги на нелегальную заграничную литературу, получала и распространяла ее. В июле 1916 года я была арестована: сначала предполагалась ссылка в Восточную Сибирь, потом она была заменена высылкой в Астраханскую губернию. При освобождении моем в октябре мужу удалось добиться разрешения остаться мне в Питере для лечения. Через месяц был обыск, но ввиду того, что ничего

нелегального не нашли, я была оставлена в Питере еще на месяц. Еще один безрезультатный обыск через месяц — и потом, в 20-х числах февраля, опять обыск без результата, но уже с приказом ареста при всех условиях. На улицах Питера было уже тревожно; уже начинала бушевать революция. Через несколько дней народ стал открывать тюрьмы. Открыли и двери того участка, в который была посажена и я. Я имела счастье быть освобожденной революционным народом. В первые же дни марта была восстановлена «Правда». Мне было предложено взять там секретарство. Мне взялась помогать там сестра, М. И.¹ Был восстановлен журнал «Работница». Вышли также один или два номера журнала «Просвещение». Я взяла на себя ведение журнала «Ткач». Пришлось вести всю работу редактора, секретаря и корректора. В мае 1918 года я переехала в Москву и вошла там в работу Народного комиссариата социального обеспечения. Осенью 1919 года Совнарком постановил, что отдел охраны детства переводится в Наркомпрос, и я перешла туда со своим отделом. Работала там до января 1921 года. Я ушла из Наркомпроса и переменила работу, перейдя в Истпарт при ЦК ВКП(б) с 1 апреля 1921 года. Там была, между прочим, секретарем журнала «Пролетарская революция». С 1932 г...

(На этом рукопись обрывается.)

Пролетарская революция
1935. № 6, с. 132—134

¹ Мария Ильинична Ульянова. Ред.

Очерки, статьи

В. И. УЛЬЯНОВ (Н. ЛЕНИН). КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОТ ИМЭЛ

«Краткий очерк жизни В. И. Ленина» А. И. Ульяновой-Елизаровой, написанный ею в 1927 году для Энциклопедического словаря Граната¹ и изданный в 1931 году «Молодой гвардией» в немного измененном автором виде, нуждается, несомненно, в настоящее время в некотором уточнении отдельных глав его (особенно глав о Февральской и Октябрьской революций, жизни и работе Ленина при Советской власти и др.). К сожалению, болезнь А. И. Ульяновой лишила ее возможности развить и дополнить эту работу. Тем не менее написанный А. И. Ульяновой очерк жизни и деятельности Владимира Ильича представляет громадную ценность, поскольку он основывается во многих случаях на личных воспоминаниях одного из наиболее близких Ленину товарищей — сестры и ближайшего помощника его, особенно в досоветский период. Поэтому институт, в связи с десятилетием со дня смерти Ленина, публикует его в том виде, как он был напечатан «Молодой гвардией», дополнив брошюру рядом биографических работ того же автора, печатавшихся в разное время в различных журналах и газетах.

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА

10 декабря 1933 г.

¹ См.: Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Б. г., т. 41, ч. I. Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции (Автобиографии и биографии), ч. I, стлб. 304—326. *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К «КРАТКОМУ ОЧЕРКУ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА»

В основу предлагаемого очерка положена краткая биография Владимира Ильича, написанная для Энциклопедического словаря Граната. Заданием для этой биографии было изложить в размере, не превышающем один печатный лист, жизнь Ленина, имея в виду главным образом его развитие с детства, те влияния, которые обусловили создание его личности, его, так сказать, становление. Изложение его политической деятельности, его научных трудов не должно было входить в эту биографию.

Настоящий очерк, составленный по предложению издательства «Молодая гвардия», распространен и дополнен кратким изложением работы и борьбы Ленина в связи с историей нашей партии. Заданием являлась популярная брошюра размером в три-четыре печатных листа.

Ввиду того что борьба и деятельность Ленина охватывали все большие и большие области, представляли собою как бы все расширяющиеся концентрические круги, последнюю часть его жизни пришлось изложить более кратко, чтобы не получилось перегрузки фактами и цитатами, которые нарушили бы цельность брошюры и затруднили внимание читателя.

Заданием была краткая, ориентировочная брошюра, которая дала бы облик Ильича и общий очерк его жизни и деятельности и наметила те основные этапы, которые надо изучать, в которые надо вдумываться всем, желающим понять учение Ленина и усвоить себе его методы.

ГЛАВА I

СЕМЬЯ, ДЕТСКИЕ И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Владимир Ильич Ульянов (Н. Ленин) родился в Симбирске 10 (22) апреля 1870 года. Отец его, Илья Николаевич, происходил из мещан г. Астрахани. По некоторым не вполне проверенным данным, дед Владимира Ильича был портным. По национальности Илья Николаевич был русским, но некоторая примесь монгольской крови несомненно имелась, на что указывали несколько выдающиеся скулы, разрез глаз и черты лица. В Астрахани, как известно, значительную часть населения составляли издавна татары. Илья Николаевич лишился

отца в возрасте семи лет. Его воспитателем, а также кормильцем всей семьи оказался старший на 13 лет брат его, Василий Николаевич. Этому последнему и самому очень хотелось учиться, но не удалось: пришлось после смерти отца поступить на службу в какую-то частную контору, чтобы содержать семью. Но все то, чего ему не удалось достичь самому, он решил дать младшему брату, которого содержал в гимназии и послал потом в университет.

Илья Николаевич говорил детям с чувством глубокой благодарности о брате.

Студенческие годы Ильи Николаевича пришлось в тяжелое царствование Николая I, когда над страной тяготело крепостное право, всякая свободная мысль была задавлена, — и в особо тяжелую его полосу, после подавления революции 1848 года в европейских государствах и ее отголоска — процесса петрашевцев — у нас. Тяжелый гнет лежал тогда на студенчестве. Лишь в тесных кружках решалась молодежь отводить душу разговорами, петь запретные песни того времени, между прочим на слова Рылеева. Эти песни слышали потом от Ильи Николаевича его дети вдали от города, в прогулках по лесам и полям.

По окончании университета Илья Николаевич был 13 лет учителем физики и математики в Пензе и в Нижнем Новгороде и был очень любим своими учениками. Он был очень чутким педагогом, снисходительным к детским шалостям. По воскресеньям он бесплатно занимался с отстающими из бедняков, из тех, которые не могли иметь платных репетиторов. Илья Николаевич любил свое дело, но, когда, по вступлении на престол Александра II, началась для России полоса реформ, открывшая, хотя и кратковременно, широкое поле деятельности для просвещения вчерашних рабов, Илья Николаевич увлекся этой идеей и, оставив более спокойное учительствование, пошел на вновь открывшуюся должность инспектора народных училищ Симбирской губернии. Здесь перед ним открывалось более широкое поле деятельности, большой простор для инициативы и возможности нести образование в народ, что соответствовало его идеалам. По своим убеждениям Илья Николаевич был народником.

Любимым поэтом Ильи Николаевича был Некрасов. Он переписывал в юности из журналов некоторые стихотворения его и старшему сыну еще в детские годы отмечал те, в которых преобладали гражданские мотивы, как-то: «Песня Еремушке», «Размышления у парадного подъезда».

За организацию нового трудного дела Илья Николаевич взялся очень горячо. Он был один на всю губернию, и ему прихо-

дилось почти без отдыха колесить по тогдашним непролазным дорогам, реорганизуя прежние школы, очень дореформенного типа, открывая школы нового образца — так называемые земские. Проводил он и педагогические курсы, воспитавшие новых учителей, получивших название «ульяновских».

Сознание необходимости образования для каждого, усиленной работы над собой для достижения его, почти благоговейное отношение к науке отличали Илью Николаевича всю жизнь и были с детства внушаемы детям. Воспитанный в трудных условиях, рано взявшийся за уроки, чтобы содержать себя самого и не висеть на шее брата, Илья Николаевич отличался всю жизнь строгим сознанием долга и большой исполнительностью в работе, которых требовал неуклонно от себя и от других, в первую очередь, конечно, от своих детей. Он сам направлял старших в начале их учения, требуя от них неукоснительного исполнения их обязанностей, приучал их к труду. Между прочим, он высказывал опасение, что у сына Владимира привычки к труду не создастся, ибо ему все слишком легко дается; поэтому на развитие трудоспособности у Владимира он напирал особенно сильно. Сам чрезвычайно скромный в личной оценке, исполнявший всю свою большую и инициативную работу как должное, не более того, Илья Николаевич был против «захваливания», как он выражался, и таким образом постоянным похвалам Владимиру Ильичу в школе создавался дома полезный корректив. Личный пример отца имел, как это всегда бывает в воспитании, еще большее значение. Огромным фактором в воспитании было то, что отец являлся не чиновником, как подавляющее большинство служащих того времени, а идейным работником, не жалевшим трудов и сил на борьбу за свои идеалы. Дети, не видя его часто по неделям во время его разъездов, рано научались понимать, что дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, о новых школах, возникавших по деревням, о борьбе, которой это стоило, и с верхами (власть имущими, помещиками), и с низами (темнотой и предрассудками массы), живо впитывались детьми. Особенно осталась в памяти его радость, проявляемая всякий раз, когда крестьянский сход постановлял открыть школу или выражал удовлетворение существующей. Первым сознательным стремлением его старшей дочери было стать сельской учительницей.

Илья Николаевич рано сгорел на большой работе и умер внезапно от кровоизлияния в мозг 12 (24) января 1886 года, на 55-м году от рождения.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача, передового, по своему времени, идейного человека,

не умевшего прислуживаться и сколачивать деньгу и потому не сделавшего себе карьеры. Ее молодые годы прошли в деревне, в очень скромной обстановке; физическое воспитание ее было почти спартанским. Она страстно стремилась учиться и всю жизнь жалела, что смогла получить лишь домашнее воспитание. Знала хорошо новые языки и музыку, много читала. Одаренная большим педагогическим тактом, Мария Александровна отдала себя всецело воспитанию детей. Она отличалась отсутствием предрассудков и большой энергией. При скудных средствах и большой семье она была весь день занята. Твердость ее характера проявилась во весь рост во время ее последующих испытаний. Владимир Ильич всегда с большим уважением и любовью относился к матери и удивлялся силе ее воли (см. воспоминания Н. К. Крупской).

Таким образом, семейные условия воспитания были очень благоприятны для Владимира Ильича. Он рос в дружной идейной семье, в трудовой обстановке. Он был третьим ребенком. Лицом и сложением Владимир Ильич был в отца. От него же унаследовал он веселый, общительный нрав, склонный к юмору и шуткам, а также вспыльчивость. Но проявлялся он у Владимира Ильича, конечно, более смело, в более свободных, чем у отца, условиях детства. Он рос здоровым, резвым, любившим шумные игры и беготню. Игрушками не столько играл, как ломал их. Лет пяти выучился у матери читать и очень любил чтение. Приходским учителем был подготовлен в гимназию¹, куда и поступил осенью 1879 года (девяти с половиной лет) в первый класс. Учение давалось ему легко: шел он все время лучшим учеником, переходил из класса в класс с первой наградой. Характерна была для него большая внимательность на уроках, вследствие которой он еще в классе хорошо усваивал всякий новый урок, и при хороших способностях ему почти не приходилось повторять его дома. Во все время прохождения гимназических наук он оставался все тем же живым и жизнерадостным, любившим спорт и прогулки мальчиком. Любил подмечать смешные стороны, подразнить и посмеяться. Охотно делился он своими познаниями с товарищами, приходя часто раньше в школу, чтобы объяснить им трудные уроки по математике или древним языкам. Последние давались ему особенно легко. Хорошо писал он также сочинения, выходявшие за предел обычных гимназических; в последних классах он порядком подчитывал для них, интересуясь работой гораздо больше, чем требовалось для ученических сочинений. Писал он также сочинения и для некоторых товарищей, стараясь, чтобы и работа вышла хоро-

¹ См. настоящий сборник, сноска на с. 112. *Ред.*

шей и чтобы не похоже было на его сочинение. А последние два года в гимназии он подготавливал еще к выпускному экзамену для поступления в университет одного способного учителя — чужава¹, занимаясь бесплатно, так как платить последнему было нечем, и добился того, что ученик его сдал экзамен. Владимир Ильич пользовался любовью товарищей, хотя особенно близких друзей у него не было.

Летом Владимир Ильич ездил с семьей в деревню Кокушкино Казанской губернии. В этой деревне провела юность его мать, у которой сохранились очень сердечные отношения с местными крестьянами, и Владимир Ильич имел случай близко наблюдать быт и психологию захудалой русской деревни. Слышал он там жалобы на малоземелье, слышал высказываемое отцом и матерью сожаление, что кокушкинские крестьяне, несмотря на горячие убеждения его деда, отца его матери, предпочли оброку дарственный надел.

Гимназия не дала Владимиру Ильичу какого-либо положительного влияния в смысле общественных идеалов, так как все сколько-нибудь свободомыслящие педагоги изгонялись из нее. Все, что он получил в этом смысле в свои детские и юношеские годы, он получил от семьи, где кроме влияния отца и матери очень большое и благотворное влияние имел на него старший брат Александр Ильич.

Это был любимый старший брат, идеал для подражания. Ввиду отличавшей Александра Ильича с раннего детства большой идейности, твердости воли, выдержанности, справедливости и вообще высоты нравственных качеств, между прочим огромной трудоспособности, подражание это было очень полезно для Владимира Ильича. Живя с братом в общей или смежной комнатах до отъезда его в Петербург и затем во время летних каникул, Владимир Ильич видел, чем он интересуется, какие книги он читает. А на последние два лета Александр Ильич привозил с собой книги по политической экономии, по истории, социологии — между прочим, «Капитал» Карла Маркса.

В год окончания Владимиром Ильичем гимназии, 1 марта 1887 года, Александр Ильич, находившийся тогда уже на IV курсе университета, был арестован в Петербурге и за участие в покушении на царя Александра III приговорен особым судом правительственного сената к смертной казни, которая была приведена в исполнение 8 мая 1887 года.

Гибель любимого брата произвела, конечно, сильнейшее впечатление на Владимира Ильича и уже сама по себе была сильным толчком на революционный путь, а также заставила

¹ Н. М. Охотников. Ред.

серьезно задуматься над путями, которыми должна была идти революция. Собственно, уже и Александр Ильич стоял на перепутье между народовольцами и марксистами. Он был знаком с «Капиталом» Карла Маркса, признавал намеченный им ход развития, как это видно из составленной им программы. Он стоял на перепутье между народовольчеством и социал-демократией¹. Он вел кружки среди рабочих. Но почвы в то время для сколько-нибудь широкой социал-демократической работы еще не было. Это были годы самой глухой реакции: за малейшую попытку общения с народом сажали в тюрьмы, высылали в Сибирь. Все более честные и искренние люди из молодежи рвались к борьбе с гнетом самодержавия, рвались хоть немного расшатать те тесные стены, в которых они задыхались. Самым передовым это грозило тогда гибелью, но и гибель не могла утратить мужественных людей. Александр Ильич принадлежал к числу их. Он не только, не задумываясь, оставил университет и любимую науку (его прочили в профессора), когда почувствовал, что не в силах больше терпеть произвол,— он отдал и жизнь. Выступив идейным революционером на суде, он говорил, что только полная невозможность проводить свои убеждения путем устной и письменной пропаганды толкнула его на террор.

Александр Ильич погиб, как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата, Владимира.

Владимир Ильич окончил гимназию в 1887 году с золотой медалью. Было колебание, выдавать ли ему таковую ввиду того, что гимназия получила нагоняй за выдачу золотой медали и выпуск с лучшей аттестацией столь важного государственного преступника, как его брат. Но успехи Владимира Ильича как за все годы учения, так и на выпускных экзаменах были настолько показательны, что даже школа того времени не могла лишить его заслуженной награды.

ГЛАВА II

КАЗАНСКИЙ И САМАРСКИЙ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

По окончании гимназии Владимир Ильич подал прошение о приеме на юридический факультет Казанского университета. Прямого запрещения поступить в один из столичных

¹ См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. *Ред.* .

университетов ему не было, но директор департамента полиции дал понять его матери, что лучше ему проситься в провинциальный университет и лучше, если он будет жить при ней. Директор гимназии, преподававший латынь и словесность, ввиду выдающихся успехов Владимира Ильича по этим предметам прочил его в филологический институт или на историко-словесный факультет университета и был очень разочарован его выбором. Но Владимир Ильич тогда определенно уже интересовался юридическими и политико-экономическими науками, а кроме того, не был склонен к профессии педагога, да и знал, что она для него будет закрыта, и наметил себе более свободную — адвокатскую.

Влияние университетской и студенческой жизни Владимир Ильич, можно сказать, не успел испытать на себе, так как был вынужден покинуть университет через три месяца после поступления. В ту осень студенческие «беспорядки» прокатились по всем университетам. То был протест студенчества против нового устава, против введения усиленного, чисто полицейского надзора за студентами, протест против многочисленных изъятий сколько-нибудь замеченных полицией, сколько-нибудь «неблагонадежных» студентов. Это были репрессии после покушения 1 марта 1887 года, участниками которого были почти исключительно студенты.

Владимир Ильич, всегда очень свободомыслящий, очень чутко подмечавший и сильно реагировавший на всякое оскорбление личного достоинства, очень критически настроенный к установленным порядкам, тогда, под впечатлением казни любимого брата, был настроен особенно антиправительственно. С другой стороны, хотя близких знакомств он завести в университете еще не мог, но к нему, как к брату казненного, отношение студенчества, главным образом более революционного, было иным, чем к другим первокурсникам. Всем этим объясняются донесения субинспекторов, что Владимира Ильича видели в компании студентов, бывших на подозрении, что он якобы шушукался с ними. С другой стороны, не надо упускать из виду, что полицейский надзор был, по известным причинам, более придирчив к Владимиру Ильичу, чем ко многим другим студентам. Как бы то ни было, инспектор студентов, на которого наступала взволнованная масса молодежи, утверждал, как передавали матери, что видел Владимира Ильича в первых рядах, чуть ли не со сжатыми кулаками. В результате он в числе сорока других студентов оказался следующей же ночью арестованным и отправленным в участок. Тов. Адоратский передает рассказ Владимира Ильича о разговоре с приставом, отвозившим его в часть.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена,— сказал пристав.

— Стена, да гнилая,— ткни ее, она и развалится,— ответил Владимир Ильич.

Всех арестованных выслали затем из Казани на «родину». Но так как у Владимира Ильича на «родине» никого не осталось, его согласились выслать в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, в имение его теток по матери, где жила уже под гласным надзором по делу 1 марта 1887 года его сестра Анна, пишушая эти строки. В этой деревне прожил Владимир Ильич до осени 1888 года. Там он много читал; во флигеле, где он поселился, стоял книжный шкаф покойного дяди¹, очень начитанного человека, и Владимир Ильич поглощал книги по общественным вопросам, выискивал ценные статьи в старых журналах. Затем он ходил на охоту, много гулял по окрестностям и, конечно, имел много возможностей наблюдать жизнь крестьян. Общества, кроме двоюродных братьев и сестер, проводивших в Кокушкине летние каникулы, у Владимира Ильича не было никакого, а родственники эти были все люди не общественного типа и ничем не выделялись, так что дать что-либо для развития Владимира Ильича не могли. Осенью 1888 года Владимиру Ильичу разрешено было переехать в Казань, где он прожил всю зиму 1888/89 года. Здесь он разыскал некоторых из прежних знакомых, завел новых. В числе последних он встречался с одной народоволкой — Четверговой, к которой относился с большой симпатией. В общем он питал всегда большое уважение к старым народовольцам (как о том свидетельствуют воспоминания Крупской... и др.) и от «наследства» их никоим образом не отказывался.

К этой зиме относится начало выработки Владимиром Ильичем социал-демократических убеждений. Он начал изучать «Капитал» Карла Маркса, которым очень увлекался, вступил в один из кружков молодежи, вырабатывавшей свои убеждения, менявшейся впечатлениями прочитанного. Никакого авторитетного руководителя в кружке этом не было: молодежь совершенно самостоятельно искала свою дорогу. В то время главным организатором марксистских кружков в Казани был Н. Е. Федосеев, о котором Владимир Ильич слышал, но с которым ему не пришлось встречаться. Они познакомились позднее путем переписки и обмена статьями. Люди одного возраста, они в те юные годы были, так сказать, приблизительно равноценными величинами, и влияния одного на другого устанавливать не приходится.

¹ А. П. Пономарев. Ред.

С весны 1889 года Владимир Ильич переезжает с семьей на хутор Алакаевка Самарской губернии, а с осени — в Самару, счастливо избегнув тем казанских арестов в июле 1889 года, при которых был разгромлен и его кружок, арестован Федосеев и многие другие. Этот переезд в более глухую Самару дал ему возможность серьезно заниматься выработкой своего марксистского мировоззрения, а позднее — подготовкой к экзамену при университете.

Самарский период его жизни продолжался четыре с половиною года. Владимир Ильич перечитал за это время все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностранных языках и реферировал некоторые из них для кружка молодежи, организовавшегося вокруг него в Самаре. Это была более юная, менее определенная и начитанная, чем Владимир Ильич, публика, так что Владимир Ильич считался в ее среде теоретиком и авторитетом. Вообще социал-демократизм был тогда, особенно по провинциям, только пробивающимся революционным течением и был представлен обычно одной молодежью. За описываемый период Владимир Ильич познакомился (в 1891 или 1892 году) только с одним сформировавшимся, зрелым марксистом — с П. П. Скворцовым, проездом через Нижний Новгород. Это знакомство очень интересовало его, и он рассказывал потом с удовольствием о беседе с этим марксистом, но тут же подчеркнул, что Скворцов стоит лишь теоретически на почве марксизма и что революционер из него никогда не вырабатается.

Из революционно настроенной публики в Самаре жили в те годы поднадзорные, возвращавшиеся из Сибири, — все, конечно, народники или народовольцы. Со всеми ними наша семья была в более или менее тесных отношениях. Чаще других видался Владимир Ильич с Н. Долговым, участником еще долгошинского процесса, и с супругами Ливановыми, представлявшими собой типичных народовольцев, очень цельных и идейных. Владимир Ильич любил беседовать с ними и, не сходясь в путях, заимствовал от них революционный опыт, изучал, так сказать, по их рассказам историю нашего революционного движения за полным почти отсутствием нелегальной литературы в нашей провинции. А по поводу основных воззрений спорил как с ними, так и с другими представителями народничества разного толка все ожесточеннее и в этих спорах все прочнее выковывал и лучше научался обосновывать свои взгляды. Одним из оппонентов его был проживавший один год под надзором в Самаре В. В. Водовозов. Вся эта более солидная публика была немало шокирована большой дерзостью, проявляемой в спорах этим юношей, но часто пасовала перед

ним. Немало беседовал Владимир Ильич также с находившейся в то время под надзором в Самаре М. Н. Ясневой (Голубевой), представительницей русского яacobинства, ставшей под влиянием Владимира Ильича социал-демократкой-большевичкой.

Наряду с выработкой своего революционного мировоззрения Владимир Ильич двигал в эти годы в Самаре и официальную науку. Обратное поступление в университет ему не разрешалось, получались отказы и на ходатайство поехать учиться за границу, и наконец только через три года после исключения, в 1890 году, матери его удалось добиться для него разрешения сдать экзамен экстерном. Тогда Владимир Ильич засел вплотную за работу и совершенно самостоятельно подготовился в полтора года к этому экзамену, который и сдал в два срока — весной и осенью 1891 года при Петербургском университете. Сдал прекрасно, не отстав при этом ни на один год от своих однокурсников, не покидавших университета.

Прохождение теории не мешало Владимиру Ильичу наблюдать быт и жизнь крестьян окрестных деревень, вслушиваться в рассказы о них земских врачей, статистиков и другого элемента, стоящего близко к крестьянству как на хуторе, так и в Самаре. Жизнь в этой столь типичной для русского крестьянства губернии дала ему много знания и понимания этого общественного слоя, которые так пригодились ему в его позднейшей деятельности.

При поездках в Петербург для сдачи экзаменов Владимир Ильич видался там с некоторыми марксистами. Один из них, преподаватель Технологического института Явейн, давал Владимиру Ильичу для прочтения некоторую марксистскую литературу. Часть ее, журнал «Die Neue Zeit»¹ и еженедельник «Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik»², Ильич привозил с собой в Самару.

По получении диплома Владимир Ильич записался помощником к присяжному поверенному Хардину, видному представителю тогдашнего либерального общества в Самаре, человеку очень умному, которого Владимир Ильич ценил. Несколько раз пришлось ему выступать по процессам. Это были мелкие процессы, не бравшие много времени на подготовку и интересовавшие Владимира Ильича в очень умеренной степени. Запись в адвокаты давала ему профессию, которая могла доставлять в будущем средства к существованию, но главная энергия и силы были направлены на из-

¹ «Новое время». *Ред.*

² «Архив социального законодательства и статистики». *Ред.*

учение марксизма, русской действительности и на подготовку к революционной работе. К этому же самарскому периоду относятся первые литературные работы Владимира Ильича: реферат о книге Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», напечатанный только недавно, через 30 лет¹, и те тетради с критикой писателей-народников — В. В. Южакова, Карышева, — которые выросли позднее в его первую крупную работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»², в ту работу, в которой заложены основы всего его мирозерцания.

ГЛАВА III

ПЕТЕРБУРГ. НАЧАЛО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ. ТЮРЬМА И ССЫЛКА

Осенью 1893 года Владимир Ильич переезжает в Петербург, где записывается помощником присяжного поверенного к адвокату Волкенштейну. Это давало ему положение, могло давать заработок. Несколько раз, но, кажется, все в делах по назначению Владимир Ильич выступает защитником и в Петербурге.

Он знакомится с петербургскими социал-демократами, с кружками технологов — Красиным, Радченко, Кржижановским. В этом кружке Владимир Ильич читал реферат «О рынках», легший в основу его книги «Развитие капитализма в России»³. Он занял в кружке очень быстро положение самого сведущего теоретически и самого последовательно революционного члена и, кроме того, умелого организатора. Все эти качества, а также рано начавшая появляться лысина создали для него в кругу его сверстников шутиливо-уважительную кличку «старик».

Владимир Ильич завел связь с рабочими (Шелгуновым, Бабушкиным и др.) и стал ходить заниматься в их кружки за Невскую заставу. Он составлял для них листки, как общеполитические на 1 Мая⁴, так и по поводу тех или иных

¹ Статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» написана весной 1893 года, впервые напечатана в 1923 году (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 1, с. 1—66). *Ред.*

² См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 1, с. 125—346. *Ред.*

³ См. там же, т. 3, с. 1—609. *Ред.*

⁴ Майский листок В. И. Ленин переслал из тюрьмы ранее 19 апреля (1 мая) 1896 года для членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Напечатан не был. Листок не разыскан. *Ред.*

требований на отдельных фабриках, например у Торнтон¹. При этом с самого начала в листовках к самым серым рабочим Ильич умел не останавливаться на экономических требованиях, а подчеркивать и указывать связь их с общеполитическими задачами рабочего класса.

— Не надо говорить обязательно сразу против царя,— отвечал он на возражения о трудности касаться принципов самодержавия с серым полукрестьянским людом.— Надо подходить осторожно: сначала указывать рабочим на роль во всяком выступлении против хозяев местного пристава или жандарма, а затем уже идти выше, отмечая распоряжение губернатора, циркуляр министра и т. д. Важно только толкнуть мысль, которая уже сама пойдет дальше в этом направлении; важно не давать развиваться иллюзии, что рабочие могут добиться чего-нибудь одной борьбой с фабрикантами.

Зимой 1893/94 года Владимир Ильич выступал в Москве на студенческой вечеринке, где сразился с известным писателем-народником (В. В. Воронцовым)². Он пишет по поводу выступлений Михайловского против марксистов в легальной печати ответ, составивший первую главу его сочинения «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Этот ответ, равно как и тетради против других народников — Южакова и В. В., были напечатаны на ремингтоне и размножены на мимеографе кружком участников первой московской социал-демократической организации (Мицкевич, Винокуров, Масленниковы и др.). На почве борьбы с народничеством познакомился Владимир Ильич с литераторами-марксистами Струве и Потресовым. Последний, впрочем, был, вместе с Мартовым, его ближайшим товарищем и по нелегальной работе, по работе в «Искре», вплоть до раскола на II съезде партии в 1903 году. Но, направляя вместе со Струве удары против народников, Владимир Ильич почувствовал в первой же его книге чуждые струнки, не революционера, а легального марксиста. И он выступил с критикой этой книги под псевдонимом «К. Тулин» в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» под заглавием «Экономическое содержание народничества и критика его в

¹ Имеется в виду листовка «К рабочим и работницам фабрики Торнтон», написанная В. И. Лениным после 7 (19) ноября 1895 года в связи с забастовкой около 500 ткачей. Листовка была напечатана на мимеографе и распространялась среди рабочих фабрики. *Ред.*

² Выступление В. И. Ленина на нелегальном собрании против народника В. В. (В. П. Воронцова) с критикой его взглядов состоялось 9 (21) января 1894 года. *Ред.*

книге г. Струве»¹. Но сборник этот был сожжен в цензуре, главным образом за статью Владимира Ильича; уцелели лишь единичные экземпляры. В этой статье Владимир Ильич, соглашаясь с критикой народничества у Струве, высказывается очень определенно против того либерального уклона, который наметился уже тогда в мировоззрении Струве.

Таким образом, те два с небольшим года, которые Владимир Ильич прожил в Петербурге (с сентября 1893 года по декабрь 1895 года) были употреблены им как на революционную социал-демократическую работу, так и на борьбу с народничеством и за отстаивание правильного марксистского мировоззрения.

К этому периоду относится первая поездка Владимира Ильича за границу (весной 1895 года) и знакомство с группой «Освобождение труда» (Плеханов, В. Засулич, Аксельрод). Вся эта группа, особенно Г. В. Плеханов, имела большое влияние на Владимира Ильича. Он познакомился еще в России с главными литературными произведениями Плеханова, очень уважал его и считал своим учителем. Личное свидание закрепило его связь со всей группой и, как он сам признавал по возвращении из-за границы, много дало ему.

Между прочим, он рассказывал, что Плеханов и Аксельрод нашли некоторую «узость» в статье за подписью Тулина, в том, что в ней не был определенно поставлен вопрос об отношении к другим классам общества; оба считали, что русская социал-демократическая партия, выступая на политическую арену, не может ограничиться одной критикой всех партий, как в период своего формирования; что, становясь самой передовой политической партией, она не должна упускать из поля своего зрения ни одного оппозиционного движения, которое знаменует пробуждение к общественной жизни, к борьбе против самодержавия различных классов и групп.

Несомненно, беседы с Плехановым и Аксельродом имели большое влияние на Владимира Ильича, помогли ему отточить свои взгляды и ускорили его выступление на широкую арену революционной борьбы основанием «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

По инициативе Владимира Ильича, главным образом, был намечен и политический орган этого кружка. Первый номер этого органа, подпольная газета под заглавием «Рабочая газета»², был уже готов и проредактирован Владимиром

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 347—534. *Ред.*

² Имеется в виду газета «Рабочее дело», для которой Ленин написал все основные статьи: передовую «К русским рабочим», «О чем думают наши ми-

Ильичем. Перу его принадлежали главные статьи в нем: передовица и статья «Как министр заботился о рабочих». В этой живо и популярно написанной статейке разъяснялось, что закон, изданный как будто бы для рабочих, имеет на самом деле в виду интересы фабрикантов. Рукопись этого номера была взята одним из товарищей для размножения, но была захвачена у него при арестах 9 декабря 1895 года, разгромивших почти весь кружок; был арестован и Владимир Ильич.

В тюрьме, в доме предварительного заключения, где Владимир Ильич провел, пока шло следствие, год и два месяца, он не переставал работать. Во-первых, он собирал, пользуясь петербургскими библиотеками и книгохранилищами, которые удалось использовать для него довольно широко, материалы для задуманной им книги «Развитие капитализма в России»; во-вторых, он не оставлял и нелегальной работы. Ведя путем переписки шифром и химией регулярные сношения с волей, он посылал таким же способом листки, брошюры, проект программы партии с объяснениями к ней. Конечно, писание нелегальных вещей в тюрьме и отправка их на волю были сопряжены с большим риском для Владимира Ильича — он мог сильно ухудшить свое положение, — но неумение находиться без активной работы, страстная тяга вложить свою долю в происходившую за стенами тюрьмы борьбу (в то время, летом 1896 года, шли первые крупные стачки ткачей в Петербурге и Москве) пересиливали все. С другой стороны, Владимир Ильич был неистощим на хитрости и очень строг в конспирации, так что все обошлось для него счастливо, и рабочие читали его вновь выходящие воззвания и листки, в то время как производилось строгое расследование жандармами прежних «преступлений» автора. Своим бодрым, деятельным настроением в тюрьме Владимир Ильич заражал и товарищей, умудряясь вести, несмотря на все запреты, переписку и сношения с ними.

По освобождении в феврале 1897 года¹ Владимир Ильич, оставленный департаментом полиции вместе с товарищами по процессу на три дня в Питере «для устройства своих дел», повидался с работавшими там социал-демократами и выступил решительно против того «экономического» уклона, который стал намечаться в движении².

нистры?», «Фридрих Энгельс», «Ярославская стачка 1895 года» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 75—80, 575, примеч. 33). *Ред.*

¹ В. И. Ленин был выпущен из дома предварительного заключения 14 (26) февраля 1897 года. *Ред.*

² Между 14 и 17 февраля (26 февраля и 1 марта) 1897 года В. И. Ленин провел совещания членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», на которых встречались «старики», арестованные вместе с ним, и «молодые», оставшиеся на свободе. В ходе полемики Владимир Ильич резко критиковал намечавшийся оппортунизм «молодых». *Ред.*

Дело в том, что подход к рабочим, политически еще совершенно темным, сохранившим в массе веру в царя, с точки зрения их повседневных нужд и требований стал чересчур задерживаться на этом уровне. Позднее из этого выросло целое течение, которое, совпадая с направлением среди либеральной буржуазии, внушало рабочим, что их дело — бороться за повседневные нужды, предоставив политическую борьбу либералам.

С этим течением, получившим позже свое наиболее яркое выражение в так называемом «Кредо»¹ Кусковой и Прокоповича и в газете «Рабочая мысль», Ильич боролся с самого начала очень сильно.

Приговор Владимиру Ильичу, объявленный в феврале 1897 года, гласил: ссылка на три года в Восточную Сибирь. В результате хлопот матери ему разрешено было поехать в ссылку не по этапу, а на свой счет. Таким образом, он, минуя все тюрьмы, приехал по только что построенной тогда Сибирской железной дороге в Красноярск, где получил назначение в село Шушенское Минусинского уезда.

К этому времени наше социал-демократическое движение сделало самый первый, а потому и самый трудный шаг к партийности, к широкой массовой борьбе. И Владимир Ильич пошел в ссылку уже вождем, признанным многими. I съезд партии в 1898 году, за который ратовал и который считал необходимым Владимир Ильич, наметил его редактором партийного органа и поручил ему написать программу партии, хотя и собрался в его отсутствие, в то время, когда он находился в ссылке.

В селе Шушенском Владимир Ильич провел все три года своей ссылки. Сюда приехала к нему через год его невеста Н. К. Крупская с матерью, получив разрешение по мотиву предполагавшегося замужества заменить назначенную ей Уфимскую губернию селом Шушенским. В одном селе с Владимиром Ильичем жили только два рабочих-поляка, но в других селах Минусинского уезда жили товарищи, с которыми разрешались иногда свидания: на праздники, на свадьбу и т. п.

Переписка поддерживалась со всеми товарищами по ссылке самая деятельная. Очень аккуратно переписывался Владимир Ильич и с центрами — русским и заграничным — как обычным путем, так и химией. Ему выписывались журналы, посылались по возможности все книжные новинки; привезла я по его заказу немало книг и из-за границы.

Работал Владимир Ильич в ссылке очень интенсивно. Он

¹ Изложение взглядов, принципов. А. Е.

не тяготился деревенским уединением и не стремился в город, считая, что лучше временные наезды туда, чем жизнь в нервной сутолоке ссыльной колонии с ее вынужденным бездельем и нервностью. По собранному в тюрьме материалу он написал в ссылке свою книгу «Развитие капитализма в России», в которой на основании изучения статистических данных доказал, что капитализм у нас развивается, и развивается очень быстро.

Писатели-народники утверждали, что капитализм не может развиваться у нас, ибо для него нет рынков: внешние захвачены ранее вступившими на капиталистический путь народами, а внутренний рынок вследствие бедности народа и натурального характера его производства не может обеспечить сбыт.

Владимир Ильич доказывал в своей книге, что развитие капитализма, разрушая натуральное хозяйство, создает тем самым внутренний рынок для капитализма.

Писал он также в ссылке статьи в существовавшие недолго легальные марксистские журналы на экономические темы, которые были собраны им затем и выпущены сборником «Экономические этюды и статьи», так и на полемические, против сторонников необходимости пересмотра марксизма и критики его как со стороны заграничных «марксистов» (Бернштейна и К⁰), так и со стороны русских (Булгаков, Туган-Барановский и Струве). Разногласие с последним у Владимира Ильича все углублялось.

Обе книги Владимира Ильича — «Развитие капитализма в России» и «Экономические этюды» — вышли в 1899 году¹.

Кроме того, он перевел вместе со своей женой Надеждой Константиновной книгу Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика тред-юнионизма» с английского, написал изданную за границей книжечку «Задачи русских социал-демократов»² и некоторые другие статьи и рефераты, которые читались товарищами по ссылке.

В Шушенском был также составлен им протест против так называемого «Кредо» Кусковой и Прокоповича, напечатанный за границей как «Протест 17 социал-демократов»³ и известный под более коротким названием «Антикредо». В нем Владимир Ильич разбирает и подвергает жесточай-

¹ Первый сборник произведений В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи» за подписью «Владимир Ильин» вышел в России между 9 и 15 (21 и 27) октября 1898 года. Книга «Развитие капитализма в России» — в конце марта 1899 года. *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 433—470. *Ред.*

³ См.: Ленин В. И. Протест российских социал-демократов. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 163—176. *Ред.*

шей критике это наиболее выпуклое изложение взглядов так называемых «экономистов».

Вернувшись из ссылки в феврале 1900 года, Владимир Ильич после посещения родных в Москве поехал в Псков, избранный им местом жительства (все университетские и крупные промышленные города были исключены для возвращающихся из ссылки). Туда приехали из ссылки А. Потресов, Лепешинский, Цедербаум (Мартов); там жили уже Л. Н. Радченко и другие социал-демократы. Необходимое объединение кружков, работающих по отдельным городам, в партию тогда чрезвычайно затруднялось постоянными провалами: после I съезда партии в 1898 году были арестованы почти все участники. II съезд намечался в 1900 году южанами, главным образом Екатеринославским комитетом, издававшим газету «Южный рабочий». Но весной 1900 года и эта группа была разгромлена. У Владимира Ильича еще в Сибири созрела мысль, что партию надо попробовать объединить не съездом работников, слишком дорого обходящимся в тогдашних условиях в смысле жертв, а вокруг газеты, издаваемой за пределами досягаемости, за границей. Эта газета должна была послужить, по его сравнению, «лесами», вокруг которых строилась бы партия. Эту свою идею он провел на так называемом псковском совещании социал-демократов¹. Было решено, что для выполнения ее он, Потресов и Мартов поедут за границу. Все трое выхлопотали заграничные паспорта (в то время департамент полиции пускал довольно легко за границу, ибо тогдашний опыт показывал, что люди, особенно литераторы и научные работники, всасывались за границей и становились более или менее безвредными с точки зрения революционной работы).

Но план этот чуть не рухнул вследствие ареста Владимира Ильича и Мартова во время их нелегальной поездки из Пскова в Петербург. Дело ограничилось однако трехнедельным арестом², после которого оба были выпущены без последствий. Тогда Владимир Ильич решил поспешить с выездом. Он съездил только по выхлопотанному ему матерью разрешению с ней и сестрой в Уфу³, где должна была провести последний год гласного над-

¹ «Псковское совещание» революционных марксистов с «легальными марксистами» В. И. Ленин проводит весной 1900 года (конец марта — ранее 4 (17) апреля). *Ред.*

² 20 мая (2 июня) 1900 года В. И. Ленин нелегально приезжает в Петербург для встречи с местными социал-демократами и согласования с ними вопросов революционной работы в связи с предстоящим отъездом его за границу. Утром 21 мая (3 июня) В. И. Ленин был арестован за незаконный приезд в столицу, освобожден 31 мая (13 июня) 1900 года. *Ред.*

³ В Уфе В. И. Ленин находился между 15 июня и 2 июля (28 июня и 15 июля) 1900 года. *Ред.*

зора его жена, Надежда Константиновна. Конечно, и в Уфе и заездом в Самаре¹ он виделся с тамошней социал-демократической публикой и завербовывал сторонников своего плана построения партии, а также и сотрудников для будущей газеты.

ГЛАВА IV

ПЕРИОД «ИСКРЫ». ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ. II И III СЪЕЗДЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

По приезде за границу было налажено вместе с группой «Освобождение труда» издательство газеты «Искра» с эпиграфом, взятым из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя». Другая заграничная издательская группа — «Рабочее дело» — не была привлечена, как клонящаяся к «экономизму». Для большей независимости и удаленности от кишашей эмигрантами Женевы, а также вследствие разногласий с Плехановым, выявивших его крайне деспотический и властолюбивый характер (см. подробно об этом разногласии в статье «Как чуть не потухла «Искра»?») ² решено было издавать новую газету в Мюнхене, куда переехали Владимир Ильич, Потресов и В. Засулич. Позднее туда же явился из России Мартов. Кроме газеты «Искра» решено было издавать научно-марксистский журнал «Заря».

Владимир Ильич с жаром взялся за работу, которая вначале, особенно вследствие малого количества работников, была для него в большой мере черновой: приходилось самому вести переписку, шифровку, налаживать транспорт, связи с Россией и с другими заграничными колониями эмигрантов и т. п. За два с половиной года до лета 1903 года, до II съезда партии, «Искра» приобрела огромное влияние и, несмотря на массу трудностей и провалов, стала распространяться все шире по России. Проводя последовательную линию революционной социал-демократии, решительно борясь с «экономистами», «Искра» сильно способствовала росту политического сознания рабочих масс, превращению забастовок из чисто экономических в политические, она помогла объединению партийных комитетов, их организации. Как «Искра», так в еще большей степени написанная за это время Владимиром Ильичем брошюра «Что делать?», настаивавшая на необходимости создания организации профессиональных революционеров, нелегалов, помогли делу этой

¹ В Самаре В. И. Ленин останавливается между 2 и 10 (15 и 23) июля 1900 года. *Ред.*

² См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 4, с. 334—352. *Ред.*

организации. Брошюра «Что делать?» была впервые подписана псевдонимом «Ленин», тем псевдонимом, под которым Владимир Ильич приобрел мировую известность как вождь пролетариата¹.

Большинство партийных комитетов встало на точку зрения «Искры», и на II съезде партии она была провозглашена Центральным Органом партии.

Таким образом, план Владимира Ильича построить партию вокруг газеты удался. На съезде была принята программа и утверждены центральные учреждения и устав партии. Но на этом съезде резко обозначились разногласия между более революционным и стойким крылом партии и оппортунистическим ее уклоном — между большинством и меньшинством. Отсюда пошло и название большевиков и меньшевиков. Всего определеннее разногласия эти проявились по вопросу о § 1 устава: кого считать членом партии, чью формулировку этого параграфа принять — Ленина или Мартова. Первый гласил, что членом партии должен считаться каждый участвующий в одной из партийных организаций. Проект, представленный Мартовым, расширял эти рамки, признавая, что право членства должно быть распространено и на тех, кто, не состоя членом, оказывает ей содействие под руководством одной из ее организаций.

Горячие споры вокруг этого вопроса показали сразу, кто стоял за более революционное, более крепко организованное оформление партии, а кто признавал возможным более широкие, менее определенные рамки ее, включающие и тех, кто не прочь был помогать, но не хотел взять на себя все обязанности и всю ответственность члена партии. Это было самым основным признаком, разделившим позднее съезд на большинство и меньшинство. Но этот параграф, вследствие поддержки Мартова Бундом, заявившим затем о выходе из Российской социал-демократической партии, прошел в редакции Мартова и был изменен в духе большинства лишь следующим, III съездом.

Затем резкая дискуссия возгорелась по вопросу о составе руководящих органов партии. Ленин стоял за более дело-

¹ Книга «Что делать?» написана осенью 1901 — в феврале 1902 года. Она была издана в марте 1902 года под псевдонимом «Н. Ленин» (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 6, с. 1—192). Псевдонимом «Н. Ленин» Владимир Ильич впервые подписал первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса», напечатанные в журнале «Заря» № 2—3 в декабре 1901 года (см. там же, т. 5, с. 436, примеч. 60). Несколько раньше (в мае) он поставил подпись *Ленин* под запиской в типографию газеты «Искра» (см. там же, т. 46, с. 106). *Ред.*

вую организацию их, в частности за сокращение редакции Центрального Органа до трех членов. Против этого восстало большинство прежней редакции, состоявшей из шести. Кроме Ленина лишь Плеханов стоял за сокращение коллегии. Она была намечена в составе Плеханова, Ленина и Мартова. Но Мартов, восприняв то, что трое из прежних редакторов не были включены в новую редакцию, как обиду для них, отказался также войти в нее. В редакции остались только Ленин и Плеханов. Но последний, стоявший во время съезда за самую решительную большевистскую тактику, стал колебаться под давлением неизбранной части редакции и начал настаивать на необходимости вернуть ее. Ленин считал невозможным нарушать постановление съезда, но, с другой стороны, остаться одному в редакции вместо троих выбранных съездом казалось ему также неудобным, и он заявил, что выходит из редакции. Оставшийся в редакции Плеханов кооптировал скоро весь прежний состав.

Таким образом, Центральный Орган партии оказался в руках меньшинства съезда, а партия оказалась разделенной на большевиков — сторонников проведения решений съезда и меньшевиков — оппозицию. Последние за границей были в большинстве и на созванном ими съезде «Лиги революционных организаций» (исключительно заграничных) развели большую склоку против Ленина и большевиков и выносили резолюции в меньшевистском духе. Меньшевики были кооптированы и в ЦК.

В это время Владимир Ильич жил уже в Женеве. В 1902 году редакция вынуждена была переехать из Мюнхена, где слежка стала чересчур давать себя знать, в Лондон. Оттуда она перекочевала в Женеву.

После II съезда Владимир Ильич написал брошюру «Шаг вперед, два шага назад»¹. В этой брошюре он подробно разбирает причины раскола на II съезде и доказывает, что спор вокруг § 1 устава есть спор между революционным и оппортунистическим крылом партии. Рабочие, которых организует сама фабрика, говорит он, вполне поймут, что членом партии может быть лишь человек, входящий в одну из организаций; только интеллигенты, профессора, гимназисты могут считать для себя стеснительными эти требования. Но равняться партия должна по рабочим, а не по интеллигентам. Точно так же она должна отбросить прежние кружковые привычки и ставить всю работу по-деловому, не на основе знакомства, долгих приятельских отношений, как не

¹ Книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» вышла из печати в мае 1904 года (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 8, с. 185—414). *Ред.*

избранные съездом редакторы старой «Искры», а на основе строгого соблюдения устава, выработанного съездом — высшим партийным органом.

Все эти годы Владимир Ильич жил чрезвычайно скромно; средства партии были скудны, и он брал лишь немного из них, подрабатывая литературным трудом. Обилие работы и нервная обстановка ее отражались очень сильно на его здоровье, особенно на состоянии его нервной системы. Летом, особенно после съездов, конференций или крупных разногласий в редакции, он старался уезжать куда-нибудь на лоно природы, к морю или в горы, причем выбирал всегда более уединенное и дикое место, самый простой и дешевый пансион. Владимир Ильич всю жизнь любил природу и умел отдыхать среди нее.

В России разгорелась сильнейшая борьба между большевиками и меньшевиками как внутри комитетов, так и между отдельными комитетами. Знакомясь с положением дел, все большая часть членов партии переходит на сторону большинства, настаивая прежде всего на том, что решения партсъезда должны исполняться. Этот затянувшийся кризис страшно стеснял положительную работу партии. Авторитетный выход из него представлялся только в созыве следующего партсъезда.

Не мог также удовлетворить представителей большевиков Центральный Орган, стоящий на точке зрения меньшинства.

За границей собралась конференция 22 большевиков¹, пришедшая к выводу, что положение стало невозможным и что единственным выходом из него является созыв партсъезда. Было решено наконец, приблизительно через год по оставлении Владимиром Ильичем «Искры», выпускать свой периодический орган большевиков, газету «Вперед» (в редакцию ее входили Ленин, Ольминский, Воровский, Луначарский, Богданов и др.). Она завязала связи с русскими организациями, стала посылать профессиональных революционеров по местам, звала к более революционным методам работы, к подготовке революционного восстания.

В то же время пошла энергичная по всем комитетам борьба за созыв III съезда. Было создано Бюро комитетов большинства.

Меньшевики этого съезда не хотели и так и не пошли на него, называя его не общепартийным, а большевистским. В историю он вошел как III партсъезд. Созванный в бур-

¹ Совещание 22-х большевиков под руководством Ленина проходило в конце июля 1904 года. На нем было принято написанное В. И. Лениным обращение «К партии» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 13—21). *Ред.*

ную годовщину, когда волны революции все нарастали, испытавший на себе сильное влияние Ильича, съезд этот отличался яркой революционностью и определенностью. На нем было отмечено, что переживаемый революционный момент выдвигает перед партией роль передового борца за свободу. Были поставлены и разрешены такие важные вопросы, как вопрос о вооруженном восстании, вопрос об участии социал-демократов во временном революционном правительстве и об отношении к крестьянскому движению. И на съезде, и в газете «Вперед» Ленин обрушивается на половинчатый, никуда не годный, особенно во время подъема, лозунг меньшевиков: «Вооружить народ жгучей потребностью самоворужения». Он говорит, что необходимо теперь прямо призывать к оружию и содействовать вооружению народа.

Относительно участия социал-демократов во временном революционном правительстве Ленин бичевал также трусливость и половинчатость меньшевиков, говоривших, что если они примут участие в восстании, то есть опасность, что пролетариат заставит их взять власть.

«Революционный народ стремится к самодержавию народа, все реакционные элементы отстаивают самодержавие царя. Успешный переворот поэтому не может не быть демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, интересы которых *против самодержавия царя* совпадают»¹.

Временное революционное правительство, писал Владимир Ильич, «может опираться только на революционный народ, т. е. на пролетариат и крестьянство. Оно может быть только диктатурой, т. е. организацией не «порядка», а организацией войны. Кто идет штурмом на крепость, тот не может отказаться от продолжения войны и после того, как он завладеет крепостью»².

Об отношении к крестьянскому движению в резолюции III съезда, по предложению Ленина, было проведено, что РСДРП поддерживает все революционные меры, способные улучшить положение крестьянства, не останавливаясь перед экспроприацией помещичьих, монастырских и других земель.

Таким образом, III партсъезд, руководимый Лениным, занял определенную позицию накануне нашей первой революции (состоялся в апреле — мае 1905 года) и сыграл важную роль в проведении социал-демократическими организациями как октябрьских, так и особенно декабрьских дней 1905 года (Декабрьское восстание в Москве).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 128. *Ред.*

² Там же, с. 129. *Ред.*

ГЛАВА V

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

Нарастающие волны революции отразились на эмиграции вообще и на Владимире Ильиче в частности — с одной стороны, большой интенсивностью и кипучестью работы, а с другой — тем, что стало более неудержимо тянуть в Россию. Свойственная всегда Владимиру Ильичу прозорливость проявилась в конце лета 1905 года в том, что он написал мне раз, кажется в ответ на мои жалобы на трудности и затяжки получения нелегальной литературы из-за границы: «Скоро мы откроем газету в Петербурге с редакцией на Невском проспекте». Я посмеялась тогда над этим как над вещью совершенно невероятной, а между тем через каких-нибудь три месяца вывеска редакции «Новая жизнь» красовалась действительно на Невском проспекте.

Владимир Ильич приехал тотчас после того, как вспыхнула первая наша революция и был провозглашен манифест, открывший двери тюрем и возможность вернуться из эмиграции целому ряду лиц. Для Владимира Ильича эта возможность оказалась сразу проблематичной; так, он всего одну ночь переночевал по своему паспорту в комнате, снятой для него в знакомой семье, и, заметив несомненную слежку, стал менять квартиры и жить по чужим паспортам. Выступал он также под чужими именами; таково было его известное выступление 22 (9) мая 1906 года в доме Паниной под фамилией Карпова. Владимир Ильич разбивал иллюзии кадетов, эсеров и меньшевиков, их веру в завоевания октября 1905 года, их надежды на мирный ход движения.

Попытка правительства утишить революционное настроение первой жалкой подачкой, так называемой Булыгинской (совещательной) думой, встретила резкий отпор со стороны ЦК РСДРП, который под руководством Ленина постановил бойкотировать ее. ЦК РСДРП заявил, что эта Дума — издевательство царского правительства, что она устраняет от участия в ней всех рабочих и всю деревенскую бедноту, что народу необходимо представительство, основанное на началах совершенно противоположных и призывал к подготовке вооруженного восстания и к борьбе за свободу до конца.

В это время и несколько позднее были изданы брошюры Ильича: «Две тактики социал-демократии в демократической революции»¹, «Победа кадетов и задачи рабочей партии»², «Социал-демократия и выборы в Думу»³ и др.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 1—131. *Ред.*

² См. там же, т. 12, с. 271—352. *Ред.*

³ См. там же, т. 14, с. 249—273. *Ред.*

Характеризуя добытое революцией 1905 года, Владимир Ильич писал в одном из первых номеров «Новой жизни»: «Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизм».

Два раза за зиму 1905/06 года ездил он в Москву¹: один раз до декабрьского восстания, другой раз после него. Он внес также поправку в отношения к первому Совету рабочих депутатов, который некоторые тогдашние большевики склонны были игнорировать, на который склонны были смотреть свысока, как на стоящий в своем большинстве на мелкобуржуазной точке зрения.

«Для того, чтобы демократический переворот осуществился быстрее, полнее и решительнее,— писал и говорил Владимир Ильич,— мы заключаем временный боевой союз со всей революционной демократией... Мы входим для этого, сохраняя строго партийную особенность и самостоятельность, и в Советы рабочих депутатов и в другие революционные союзы. Да здравствуют новые органы власти народа!»

Владимир Ильич ясно показал то значение, которое имело такое подлинно избранное массами учреждение, как Советы и их роль в будущем.

Эти мысли проводил он и в докладах и выступлениях на IV партсъезде, состоявшемся в Стокгольме в апреле 1906 года. Съезд этот получил название «Объединительного», так как, в отличие от III съезда, на нем присутствовали и большевики и меньшевики.

В те дни свободы на местах происходил стихийный процесс объединения на работе большевиков с меньшевиками, и казалось, вследствие того что на очереди стояли главным образом общие демократические задачи, что объединение это возможно. Поэтому была сделана попытка сговориться на объединенном съезде. Но по всем основным вопросам большевики и меньшевики выступили с различными проектами: и о вооруженном восстании, и об аграрном вопросе. Вокруг последнего особенно разгорелась борьба на съезде. Ленин доказывал в своем докладе необходимость доведения аграрной революции до конца и ставил лозунг национализации земли против муниципализации, за которую стояли меньшевики.

«Муниципализация есть сужение и затушевывание классовой борьбы...— говорил Владимир Ильич в своем заключительном слове.— Аграрная революция есть пустая фраза, если

¹ В период первой русской революции В. И. Ленин приезжал в Москву в первой половине января и в первой половине марта 1906 года. *Ред.*

ее победа не предполагает завоевание власти революционным народом».

Вследствие небольшого перевеса меньшевиков на съезде прошла резолюция за муниципализацию и компромиссные резолюции по остальным вопросам,— вообще почти по всем пунктам решения меньшевиков. Эти разногласия в основных вопросах привели к тому, что на местах большевики и меньшевики сработаться не могли, и попытка объединения оказалась безрезультатной.

Считая, что революция еще не потухла, Владимир Ильич стоял за самую революционную тактику: он призывал, где можно, к партизанской борьбе, к организации так называемых десятков и пятков.

Падение революционной волны и, как результат его, роспуск Думы вызвали в свет брошюру Владимира Ильича «Роспуск Думы и задачи пролетариата»¹. Он доказывал, что на очереди стоит теперь революционная борьба за власть, которую не осилила кадетская Дума, что теперь, после декабрьского восстания, нельзя уже рассчитывать на победу политической стачки, как в октябрьские дни. Теперь всякая стачка неизбежно превратится в вооруженное восстание, к которому и надо готовиться, писал Ильич, отмечая перед народом всякие иллюзии на возможность мирного завоевания демократических свобод.

Пока можно было думать, что волны революции еще поднимаются, Владимир Ильич стоял за поддержку их, за самую революционную тактику. Так, он стоял за лозунг бойкота и I Государственной думы, провозглашал необходимость хотя бы партизанской борьбы. Когда же движение пошло на убыль, Владимир Ильич решительно переменял фронт, высказался за необходимость идти в Государственную думу, пользоваться ею как трибуной, когда все другие возможности пропагандировать свои взгляды одна за другой отнимались у народа. Газеты социал-демократов большевиков закрывались одна за другой; вместо «Новой жизни» возникали «Волна», «Вперед», «Эхо». До последней возможности партия социал-демократов большевиков старалась использовать легальную печать.

Но размах пропаганды должен был все сокращаться; приходилось все больше уходить в подполье. Была восстановлена нелегальная газета ЦО — «Пролетарий». Владимир Ильич принужден был поселиться в Финляндии, в Куоккала, откуда наезжал в Питер, а больше к нему туда приезжали — за рукописями, на совещания.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 305—327. Ред.

Перед партией встала тогда задача выработать тактику для избирательной кампании. Для этой новой задачи необходимо было созвать чрезвычайный партийный съезд, на чем и настаивали большевики. Но меньшевики, склонные видеть в этом стремлении лишь желание взять верх в партии, «дирижерскую палочку» в свои руки, в чем обвинял Ленина Плеханов, восставали против созыва съезда. Они соглашались лишь на конференцию, которая и была созвана в Таммерфорсе (Финляндия) в ноябре 1906 года. На ней была принята резолюция об избирательной тактике, к которой большевики внесли особое мнение. Отказываясь от бойкота ввиду изменившегося положения, Ленин во главе большевиков настаивал на энергичном участии в кампании по выборам во II Думу, причем основной задачей партии считал выяснение народу непригодности Думы, невозможности добиться свободы парламентарным путем, а лишь путем вооруженного восстания, временного правительства и созыва Учредительного собрания. На выборах социал-демократическая партия должна была выступить совершенно самостоятельно, прибегая к соглашениям лишь в исключительных случаях.

На этих же (в общем) основах приняты резолюции следующего, V, или Лондонского, как его называют, съезда, состоявшегося в мае — июне 1907 года. На этом съезде, где меньшевики и большевики были представлены почти поровну, но последних поддерживали национальные социал-демократические организации, прошли, хотя и в несколько смягченном виде, все основные большевистские решения. Владимир Ильич делал на нем доклады по вопросам об отношении к буржуазным партиям и к Государственной думе.

Указывая, что происходившая тогда революция — чисто буржуазная, не затрагивающая основ капиталистического строя, Ленин отмечает, что тем не менее главной ее движущей силой, тем классом, который один в состоянии довести ее до полного конца, может быть только пролетариат, ибо наша буржуазия представляет собою элемент, колеблющийся между революцией и реакцией, ибо буржуазия не в состоянии разрешить главной задачи революции — аграрного вопроса. Этот последний стоит особенно остро в России, потому что реформа 1861 года оставила непоколебленными основы крепостнического земледелия — помещиков, и ликвидировать их окончательно может не буржуазия, связанная с помещиками многими нитями, а лишь пролетариат, если ему удастся повести за собой крестьянство. Таким образом, победа современной революции может осуществиться лишь как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Меньшевики,

указывал Владимир Ильич дальше, оказались неустойчивыми. Они приходили к выводу, что надо «комбинировать свои действия с действиями других партий», подменяя политику рабочей партии политикой зависимости от либеральной буржуазии. За эту непролетарскую политику громил меньшевиков Владимир Ильич. «Конечно,— говорил он,— самая полная победа крестьянского восстания — конфискация всей помещичьей земли и раздел ее между крестьянами — не означает победы социализма, а только расчищение всех помех для буржуазно-демократического переворота».

Что касается Государственной думы, то, подтверждая в общем резолюцию IV съезда, Ленин отметил буржуазный лозунг «Беречь Думу».

В партсъезде высказался решительно против беспартийного рабочего съезда, за который агитировали меньшевики, считая, что нужна усиленная работа в профессиональных организациях, но что созыв широкого рабочего съезда вместо партийного будет вреден, так как сыграет только на руку анархо-синдикалистам. Высказался он, с другой стороны, и против партизанских выступлений и экспроприаций, а также и за роспуск специальных боевых дружин, которые сохранились еще кое-где от революционного времени, но не соответствовали уже требованиям современности.

Реакция сгушалась все более и более. Размах пропаганды должен был сокращаться. Приходилось уходить все больше в подполье.

Особенно резко стала давать себя чувствовать реакция после разгона II Думы. В партийных кругах этот факт вылился в стремление среди части большевиков бойкотировать III Думу, созванную на основании измененного, сильно ухудшенного для широких масс избирательного закона (Богданов, Луначарский, Красин и др.). Ленин был решительно против бойкота. Он говорил, что тактика бойкота была правильной для борьбы с конституционными иллюзиями, при бойкоте Булыгинской и I Думы и была бы снова правильной, если бы в стране замечался революционный подъем, который давал бы надежды на завоевание большего. Между тем в тогдашний период всеобщего неверия и апатии призыв к бойкоту должен был остаться пустой фразой. Заменить то немногое, что могла дать думская трибуна, все равно было нечем, и призыв к бойкоту означал бы лишь распространение наплевательского отношения, которое будет только на руку правительству. На этот раз с Владимиром Ильичем были согласны меньшевики; но и те большевики, которые были против, высказались, когда их лозунг был провален, за общую резолюцию, которая отметила, что думская три-

буна должна быть использована для пропаганды и агитации, а фракция Думы должна являться одним из органов партии.

С другой стороны, Ленин клеймил жестоко и другой — ликвидаторский уклон, вызванный разочарованием в революции, а именно отрицание всякой нелегальной партийной работы, призывы ограничиться одними легальными культурническими рамками, ликвидировать партию — так называемое ликвидаторство. Течение это также было отвергнуто конференцией, постановившей, что основной задачей партии должно быть, как и раньше, укрепление нелегальной партийной организации.

В своей статье «Об оценке текущего момента»¹ Ленин отметил, как главное завоевание нашей первой революции — то, что она всколыхнула массы, что массы эти приобрели практический опыт в борьбе и что учет этого опыта — невидный и тяжелый процесс, но гораздо более важный, чем многие явления на поверхности. Крестьянство вынесло из революции всего больше разочарования, поэтому оно будет переваривать ее уроки особенно трудно и медленно. Должно пройти время, прежде чем процесс этот рассосется в массах и даст новые результаты.

ГЛАВА VI

ПЕРИОД РЕАКЦИИ. ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Осенью 1907 года Владимир Ильич получил предупреждение от финляндских социал-демократов, среди которых были служащие полиции, что есть приказ об его аресте. Тогда он с большими предосторожностями выехал через Або в Стокгольм, а оттуда опять в Женеву. Переезд этот, когда он, перебираясь где-то около Або через неокрепший лед, чуть было не провалился, едва не стоил ему жизни.

Эта вторая эмиграция после временных свобод 1905 — 1906 годов была тяжелее первой. Настроение уныния и разочарования охватило широкие слои интеллигенции и молодежи, проникло в среду рабочих. Широкие общественные интересы заменялись личными, вопросами пола, философией, клонящейся к мистике, к религиозным исканиям. Наряду с этим разочарование проявилось в более мрачной форме: в среде молодежи появилась эпидемия самоубийств.

В партийных кругах продолжали жить оба уклона — как бойкотистов, получивших вследствие того, что они предлагали

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 271—284. *Ред.*

отозвать представителей социал-демократии из Государственной думы, название «отзовистов», так и ликвидаторов — тех правых меньшевиков, которые считали, что следует упразднить совсем нелегальную партию, сосредоточив всю работу в легальных организациях. Энергичной борьбой с обоими этими уклонами заполнены первые годы второй эмиграции Владимира Ильича. С первым из них эта борьба осложнилась еще философскими разногласиями, тем, что часть отзовистов во главе с Богдановым, развившим свои взгляды в книге «Эмпириомонизм», выступила с идеалистическими поправками к материалистической теории Маркса в духе эмпириокритицизма (Маха, Авенариуса).

Стремясь необходимой коренную борьбу с этим течением, стремящимся подправлять философию Маркса учениями разных буржуазных философов, Владимир Ильич засел вплотную за изучение философии, которой не мог отдавать прежде много времени из-за политической работы и борьбы. Он использовал для этого более глухое время второй эмиграции, он ездил специально в Лондон, где занимался много в Британском музее. На основании этого изучения Владимир Ильич написал свою книгу по философии «Материализм и эмпириокритицизм»¹, в которой подверг основательному разбору все разновидности идеализма в философии как за границей, так и в России. Владимир Ильич доказывает в своей книге, что ничего общего с марксизмом философия эмпириомонистов и махистов не имеет, что она стремится протащить в марксизм поповщину, то есть религиозные воззрения в той или иной форме, которые он и отмечал у Луначарского и др. Книга его, вышедшая в 1909 году под псевдонимом «В. Ильин», является основательным трудом для изучения материализма и марксизма.

Ввиду того что созыв партсъезда или даже партконференции в те годы был невозможен, резолюции относительно уклона в отзовизм и в богоискательство вынесло совещание расширенной редакции «Пролетария» — нелегальной газеты большевиков, выходившей в те годы в Женеве. Резолюции эти говорят, что большевизм не имеет ничего общего с отзовизмом и с извращением научного социализма попытками внести в него какие-либо религиозные верования.

Период реакции тянулся около трех с половиной лет. Под конец его, в 1911 году, Владимир Ильич сказал как-то: «Не знаю уже, придется ли дожить до следующей революции».

Наряду с указанными двумя уклонами боролся Ленин все время и с троцкизмом. Чего-нибудь определенного, устойчиво-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 7—384. *Ред.*

го взгляды «пустозвона»¹ Троцкого никогда не представляли. Со времени II съезда он примкнул к меньшевикам; как многие из них, был склонен приписывать твердую большевистскую линию Ленину стремлению к личной власти. В годы первой революции подошел ближе к большевикам и играл видную роль в Совете рабочих депутатов, но в партийную организацию большевиков не вошел. Обвинял большевиков в создании фракции, на что большевики указывали ему, что он садится между двух стульев и создает свою фракцию примиренцев.

Созданная Троцким в Вене популярная газета «Правда» стояла фактически независимо от партии. А в 1912 году на конференции в Вене был при его участии организован так называемый августовский блок из меньшевиков, бундовцев, латышей для борьбы с большевиками. Блок этот скоро распался, но организация его доказала, что «внефракционный» Троцкий был всегда близок к меньшевикам и что, следовательно, нападки его на ликвидаторов были неискренни.

ГЛАВА VII

ПЕРИОД ПОДЪЕМА. ЭПОХА «ЗВЕЗДЫ» И «ПРАВДЫ»

Понемногу стали намечаться признаки начинающегося подъема. Первой ласточкой явилась еженедельная газета «Звезда» в Петербурге при социал-демократической фракции III Государственной думы. Идея ее была дана на социалистическом конгрессе в Копенгагене в 1910 году Владимиром Ильичем. Над проведением ее в жизнь постарался главным образом член III Думы рабочий Полетаев. Владимир Ильич помог достать денег для постановки газеты от тогдашнего ЦК германской социал-демократической партии. Он встретился с Полетаевым в Берлине, отправился с ним к Бебелю, который и передал потом на «Звезду» 3000 марок (около 1500 руб.). Сначала было избрано два редактора — большевик и меньшевик; после ареста одного и высылки другого газета перешла всецело в руки большевиков. Несмотря на частые конфискации, газета продолжала выходить, меняя названия: так, вместо «Звезды» появилась «Невская звезда». Скоро понадобилось выпускать ее два раза в неделю.

В жизни партии этого времени самым важным событием была конференция, состоявшаяся в январе 1912 года в Праге, на

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 19. *Ред.*

которой произошел окончательный раскол с меньшевиками. На ней, после почти четырех лет разброда, работы обособленных кружков, впервые собрались представители больше 20 русских организаций. И на этой конференции единогласно было постановлено, что ликвидаторы поставили себя своей работой вне партии, и была провозглашена борьба с ними. Было указано, как и раньше, на необходимость социалистического воспитания и сплочения передовых масс пролетариата, а также усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РСДРП. Затем было отмечено, что после первой нашей революции, пробудившей к сознательной жизни широкие слои населения, очередной задачей выступает необходимость деятельного участия в экономической профессиональной борьбе, в разных легальных обществах и союзах и в легальной прессе. Эти задачи были подчеркнуты конференцией.

Главными избирательными лозунгами в новую, IV Думу выставлены были: «Демократическая республика, восьмичасовой рабочий день и конфискация всей помещичьей земли».

В созыве и проведении этой конференции Владимиру Ильичу принадлежала, как и всегда, выдающаяся роль.

Расстрел безоружных рабочих на далекой Лене 4 апреля 1912 года явился главной встряской для всего рабочего класса: подъем в массах пошел с этих пор неудержимо. Еженедельная газета перестала удовлетворять рабочих; пришла пора выпускать ежедневную, которую страшно жаждали рабочие. Но так невероятен был факт существования ежедневной рабочей газеты в царской России, что сами инициаторы плохо верили, что это чудо совершится. Однако газета «Правда» в две копейки стала выходить. В редакцию ее вошли Ольминский, Сталин, Молотов, Еремеев и др. Но главное руководство лежало на Владимире Ильиче. Чтобы быть ближе к России, иметь возможность следить за ежедневной газетой и писать в нее, Владимир Ильич в июле 1912 года переехал из Парижа, где тогда он жил, в Австрию, в Краков.

Это было уже совсем близко от России, скорый поезд шел оттуда до Петербурга всего 12 часов, статьи поспевали к следующему дню. Владимир Ильич стал чувствовать себя почти что в России — настроение общего подъема сильно подняло, конечно, и его настроение. Он мог участвовать в ежедневной рабочей прессе, мог руководить ею. А рабочие с жадностью читали свою газету и шли на все жертвы для поддержания ее. И хотя «Правде», конечно, не меньше, чем «Звезде», пришлось испытывать правительственных гонений, хотя она еще чаще волею судеб должна была менять свои названия («Трудовая правда», «Северная правда», «Путь правды» и т. д.), но как

ежедневная она стала еще более близкой рабочим, еще более своей газетой. Проводя по возможности в неурезанном виде лозунги последовательного революционного марксизма, она приучала рабочих понимать эти лозунги с намека, выраженные иносказаниями, она широко распространяла их в массах. Единение между рабочими, которые сами начали с первых дней писать в «Правду», и редакцией было полное, и Владимир Ильич, всегда стремившийся работать с массами и для масс, чувствовал себя очень хорошо и увлекался «Правдой». Петербургская часть редакции держала самую тесную связь с профсоюзами и другими рабочими организациями и кишела всегда рабочими, не только приносившими свои посильные сборы и свои корреспонденции в «Правду», но и приходившими за советами о том, начинать ли забастовку, какие выставлять требования и т. п.

Одним словом, редакция была тогда настоящим революционным штабом.

Легче было Владимиру Ильичу в Кракове держать связь и с нелегальной работой в России, руководить ею, устраивать свидания с нелегальными работниками.

Большую работу проводил Владимир Ильич и с членами IV Государственной думы — большевиками.

Социал-демократическая фракция IV Государственной думы составила из 13 депутатов, из них 6 — большевиков — были выбраны по преимуществу рабочими куриями, то есть истинно рабочими выборщиками, 7 депутатов-меньшевиков прошли на общих выборах, частью на окраинах, например на Кавказе, где не было крупной промышленности и где рабочие были менее сознательны. Конечно, последние не могли представлять собою передовых рабочих — социал-демократов России.

Между тем, пользуясь случайным большинством в один голос, они стали выступать от всей социал-демократической фракции Думы, не считаясь с мнением шести истинных рабочих депутатов, смазывая таким образом их взгляды для широких слоев избирателей, не пуская их в важные комиссии и т. п.

Через год совместной работы депутаты-большевики заявили о невозможности такого подавления их и предложили установить равенство между семеркой и шестеркой, представляющей куриальных рабочих. Меньшевики не пошли на это предложение, и тогда группа большевиков откололась, и социал-демократическая фракция Государственной думы разделилась на две части.

Владимир Ильич стоял всецело за такую тактику и считал недопустимым, чтобы меньшевистская часть фракции подавляла посланных в Государственную думу рабочими-выборщика-

ми, не давала им высказывать настолько определенно, насколько позволяли цензурные условия, цели и задачи революционной социал-демократической партии. Ведь в том, что Государственная дума могла быть трибуной для всей страны, видел Ленин главное ее значение.

Стал выходить снова теоретический марксистский журнал в Петербурге «Просвещение», явившийся продолжением закрытой в апреле 1911 года «Мысли». Руководство этим журналом было сосредоточено за границей, у Владимира Ильича.

Но в центре всей этой борьбы, состоявшей в том, что революционное социал-демократическое движение вырвалось из подполья на легальную работу, стояла все-таки ежедневная рабочая газета «Правда».

Движение вокруг «Правды» разрасталось: стало поступать все больше корреспонденций из других городов.

Оживилось и стачечное движение, поднялось политическое сознание, и летом 1914 года дело дошло даже до водружения баррикад на некоторых улицах Петербурга.

ГЛАВА VIII МИРОВАЯ ВОЙНА

Но надвинувшаяся европейская война смешала все карты. Все рабочие органы печати были закрыты, члены Государственной думы — социал-демократы большевики были арестованы, преданы суду и высланы в Сибирь. Владимир Ильич в самом начале войны был арестован австрийскими властями и просидел около трех недель в тюрьме. Несмотря на полную неизвестность, грозившую всякими осложнениями, он чувствовал себя, как обычно, бодро, чем очень удивлял нескольких интеллигентов, попавших в то же положение. Позднейшее знакомство с архивами департамента полиции показывает, что Владимир Ильич находился тогда под большим риском быть выданным русскому правительству и только благодаря энергичным мерам, предпринятым нашими товарищами, главным образом т. Ганецким, обратившимся к помощи австрийских социал-демократов, он был освобожден и выпущен в Швейцарию, прежде чем департамент полиции успел предпринять шаги к его выдаче.

Страшно возмущала тогда Владимира Ильича волна шовинизма, охватившая социал-демократические партии всех стран. Особенно сильное негодование его вызвало голосование

германских социал-демократов за военные кредиты 4 августа 1914 года.

Среди общего взрыва патриотизма почти только один его голос призывал не отступать от международной точки зрения, отмечал, что единственным способом борьбы против империалистической войны должно быть превращение ее в войну гражданскую, выступление в каждой стране против своего правительства.

Надежда Константиновна рассказывает в своих воспоминаниях, как одинок был Владимир Ильич в этой борьбе, как тягостно ощущал он полное непонимание вокруг себя.

Владимир Ильич составил тезисы об отношении революционных социал-демократов к войне. Пересланные в Россию, эти тезисы попались у арестованных членов IV Государственной думы большевиков и послужили одним из главных обвинений против них. В тезисах этих заявлялось вполне определенно, что каждый последовательный социалист должен бороться в первую голову со своим правительством и что лучшим исходом войны было бы поражение царского правительства, как самого реакционного.

Владимир Ильич читал и рефераты на эту тему в Швейцарии; он сплывал на идее последовательного интернационализма всех, кого мог.

Поднял он решительно свой голос и против II Интернационала, членом которого был, как и все социал-демократы. В 1912 году он был выбран в Международное социалистическое бюро. Уже и раньше он отмечал, что вожди II Интернационала стали чересчур легалистами, что в их выступлениях и их писаниях центр тяжести переносится все более на мирную культурническую работу и все более забывается и оставляется в тени то революционное ядро, которое составляет суть учения Карла Маркса. Но такой измены делу пролетариата, которую они проявили при начале войны, забыв даже постановления международных съездов и пойдя в хвосте буржуазии, не ожидал от них и он. Ленин всюду говорил и писал, что II Интернационал потерпел окончательный крах, что он умер и что его должен заменить очищенный от оппортунизма III Интернационал. По его инициативе были созваны во время войны две международные конференции в Швейцарии — в Циммервальде и в Кинтале, объединившие противников войны — интернационалистов, провозгласивших «войну войне». Таким образом, Ленин во главе партии большевиков разъяснял рабочим и других стран правильное понимание революционной теории Маркса, разъяснял им измену их вождей, тащивших их в меньшевистское болото соглашательства с буржуазией своих стран.

Он сплотил вокруг себя тех наиболее революционных социалистов, которые вошли позднее в организованный им III Интернационал. Борьба эта была в то время очень трудной, так как правительства всех стран считали людей, проповедовавших пораженческие взгляды, изменниками своему народу.

На Циммервальдской и Кинтальской конференциях Ленин был представителем левого крыла интернационалистов. Их было в то время за границей незначительное меньшинство, громадное большинство социалистов было настроено патриотически. Владимиру Ильичу приходилось в то время пробивать брешь в толстой стене почти всеобщего непонимания. Сношения с Россией, пересылка туда литературы были тоже очень затруднены во время войны. Масса работников была взята на фронт. Патриотический угар был силен и в России, идеи «пораженчества» воспринимались исключительно большевиками или клонящимися к ним. Это было тяжелое время эмиграции, оторванность от России была страшная.

В 1916 году Ленин написал книгу «Империализм, как новейший этап капитализма»¹, в которой доказывал, что империализм есть высшая стадия развития капитализма, когда буржуазии каждой страны становится все теснее в национальных рамках и драка за колонии принимает все более ожесточенный характер. Ярко показал в ней Владимир Ильич, что буржуазия становится все более интернациональной и что все решительнее должен выходить из национальных рамок и пролетариат.

Книга эта вышла в свет уже после революции.

ГЛАВА IX

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ИЮЛЬСКИЕ ДНИ. ЛЕНИН ВЫНУЖДЕН СКРЫВАТЬСЯ

Владимир Ильич сразу же после того, как вспыхнула революция, стал рваться в Россию, но это не так-то легко было осуществить в то время. Троцкий, поехавший через Англию, был задержан там. После нескольких более или менее неисполнимых планов Владимир Ильич решил поехать через Германию в «запломбированном» вагоне. Этот «запломбированный» вагон был в то время сильно использован всеми врагами Владимира Ильича и большевиков: их громили как изменников, пошедших во время войны на соглашение с враждебным нам германским

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426. Книга «Империализм, как высшая стадия капитализма» была напечатана в середине 1917 года под названием «Империализм, как новейший этап капитализма». *Ред.*

правительством. Между тем соглашение состоялось лишь в том, что такие-то проедут через Германию, но при полном их отказе с кем бы то ни было в этой стране видеться или говорить. Для того-то и была выбрана форма «запломбированного» вагона.

Едучи в Россию, Владимир Ильич был совершенно не уверен, что не будет там арестован правительством Милюкова, более того, был почти убежден, что этот арест произойдет. Но оказалось, что он, благополучно проехав через Стокгольм, проехал так же благополучно и через Финляндию вплоть до границы с Россией, до станции Белоостров, где был встречен некоторыми партийными товарищами, вместе с которыми приехал вечером 3 апреля (ст. ст.) в Петербург. Здесь, на Финляндском вокзале, ему была устроена торжественная встреча Центральным и Петербургским комитетами партии большевиков, созвавшими массы рабочих со всех районов.

Владимир Ильич обратился к товарищам с броневика с краткой речью, в которой призывал к борьбе за социалистическую революцию. В таком же смысле высказался он и на собрании представителей организаций в тот же вечер. Со свойственной ему нелюбовью ко всяким фразам, к ликованию и к овациям, он сразу же перевел разговоры на деловую почву, на ближайшие задания следующего дня. Он резко клеймил позорное поведение международной социал-демократии в мировой войне и убеждал партию большевиков, с целью отмежеваться решительно от этого поведения, переименоваться в коммунистическую. Он отмечал, что революция, свергнувшая трон Романова, ничего еще не дала рабочим и крестьянам и что Временное правительство (как кадетское, так позднее наполовину эсеровское) ничего дать не в состоянии и должно быть свергнуто. В этом смысле писал он решительно и в «Правде», восстановленной тотчас же после революции.

Владимир Ильич высказался решительно против всякой поддержки Временного правительства, линии, которая была взята с самого начала меньшевиками и на которую уклонялся тогдашний редактор «Правды» Каменев. Ильич доказывал, что пролетариат не должен оказывать никакого доверия органу буржуазии, Временному правительству, а должен поддерживать исключительно Совет рабочих и солдатских депутатов, как орган беднейших слоев городского и сельского населения. Лозунгом должно быть: «Вся власть Советам».

На Апрельской партийной конференции 1917 года Ленин отметил в своих тезисах те главные положения, которые должны были лечь в основу тактики большевиков. Он доказывал, что происходившая тогда мировая война велась в интересах капи-

талистов и что никакого участия в ней пролетариат и крестьянство принимать не должны, что без свержения капитализма кончить ее в интересах широких народных масс нельзя. Поэтому надо бороться за второй этап революции, который передал бы власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

Все помещичьи земли должны быть национализированы.

На возражения Каменева и некоторых москвичей, на их вопросы, неужели он хочет непосредственного «введения социализма», Ленин отвечал, что пока речь идет не о социализме, а о контроле со стороны Советов за производством и распределением в государстве. Измена социал-демократов всех стран решениям международных социал-демократических конгрессов, та волна шовинизма, которая охватила их, вызвали со стороны Ильича решение отмежеваться от них, и он настаивал на ином наименовании партии: как мы сбрасываем с себя загрязненную рубашку, так же мы должны отбросить и загрязненное отныне наименование партии социал-демократической и называться партией коммунистов — тем названием, которым была окрещена первая программа нашей партии: «Коммунистический Манифест» Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Он требовал полного разрыва со II Интернационалом и подготовки со стороны нашей партии к созыву III Интернационала.

Не только меньшевики во главе с Плехановым, назвавшим речи и тезисы Ленина «бредом», но и некоторые большевики (Каменев, Ногин) были озадачены сначала решительностью поворота Ильича. Тезисы его, принятые на Апрельской партконференции 1917 года, звали не останавливаться на том, что было добыто буржуазной революцией, а двигаться решительно вперед; они определили — и не только на ближайшие месяцы — политику нашей партии.

Возражая некоторым товарищам, главным образом Каменеву, указывавшему, что у нас не закончена еще буржуазно-демократическая революция и нам рано поэтому говорить о пролетарской, социалистической, Ленин говорил:

«Социалистическая революция придвинута во всем мире ходом войны, и созданы объективные условия для нее... Мы, в России, поставлены войной в необыкновенные условия, и наряду с мелкой буржуазией у нас есть крупный капитал... Такие меры, как установление государственного контроля за всеми банками и за крупнейшими синдикатами капиталистов... экономически вполне назрели, технически вполне осуществимы, политически могут встретить поддержку подавляющего большинства крестьян... Это не будет еще социализмом, но переход-

ной мерой, которая сделает то, что Россия станет одной ногой в социализм».

«Буржуазно-демократическая революция будет непосредственно перерасти в социалистическую или, иначе, социалистическая революция будет у нас по пути, мимоходом, так сказать, доделывать демократическую».

Апрельская конференция имела большое значение. Повелась в духе ее решений агитация на заводах, в войсках. Массы очень быстро ухватили лозунг «Вся власть Советам». Ленин и здесь, как в большинстве случаев, верно учел их настроение. Они еще не поняли, говорил Ленин, но они уже почувствовали, что Временное правительство обманывает их. Революционное настроение нарастало, в Кронштадте власть была уже в руках Совета. Тогда кадетское министерство вынуждено было пойти на уступки: стоявший главным образом за войну до победного конца министр иностранных дел Милюков вышел в отставку, а во Временное правительство были включены представители партии трудовиков и социал-демократов. Министром труда был назначен меньшевик, бывший член Государственной думы Скобелев. Тогда большевики выставили лозунг «Долой 10 министров-капиталистов!», то есть остававшихся в правительстве кадетов.

Таким образом, партия большевиков под руководством Ленина, учитывая колеблющееся положение Временного правительства, наносила ему удар за ударом, прислушиваясь в то же время к настроению масс и развивая самую горячую агитацию среди них. Выступления наших товарищей перед жадно внимавшими рабочими массами в Питере, в Москве и других городах, агитация среди крестьянства и на фронте, выпуск популярных газет, как «Окопная правда» и другие, делали все время свое дело. Но широкие крестьянские массы были еще под влиянием эсеров, что выяснилось особенно на I Всероссийском съезде, собравшемся в июне 1917 года. Большинство на нем было у эсеров и меньшевиков; многие из депутатов смотрели косо на большевиков, наслушались разных наветов на Ленина, что он германский шпион и т. п. Выступление его на этом съезде было принято очень сдержанно, но речь его, и особенно то, что большевики требуют безвозмездной передачи всей земли крестьянам, произвела заметное впечатление.

Объявленное Керенским наступление на фронте и новые неудачи все больше и больше восстанавливали массы против Временного правительства и соглашательских партий меньшевиков и эсеров. Июльская демонстрация показала, что идеи большевиков приобрели уже много сторонников. Однако Временное правительство было еще сильнее и разогнало демонст-

рацию, а затем разгромило «Правду» и арестовало нескольких выдающихся деятелей нашей партии. Относительно Ленина был тоже приказ об аресте, но оставшиеся члены ЦК решили, что ему не следует заарестовываться: были все основания опасаться, что правительство воспользуется случаем ликвидировать такого опасного врага. Та горячка, которая началась, когда Владимир Ильич скрылся, с розысками его, с повторными длительными обысками на той квартире, где он жил, обещание большой денежной награды тому, кто разыщет его, показали, что опасения эти были далеко не напрасны.

Уходя 5 июля с квартиры после состоявшегося решения скрыться, Ленин сказал сестре: «Сами же может быть (то есть члены Временного правительства.— А. Е.) потом прольют крокодиловы слезы, пожалеют о гибели «талантливого» человека. Делая лицемерно вид, что они тут ни при чем, скажут: «Сам виноват, возбудил чересчур против себя массы».

И Ленин вместе с Зиновьевым скрылись.

В то время, как отмечал впоследствии Владимир Ильич, укрывать человека его убеждений могли лишь рабочие; поэтому он с Зиновьевым скрывались сначала в квартирах рабочих в Петербурге, потом в Сестрорецке и наконец в Финляндии. Пришлось прибегнуть ко всем формам нелегального житья: к гримировке, парикам, чужим паспортам; пришлось часто менять квартиры, ездить за кочегара на паровозе, скрываться в шалаше.

В июле — августе 1917 года состоялся VI съезд партии большевиков. Этот съезд был единственным собравшимся без Ленина¹. Когда, уже в советский период, Ленин, как все члены партии, заполнял анкету, он на вопрос, на каких съездах и конференциях был, написал: «На всех, кроме VI съезда». Этот съезд, состоявшийся в то время, когда Владимир Ильич вынужден был скрываться, а многие ценные работники сидели в тюрьме, происходил хотя и в Петербурге, но полулегально — о нем не печаталось в газетах, над ним висела все время угроза репрессий со стороны правительства, и он вынужден был в конце концов перейти совсем на нелегальное положение.

VI съезд в ответ на все клеветы, распространяемые о Ленине, выбрал его своим почетным председателем. На этом съезде было отмечено, что партия большевиков должна явиться передовым борцом против поднимающей голову контрреволюции,

¹ В. И. Ленин не участвовал в работе I, VI, и XII съездов партии. *Ред.*

защитницей всех добытых революцией свобод. Было постановлено, что теперь, когда правительство стало выступать открыто контрреволюционно, лозунг «Вся власть Советам» уже не соответствует обстоятельствам и должен быть заменен лозунгом «борьба за диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства». «Мы должны бороться за пролетарскую революцию, — говорилось в резолюциях съезда, — и поддерживать такую революцию в других странах». Было предложение со стороны москвичей (Преображенский, Бухарин) в резолюции о захвате власти сказать, что мы направим страну по социалистическому руслу лишь при наличии пролетарской революции в Западной Европе; но съезд согласился с предложением т. Сталина, что ограничения этого включать в резолюцию не надо, ибо не исключена возможность, что Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. Твердость, проявленная этим съездом во всех его резолюциях, показывала, что партия крепнет. Он являлся как бы раскатами грома, предвещавшего надвигающуюся пролетарскую революцию. На этом съезде был также впервые поставлен вопрос о союзах молодежи. Наш комсомол, развившийся позднее в КИМ, считает с этого съезда свое начало.

Ленина не было на этом съезде, но он вдохновлял его из своего изгнания, он сносился с товарищами, организовавшими этот съезд; посылал статьи в газеты, выпускаемые после «Правды», — «Рабочий путь» и следил все время за жизнью партии, писал письма в ЦК. Там, в шалаше, в своем уединении, начал он книгу «Государство и революция», законченную в Гельсингфорсе незадолго до Октябрьской революции, в сентябре 1917 года¹. В этой книге Ленин приводит слова Маркса, что «государство есть орган угнетения одного класса другим». Всякое самое передовое буржуазное государство является орудием эксплуатации угнетенного класса. В странах буржуазных богатое меньшинство подавляет трудящееся большинство. Пролетариат — единственный до конца революционный класс, — захватив власть в свои руки, что невозможно без насильственной революции, будет подавлять класс эксплуататоров — буржуазию. Руководствуясь опытом Парижской коммуны, пролетариат в союзе с беднейшими крестьянами пойдет к социалистическому преобразованию общества, оставляя организацию государства в своих руках, пока постепенно не отомрет всякая необходимость подавления какого-либо класса или слоя населения, так как исчезнет деление на классы, а вместе с тем пока не отомрет и государство.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 1—120. *Ред.*

Получая все газеты и подробные сообщения от товарищей, Владимир Ильич следил как за жизнью партии, так и за жизнью страны. Он отмечал все нарастающее недовольство масс Временным правительством, не только не стремившимся закончить истомившую народ, три года длившуюся войну, но звавшим еще на наступление, на борьбу до победного конца, не понимая, не видя, что народ не хочет этой войны.

Мировая война обнажила, как безобразный нарыв, все хищническое хозяйство капитализма в нашей стране, всю подкупность и продажность прежнего строя. Положение на фронте, разруха в стране — все было показателем этого. Если тотчас после революции первые половинчатые меры Временного правительства не могли удовлетворить народ, то длящаяся разруха и произвол на фронте, а затем все более заметный переход правительства к прямой контрреволюции, подозрительная неясность и неопределенность в земельном вопросе истощали окончательно терпение народа. Это недовольство проявлялось в восстаниях тех или иных частей на фронте, в разгроме крестьянскими комитетами помещичьих имений и в самовольном захвате их земель.

Ильич видел из своего уединения, что такое состояние в дальнейшем приведет к неорганизованным, анархическим бунтам, которые лишь попусту растратят народные силы и отдадут в конце концов народ во власть какого-нибудь контрреволюционного генерала. А они начали уже появляться на горизонте. Генерал Корнилов предпринял наступление на Петербург, которое не удалось главным образом вследствие мобилизации против него рабочих и солдатских масс, сочувствовавших большевикам. Наша партия положила немало трудов на агитацию среди них, на организацию их.

Понимание задач нашей партии, доверие к ней все возрастали среди масс, главным образом среди рабочих Питера и Москвы. Возрастало и влияние ее в Советах, особенно в Петербургском и Московском. Ленин видел, что надо спешить брать власть, пока контрреволюция не окрепла.

«Всякое промедление смерти подобно», — писал он. — «Народ устал от колебаний меньшевиков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами». И, отмечая, как сильно упало с июня число голосов, поданных в Москве за меньшевиков и эсеров в районные думы, он говорил: «Взять власть сразу и в Москве, и в Питере... Мы победим безусловно и несомненно».

ГЛАВА X ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

7 октября (ст. ст.) Владимир Ильич перебрался нелегально в Лесной под Петербург¹, а 10-го ЦК принял резолюцию о необходимости вооруженного восстания. Против объявления восстания высказались Зиновьев и Каменев. За то, что они уже после решения ЦК напечатали об этом своем несогласии в непартийной газете «Новая жизнь», Ленин назвал их штрейкбрехерами и требовал их исключения из партии. Зиновьев и Каменев сознали тогда свою ошибку.

Организация восстания была проведена ЦК и ПК (для практического руководства им были выбраны тт. Свердлов, Сталин, Дзержинский и др.). В Петербургском Совете после победы над генералом Корниловым, одержанной главным образом благодаря питерским рабочим, очень усилилось влияние большевиков. Был создан Военно-революционный комитет, который постановил, вопреки распоряжению Керенского, не увести революционные войска из Петербурга. Во всех этих войсках у нас были свои представители. За нас были и моряки кронштадтского флота. Корабль «Аврора» был вызван из Кронштадта для бомбардировки Зимнего дворца, где заседало правительство. Большая часть министров была арестована. Керенский бежал.

Но сколько-нибудь активного сопротивления нашим силам оказано не было. Было только несколько восстаний юнкеров, скоро подавленных. Дольше шла борьба с офицерством в Москве за овладение Кремлем. Но вообще победа была достигнута легко, с небольшими сравнительно жертвами.

25 октября (7 ноября) было объявлено о свержении Временного правительства на первом заседании II съезда Советов. Съезд принял постановление об образовании нового, рабоче-крестьянского правительства. На этом заседании, отличавшемся особо приподнятым, счастливым настроением присутствующих, были заслушаны и приняты зачитанные Владимиром Ильичем проекты декретов о прекращении войны и о передаче всей помещичьей и частновладельческой земли в безвозмездное пользование трудящихся. Во главе нового правительства был поставлен Совет Народных Комиссаров, председателем которого был избран Ленин.

¹ В. И. Ленин нелегально возвратился из Выборга в Петроград между 3 и 10 октября. О дате его приезда имеются противоречивые сведения. *Ред.*

ГЛАВА XI

ЖИЗНЬ И РАБОТА ЛЕНИНА ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Итак, пролетариат завоевал власть в России, самой отсталой из европейских стран, в которой он всего позже выступил на арену политической борьбы. Буржуазия — и наша и международная — примириться с этим, конечно, не могла. Не допуская вообще какого-либо иного строя, кроме буржуазного, она считала, что пролетарская революция в нашей стране может быть только кратковременным бунтом, что малообразованные, совершенно неискушенные в деле управления государством массы не смогут удержать власть. Это убеждение разделяли и меньшевики и эсеры. Некоторые оппортунистически настроенные большевики, как уже было сказано (Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин и др.), заявляли, что без привлечения меньшевиков и эсеров, без составления коалиционного правительства с ними новой власти с трудным делом управления государством не справиться. Из-за этого несогласия 10 товарищей — Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин и др. — вышли из состава ЦК и Совета Народных Комиссаров. Потом они сознали свою ошибку и снова вернулись к работе.

Владимир Ильич, отчасти слыша, отчасти предвидя эти возражения, еще в своем уединении, в сентябре, написал брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?»¹. В ней он доказывал, каким образом и при каких условиях власть может быть удержана. Твердо веря в массы, он доказывал, что пролетариат сможет и сам управлять государством, что на деле, за работой, он будет расти и учиться неизмеримо быстрее и что союз с представителями других партий, хотя бы и более «интеллигентными», но не стоящими всецело на почве наших взглядов, будет нам не помощью, а только лишним грузом на наших ногах. Эти слова его подтвердились результатом того кратковременного соглашения, которое было заключено с партией левых эсеров после принятия нами декрета о социализации земли.

Несколько левых эсеров вошло тогда и в Совет Народных Комиссаров. Но участие их продолжалось менее года.

В ответ на наше предложение начать переговоры о заключении мира германское правительство постаралось воспользоваться нашим решением прекратить войну и тяжелым положением страны, чтобы предложить нам самые унижительные условия заключения мира — уступку значительной части нашей

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 287—339. *Ред.*

территории и огромную контрибуцию. Перед нашей партией встал тогда вопрос: соглашаться на такие грабительские условия германского империализма или продолжать войну?

Большая часть товарищей была против подписания этих условий. Владимир Ильич настаивал на необходимости принятия их. Он видел, что крестьянство настолько утомлено войной, до такой степени не хочет и не может воевать, уходя с поля сражения самотеком, бросая врагу громадное имущество, что его все равно ничем не удержать и что при таком состоянии потери для страны будут тем больше, чем дольше будет продолжаться война. И он говорил, что следует лучше пойти на всякие жертвы, поступиться частью территории, но закончить войну. При обсуждении этого вопроса в ЦК Ленин остался в меньшинстве. Троцкий, а также Бухарин, Пятаков и другие так называемые «левые коммунисты» настаивали на невозможности соглашаться на такие унижительные условия. Левые эсеры были, конечно, на их стороне. Троцкий оказался, впрочем, и тут посредине; он выдвинул компромиссный лозунг: войны не продолжать, но и мира не подписывать. Ленин доказывал, что этот лозунг будет одной фразой, что если мы не подпишем мира, то нас заставят воевать, и стоял твердо на одном: на окончании войны во что бы то ни стало, на подписании хотя бы самого «похабного» мира. Он заявил даже, что выйдет из ЦК и правительства, если будет принято решение воевать.

Постепенно все большая часть товарищей стала переходить на его сторону. Первые переговоры о заключении мира происходили все-таки на основе компромиссной точки зрения Троцкого. Но когда он заявил, что воевать мы не пойдем, но и мира не подпишем на их условиях, немцы двинули свои войска на нашу территорию и заняли Украину. И мир пришлось заключать на много худших условиях. А когда через несколько месяцев буржуазная революция смела в Германии трон и унижительный Брестский мир был тем самым порван, все увидели, насколько прав был Владимир Ильич.

Окончательное решение о заключении мира было проведено на VII партийном съезде в марте 1918 года. Выступая на нем, Ленин говорил:

«Теперь самая больная часть нашей страны — это армия. Надо дать ей отдохнуть, дать ей рассосаться среди других не настолько больных частей. Мы должны понять, что при данных условиях мы должны отступить. И надо уметь отступить хотя в полупорядке, потому что в порядке мы и отступить сейчас не можем. Мы не можем возлагать надежды на германскую революцию: никто не знает точно, когда она наступит, и потому никто не вправе ставить для этого на карту жизнь всей страны».

Итак, с большой борьбой внутри партии Ленин добился отказа от войны, которую в данных условиях он считал гибельной для страны. Но если «левые коммунисты», как организованные члены партии, подчинились, хотя и не вполне убежденные, решению большинства, то левые эсеры, для которых такой узды не существовало, решили вызвать войну с Германией во что бы то ни стало. Восстание, начатое на этой почве левыми эсерами, было подавлено. Бразды правления остались в руках одной партии — большевиков.

Первые годы существования Советской власти были необычайно трудными. Международная буржуазия поднимала против нас голову. Правительства Антанты — Англии, Франции, потерявшие в лице нас союзника в мировой войне, доставлявшего им пушечное мясо, теряющие с национализацией фабрик и поместий вложенные их собственниками капиталы, стали поддерживать наших помещиков и буржуев.

Высадки иностранных войск и захваты наших территорий на севере, востоке, юге; оккупация немцами Украины; войска Деникина в центре России, Юденича в Петербургской области, Врангеля в Крыму; чехословаки на востоке — все силы если не ада, то международного капитализма поднялись на подавление первой пролетарской республики. Если эти силы, превосходящие нашу Красную Армию не только численно, но главным образом техническим вооружением и выучкой, если эти хорошо одетые и накормленные солдаты были в конце концов разбиты и прогнаны нашими разутыми и голодными красноармейцами и крестьянами, то это произошло потому, что последние поняли, что Советская власть — своя, народная, и боролись за нее, как за свою. Владимир Ильич отмечал это. Под руководством нашего ЦК и его вождей была создана боеспособная Красная Армия, одушевленная стремлением защищать пролетарскую власть, по-большевистски сплоченная и выказавшая чудеса героизма. Она вывела Советскую власть из ряда безнадежных, казалось бы, положений. Целые области, как Украина, Сибирь, Крым, Грузия, стали присоединяться на правах автономных областей к Советской Социалистической Республике. Была образована РСФСР, выросшая позднее в Союз Советских Социалистических Республик.

В первые же годы существования пролетарской республики было проведено в жизнь намеченное еще до революции, на Циммервальдской и Кинтальской конференциях в Швейцарии, создание III Интернационала. Летом 1919 года съехались в РСФСР, в первое государство пролетарской диктатуры, представители коммунистических партий всех стран на свой первый конгресс и основали III, Коммунистический Интернационал,

или Коминтерн. Коминтерн ставит своей задачей решительную революционную борьбу против всех затеваемых международным капитализмом войн, против всякого возвеличения своей национальности, всякого шовинизма, за подлинно интернационалистский подход к борьбе за освобождение всех угнетенных народностей, за истинное братство всех трудящихся. Он выковывает, руководясь указаниями Ленина, коммунистические партии всех стран, он помогает им, по примеру СССР, организовать пролетариат, вести его повсюду на борьбу за пролетарскую революцию.

Вследствие всех потрясений интервенции и гражданской войны стране пролетарской диктатуры необходимо было провести ряд крутых мер — так называемый военный коммунизм. Пришлось отбирать у крестьян все излишки сверх необходимого им для потребления, ввести продразверстку и отменить свободу торговли. Следовало прежде всего накормить и обустроить защищающую нас от нападений буржуазии Красную Армию. Владимир Ильич подчеркивал это в своих выступлениях. Он указывал крестьянам на необходимость идти на все жертвы, чтобы выгнать врагов из страны. И на все население была возложена трудовая повинность по расчистке путей, разгрузке вагонов, по снабжению населения дровами и т. п. А рабочие-коммунисты стали проводить для восстановления разрушенной промышленности и транспорта субботники и воскресники, которые Ленин назвал «великим почином». В одном из них он и сам, несмотря на всю свою перегруженность, принимал участие.

Гражданская война закончилась. Между тем политика военного коммунизма тяжело ложилась на население, главным образом на крестьянство, которое было истощено, измучено, начало местами сокращать посевы, сеять только для своей семьи, не видя выгоды производить больше, ибо при существовавшем бестоварье оно все равно купить ничего на излишки от непосредственно идущего на потребление не могло. Это недовольство среди крестьян создавало почву для контрреволюционной пропаганды. Им было вызвано в большой степени восстание мелкобуржуазных элементов в Кронштадте, которое разожгли и пытались использовать в своих целях меньшевики и эсеры. Необходимость перехода к более мирной, дающей инициативу производителям политике назревала все очевиднее.

Ленин еще в 1919 году, на VIII съезде партии, отметил, что мы должны внимательнее относиться к среднему крестьянству, стать на почву длительного сотрудничества, прочного союза с ним. Теперь же предстояло совершить крутой поворот к новой экономической политике прежде всего в умах некоторых това-

ришей-коммунистов, которые, наладившись на обобществленное распределение, склонны были считать, что со старым, буржуазным хозяйством в нашей стране уже покончено, и туго понимали необходимость той «передышки», на которой настаивал Владимир Ильич. Некоторым из них, доказывавшим, что такие экономические категории, как деньги, уже отмирают в нашем переходящем к социализму хозяйстве, казалось диким предложение вернуться к старому, якобы превзойденному, капиталистическому хозяйству, к свободной торговле, ко всему тому ненавистному, ради освобождения от которого было положено столько сил и жизни. Так что и в этом вопросе Ленину стоило немало борьбы убедить некоторых товарищей.

Выступая на X съезде, на котором была проведена новая экономическая политика, Ленин говорил:

— Хотя мы сделали ошибку, допустив такое недовольство среди крестьян, но у нас не было никакого выбора, как брать с них продовольственные излишки, даже без возмещения им этого. Это было необходимо, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть. Но теперь,— говорил и писал он в промежутке между X и XI съездом,— мы должны перейти от штурма к осаде. Это будет путь гораздо более медленный, но зато, осуществив смычку с крестьянством, мы сможем двигаться к социализму вместе с массой. «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем».

И Ленин внушал, что партия должна перестроиться на другую работу, что нам надо учиться хозяйничать, торговать. «Эта работа трудна, потому что революционеры никогда не занимались ею, но в данном положении страны она необходима, и мы должны поэтому учиться ей. Мы должны оставить всякое комчанство, всякое важничанье тем, что не боялись мы каторги и смерти, а торговать не умеем и не хотим... Нам надо поднять кооперацию, поднять производительность страны, показать, что социалистическое хозяйство выгоднее капиталистического. Задача эта трудна, она нова для нас, но вместе... в несколько лет мы решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая».

Ленин говорил, что поворот в сторону нэповской политики придется сделать всерьез и надолго. Но уже на XI съезде партии он отметил, что мы можем считать отступление окончанным.

Определенно и твердо стоял Ленин на необходимости прово-

дить последовательно провозглашенный в самом начале революции лозунг о праве наций на самоопределение. Некоторые товарищи, главным образом Бухарин, возражали на VIII съезде, говоря, что пролетарская диктатура не может выставлять лозунг об этом праве для наций, а только для трудящихся, ибо нация включает в себя все классы общества, а мы не можем заботиться о буржуазии.

Владимир Ильич отвечал, что «Бухарин принимает желаемое за действительность»¹, рассуждает так, как будто процесс выделения трудящихся уже завершился, между тем как он идет еще в каждом народе и часто очень извилистыми путями. Непризнанием права наций на самоопределение мы можем оттолкнуть от себя многих трудящихся.

Этим последовательным проведением принципа свободы каждого народа, принятым за основу нашей политики на VIII съезде после доклада Ленина, мы привлекли к пролетарской власти все национальности, которые угнетались царизмом и которые вошли теперь в наш СССР. Это было правильнее с общепролетарской точки зрения и полезнее для нас, хотя нам и пришлось вследствие этого безоговорочного признания прямо со скрежетом зубовным подписать отделение от нас Финляндии по требованию ее буржуазного правительства.

Проводя со всей решительностью освобождение от гнета всяких неравноправных, задавленных царизмом народностей, Ленин боролся против всякого угнетения, всякого подавления и бесправия как отдельных личностей, так и целых слоев населения. Самым задавленным и забитым слоем были женщины. Освобождение их было проведено Октябрьской революцией и проведено до конца. Только нашей пролетарской революцией была до конца разрешена эта задача, собственно задача буржуазной революции. Но Ленин отмечал, что ни одно из буржуазных законодательств, каким бы передовым и революционным оно себя ни считало, не дало свободы женщине. Он клеймил лицемерие буржуазии всех стран, у которой пышные слова о культуре, цивилизации и свободе соединяются «с неслыханно подлыми, отвратительно грязными законами о неравенстве женщины», законами о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчин, об унижении и оскорблении для женщины. Он указывал, что только социальная революция освободит окончательно женщин от того домашнего рабства, в котором они находятся при капитализме. Допущенные законодательством Советской власти ко всем отраслям общественной и политической

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 156. Ред.

жизни, женщины должны сами в первую голову добиваться этого освобождения.

Октябрьская революция включила новые миллионы трудящихся в борьбу за социалистическую революцию и сильно подняла активность и сознательность женщин рабочего класса.

Характерно для Владимира Ильича, что такое вполне равноправное отношение к представителям подавляемых при царизме великорусской национальностью народностей и к женщинам пронизывало всю его жизнь. Не только никогда в работе или в личном общении не проявлялось какое-либо пренебрежение к лицам другой национальности, какое-либо великорусское чванство, которое было так широко разлито повсюду при самодержавии, но Ильич осуждал и в печати тех «культурных» людей, которые, стоя как будто на почве полного равноправия национальностей, не прочь в шутку назвать «князьком» татарина или «иерусалимским дворянином» еврея. И он особо отмечал большую настойчивость и выдержку в борьбе, свойственную революционерам-евреям.

Также и по отношению к женщинам он был совершенно чужд свойственной и до сих пор многим очень передовым людям снисходительной покровительственности к «слабому полу». Никакой тени мужского превосходства не чувствовалось никогда в тех распекациях, которые приходились от него на долю товарищей-женщин за те или иные недочеты в работе. Вспоминаются, наоборот, некоторые чисто товарищеские, проникнутые уважением отзывы его о работе некоторых женщин. Такое чисто товарищеское отношение Ильича испытывали на себе и все работавшие с ним. Многие помнят, как чутко входил он в их настроение при каких-либо тяжелых переживаниях. Его строгость и суровость в требованиях по работе никогда не оскорбляли, потому что в них не было ничего личного, никакого важничанья, потому что каждый работник чувствовал, что они вызываются интересами дела, которое для Ильича выше всего, которому он предан весь без остатка; даже ошибочное в тот или иной момент осуждение не было обидным: не было места таким мелким чувствам при свете того идеала, которому была посвящена вся жизнь Ленина и который просвечивал во всяком, самом незначительном его поступке. Кроме того, все знали, что, распекая других, к самому себе он был строг неумолимо. Его трудоспособность, его исполнительность во всяком взятом на себя деле не имели себе равных. Как известно теперь, именно эта страшная напряженность его в работе и сломила его так скоро.

В последние годы жизни Владимира Ильича его сильно волновали дискуссии и оппозиционные течения в партии.

Зимой 1920 года, перед X съездом, горячие дебаты в партии вызвала точка зрения Троцкого на профсоюзы. Это было осью, на которой вертелись все споры на X съезде. Троцкий, который работал сначала в Наркомвоенморе, а затем на транспорте, чересчур увлекся администрированием, что было ему вообще свойственно. Он выдвинул проект как бы военизирования профсоюзов, с тем, между прочим, чтобы давались точные указания, какой процент рабочих должен входить в органы управления. Ленин возражал, что требование это насквозь бюрократическое, что это немарксистский подход к такому широкому вопросу, ибо не принимаются во внимание особенности момента, реальный учет сил. «Троцкий считается, — говорил Ильич, — больше с руководящей незначительной головкой рабочих, он забывает интересы масс». Владимир Ильич указывал, что главной задачей профсоюзов является школа коммунизма — втягивание в понимание коммунизма, в сознательное отношение к нему все больших и больших масс пролетариата, что это постепенное свободное нарастание сознательных коммунистов из среды рабочего класса одно только является гарантией того, что диктатура пролетариата удержится у нас. Он считал, что ничего, кроме вреда, из предлагаемого «политического дерганья» пролетариата не выйдет и что если Троцкий будет настаивать на своей ошибке, то это поведет к расколу в партии. Ленин, как и всегда, принимал во внимание интересы всего пролетариата, широких масс, взаимоотношения с крестьянством. Очень горячая дискуссия длилась несколько месяцев; точка зрения Ильича победила, и на X съезде была принята резолюция в его духе.

Эту дискуссию Ленин называл «непомерной роскошью». Она отвлекла нас от злободневных жизненных вопросов в область ненужных, оторванных от жизни споров и облегчила этим кронштадтское восстание.

В этом вопросе, сначала под прикрытием «буферной» позиции, а потом целиком на стороне Троцкого стоял и Бухарин.

Перед X съездом в партии, в числе других, выявилась еще одна группировка — так называемая «рабочая оппозиция». Но создателями ее были не рабочие от станка, а, наоборот, интеллигенты, как т. Коллонтай, изложившая программу этой группы. Ленин объяснял на X съезде, что группировка эта является проявлением мелкобуржуазной стихии, вообще еще очень сильной в нашей стране, особенно же в данное время, когда под влиянием неурожая и разорительных войн сильно ухудшилось положение масс. Практически эта линия вела бы к перевесу мелкобуржуазной политики над пролетарской и явилась бы полным разрывом с марксизмом и коммунизмом. И X съезд поста-

новил, что с этими идеями следует вести борьбу и что они несоместимы с принадлежностью к РКП.

Относительно экономической политики партии Ленин указывал с первых же лет на необходимость перевести хозяйство страны на рельсы крупной промышленности. Особенно отмечал он значение электрификации, которая одна сможет поставить нашу отсталую страну на один уровень с наиболее промышленно развитыми и культурными.

«Без плана электрификации мы перейти к действительному строительству не можем,— говорил он.— Лишь тогда сможем мы пересечь, выражаясь фигурально, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя...»

В связи с планом электрификации и развития крупной промышленности стоит и кооперативный план Ленина. Он говорил, что кооперация, на которую мы прежде, при царизме, смотрели свысока, как на штопанье дыр, в то время как на очереди дня стояла политическая, классовая борьба, теперь, когда государственная власть находится в руках пролетариата, связанного с миллионами крестьянства, приобретает совсем другое значение. Теперь, по словам Ильича, «в ней заключается все необходимое для построения полного социалистического общества». Он указывал, что в ожидании мировой пролетарской революции надо, удерживая всю крупную промышленность в руках государства, строить социализм в одной стране. Таким образом, говорил он, с одной стороны, допуская до известной степени существовать частный капитал, мы будем и наступать на него до тех пор, пока взрыв революции в других странах и поднятие крупной промышленности в нашей стране не даст нам возможности перейти снова решительнее к коммунизму.

ГЛАВА XII

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Колоссальная перегруженность Владимира Ильича работой начала сказываться на его здоровье: он стал страдать головными болями и бессонницами. Врачи находили сначала лишь общее переутомление и рекомендовали продолжительный отдых. Но воспользоваться таковым не давали Владимиру Ильичу как условия существования РСФСР, требовавшие напряженной работы от правительства, так и его собственный характер —

строгое отношение к себе, ко взятым на себя обязанностям, ежеминутная забота о том, как все обстоит в государстве, неумение отвлечься вполне, отдохнуть; он сам жаловался, что на прогулках думает все о тех же делах. И болезнь стала прогрессировать. 25 мая 1922 г. его постиг первый удар. Полный отдых и внимательное лечение поставили его на ноги к осени, и с октября того же года он вернулся к занятиям. Хотя сравнительно с прежним они были сильно сокращены, Владимир Ильич только около двух месяцев смог выдержать их. В середине декабря он слег окончательно. В эти месяцы, до марта, он получал еще, хотя и в самых общих чертах, осведомление о делах и диктовал секретарю свои последние статьи: «О Рабкрине»¹, «Лучше меньше, да лучше»², «О кооперации»³, о работе Наркомпроса.

В марте с ним произошел второй удар, лишивший его способности речи, которая, несмотря на усилия врачей и на то, что физически Владимир Ильич за лето поправился, не возвращалась уже до самой кончины — 21 января 1924 г. в 6 ч. 50 м. вечера. Смерть наступила почти внезапно, ничто не предвещало такого близкого конца. Вскрытие обнаружило полную изношенность артерий мозга, в то время как общий атеросклероз отмечался у Владимира Ильича лишь в умеренной степени.

Тело его было набальзамировано и положено в мавзолей на Красной площади.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Из этого краткого биографического очерка видно, что активная, связанная с нашей партией жизнь Ленина продолжалась около 30 лет — с 1892 по 1922 год.

Значение Ленина состояло в том, что он явился лучшим выразителем и вождем пролетариата в ту 30-летнюю эпоху в жизни нашей страны, когда она из отсталой, полукрепостнической, задавленной произволом самодержавия совершила крутой подъемный путь через три революции — сначала к буржуазной республике, а затем к пролетарской, в которой роль Ильича

¹ Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии). — Полн. собр. соч., т. 45, с. 383—388. *Ред.*

² См. там же, с. 389—406. *Ред.*

³ См. там же, с. 369—377. *Ред.*

была особенно велика. Он явился главным руководителем и строителем Советской власти — совершенно новой, не имевшей precedентов в мировой истории, в течение первых пяти, самых трудных лет ее существования.

Выдающиеся люди, вожди своей эпохи, определяются тем, что они наилучше понимают дух ее, наиболее сильно проникнуты ее идеалами и ее задачами и наиболее цельно, твердо и неуклонно проводят их в жизнь. Все эти качества мы находим в личности и характере Ленина, в его работе и борьбе за эти 30 лет.

В эту эпоху Ленин вступил уже с вполне проработанным и усвоенным методом Маркса, основательно ознакомленный с его теорией, являющейся самым передовым учением переживаемой нами исторической полосы. Идеал конечного освобождения пролетариата от ярма капитализма, идеал Маркса стал на всю жизнь идеалом Ленина. И вместе с тем Владимир Ильич проник наиболее глубоко в ту особую ситуацию, которую представляла собою наша страна в цепи окружающих ее, и в положение трудящихся в ней. Одаренный большим политическим чутьем, умением правильно понимать объективное положение вещей, угадывать настроение масс и учитывать всю сложность как национальной, так и международной обстановки, Ленин как бы олицетворил в себе все то передовое и высшее, что представляла собою эта эпоха по сравнению с предыдущей.

Ленин развил и продвинул вперед учение Маркса на основе анализа новой эпохи, эпохи империалистских войн, пролетарских революций, решающих битв между трудом и капиталом в международном масштабе. Поэтому ленинизм стал величайшей мировой исторической силой, приводящей в движение миллионные массы пролетариев, эксплуатируемых крестьян, колониальных рабов.

Глубина понимания исторической обстановки и роли пролетариата в ней, проявленная Лениным, определила и будет еще долго определять тактику коммунистических партий всех стран, объединенных и объединяющихся в Коминтерне. Поэтому понимание духа, проникновение в суть учения Ленина необходимы для правильного руководства им не только в различных, часто очень запутанных и сложных национальных и международных условиях, но и в обыденной жизни и борьбе для всякого коммуниста, не желающего только «клясться словами учителя», но действительно с пониманием и убеждением следовать его учению. А для этого надо изучать вдумчиво и серьезно как его сочинения, так и историю его работы и борьбы, то есть историю нашей партии.

4

Надо также научиться подходить ко всякому вопросу диалектически, то есть в процессе жизни и борьбы, как по духу учения Карла Маркса подходил всегда Ленин, ибо всякий вопрос в различной обстановке, в разное время и при различном соотношении сил приходится решать различно, как видно даже и по этому краткому очерку жизни и деятельности Ленина...

*А. И. Ульянова-Елизарова.
В. И. Ульянов (Н. Ленин).
Краткий очерк жизни
и деятельности.
М., 1934, с. 5—104*

ПЕРВАЯ ПОДРУГА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

В этом году исполнилось 40 лет со дня смерти сестры и первой подруги Владимира Ильича — Ольги Ильиничны Ульяновой¹.

Ольга Ильинична родилась 4 (16) ноября 1871 года и была самой близкой по возрасту к Владимиру Ильичу, росла, так сказать, в паре с ним (в нашей семье дети росли по парам). Миниатюрная и худенькая, она легко досталась матери при появлении на свет. И можно сказать, что и во всю свою короткую жизнь она как с физической стороны — болела меньше всех из детей, так и в воспитательном отношении причинила наименьше забот и огорчений. Относительно последних было бы правильнее сказать, что и вообще никаких не причинила. Она рано начала ходить, так что догнала в этом искусстве старшего ее на полтора года брата Володю. Во всех играх и забавах она не отставала от него, и они росли неразлучно. Бойкая и живая, она в раннем детстве всего больше не любила час отправки спать, ревела при этом и уверяла, что она никогда не спит, а только лежит с закрытыми глазами. Обладала несколько мальчишеским характером, то есть любила шумные игры и беготню и не отставала от брата в лазаньи по крышам или по деревьям, являясь домой измазанной или с половиной рукава на новом платье.

Четырех лет, подле брата Володи, выучилась она совершенно незаметно для взрослых читать и очень полюбила чтение. Читала она вместе с братом те книжки для детей и для школ и детские журналы — «Семья и школа», «Детское чтение», которые получались ее отцом — директором народных училищ Ильей Николаевичем, и чрезвычайно легко заучивала наизусть стихотворения, которые говорила всем, кто ее попросит, очень

¹ Ольга Ильинична Ульянова скончалась 8 (20) мая 1891 года. Воспоминания Анны Ильиничны написаны в 1931 году. *Ред.*

охотно вслух. Так, в возрасте пяти лет она говорила наизусть такое длинное стихотворение, как «Сказка о воробье, который делал в жизни все, что мог», или такое серьезное, как «Колыбельная песня». Характерно для нее, что заучивала она их по собственному выбору, вполне сознательно предпочитая такие стихотворения с содержанием чисто детским сказочкам и побасенкам. В детской литературе того времени отражалось общее настроение: поэзия разночинцев, сознание долга перед народом, одним словом, то жертвенное настроение, для которого так характерна сказка о воробье. Об этом стихотворении и впечатлении, произведенном им на него в детстве, говорит в своих воспоминаниях и наш приблизительный ровесник — В. Вересаев.

Учение шло у Оли очень легко и успешно. Читая все книги для школ, она прочла между прочим, в возрасте шести-семи лет «Русскую историю» в картинах, причем без всякого давления на нее с какой-либо стороны, запомнила имена всех древних русских князей и царей в их последовательности, то есть то, что составляло тогдашнюю историю для школ. Восьми лет она поступила в ближайшую начальную школу, где проучилась только одну зиму в третьем, то есть последнем, отделении, — больше ей там делать было нечего. И в эту зиму она выделялась по способностям и начитанности среди более старших подруг. Оля охотно ходила в школу и была огорчена, что пришлось оставить ее. В младшие классы гимназии, вследствие плохой постановки преподавания там, ее решили не отдавать, а подготовить прямо к IV классу, куда она и поступила, позанимавшись пару лет со старшей сестрой, причем большую часть работ проделывала самостоятельно, осенью 1883 года, то есть на двенадцатом году. Переходила она из класса в класс неизменно с первыми наградами и кончила курс пятнадцати с половиной лет с золотой медалью в 1887 году, в один год с Владимиром Ильичем.

Отношения с подругами за все время прохождения курса были у Оли исключительно хорошие: она охотно помогала им во всех школьных работах и по своему характеру была общей любимицей.

В семье она была любимицей старшего брата, Саши, с которым у нее было много общего в характере и натуре: гармоничность, ровность, смелость, особенно ярко выраженное чувство долга, выдающаяся трудоспособность и любовь к занятиям. Многими чертами характера походила она и на мать: такая же ласковая, приветливая, бодрая, умеющая постоянно быть занятой. Как мать, она очень любила музыку, пение и клала много труда на изучение ее. Но не унаследовала выдающихся способностей матери к музыке. „Как жаль, что у Оли способности к музыке небольшие”, — говорила мать, когда Оле было 15—

17 лет, — "как многого могла бы она достигнуть при ее усидчивости". Но и при этих ее, небольших, как считала мать, способностях Оля достигла в музыке больше, чем кто-либо из нас, и играла трудные классические вещи. Одна также из нас обнаружила она недурные способности к рисованию, и рисунки ее выделялись в гимназии.

Способности к языкам у нее были тоже хорошие. Кроме французского и немецкого, по которым она шла прекрасно в гимназии, она при своей огромной усидчивости усвоила за два года между окончанием гимназии и поездкой на курсы английский язык, по которому брала уроки в Казани, и совершенно самостоятельно шведский — для поездки в Гельсингфорс и слушания там лекций по медицине. Со шведского она делала и переводы мелких рассказов.

Читала Оля много, серьезно и чрезвычайно продуктивно. Этой продуктивности ее чтения прямо удивлялся В. В. Водовозов, у которого она брала в Петербурге книги для чтения. Сохранились некоторые ее конспекты по прочитанным книгам, сохранились ее тетрадки, где она отмечала, сколько страниц прочла по тому или иному предмету, по той или иной книге. Этой серьезностью и требовательностью к себе, этой глубиной в подходе к каждому вопросу она также очень напоминала брата Сашу.

Гибель брата Саши произвела на нее потрясающее впечатление. Тетя, сестра матери ¹, приехавшая по телеграмме последней к меньшим детям из Казани, рассказывала, что Оля испугала их, упав при тяжелом известии с рыданиями на землю, а потом вскочив с громкими угрозами царю. Одна из подруг по гимназии пишет в своих воспоминаниях об Оле, как с ней сделалось дурно вскоре после этого на какой-то торжественной панихиде в гимназии, но в общем выдержка у Оли была большая, и матери она своего расстройства не показывала.

Несомненно, что Ольга Ильинична была бы горячей революционеркой, а при ее способностях, глубоком и серьезном отношении к делу и больших уже и в молодые годы знаниях, а также цельности натуры и очень полезным и нужным в революции человеком. Но жизнь ее прервалась на двадцатом году: поехав осенью 1890 года на Высшие женские курсы в Петербург, она весной 1891 года заболела брюшным тифом, который в плохой больнице — Александровских бараках — осложнился рожей. Ольга Ильинична умерла 8 мая 1891 года, по странному стечению обстоятельств в тот же день, как за четыре года перед тем погиб на виселице ее старший любимый брат — Александр Ильич.

¹ Анна Александровна Веретенникова. Ред.

На курсах, как и в гимназии, Ольга Ильинична пользовалась также большой любовью подруг, служила как бы связующим звеном между ними, и наиболее близкие к ней — Якубова, Невзорова, Торгонская — говорили, что, встречаясь и после многих лет, они всегда вспоминали Ольгу, так много давшую им в тот единственный год, который она провела вместе с ними. Помогала она им и в занятиях, уже больная, объясняла им по химии к экзамену. Сама она сдала прекрасно этот экзамен и написала домой 8 апреля: «Ровно через месяц выезжаю домой».

Неудовлетворенная петербургскими курсами, Ольга Ильинична собиралась на следующий год ехать изучать медицину за границу. Несколько сохранившихся ее писем к гимназической подруге¹ и к Владимиру Ильичу показывают глубину и серьезность ее запросов и большой интерес к общественным наукам.

*Печатается впервые
по машинописной копии*

¹ Имеется в виду А. Ф. Щербо. *Ред.*

•

ТАЙНА ШАХМАТНОГО СТОЛИКА

Шахматный столик для партий вчетвером с потайным выдвигающимся плоским ящиком служил хранилищем для нелегальных рукописей, писем и печатных материалов в нашей семье. Заказанный по рисунку, сделанному моим мужем, Марком Тимофеевичем Елизаровым, в 1900 году в Москве, он исколесил вместе с нами всю Россию, передвигаясь в Самару, Киев, Петербург, Саратов, Вологду, опять в Петербург и снова в Москву.

Первоначальная идея столика принадлежала Владимиру Ильичу, который со времени своего переезда в Петербург осенью 1893 года и начала нелегальной работы развивал мысль о необходимости каждому иметь у себя какое-нибудь потайное хранилище для нелегальщины. «Например,— говорил он,— круглый столик с выдолбленной ножкой».

В 1894—1895 годах он осуществил этот план, заказав в Петербурге через товарищей-рабочих, участвовавших в организации, такой столик. Его единственная толстая ножка, от которой шли, как обычно, три расходящиеся короткие ножки, была выдолблена. Точеная пуговица, которой оканчивалась ножка, отвертывалась, и в отверстие можно было засунуть довольно большой сверток.

Столик выдержал свой первый экзамен в ночь ареста Владимира Ильича 9 декабря 1895 года. Полиция не проникла в его тайну, и ничего нелегального поэтому у Владимира Ильича взято не было. Он перешел затем во владение Надежды Константиновны и у нее оправдал себя, будучи перевезен ко мне ее матерью после ее ареста 9¹ августа 1896 года с содержимым: с переписанной частью объяснений к программе социал-демократической партии, которые Владимир Ильич посылал из тюрьмы написанными молоком между строк книги.

Продолжая работу по расшифровке и переписке объясне-

¹ Н. К. Крупская была арестована 12 (24) августа 1896 года. *Ред.*

ний, я также перед каждой ночью начинала результатами своей работы ножку столика, а законченные главы относила А. Н. Потресову, который передавал их в какую-то надежную квартиру. Так поступила я и с последним свертком переписанного, опустошив столик. Через пару дней мы должны были уехать с матерью на рождественские праздники в Москву, к остальной части семьи. Накануне или в день отъезда ко мне пришла А. М. Калмыкова и сообщила об аресте Потресова. Но программу, сказала она, он успел передать в верное хранилище. Помнится, что я говорила о столике Александре Михайловне¹. Но куда он попал и дальнейшая судьба его мне неизвестна. Правда, он дал уже трещину от торопливо ввертываемой пуговицы и нуждался в ремонте.

Большим неудобством хранилища этой конструкции было то, что для вкладывания в него рукописей приходилось всякий раз переворачивать столик ножкой кверху. И вот муж мой надумал другую конструкцию, которая была осуществлена в шахматном столике. Тут приходилось вынимать только один ящичек, и дело шло так быстро, что иногда мы вкладывали кое-что уже после ночного звонка, возвещавшего о прибытии «гостей». Но обычно, не дожидаясь ночи, очищали при помощи столика квартиру. И постоянно в потайном ящике что-нибудь да хранилось.

Этот столик выдержал еще более длительный экзамен. С 1902 года, когда были арестованы в Москве Марк Тимофеевич и Мария Ильинична, до февраля 1917 года, когда была арестована перед самой революцией я, ни разу, ни при одном из всех обысков, которым подвергалась наша семья, столик не выдал себя. Нас спрашивали иногда о содержимом его ящичков, мы приносили ключи и, как бы для проформы порывшись в наполнявших их разноцветных шахматах, ящики задвигали вновь и переходили к столам, содержавшим книги и бумаги.

Не раз было, что столик выручал нас от серьезных последствий. И он, можно сказать, спас меня и сестру Марию Ильиничну от каторги в Киеве в 1904 году, когда в его потайном ящике хранился весь архив ЦК, выбранного на II съезде партии в 1902² году. Никаких данных против нас, кроме шпионских показаний, не оказалось, и мы были освобождены через полгода до окончания дела.

Последней перед революцией зимой 16—17 года у меня было на Широкой улице три обыска. Столик не вызвал, как и раньше,

¹ А. М. Калмыкова. *Ред.*

² II съезд РСДРП проходил 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 года в Брюсселе и Лондоне. *Ред.*

ни малейшего подозрения, сохраняя и революционные листки местного происхождения, и номера заграничной газеты «Социал-демократ», и переписанные с химических чернил письма Ильича ко мне, к некоторым товарищам, в ЦК и в ПК партии, и черновики ответных ему писем. Переписка шла у нас с Ильичем без перерывов до самой революции.

Поистине столик заслужил себе пенсию! ¹

Для хранения нелегальщины в небольших размерах — писем, адресов — имелись у нас и другие хранилища: папки и книжные переплеты из двойных листов картона, удобные также для перевозки; книжная полочка у сестры с полыми досками, крышка на кухонное ведро, зеркальце с выдолбленной задней доской.

В переплетах же книг, нот, альбомов получали мы из-за границы номера «Искры», «Вперед», «Пролетария» на специальной тонкой бумаге. Вклеивались эти номера в картон гра-
вюр.

Огонек, 1964, № 33, с. 9

¹ В 1927 году Анна Ильинична передала этот столик в Музей Революции. Сейчас он экспонируется в Центральном музее В. И. Ленина. *Ред.*

К СТАТЬЕ г. В. НАЗАРЬЕВА «ИЗ ВЕСЕННИХ ВОСПОМИНАНИЙ ЧЛЕНА СИМБИРСКОГО УЕЗДНОГО УЧИЛИЩНОГО СОВЕТА»

Так как я не живу в Симбирске и не получаю «Симбирские губернские ведомости», то статья г. Назарьева «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета», помещенная в упомянутой газете в № 30, 31, 32 и 33 (за 1894 год.— *Ред.*), попала мне на глаза только недавно благодаря внимательности некоторых лиц, близко знавших покойного отца моего, Илью Николаевича Ульянова, которому, главным образом, посвящены «Воспоминания» дошедших до меня четырех (30—33) номеров «Симбирских губернских ведомостей».

Мне приятно было прочитать верную действительности оценку общественной деятельности отца моего, не изгладившейся еще, надеюсь, из памяти и еще многих симбиряков, его сослуживцев и сотрудников.

Но если такую характеристику ближе всего сделать людям, на глазах у которых проходила эта неутомимая деятельность или которые хоть отчасти, хоть временно являлись пособниками в ней, то оценку человека с точки зрения его отношений к семье и к детям можно также делать только лицам, действительно близко знавшим его с этой стороны.

Г. Назарьев бывал довольно редко у нас в доме, мало видел отца в семье и, как видно из указанной статьи, мало знал отношение его к нам, его детям, — и вот в эту-то, правда, небольшую часть его статьи я и считаю долгом внести свою поправку.

Г. Назарьев говорит в № 32 «Симбирских губернских ведомостей», что занятый по горло педагогической деятельностью отец мой «не знал, что делалось в семье, как и чем занимались дети».

Это совершенно неверно.

Конечно, сложное и серьезное дело позволяет человеку, строго относящемуся к своим обязанностям, да еще и любящему это дело, уделять семье немного сравнительно времени, но из этого не следует еще, чтобы он совсем забывал о ней. Может быть, тем больше придется удивляться его энергии и неутоми-

мости, но факт тот, что воспитание детей проходило под его главным и неусыпным надзором.

И как мог бы, с другой стороны, такой горячий и верующий педагог, каким выставляется мой отец в статье г. Назарьева, оставить без внимания воспитание собственных детей?!

Разве это не внутреннее противоречие, если бы даже он не был таким любящим отцом? А его и как отца и семьянина помнят еще в Симбирске, наверное, многие. Помнят, наверно, и бывшие по очереди в нашей семье домашними учителями Калашников, Лукьянов и Кабанов.

Отец выбирал нам в первоначальные учителя лучших из питомцев своих педагогических курсов. И они помнят, конечно, беседы и советы отца и постоянный интерес его к нашим занятиям. Позднее эти беседы и совещания проходили с учителями гимназии, со многими из которых у отца были самые дружественные отношения.

Но далеко не один высший надзор принадлежал отцу в деле воспитания. У нас никогда не было репетиторов, и отец рано приучил нас обходиться без них и заниматься самостоятельно; но все же в меньших классах приходилось следить за исполнением наших уроков, что он и делал сам, непосредственно, и сам начал одним летом изучать со старшим братом первые основания греческого языка, который в его время не был еще введен в гимназиях; кроме этого он постоянно, во всех классах разъяснял нам уроки по физике и математике, его специальным предметам, преподавателем которых он состоял более десяти лет и которые излагал очень хорошо. Мы обращались обыкновенно со всем непонятным в уроках к отцу (кроме новых языков, которые мы проходили под руководством матери), и помню, как я нередко сожалела по этому поводу об его отлучках по губернии.

Помню, что он подолгу толковал мне написанную варварским языком грамматику Говорова и имел терпение просматривать в планах или в готовом виде все мои сочинения, я не подавала ни одного из них, не посоветовавшись сначала с отцом. Едва только вернется он, бывало, из разъездов и сядет усталый за самовар, как мы уже окружим его, и он спрашивает нас о занятиях, обо всем из нашей школьной жизни. И ничем нельзя его было порадовать так, как нашими успехами. Но не только занятия в самом тесном смысле слова: отец следил за нашим чтением, он помечал нам лучшие произведения русской литературы, познакомив нас со всеми выдающимися писателями, чем развил, несомненно, наш вкус, так что нас уже просто не интересовали многие из глупых романов, которыми зачитывались тайком наши сверстники.

И все в нем: его речь, сама его личность, проникнутая верой в силу знания и добро в людях,— действовало, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом и на детские души, и мы рано научились признавать необходимость и важность знания.

В летние вакации, когда отец пользовался хотя сравнительным отдыхом (бывали съезды или отчеты), он мог посвящать нам еще больше времени и каждый год брал нас, старших, прокатиться по Волге, что было лучшим нашим удовольствием и предметом далеких планов и разговоров.

Всегда любящий и добрый — слишком добрый, как чувствуется теперь, в более зрелые годы,— во время этих путешествий он бывал особенно заботлив о нас, баловал нас особенно. У меня остались в памяти от того времени некоторые мелочи, полные такой тонкой предусмотрительности, на какую не всякая мать была бы способна. И, доставляя нам массу удовольствия, поездки эти всегда еще теснее сближали нас с ним.

Конечно, все сказанное мною очерчивает слишком кратко и слабо ту роль, которую сыграл в нашем развитии и воспитании отец, но, во-первых, я и не сумела бы выразить достаточно сильно все сделанное им для нас, а во-вторых, и не таково было в настоящей заметке мое намерение,— я хотела только исправить в ней совершенно ложное утверждение г. Назарьева. Я хотела только сказать, что мои детские и ученические воспоминания тесно связаны с образом отца, которого я, чем больше живу, тем больше научаюсь ценить и уважать, не только как общественного деятеля, но и как семьянина,— так же было и по отношению к другим детям, а потому я и вношу эту необходимую поправку в статью г. Назарьева.

Я вполне допускаю, что г. Назарьев придавал, может быть, меньше значения словам своим, что «Ульянов не знал, что делалось в семье, как и чем занимались дети», и хотел только оттенить ими, во-первых, преданность отца делу, а во-вторых, распорядительность и энергию матери; но как бы то ни было, слова эти, совершенно не соответствующие истине и которые он не должен был употребить так опрометчиво (в лучшем случае), дают повод к превратным толкованиям, почему я и прошу редакцию «Симбирских губернских ведомостей» напечатать эту поправку, по возможности, в одном из ближайших номеров¹.

*И. Н. Ульянов
в воспоминаниях современников.
Саратов, 1968, с. 14—18*

¹ Поправка А. И. Ульяновой-Елизаровой к статье В. Н. Назарьева была напечатана в газете «Симбирские губернские ведомости» 15 октября 1894 года.
Ред.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 1925 ГОДА

КНИГИ: ВИЛЬЯМС АЛЬБЕРТ РИС.
ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Альберт Рис Вильямс — американец-литератор, приехавший в Россию вместе с Джоном Ридом в 1917 году, после Февральской революции. Как вместе с Джоном Ридом, так и один он старался войти в самую гущу нашей революции, познать ее движущие силы, соотношение классов, значение и корни большевистского направления не только без всякой предубежденности, которая тогда была преобладающим настроением среди иностранной интеллигенции, но и с искренним и чутким стремлением понять ее, с явным сочувствием к революции, творимой массами. Он не хотел довольствоваться поверхностным, из вторых рук получаемым впечатлением: надевая на плечи котомку, он один, без провожатых, проникал в эти массы, шел в русскую деревню, знакомился непосредственно с нашим крестьянством. Много раз, в разные, имеющие историческое значение моменты — как во время заседания Учредительного собрания или перед заключением Брестского мира — он виделся с Лениным, говорил с ним. Встречал он его и на повседневной, такой безумно трудной вначале работе по строительству и организации, наблюдал отношение к нему представителей разных групп населения и заносил все эти наблюдения в свою записную книжку.

В результате мы имеем живо составленный сборничек воспоминаний, как бы альбом эскизов и силуэтов художника, дающий нам изображения Ленина в разные моменты, в различных позах, под различными углами зрения, сборничек, который восстановит в памяти многих личные воспоминания о тех или иных моментах жизни Ленина.

Конечно, сборник этот, являющийся в значительной степени произведением беллетристическим, носит известный отпечаток субъективизма, без которого немислимы воспоминания, отпечаток взгляда на Ильича человека другой нации, другой культуры, не собрата по партии. Вследствие этого нам в образе Ле-

нина, рисуемом Вильямсом, видятся некоторые неточности, натянутости, порою как бы слишком резко наброшенные чередования света и теней — одним словом, то, что мы, близкие ему люди и товарищи, воспринимали проще и, по-нашему, естественнее. Но зато это образ, отпечатавшийся в восприятии иностранца, искренне подходящего к Ленину, и постольку он дает нам нечто новое, взгляд на него со стороны. Поэтому, исправив некоторые более крупные неточности и преувеличения, выпустив, с согласия автора, некоторые абзацы, мы сочли более правильным оставить как есть все остальное, чтобы не нарушить общего стиля.

Это эскизы, данные иностранцем, а для более точного портрета Ленина нам важны наброски, сделанные с разных сторон.

Но в общем книжка, разошедшаяся в большом количестве экземпляров в Америке, написана живо и увлекательно и прочтется, несомненно, с интересом широкими слоями наших советских читателей.

*Вильямс Альберт Рис.
О Ленине и Октябрьской
революции. М., 1960, с. 29—30*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСПАРТ И НА ЖУРНАЛ «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»¹

Зарождался Истпарт, можно сказать, при мне. Помню, еще осенью 1920 года М. С. Ольминский сказал мне, что нашел себе дело, которое считает необходимым и которое будет под силу ему. А именно: что безусловно необходимо начать теперь же собирать материал по истории партии, как архивный, так и сохранившийся в памяти участников, ибо первый теряется и расхищается вследствие небрежного обращения с ним, а второй исчезает со смертью его носителей, которая теперь, в революционное время, косит людей раньше, чем обычно. Не помню уже, в этот раз или позже, но он сообщил мне, что Комиссия по изучению истории партии Совнаркомом учреждена и он, Ольминский, придумал для нее краткое название: Истпарт. Председателем ее был назначен т. Покровский. Но месяца через два он сам вошел в Совнарком с ходатайством о назначении на место его т. Ольминского.

Моя работа в Истпарте началась с апреля 1921 года. Я никогда дотоле по истории или по архивам не работала, но здесь мне представлялась возможность осуществить собирание материала по делу брата, Александра Ильича, соединить которое с сутолокой административной и строительной работы, я видела, было нельзя.

Но, делая первые шаги для этой работы по розыску документов и собиранию материалов, я вошла в то же время и в общую работу Истпарта — составляла параллельно сборники воспоминаний о тт. Скляренко и Федосееве, а затем начала (с 4 №) принимать участие в журнале Истпарта «Пролетарская революция».

¹ О возникновении Истпарта см. также воспоминания В. В. Адоратского и М. Н. Покровского (Пролетарская революция, 1930, № 5, с. 163—165; № 7-8, с. 138—139). М. Н. Покровский писал, что хорошо помнит отдельные подробности и потому решается «предложить некоторые поправки к рассказу тт. Ольминского и Елизаровой». *Ред.*

Колыбелью Истпарта был Главархив при Наркомпросе. Там, в Ваганьковском переулке, в одной комнате, выделенной из помещения архива, была его первоначальная квартира. Комната была, правда, большая, сотрудников было мало, но все же работать всем в одном помещении было очень затруднительно: и окуривали курящие, и хождение, и разговоры неизбежные. Тут же стоял стол заведующего М. С. Ольминского, происходили его приемы, его инструктаж. Еще при той строгости и выдержке в работе, которые вносил, проводя их сам, т. Ольминский, при его скупости на слова, дело могло, хотя с трудом, идти, но без него, во время его болезни и при увеличивающемся числе сотрудников помещение становилось уже прямой преградой к дальнейшей работе.

Сначала был выделен журнал, для которого была отведена комната неподалеку, на Воздвиженке. Заведование им было поручено мне. Приходилось бегать по нескольку раз в день на Воздвиженку, так как всю работу перенести в ту каморку было нельзя, или ко мне и т. Лепешинскому прибегал за инструктажем, за справками секретарь «Пролетарской революции» Злинченко. В результате не могла идти сносно ни общая работа Истпарта, ни работа его журнала. Секретарь редакции не отличался оседлостью и заявлялся часто к т. Лепешинскому с бесконечными разговорами, мешавшими заниматься всем остальным. Приводил он с собою нередко и разных авторов, которые все чаще стали сыпаться в Истпарт с предложением разных изданий и, понятно, не останавливались перед потоками красноречия в своем стремлении доказать ценность своих сочинений и родственность их по духу с идеями и целями Истпарта. Помню, что один автор, особенно торжественно приведенный к нам секретарем редакции и особенно горячо и многословно доказывавший преимущества своего труда, начинавшего исследования с Лапласа и с истории земли, привел меня окончательно в отчаяние, и я, попросив Злинченко вернуться к опустевшей редакции, излила свою полноту чувств в виршах, посвященных т. Лепешинскому.

Самым важным шагом, поставившим Истпарт сразу на прочную почву, был перевод его из Наркомпроса в ЦК нашей партии. Ввиду серьезного значения этого перехода для всей будущей работы Истпарта я описываю его, насколько сохранилось в моей памяти, подробнее.

Мне с самого начала казалось странным, да и кое-кто из товарищей отмечал это, что Комиссия по истории партии состоит при Наркомпросе, который находился еще в периоде организации и был завален и без того — особенно в тот период стремления его к расширению своей деятельности — массой учреж-

дений. Вступив в работу, я увидела, во-первых, что никакого руководства со стороны Наркомпроса не было, а во-вторых, что при малой авторитетности его на местах вообще, при еще меньшей авторитетности для мест такого его отдела, который находился и у Наркомпроса где-то на отшибе, в хвосте архива, мы бессильны бороться с небрежным и преступным часто обращением с документами по провинциям. А вследствие этого мы бессильны осуществить одну из основных наших задач: собирания и сохранения материала для будущих историков нашей партии. Я увидела тогда ясно, что Истпарту придется лишь хиреть, что ему не удастся осуществить ни одной из поставленных им перед собой задач, если он не выйдет решительно из этих условий, сковывающих всякую его деятельность и всякую инициативу.

Такой выход я увидела только в переводе Истпарта в ЦК партии и повела агитацию за это. Но хотя некоторые товарищи, в том числе и т. Покровский, соглашались, что, опираясь на ЦК, Истпарт был бы много авторитетнее и не случилось бы такого безобразного отношения к документам, о котором мы получали донесения с мест, но тем не менее коллегия Истпарта стояла более или менее прочно на той точке зрения, что Истпарт должен быть советским учреждением и, как таковое, должен находиться при Наркомпросе, а не при ЦК нашей партии.

Тов. Ольминский, кроме того, указывал мне, что худшее материальное положение сотрудников (их жалованье при архиве было прямо мизерно, пайков не давалось) является некоторой гарантией того, что идут на работу люди только по идейным соображениям и учреждение наше, можно сказать, застраховывается от карьеристов. Я никоим образом не могла согласиться с таким идеалистическим подходом и указывала, что нам и квалифицированные работники нужны, которых мы на то мизерное вознаграждение не найдем; и что те, которых мы имеем, должны будут отвлекаться на другую подсобную работу; да и надлежащего размаха мы не сможем придать работе. А главное, мы не сможем собрать и спасти от уничтожения те ценные документы по истории партии, которые имеются в различных учреждениях на местах. Узнав, что тт. Покровский и Адоратский стоят за оставление Истпарта при Наркомпросе потому главным образом, что против перехода его в ЦК высказался Владимир Ильич, я пошла к нему побеседовать на эту тему.

Владимир Ильич и после того, как выслушал все мои доводы, сказал, что он остается при своем прежнем мнении, так как считает, что ЦК не должен распухать разными учреждениями, которые могут функционировать как советские.

«Но,— прибавил он,— ведь не я один решаю в Оргбюро. Наоборот, я часто и не бываю там совсем, и 90% дел проходит там без меня. Если вы считаете, что так лучше для работы, то идите туда и мотивируйте,— может быть с вашим мнением и согласятся. Вы работаете, вам виднее».

На следующем после того заседании коллегии, когда т. Ольминский поставил по моему предложению этот вопрос, он был встречен общим молчанием. На заседании этом кроме Покровского помню тт. Адоратского, Савельева, Аросева, Подвойского и еще некоторых других.

На повторный вопрос председателя т. Покровский сказал, что ведь против такого перехода высказывается Владимир Ильич. Тогда я взяла слово и рассказала о своей беседе с Ильичем, прибавив: «Он сказал: «вам виднее,— вы ведете работу». Значит, если дело у нас не пойдет, то он нас же обвинит, почему мы не предпринимали ничего, раз были убеждены, что так, как дело поставлено, оно не может идти хорошо».

Этот довод возымел действие: оказалось, что собственно никто не против перехода. Предложение было принято единогласно. Тов. Ольминскому было поручено переговорить по этому вопросу с т. Сталиным, непосредственно ведавшим работой агитпропа ЦК. Эта стадия была тоже пройдена чрезвычайно быстро. Не успел т. Ольминский изложить, в чем дело, как Сталин воскликнул: «Ну, конечно, Истпарт должен быть при ЦК, где же ему иначе быть?»

Но всего быстрее был пройден последний этап — отчисление от Наркомпроса. Когда заговорили об этом с заместителем Луначарского Литкенсом (задача, взятая на себя, насколько я помню, т. Покровским), тот сделал большие глаза и спросил:

— А разве такой отдел был в Наркомпросе?

И я говорила потом, что все дело произошло с такой же легкостью, с какой рухнул трон Николая II.

Истпарт начал понемногу вставать на ноги и жить.

Прежде всего он получил особую квартиру, правда маленькую, но возможно стало все-таки произвести некоторую разбивку в работе и даже завести свою машинистку.

Журнал приобрел ценного секретаря в лице т. Лелевича.

Большие затруднения в его работу вносила неналаженность издательского аппарата. Слабая работоспособность государственных типографий проявлялась в невероятных задержках и медленности печатания. Сборник «От группы Благоева к Союзу борьбы», сданный в печать в сентябре 1920 года, был направлен Госиздатом для печатания в Ростов-на-Дону, но там рукопись затерялась, так что через год ее пришлось восстанавливать.

Так же обстояло дело и с первыми книжками журнала Истпарта «Пролетарская революция», который начал выходить в 1921 году, но которого, из-за той же неналаженности Госиздата, удалось выпустить в этом году лишь две книжки, третья книжка 1921 года увидела свет лишь в 1922 году.

Задачи Истпарта отмечены в передовой статье № 1 «Пролетарской революции» т. Покровским. Он говорит, что лишь теперь, когда государственные архивы — наши архивы, можем мы поставить изучение истории на действительно научную почву. И мы должны взяться за это. Должны мы также иметь журнал, посвященный специально рабочей революции в России, в который должны входить все документы по истории РКП и документы других партий, поскольку в них отразилось рабочее движение, и документы рабочего движения беспартийного, как организованного, так и неорганизованного. Конечно, более крупные и характерные. А затем и сводки и статьи на основании их.

Но, обращая самое серьезное внимание на собирание, освещение и сводку документов, мы, конечно, отнюдь не хотим, говорит дальше т. Покровский, превратить наш журнал в какой-то казенный, архивный. Мы зовем, наоборот, всех товарищей, интересующихся нашей пролетарской революцией, всех переживших ее и принимавших в ней то или иное участие, к содействию нам, к записи того, что осталось в их памяти, к ознакомлению с ним нашей партии. Мы считаем, что только их помощь может дать нам тот психологический фон и ту связь, без которой многие документы могут быть не поняты или поняты неправильно. Истолковать букву документа могут лучше свидетели его возникновения, чем люди, не пережившие эпохи, вызвавшей его, ее особенностей, ее настроений. В этом большая ценность воспоминаний. И если нам говорят, что в воспоминаниях много субъективного, отрицать чего, конечно, нельзя, то следует указать, что субъективный момент вносится и теми историками, которые, не будучи знакомы непосредственно с описываемыми событиями, вынуждены связывать их собственными предположениями. Эти догадки людей другого времени, другой среды могут быть очень неверными, дающими совсем ложное освещение событий.

Из этого видно, что кроме документов для истории важны воспоминания участников и только комбинация того и другого дает наилучшие результаты. Кроме того, лишь при наличии того живого материала, который дают воспоминания, исторический журнал может стать интересным не только для спецов, а для широких слоев нашей молодежи — рабочих, студентов, которым мало давать документальные научные данные, которых

надо вводить в описываемую эпоху, в ее переживания, чтобы помочь им всесторонне понять ее. Лишь при осуществлении этого требования журнал сможет стать действительно полезным пособием для наших лекторов по истории.

На этот путь, намеченный первой коллегией Истпарта, и встал журнал «Пролетарская революция».

Конечно, с самого начала редакция стремилась к некоторой систематизации. Так, в № 1 освещается I съезд нашей партии по воспоминаниям т. Эйдельмана, во втором перепечатка «Письма к товарищам» т. Павловича и дополнения к нему стремятся дать картину II съезда; в № 3 статья Лядова описывает обстоятельно III съезд, а в материалах даются документы, относящиеся к этому съезду. В № 4 нам говорит о IV Объединительном съезде т. Варенцова. В № 5 Л. Б. Каменев пишет о Лондонском съезде 1907 года и помещены материалы из его протоколов и резолюций. В № 6 дается статья о том же съезде т. Гандурина.

Но на этом обзор партийных съездов окончился. О съездах, состоявшихся после революции, давать обстоятельные обзоры было уже много сложнее, и, главное, ответственные работники были так перегружены работой, что совершенно не в состоянии были давать свои воспоминания не только вовремя, но и вообще. И такое большое количество этих ценных свидетельств современников, сошедших за последние годы в могилу, безвозвратно потеряны для истории!

Пришлось считаться с условиями и помещать тот материал, который возможно было достать. Так, были помещены статьи о Северном и Южном рабочем союзе, о подпольных организациях в различных местностях Союза, об эпизодах гражданской войны и т. п.

В 1923 и 1924 годах система проводилась таким образом, что отдельные книжки журнала посвящались тем или иным событиям или тому или иному однородному материалу. Так, № 11 и № 12 за 1922 год были посвящены движению на окраинах (в Польше, Финляндии, Литве и др.); февраль 1923 года — Февральской революции; март — истории партии; апрельский номер — Ленским событиям 1912 года; майский — майскому движению и истории рабочей печати; июльский — июльскому движению 1917 года; август — воспоминаниям и материалам по истории гражданской войны; сентябрьский — юбилею группы «Освобождение труда»; октябрь — октябрьским дням не только 1917 года, но и 1905 года; ноябрь — военным организациям; декабрь — Декабрьскому восстанию.

Этот проспект был выставлен на I Всесоюзном совещании работников Истпарта в апреле 1923 года с просьбой ко всем

товарищам давать своевременно подходящий материал. Но, конечно, вполне точно поступала только часть материала, и книжки приходилось выпускать в более или менее смешанном виде. Тем не менее ряд достижений «Пролетарской революции» был отмечен уже на первом совещании.

Затруднило работу журнала то, что т. Невский, один из членов коллегии, командированный в Питер для того, чтобы укрепить связь с тамошним отделом и организовать поступление архивных материалов в центр, увлекся созданием своего журнала, пользуясь обилием документов департамента полиции. Центральный отдел Истпарта указывал, что нам довольно одного журнала, что при нашей бедности сил и средств нам и с одним не справиться, что, наконец, наличие архивов в Петербурге, а не в Москве есть элемент случайный и они так же хорошо и успешно могут быть использованы и в Москве; но идею второго, питерского журнала поддерживали некоторые товарищи, как Бубнов, Лепешинский, и большинством на совещании он был проведен. Продержался он как центральный, правда, недолго: реорганизация петербургского отдела превратила его в местный журнал.

Кроме издания журнала «Пролетарская революция» Истпартом также были переизданы наши нелегальные газеты «Искра» (до 53 №), «Вперед», «Пролетарий», затем «Правда» 1917 года. Им были опубликованы обширные материалы по 1905 году (к 20-летию юбилею). Были выпущены также и отдельные книги и монографии, как-то: из эпохи «Звезды» и «Правды» три выпуска: «Седьмой съезд РКП», «К 20-летию I съезда партии», «Как зарождалась партия большевиков»; «Техника большевистского подполья»; «Памятник борцам пролетарской революции» (выдержал три издания), хрестоматия «Революция и РКП(б) в материалах и документах» (семь томов) и много других. Кроме того, был издан целый ряд очерков воспоминаний о различных периодах движения. С 1923 года работа Истпарта осложнилась до некоторой степени тем, что был основан при ЦК Институт имени Ленина. Создалось несколько странное положение: такие два родственных учреждения, как Комиссия по изучению партии и Комиссия по изучению Ленина, оказались двумя независимыми отделами при одном и том же ЦК партии.

Конечно, логичнее было бы, чтобы при Комиссии по истории партии, как более широкой по задачам, возникла комиссия по изучению Ленина, которое в отрыве от изучения партии невысказимо. Но вышло не так: институт возник в отдельном, богато обставленном особняке, и, когда я зашла туда раз и тогдашний

секретарь института т. Аросев показал мне возникающий музей, залы заседаний и пр., я сказала ему:

— Ну, интересно, когда Ильич выздоровеет и сможет посетить вас и нас, где он будет лучше чувствовать себя — в вашем дворце или в нашей демократической обстановке?

Ильич не поправился, и никому из нас не выпало на долю услышать его мнение о том, какая организация была бы правильнее.

Но, зная Ильича, можно сказать наверное, что при нем никакое подобное учреждение его имени не могло бы возникнуть. Между прочим, об этом говорит и следующий мелкий факт.

Вскоре после возникновения Истпарта было решено на заседании коллегии основать при нем музей по истории революции, причем возникла неудачная мысль наименовать его музеем имени Ленина.

Тов. Ольминский пошел по этому поводу к Владимиру Ильичу и сказал ему:

— Теперь нам нужен при Истпарте музей Ленина.

Но Ильич рассердился, заявил, что это неприличие, что об этом и думать не следует и т. п.

— Я имел еще неосторожность, — рассказывает т. Ольминский, — возразить: в этом вы ничего не понимаете! — чем только подлил масла в огонь: Владимир Ильич вскипел окончательно, схватил телефонную трубку и позвонил т. Адоратскому, что ни о каком музее своего имени он и слышать не хочет.

Но после его смерти, естественно, на институт его имени, на издание его сочинений было обращено особое внимание; это учреждение встало в привилегированное положение. И две комиссии продолжали существовать, натываясь на вопросы о том, в чьем ведении должны находиться архивы, документы, необходимые и той и другой, вообще на все вопросы и помехи, вытекающие из параллелизма работы.

Ощущались, конечно, все эти помехи больше Истпартом, как находящимся в менее привилегированном положении. Наконец в 1928 году постановлением ЦК Истпарт был соединен с Институтом Ленина или, вернее, влит в него.

При объединении научной работы в реорганизованном Институте Ленина остались от прежнего Истпарта отдел местных истпартов и «Пролетарская революция». Встретил их институт не особенно милостиво, и некоторыми сотрудниками его предложено было даже сократить выпуск журнала до четырех книжек в год. И хотя «Пролетарская революция» просуществовала уже около восьми лет в качестве ежемесячного составившего себе имя журнала по истории партии в СССР, тогдашней

редакции журнала стоило больших трудов сохранить его как таковой при двух двойных книжках в год.

За последние годы собранный материал дал возможность журналу встать на более научные рельсы, как это было намечено еще на I Всесоюзном совещании 1923 года, значительно расширить отдел статей научно-исследовательского типа и принимать воспоминания с более строгим подбором и преимущественно освещающие те или другие малоисследованные моменты движения.

И теперь, заканчивая наш «ретроспективный взгляд», подводя итоги ему, мы можем сказать, что без того материала, который собран в ста номерах «Пролетарской революции», не обойдется, конечно, ни одно историческое исследование пролетарского движения.

*Пролетарская революция,
1930, № 5, с. 156—162*

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК I

[Рецензия]

Очень изящно изданный, на хорошей бумаге, с хорошо выполненными фотографиями — особенно хороши факсимиле писем Владимира Ильича, — сборник этот является, как явствует из предисловия, первым из серии таковых, в которых предполагается опубликовывать «рукописи, письма, заметки и наброски Вл. Ильича».

Из опубликованных в первом сборнике рукописей исключительно интересна и неоценима для будущих биографов записка Ильича «Как чуть не потухла «Искра»¹. Это — его запись и по свежей памяти, через неделю после происшедшего первого раскола с Плехановым, первого резкого разочарования в нем, пережитого очень глубоко Владимиром Ильичем. Это разочарование не только в корне изменило отношение Владимира Ильича к признанному вождю и учителю, но, как совершенно верно говорит в своем предисловии т. Каменев, явилось переломным моментом в жизни Владимира Ильича. Много бурь было в жизни Владимира Ильича. Эта первая буря разногласий между близкими сторонниками и соратниками была одна из наиболее глубоких. На поверхности она не отразилась, на ней царил «мертвый штиль». Никому, за исключением самых близких лиц, решено было не говорить об этой встряске, но, как в море, при кажущемся затишье качка бывает иногда особенно сильной, так же сильна была эта встряска в душе Владимира Ильича.

Уже тридцатилетним человеком, признанным вождем нескольких организаций России и Сибири приехал он за границу. Далекий по своей натуре от того, чтобы выставлять это свое, в сущности, уже большое место в складывающейся партии, свои научные работы, он был полон такого глубокого, такого искреннего преклонения перед старшим товарищем, родоначальником

¹ См.: *Ленин В. И.* Как чуть не потухла «Искра»? — Полн. собр. соч., т. 4, с. 334—352. *Ред.*

нашей партии, которое я редко встречала у молодых, неоперившихся птенцов. Помню, как он писал мне за границу из Сибири по получении через меня хвалебного отзыва о его работах со стороны П. Б. Аксельрода и Плеханова: «Его и Г. В. отзыв о моих работах — самое ценное, что я могу себе представить».

По приезде из Сибири в разгар разногласий между группой «Освобождение труда» и «Рабочим делом» он чрезвычайно категорически брал сторону первой, несмотря на упреки членов местных организаций в «безрукости» «стариков». Обвинения же последних в генеральстве и т. п. Ильичем просто отметались как вздорные.

И вот с места в карьер, без всякого даже достаточного повода, пришлось убедиться в самом нестерпимом, самом грубом и вместе с тем в самом ограниченном генеральстве!

В самом деле, ведь ничего более ограниченного, чем тактика Плеханова по отношению к Владимиру Ильичу и Потресову, нельзя было себе представить.

«Как это может умный человек поступать так глупо!» — воскликнула я, выслушав рассказ брата об этом инциденте тогда же, 30 августа 1900 года.

«Но дурак же ты, если не видишь, что мы теперь уже не те, что мы за одну ночь совсем переродились», — говорит Владимир Ильич в своей записке (Ленинский сборник, с. 44).

«Не будь у нас влюбленности в Плеханова (там же, с. 41), относись мы к нему ровнее... мы не испытали бы такой «нравственной бани»... Это был самый резкий жизненный урок».

Этот урок заставил, несомненно, Владимира Ильича стать более настороженным по отношению ко всем людям. И влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: «Надо держать против каждого камень за пазухой».

И обидно становится за ту глубину дружественных чувств, веры в лучшие свойства человека, которые были разрушены и оскорблены. Для многих и многих рисуются новые стороны Ильича, когда они читают:

«Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения... пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, тут уже нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний» (там же, с. 40).

Как трогательно и юно звучит это «человек нехороший»!

Но если бы мы стали делать выписки, нам трудно было бы остановиться, пришлось бы переписать все произведение, глубоко искренние переживания которого изложены со свойствен-

ной Владимиру Ильичу сжатостью и силой. Отсылая поэтому читателя к самому этому произведению, которое, надеемся, будет перепечатываться, так как познать, почувствовать по нему Ильича можно лучше и глубже, чем по многим и многим статьям о нем и биографическим очеркам его жизни, мы скажем только, что и членов группы, с которой произошла коллизия, группы «Освобождение труда» эта запись рисует с замечательной яркостью и выпуклостью. Прежде всего, конечно, центральная фигура, Г. В. Плеханов, выступает в ней как живой человек со всеми его недочетами. Затем мы видим безграничную революционную преданность вместе с «героизмом раба» В. И. Засулич и, наконец, искренний, но мягкий и бесхарактерный, «не деловой», — «по деловым вопросам П. Б. (Аксельрод. — А. Е.) мало что mitsprechen kann»¹ (там же, с. 33), встает тоже во весь рост. Позднейшие биографы членов группы «Освобождение труда» не смогут обойтись без этих, только попутно даваемых, но таких ярких характеристик.

К сказанному добавим лишь, что сторонник Плеханова, член группы «Социал-демократ», о котором Владимир Ильич говорит на с. 47-й, был не Бауман, как ошибочно указано в сборнике, а Блюменфельд, заведовавший типографией и техникой «Социал-демократа».

Письма Владимира Ильича к А. М. Горькому также в высшей степени интересны. Они раскрывают нам переживания Владимира Ильича в другой, довольно мало освещенный период — в эпоху реакции 1908—1911 годов.

В оболочке личной переписки для нас выступает вся стойкость Владимира Ильича в трудное время второй эмиграции, когда, по его собственному выражению, он попал в Женеву, как в могилу. Из этой могилы он неустанно завязывает вновь разорванные нити, обличает одних, одобряет других все с той же энергией, с той же верой в конечную победу и с тем же мужеством. Письма эти являются ценными добавлениями к его книге «Материализм и эмпириокритицизм», борьбой против религиозных предрассудков в форме дружеской переписки. Масса ценных мыслей разбросана в них. Очень характерна также для Владимира Ильича способность возиться так с человеком, которого он считал полезным для пролетарского дела, класть столько терпения, труда на переубеждение его. Затем в них имеется материал для истории раскола с впередовцами, много характеристик отдельных товарищей, и все это освещается, как зарей, радостным чувством того нового подъема, который вызвал легальную печать — «Правду», «Мысль», «Просвещение».

¹ — Может сказать (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 334. *Ред.*).

Большой и важный период жизни Вл. Ильича отпечатлелся в этих письмах.

Но, соглашаясь с Институтом имени Ленина, что все важно, что касается Ильича, мы никак не можем согласиться с тем фетишистским — не знаем, как иначе назвать это,— отношением к нему, которое проявилось в архивных справках к рукописям и письмам Ильича.

«Второй листок представляет собою оторванную половину листа глянцевиной почтовой бумаги, с резко выраженными мелкими продольными (по тексту) водяными линиями...» На первой странице в левом углу бланк синей типографской краской «Steindl's Wiener Grand Café, Zürich Bahnhofplatz»¹... «Чернила везде одинаково темно-зеленые... Чернила с коричнево-водянистым оттенком, что свидетельствует о том, что они были разведены водой...»

К чему это? Кому это нужно? Сфотографированные экземпляры рукописей приложены,— это хорошо, это дает представление читателю о том, как писал Ильич, это памятка о нем. А кому надо знать, разбавленными или неразбавленными чернилами писал Ильич, в какой лавочке и в клеточку или в полоску покупал он бумагу? А если такие чудачки найдутся, то к их услугам собрание подлинных рукописей в Институте имени Ленина. Всем же прочим надо давать мысли Ильича, их развитие, ту среду, в которой они возникали, то влияние, которое они имели; надо давать биографические черточки о нем, а не подобную идолопоклонническую ерундистику.

Помещенные в сборнике «Основные вехи» для календаря жизни В. И. Ленина нужны. Укажем на некоторые пропуски и неточности в них.

«9. 1887 г. август — замечен полицией в сношениях с революционерами».

Если это указывается на основании полицейских данных, то несомненно, что полиция забегала вперед по отношению к нему, как к брату казненного. Опушено: весной 1890 года получил разрешение сдавать экстерном экзамен при Петербургском университете. (Между прочим, в исторической работе надо оставлять старое название Петербург, иначе придется сказать, что Петр Великий основал Ленинград.)

24. Неверно, что Владимир Ильич читал марксистские доклады в городах Поволжья. Он заезжал в Нижний проездом в Петербург, познакомился с тамошними марксистами, Скворцовым и другими, и читал им свои рефераты. Но это не то, что читать доклады по городам.

¹ «Wiener Grand Café» Штейндля, Цюрих, вокзальная площадь. *Ред.*

26. Весной 1894 года Ильич писал о Михайловском. Другие же две части «Что такое «друзья народа»...» были написаны им раньше, в Самаре.

30. Можно вставить: и для лечения и отдыха после воспаления легких.

33. Неверно, чтобы Ленин предпринимал объезды. В Москве он был у родных по возвращении из-за границы. В Орехово-Зуево ездил вместе со мною и М. Т. Елизаровым для осмотра Морозовской фабрики. У М. Т. был товарищ, служивший на фабрике доктором. Поездка была обставлена как семейная *partie de plaisir*¹. В. И. уходил, правда, конспиративно повидаться в Орехово-Зуеве с местными социал-демократами, как видался с таковыми и в Москве, но нельзя сказать, что предпринимал объезды: в то время для человека с его фамилией это было равносильно тому, чтобы сразу влететь, а В. И. берег свои силы. В Вильне, вероятно, останавливался проездом из-за границы.

48. Н. К. Крупская приехала к Ленину не из Уфы, а прямо из Питера. Она подавала специальное прошение о разрешении отбывать ссылку в Сибири вследствие предполагаемого своего выхода замуж за Владимира Ильича и получила это разрешение, как и З. П. Невзорова, на условии, что, если не выйдет замуж, должна вернуться в Уфу.

56. Надо вставить: получает разрешение выехать за границу и заграничный паспорт.

62. Неверно: мать Ленина ездила специально в департамент полиции просить разрешение для сына съездить до отправки за границу в Уфу к жене и получила это разрешение. В. И. поехал в Уфу вместе со мною и с матерью. Съездить нелегально ему, только что освобожденному из-под ареста, к жене, находящейся под гласным надзором, было бы совсем невозможно.

72. Брошюру «Что делать?» Ленин писал в 1901 году. Помню, как он рассказывал мне о ней, о ее плане весной 1901 года, когда мы уходили с ним вечером побродить по улицам Мюнхена, а потом заходили в какой-нибудь трактирчик выпить пива; помню, как он убежал от Мартова, от всех разговоров, потому что находился в периоде творчества.

84. К Ленину ездило из России много товарищей, происходило много имевших значение для партии переговоров. О всех них не упоминается, а приезд охранника Гапона отмечается как какая-то веха в жизни Ленина. Это надо выбросить.

1907 год. Опущено, что в 1907 году была сдана Лениным в изд-во «Зерно» (издатель Кедров) книга «Аграрная программа

¹ — Увеселительная прогулка. *Ред.*

социал-демократии в первой русской революции». Напечатанная уже книга была запрещена цензурой и не получила распространения. Этот факт опущен и в статье Каменева, который говорит лишь о том, что для книги до семнадцатого года не находилось издателя.

Вот главные, замеченные нами, пропуски и неточности.

Пролетарская революция.
1924, № 7, с. 253—257

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК II

[Рецензия]

Второй Ленинский сборник содержит, как и первый, чрезвычайно ценные материалы, касающиеся Владимира Ильича. Наиболее ценными из них являются материалы по выработке программы РСДРП 1903 года, которыми открывается сборник. Единство «искровской» группы, ревностно охранявшееся перед всеми иными группировками и течениями социал-демократической партии, не позволило проникнуть своевременно в ту лабораторию, в которой приготавлился проект программы, представленный II съезду и принятый на нем. Лишь люди, особенно близкие к редакции «Искры» и к Владимиру Ильичу, были посвящены в ту большую и нервную борьбу, которую он выдержал тогда с Плехановым, и понимали ту партийную выдержку, которую он проявил, уступив в интересах единства там, где уступки, по его глубокому убеждению, портили программу. Молодая часть редакции — Мартов и Потресов были в то время на его стороне, но и они, как это видно из внимательного рассмотрения поправок и как это явствует из позднейшего расхождения их с Лениным, не представляли себе всей глубины разногласий, всей принципиальности, лежавшей в основе страстной и упорной борьбы Ленина; тем более не представляла это себе старая, гораздо более оторванная от России, более подчиненная Плеханову часть редакции. Эта последняя во всех основных вопросах построения программы голосовала вместе с Плехановым, уступая Ленину в мелочах. Она добросовестно старалась примирить между собою этих двух особенно непримиримых, но одинаково ценных членов редакции и, видимо, искренне считала, что ничего не стоит состряпать компромиссный проект, что разногласия несущественны, что суть в столкнувшихся самолюбиях двух выдающихся вождей — старого и молодого. Долголетнее знакомство с Плехановым, долголетняя работа с ним, история первого его разногласия с Владимиром Ильичем, запечатленная в записи последнего «Как

чуть было не потухла «Искра»¹, выставляли для них все в этом свете. С этой точки зрения особенно интересны краткие заметки и письменные реплики Засулич на настойчивые возражения Владимира Ильича.— Он борется, указывая на требование Энгельса от программы, «Alles, was im Programm überflüssig ist, schwacht es»², за необходимость сжатого, чеканного слога, за опускание всех лишних цветистостей, пояснений, ослабляющих рельефное выражение мыслей. Он указывает, что не нужны слова «великое освободительное движение нашего времени», что об этом конкретно говорится ниже. А Засулич возражает: «Вычеркивание этих слов обесцветило бы весь абзац. В них вся его сила». Подоплека старой народнической закваски В. И. Засулич видна в ее пометке к следующему месту замечаний Ленина к проекту программы: «Передовым же представителем *современного* мелкого производителя, еще не покинувшего своей точки зрения», является очень часто антисемит и аграрий, националист и народник, социал-реформатор и «критик марксизма». Вера Ивановна пишет: «Это грустно, но надо (!!! — А. Е.), чтоб этого не было, как не было бы также и пролетариата, враждебного социализму, что тоже случается» (с. 79). Или дальше на с. 83: «Надо, чтобы не только верили, но и шли на помощь. Вера без дела мертва есть». Эти «надо» напоминают народников-утопистов: «Капитализм развивается, но это грустно, *надо*, чтобы этого не было». Когда Владимир Ильич говорит, что нужно выпустить такие-то слова, ибо их «можно вывести из...» (с. 74), Вера Ивановна пометает сердито: «Все из всего можно вывести, придирки!» И дальше: «Во всем дальнейшем архисогласна с Жоржем (Плехановым). Боюсь, что нам теперь этого не отстоять, а со временем сами поймете, что это важно» (с. 78). Одним словом, смотрит на Владимира Ильича, как на не понимающего по молодости лет всей глубины мировоззрения Плеханова, но не в меру упорного и самостоятельного противника.

И особенно характерно, что, когда Владимир Ильич говорит: «...при «диктатуре» скажем про тебя: там нечего слов тратить по-пустому, где надо власть употребить...», В. И. Засулич пометает: «Над миллионами-то! Попробуй-ка. Позаботься, чтобы приняли, зови!»

Владимир Ильич, обрабатывая проект программы в 1901—1902 годах, видит все время перед собою массы, имеет в виду их, обращается к ним, как и в первом своем комментарии к программе, написанном в тюрьме в 1896 году и помещенном

¹ См.: Ленин В. И. Как чуть не потухла «Искра»? — Полн. собр. соч., т. 4, с. 334—352. *Ред.*

² — Все, что в программе лишнее, ослабляет ее. *Ред.*

в № 3 «Пролетарской революции» за 1924 год; он с самого выступления своего на политическую арену говорит как вождь масс, хотя бы из-за стен тюрьмы или из эмигрантщины. А старая часть редакции, с Плехановым во главе, озабочена, главным образом, стилистическим построением, «европеизацией» программы, «дефинициями», по определению Владимира Ильича. Основной недостаток программы Плеханова Владимир Ильич видит в том, что «это не программа практически борющейся партии, а... программа для учащихся» (с. 65), учебник. Владимир Ильич видит, что к массам — что для него главное — идти с таким проектом нельзя, что им надо говорить понятным, боевым чеканным языком, особенно от лица боевой политической партии, а у него заподозревают простое упорство, желание во что бы то ни стало настоять на своем. «Все опровержение совсем не убедительно, — суммирует В. И. Засулич свой разбор контрпроекта Ленина, — а с другой стороны, носит характер упорного нежелания сделать хоть шаг навстречу противнику, отрицание всякого соглашения. Он убьет и в Жорже [Плеханове] его очень большое стремление к соглашению. Что же тогда, кроме апелляции (нежелательной) к общественному мнению?!» (с. 87). Владимир Ильич считал в то время апелляцию к общественному мнению «экономистов» и бундовцев, раскол между наиболее сознательными сторонниками необходимости объединенной политической партии не менее нежелательными, и поэтому после упорной борьбы за все, наиболее необходимые с его точки зрения, изменения он не выступил печатно, хотя это было предоставлено ему, против принятого большинством редакции проекта Плеханова, который был от имени всей редакции «Искры» представлен на II съезд и принят им. Мы обращаем внимание всех молодых товарищей на то, какую степень партийной закалки выказал Владимир Ильич, уступив не в мелочах и в побочном, как казалось товарищам, стремившимся примирить его с Плехановым, а в том, что, он чувствовал, портило программу, отказавшись, несмотря на то что право это было предоставлено ему, напечатать свой лучший и более, по его убеждению, отвечающий цели проект, чтобы не раскалывать редакцию, что было тогда еще вреднее для партии.

Зерно разногласия между Лениным и Плехановым тогда, как совершенно верно отмечает т. Каменев, еще только намечалось.

Но к указанным т. Каменевым отличиям проекта Владимира Ильича — большей категоричности и жесткости и большем внимании к специфическим условиям — мы считаем нужным добавить и ту его особенность, которая получила свою выпуклость

лишь теперь, через призму всей истории как жизни Ленина, так и нашей революции, а именно: что он с самого начала выступал как вождь масс, которые имели для него наибольшее значение, и поэтому он боролся с такою страстностью со всяким словом, всяким выражением, затруднявшими понимание проекта этими массами. Исправлявшие его видели в этом придирки, упорство в отстаивании своих выражений, Плеханов настаивался и вносил ряд стилистических поправок, утонченностей и более красивых перестановок слов. Владимир Ильич принимал большинство их, но упорно боролся против всего, что делало программу менее конкретной, менее доступной и менее боевой. Если взять для сравнения музыкальные инструменты, то Плеханов стремился все время переложить аккорды программы русской социал-демократической партии на более утонченный струнный инструмент, а Ленин, как барабанщик, идущий во главе боевого отряда, страстно протестовал против этих попыток. Пусть более грубые звуки, но зато более яркие, боевые и понятные широким массам. Ему указывают на диссонансы, удивляются его упорству в нежелании исправить их, а он досадливо отмахивается и как бы хочет сказать: «Ах, пустяки какие. Да неужели вы не видите, что так за нами гораздо бóльшие массы идут».

Вот тот узор, который выступает неожиданно при изучении выработки проекта программы. Вот иллюстрации того, как много дает это изучение и как ценна проделанная над ним институтом большая и внимательная работа. С интересом ожидаем мы поэтому появления в следующем № сборника материалов относительно конфликта между Лениным и Плехановым в аграрной части программы, принявшего, как нам известно, гораздо более острые формы. Интересен прекрасно исполненный оттиск комиссионного проекта программы с поправками рукой Ленина. Ценны, несомненно, и комментарии: чьей рукой переписан документ, кому принадлежат вносимые поправки, к какому времени то и другое относилось. Все это имеет свое значение для изучения документов, это касается сути их, и против таких «методов научного издания документов» вряд ли кто выскажется, вряд ли сочтет кто их «идолопоклонническими».

В отделе II — «Первые дни войны» — помещена статья т. Ганецкого¹ «Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г. по документам», написанная со свойственной т. Ганецкому внимательностью и дающая исчерпывающий материал этой перипетии

¹ Я. С. Ганецкий (1879—1937) — член КПСС с 1896 года, деятель польско-го и российского революционного движения. *Ред.*

в жизни т. Ленина, которая могла бы окончиться очень печально для него, если бы не своевременные энергичные хлопоты товарищей. Опасность его положения выявляется из того, как засуетился департамент полиции, перехватив легальное письмо от нас к Владимиру Ильичу или обратно, трактующее об этом событии. Несколько большая затяжка, и императорское правительство могло бы потребовать выдачи революционера, цену которому оно знало. К статье приложены три фотографии: дома в Поронине, в котором жил Владимир Ильич, тюрьмы в Новом Тарге, где он был заключен, и той тюремной камеры, в которой он сидел.

В отделе III помещены письма Владимира Ильича к Шляпникову¹ и Коллонтай² эпохи войны с четырнадцатого по семнадцатый год. О значительности этой переписки говорит как принадлежность ее к тому исключительному по важности периоду, которым являлась мировая война, так и отмеченное в предисловии т. Каменева обстоятельство, что переписка с этими двумя товарищами осталась чуть не единственным документом связи Владимира Ильича с Россией в то время. Почти все ближайшие сотрудники его, как указывает т. Каменев, были в то время на каторге или в ссылке, а не прекращавшаяся все время войны, до ареста адресата летом 1916 г. химическая переписка его с пишушей эти строки, конечно, не могла сохраниться по своему конспиративному характеру. Письма эти прогревались, оригиналы их, занимавшие иногда большое количество страниц книги, тщательно уничтожались, а переписанные в расшифрованном виде копии читались или передавались членам организации, которые в свою очередь по ознакомлении заботливо уничтожали их.

Подробный разбор писем к Шляпникову и Коллонтай не может входить в рамки рецензии, скажем лишь, что без ознакомления с ними не обойтись при изучении взглядов Ленина и нашей партии на империалистическую войну, что комментированы они тт. Кривцовым и Шутко очень тщательно и что совершенно правильно семь писем, касающихся конфликта с редакцией журнала «Коммунист», выделены для опубликования вместе с другим материалом, относящимся к этому конфликту.

¹ А. Г. Шляпников (1885—1937) — член КПСС с 1901 года. В годы мировой империалистической войны находился на партийной работе в Петрограде и за границей; был связным между Русским и Заграничным бюро ЦК РСДРП. *Ред.*

² А. М. Коллонтай (1872—1952) — член КПСС с 1915 года. С начала мировой империалистической войны заняла революционно-интернационалистскую позицию. По поручению В. И. Ленина принимала участие в сплочении левых, интернационалистских элементов социал-демократии в Скандинавских странах и в Америке. *Ред.*

Следующий отдел дает нам нигде еще не напечатанную статью Ленина «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». Лишь две первые главы ее были помещены в переработке в последнем перед революцией № «Социал-демократа». Вместе с серией предыдущих писем, которые являются кое в чем дополнением к ней, статья эта дает нам мысли Ильича в самое последнее предреволюционное время (закончена 1 января 1917 года). Она говорит о повороте в мировой политике к пацифизму, разбирает последние заявления Каутского, Турати, французских синдикалистов и социалистов и заканчивается главой «Циммервальд на распутье», в которой указывается на водораздел между циммервальдской правой и левой. Статья эта является непосредственной прелюдией к послереволюционным тезисам Ленина и к его «Письмам из далека», которые вместе с материалами и документами о приезде Владимира Ильича в Россию составляют содержание V главы сборника. Рецензия наша и без того разрослась, поэтому скажем лишь, что эти четыре главы (со II по V), очень внимательно комментированные т. Каменевым, представляют собою последовательные страницы описания жизни и развития идей Ленина с начала империалистической войны до приезда его после Февральской революции в Россию. Эти главы должны впоследствии составить особый том с добавлением всех иных относящихся сюда документов и наиболее ярких воспоминаний товарищей об этом периоде. Совершенно правильно включена страничка и воспоминаний т. Ганецкого, напечатанных в «Пролетарской революции», но и все его чрезвычайно живо написанные воспоминания должны найти себе место в этом объединенном томе, так же как замечательно яркая картинка самочувствия Ильича в эмигрантской тюрьме после революции, данная Н. Крупской.

«Основные вехи» (продолжение, с 1909 по 1917 год) нуждаются в серьезной переработке. Уже только по сверке с поставившей себе ту же цель брошюрой «Биография Ленина в датах и числах», выпущенной этой осенью ленинградским отделом Истпарта под редакцией т. Куделли (выходит 2-м изданием), мы можем указать на пропуски в «Основных вехах». Так, под рубрикой 1909 год опущено указание на выход в Москве книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»; отмечена организация партийной школы впередовцев на Капри, а не указано на приглашение туда Ленина, на его отказ, на то, что часть слушателей-рабочих покинула каприйскую школу и переехала к ленинцам. Не указано, что летом 1909 года Ленин читал лекции рабочим Монмартра. Под 1910 годом не указано на конец примирительных попыток, на попытку заменить меньшевиков в центральных учреждениях плехановцами.

Под 1916 годом не указано на статьи Ленина в сборнике «Социал-демократ», на сотрудничество с голландскими и швейцарскими интернационалистами (№№ «Форботе»), на выступление на съезде швейцарской социал-демократической партии. Под 1917 годом имеются уже такие недопустимые пропуски, как отсутствие указания на «Письма из далека», посылавшиеся в «Правду», и прощальное письмо к швейцарским рабочим, хотя все эти письма Ильича напечатаны тут же, в этом же самом сборнике; не отмечено появление брошюр «Удержат ли большевики власть»¹ и «Грозящая катастрофа»²; не сказано даже, что Ленин приехал за несколько дней до Октябрьской революции в Питер, так что можно предположить, что он «вдохновляет и организует переворот» из своего подполья. Кроме того, как общее указание следует отметить, что ленинградская брошюрка ставит свою задачу шире и правильнее, сплетая все время даты из жизни Ленина с общепартийными этапами. Так, она не просто отмечает совещание большевиков в Поронине осенью 1914 года, а перечисляет главные из обсуждавшихся там вопросов; она указывает, что при сообщении о востуме немецких социал-демократов за кредиты на войну Ленин пишет: «II Интернационал погиб». Говоря о Циммервальдской конференции, брошюра отмечает столь характерное столкновение Ильича с Ледебуrom. Одним словом, опуская такие мелочи, как то, что Ленин был арестован австрийскими властями в 9 ч. у т р а и что перед июльскими событиями он уезжал на пару дней на отдых в Финляндию, брошюра правильно собирает все, что имеет отношение к работе Ленина и к жизни партии. Таким образом, несмотря на то что брошюра эта дала уже даты за всю жизнь Ленина, а «Основные вехи» Института его имени дают лишь маленькими порциями через большие промежутки, надо признать, что ленинградский отдел Истпарта лучше справился с этой задачей.

Равным образом приходится признать очень мало научности в двух заметках т. Аросева под рубрикой «Некоторые материалы к научной биографии В. И. Ленина» (отдел VIII). Одна из них, озаглавленная «Первый шаг», печатая список студентов, исключенных из Казанского университета вместе с Владимиром Ильичем, с годом их рождения, датой поступления в университет, не шутите! — точно отмечено, 7 или 13 августа или 20 июля того или иного года поступил студент — это ведь очень важно! — и даже с количеством сданных каждым зачетов, счи-

¹ См.: Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? — Полн. собр. соч., т. 34, с. 287—339. *Ред.*

² См.: Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 151—199. *Ред.*

тает, что эти столбцы (занимающие около половины всей заметки) «приводят нас к некоторым любопытным выводам, касающимся Владимира Ильича». Мы заинтересованы. Оказывается, во-первых: первокурсников, исключенных кроме Владимира Ильича, было лишь двое, основную же массу составляли старшекурсники. Как это ново?! Точно не общеизвестно, что в политику пускались уже понатершиеся маленько в студенческой жизни студенты, а не вылетевшие только что из домашних гнезд, за исключением особых периодов и отдельных лиц, более смелых и решительных. К этому последнему и гнет Аросев, но мы полагаем, что смелость и решительность Ильича настолько всем известны, что не будут более «научно обоснованными», если подсчитать исключенных студентов первого курса. Общеизвестно также, что высылали после всех студенческих беспорядков не только и не столько действительных участников, как всех, значащихся в проскрипционных списках полиции; эти последние вылетали всегда из первых, а их было, ясное дело, больше среди старшекурсников. Понятно также, что полиция следила особенно пристрастно за всеми, кого она могла с большим основанием заподозрить в революционном настроении, а таковы были родственники всех ранее замешанных. На них взгляд был уже заранее предубежденный, и, не боясь сесть в калошу, полицейские ищейки громили их неблагонадежность. В таком положении был особенно Владимир Ильич в самый год после казни его брата. Понятно, с другой стороны, что, переживши казнь брата, он стал ближе к более революционным и более старшим студентам; что в свою очередь и эти последние смотрели на него иначе, чем на каждого другого первокурсника, допускали его охотнее в свою среду. Все это как будто так понятно. Но вот, по-научному разбив исключенных студентов по годам рождения, выходит, что «большинство было в возрасте Александра Ильича и немного старше». А из этого явствует, видите ли, не то, что Александр и Владимир Ильич шли раньше своего возраста,— нет, из этого «ясно, что поколение (!) Александра Ильича являлось еще руководящим в области идей и революционных «оказательств». И Владимир Ильич «сознательно примкнул к более революционной группе старшего поколения». Точно разница в четыре года является не разницей в возрасте, а разницей в поколении. Но тогда ведь окажется, что и среди окончивших вместе с Владимиром Ильичем будет два поколения. Но ведь среди студентов возраста Александра Ильича и старше были и социал-демократы (благоевцы, группа Латышева, арестованная одновременно с Александром Ильичем). Кто же был под чьим влиянием? И, наконец, при чем разница в направлении «поколений», когда речь идет только о студенческих «беспоряд-

ках»? Точно не все: и народовольцы, и социал-демократы, и шедшие в своих требованиях не дальше кадетизма склонны были в ранней юности «инспектора побить»? Но это мы, как профаны, так просто заключаем. Тов. Аросев на основании «научных изысканий» и столь авторитетного полицейского документа приходит к победному выводу, что Владимир Ильич «сознательно (курсив Аросева) искал среди старшего поколения революционно настроенных товарищей».

Зато в следующей заметке — «Некоторые данные о деятельности Владимира Ильича как помощника присяжного поверенного в Самаре» т. Аросев оставляет нас без вывода. Вероятно, потому, что изложение всех десяти дел, по которым в 1892 году выступал Владимир Ильич (почти исключительно по мелким кражам), показывает, что, за исключением одного дела и двух замешанных в групповых кражах ребят, все подзащитные его были обвинены. Вывод напрашивался, очевидно, невыгодный для Владимира Ильича. А если делался вывод на основании того, с кем «шушукался» Владимир Ильич по полицейскому указанию за день и за два до сходки, то почему бы не сделать его и тут? Ведь по целому десятку дел он выступал! Впрочем, один вывод мы имеем: адвокатство «давало возможность некоторого официального существования в Самаре». И в Самаре, и позднее в Петербурге, где Владимир Ильич тоже записывается помощником присяжного поверенного. А кроме положения могло давать и некоторый заработок. Не надо забывать, что вся семья жила на пенсию матери и на небольшой доход с хутора, который был продан в 1894 году и постепенно тоже проживался. Отмечаем мимоходом ошибку Аросева: хутор при Алакаевке принадлежал не М. Т. Елизарову, а матери Владимира Ильича — Марии Александровне Ульяновой.

*Пролетарская революция,
1925, № 1, с. 241—248*

ПРОТИВ ПЛАГИАТА, ЛИТЕРАТУРНОЙ ВЫДУМКИ И ВРАНЬЯ

Открытое письмо редакции журнала «Новый мир»

На днях только попала в мои руки ноябрьская книжка журнала «Новый мир» с «Повестью о старшем брате» Сергея Спасского.

Достаточно было перелистать эту повесть, чтобы увидеть, что она целиком заимствована, что она вся сделана из моих «Воспоминаний», помещенных в сборнике «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта», составленном мною к 40-летию со дня его смерти. Имена изменены: вместо Саши — Митя; вместо Володи — Боря; Шевелев — вместо Шевырева и Поворухин — вместо Говорухина. А вместо Ульянова — Лукьянов.

Разве непонятно, о чьем старшем брате идет речь в книге? Разве непонятно, кто Боря, расставляющий шахматы на доске в ночь смерти брата, причем «площадь их становится огромной и бронированная ладя подхватывает Борю, и он стоит и говорит, сильно выкинув руку».

Разве непонятно, когда целая глава названа словами той условной телеграммы — «Сестра опасно больна», — которая приводится в воспоминаниях, да когда еще и подпись «Петров» к ней сохранена. Да не только подпись. Целые страницы разговоров списаны с книги. Герой Спасского, Митя, говорит как с сестрой, так и с «Шевелевым», и с матерью на свидании в тюрьме, перед казнью, буквально словами Александра Ильича в «Воспоминаниях». Но тот образ, который тщится нарисовать на основании всех этих выписок и повторений Спасский, нарочивая на них свою психологию, спуская с узды свое якобы художественное творчество, оказывается не только совершенно далеким от действительности, но даже искаженным. Это совсем неудивительно. Ведь недостаточно иметь бойкое перо досужего беллетриста, чтобы рисовать всякие образы, ибо следует быть

до большой степени в уровень с образами, которые рисуешь, понимать стремления, быть в курсе тех общественных идей, на основе которых разворачивались происшествия, развивались характеры, которые берешься изображать. А поэтому все: образ матери, отрывающейся к мыслям о сыне от таза с вареньем — и опять к розовым пузырькам темной вишни, и сотоварищи по делу — Шевелев и Поворухин,— все это так чуждо, так далеко от действительности, так неприятно сочинено и выдуманно. А всех хуже, конечно, центральный образ.

Чтобы совсем было ясно, о ком говорится, повесть заканчивается докладом графа Дмитрия Толстого царю о казни сначала над троими — «ввиду того, что местность Шлиссельбургской тюрьмы не представляла возможности...», потом над Шевелевым и Лукьяновым... Следуют точные слова доклада царю его министра внутренних дел (в данном случае имя не изменено). Вуаль, даже и очень прозрачная, не набрасывается вовсе.

Автор распоясался вовсю.

Спрашивается: по какому праву все это производится? Во все времена и во все века существовало понятие *плагиат*, которым клеймили пользование чужой собственностью в области мысли, слова — в области литературы. И надо думать, что, когда отомрет окончательно понятие о всякой собственности, понятие плагиата сохранится и будет считаться позорным пользоваться по своему усмотрению, перекраивая и извращая мысли и отпечатки творчества другого человека без согласия автора и даже без указания на то, чье произведение подвергается такой «художественной» перекройке или перделке.

Если в настоящее время, когда жизнь дает так много нового и интересного, что просится под кисть истинного художника, замечается то печальное явление, что мысль и творчество как бы оскудели и мы встречаемся все чаще с перепечатками, монтажом и т. п. черпанием из других источников, то я считаю все же минимальным требованием порядочности, чтобы такие манипуляции не производились без согласия авторов, если они живы, и без ссылки хотя бы на них, если они умерли.

Поступки, не считающиеся с такой минимальной порядочностью, называются, по-моему, плагиатом. И я обвиняю в таком плагиате Сергея Спасского. Обвиняю и редакцию «Нового мира», поместившую, не запросив согласия автора, такую беззастенчивую стряпню из его работы. В том, что редакция прекрасно понимала, чье произведение используется таким образом, я не могу сомневаться, просматривая ее состав.

Кроме того, я считаю со стороны редакции неуважением к памяти обоих братьев — как старшего, так и младшего, такое не критическое обращение с их именами, с событиями их жизни, тем более что не могу допустить, чтобы ей было неизвестно постановление Всесоюзного съезда Истпарта в январе 1929 года о том, что никакие воспоминания и материалы о «младшем брате» не должны идти в печать без просмотра их Институтом имени Ленина.

*Комсомольская правда,
1930, 1 марта*

ЕЩЕ РАЗ ПРОТИВ ПЕРЕВИРАНИЯ И ПЕРЕДЕЛОК ЧУЖИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

По поводу ответа редакции журнала «Новый мир»
на открытое письмо в «Комсомольской правде», 1930, № 50

Редакция журнала «Новый мир» поместила свой ответ на мое открытое письмо. Читая его, подлинно не знаешь, чему удивляться: точке ли зрения советского журнала или обилию противоречий.

Оставив без ответа наиболее существенные указания моего письма, редакция предпочла остановить свое внимание на вопросах чисто формального порядка.

Я указывала в своем письме:

1) «Следует писателю или художнику быть до большей степени в уровень с образами, которые рисуешь».

2) «Считаю все же минимальным требованием порядочности, чтобы такие манипуляции, как черпание из чужих источников, не производились без согласия авторов, если они живы».

Первого у автора не оказалось, второе не было сделано. И получилось, как я утверждала в своем письме, что в повести Спасского «все так чудно, так далеко от действительности, так неприятно сочинено и выдуманно, а в с е х х у ж е, к о н е ч н о, ц е н т р а л ь н ы й о б р а з».

Вот об этом редакция «Нового мира» промолчала в своем ответе. Вместо этого она берет на себя юридическую защиту автора, подкрепляя свою позицию весьма сомнительными литературными аналогиями. Тем самым редакция лишь усугубляет свою ошибку и запутывается в массе противоречий.

Так, на одной странице говорится, что и в коммунистическом строе не будет разрешено выдавать продукты чужого труда за свои, что это сущая истина, а на следующей я обвиняюсь в том, что, «закричав на весь мир (?!), что нарушили мое право собственности, я позволяю неуважение к памяти обоих братьев-коммунистов».

Что же в данном случае с у щ а я и с т и н а? То ли, что право собственности на мысли, на продукты литературного творчества будут признаваться и в коммунистическом строе, или то,

что «сестре великого коммуниста» такие права предъявлять зазорно?

Редакция поучает нас, что исторические романы пишутся на основе материалов и воспоминаний, и в защиту Спасского выставляет для примера не кого иного, как Льва Толстого и «Войну и мир». (Действительно, сравнили!) А в другом месте приводит утверждение автора, что «он не ставил целью документальное воспроизведение исторических событий». Значит, и торжественная параллель с Львом Толстым трещит по всем швам.

Тогда нам говорят, что перед нами художник и что только человек, не знакомый с тем, как создаются художественные образы, может подумать, что «автор поступил нехорошо».

Ну а мы знаем все же другие образы художественного творчества и других его представителей, чтобы нас можно было убедить, что достаточно развернуть книгу любого автора, выхватить из нее произвольно некоторые образы, придать, соответственно своему пониманию, другой вид этим образам и эпохе, выписать, где удобно, целые страницы и, выставив все за свое произведение, прослать художником. По-нашему, если это искусство, то только в кавычках. Мы знаем, что во все времена существовали авторы, таким путем пробивающиеся в литературе и что по такому пути идет часть беспринципной молодежи.

Но нам дико, что наши товарищи, люди определенных убеждений, не только не пресекают решительно таких стремлений, не только не пытаются направить эту молодежь по другому пути, но еще поощряют к такому пользованию своим пером, видят в таком «деформировании» других произведений «сближение с жизнью».

Любопытный термин — «деформирование». Именно так. И я удивляюсь, как редакция еще указывает мне, что «Повесть о старшем брате» — не мое произведение. Я полагаю, что не мое, когда я возмущена до глубины души деформированием тех образов, которые я стремилась восстановить прежде всего правдиво, на фоне определенной эпохи, тем, что они блекнут, снижаются и искажаются, будучи густо окрашены собственными «домыслами» и рассуждениями досужего беллетриста, которому надо испечь повесть и который не нашел другой темы для нее.

Если редакция настаивает, что т а к о в о б ы ч а й, что Спасский так и должен был поступить, то мы говорим, очевидно, на разных языках. Или редакция говорит так, как будто бы она не х о ч е т п о н я т ь, а из всех видов непонимающих всего хуже тот, который не хочет понять. Растилкавать в этом случае —

значит переливать из пустого в порожнее. Ибо я не могу допустить, чтобы редакция не только не могла понять разницу между писанием исторического романа Толстым и деформированием моей книги Спасским, но чтобы она не понимала (для этого не надо обязательно работать в Истпарте) разницу между историческими источниками и всякой другой книгой. Я даже не допускаю, чтобы кто-нибудь из членов редакции сам когда-либо таким деформированием чужих произведений занимался. Гнев — плохой советчик, и этим надо объяснить, почему ответ кишит такими противоречиями, почему в нем заявляется, что я отождествляю старшего и младшего брата. В повести Спасского фигурирует и Владимир Ильич под именем Бори, чего редакция, конечно, отрицать не станет. О каком же отождествлении идет речь?

И не могу я тоже допустить, чтобы редакция не знала, что Институт Ленина, что Истпарт являются инстанциями, контролирующими все и всякого рода передачи Ленина — как научные, так и художественные, что ни одно собрание легенд, ни одна кинофильма, ни одна картина, в которых хотя отчасти затронут Ленин и его ближайшее окружение, не должны увидеть свет без санкции института.

А если подобные произведения проскакивают — что мне по роду моей работы более, чем кому-нибудь, известно, — то это объясняется как халатностью, царящей еще — увы! — во многих советских учреждениях, так и беззастенчивостью авторов, прячущихся под завуалированные названия вроде «Повести о старшем брате», и тем, что некоторые редакции оную беззастенчивость не только покрывают, но, как выяснилось из «Ответа», даже поощряют. Между тем если в белогвардейщине печатается о Ленине что и сколько угодно, то я не думала, что у нас, да еще редакциям с коммунистами во главе, придется доказывать необходимость контроля над этим. Если теперь выныривает из небытия такое невероятное количество нянюшек Ленина, столько его «друзей детства», то понятно, что и среди некоего слоя писателей велик соблазн выставить как-нибудь его самого. Ведь такое произведение будет более ходким, ведь так понятны те мотивы, которые побуждают этих писателей «облюбовать» образ Ленина или его старшего брата...

А что этому должен быть положен предел, что над этим должен быть установлен контроль, — это я берусь доказать на любом собрании рабочих-коммунистов, хотя бы вовсе не знакомых с теми установившимися якобы в литературе «обычаями», согласно которым поступают спасские и которыми руководствуется редакция «Нового мира». Я убеждена, что широкие круги товарищей-коммунистов, которые хотят знать лишь прав-

ду о Ленине, которым действительно дорога память Ленина, поймут меня с полуслова. Я уверена, что они не только не сочтут мои мотивы проявлением неуважения к памяти обоих братьев, а, наоборот, всецело встанут на мою точку зрения и признают, что проявлением такого неуважения является не критическое отношение редакции «Нового мира».

*На литературном посту, 1930,
№ 12, с. 81—82*

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ А. ТАБЕЙКО «ИЗ ПРОШЛОГО ТОВ. ЛЕНИНА»

В «Известиях Татарского ЦИК» от 1 января 1923 года напечатана статья т. Табейко «Из прошлого тов. Ленина». По рассказам крестьян бывшей Казанской губернии (очевидно, бывшей деревни Кокушкино, ибо так получается слишком широко: как могла вся Казанская губерния рассказать о Ленине?! — А. Е.).

Товарищи по Татбюро Истпарта просят меня дать свои примечания к этой статье, и сам т. Табейко в примечании выражает надежду, что «восстановлю подробности одного передаваемого им события».

Приходится восстанавливать.

Я прожила в Кокушкине под гласным надзором с июня 1887¹ до поздней осени 1888 года. Этому уже идет 36-й год. Следовательно, очевидцы сего, которые могли бы что-нибудь рассказать, то есть были бы в то время не в грудном или близком к таковому возрасту, должны насчитывать от 50—70 лет. А в деревнях такого возраста достигают немногие, не говоря уже о последних голодных годах. Эти немногие из уцелевших о тех далеких годах, которые тем более подернуты для них туманом, что очень уже неясно понималось ими и тогда состояние под гласным надзором и политическая неблагонадежность, могут рассказать немного. К тому же крестьянство было тогда поголовно почти безграмотное. Поэтому тем более необходимо мне дать со своей стороны фактическую справку.

Но кое-что мог бы просеять и сам т. Табейко. Например, то место, где говорится о проверке. Конечно, полиция обязана была проверять, живет ли поднадзорный в указанном месте и не занимается ли в оном противоправительственной пропагандой. Для этого заявлялись местные урядник, становой или и сам исправник, расспрашивали жителей, чем он занимается и не отлучается ли, а главное, проверяли самолично его присут-

¹ Анна Ильинична прибыла в Кокушкино 23 июня (5 июля) 1887 года. *Ред.*

стве. И ничего не могло быть нецелесообразнее и бессмысленнее для поднадзорного, как бежать прятаться, когда как раз и требовалось «доказать свое присутствие». Да еще к крестьянам, сношения с которыми были всегда на подозрении. А т. Табейко не только, не смущаясь, выписывает, как я, «вся бледная от испуга, бежала задами, по крапиве, в одних чулочках», но еще просит меня «восстановить подробности сего события», относительно которого гадает: облава это была или обычная проверка (?!) — и заключает, что «Ульяновы жили при деревне Кокушкино в вечном страхе за завтрашний день и что царское правительство мстило жестоко».

Относительно остальных данных, сообщаемых в статье т. Табейко, надо сказать, что кроме года 1887/88, когда Владимиру Ильичу, по исключении его из университета, разрешено было вместо выезда в другой город поселиться со мною в деревне Кокушкино, он никогда в Кокушкине не жил и приезжал туда лишь в гости, по летам, причем не на все лето и не каждый год. Более или менее оседло в Кокушкине жили две другие сестры моей матери — Любовь Александровна Ардашева-Пономарева и Анна Александровна Веретенникова. Эти обе тетки вели в деревне хозяйство, и Любовь Александровна жила там большую часть года, а иногда, помещая учащихся детей в город на квартиру,— и целый год. Ее сыновья, принимавшие деятельное участие в хозяйстве, в объезде лошадей и т. п., были действительно очень близки с крестьянской молодежью, и я думаю, что многое рассказываемое крестьянами о моих братьях относится в действительности к кузенам Ардашевым. Долей земли моей матери распорядилась тетка Любовь Александровна и выплачивала часть урожая. Я не помню количества десятин, приходившихся на каждую из пяти дочерей дедушки Александра Дмитриевича Бланка, знаю только, что доли эти были невелики и в 70-х годах, после смерти дедушки¹, были оценены по 3 тысячи рублей каждая.

Таким образом, о жизни крестьян «при нас» говорить нельзя: мы были гостями. Поэтому, может быть, и отношения с нами были нормальнее: никакие хозяйственные соображения или осложнения, без которых, конечно, никогда отношения между господами и крестьянами при прежнем строе не обходились, сюда не входили. Мать мою крестьяне очень любили: предпоследняя дочь Александра Дмитриевича Бланка, она позже всех сестер вышла замуж и всех дольше поэтому прожила в Кокушкине. Кроме того, и по характеру своему она была общей любимицей как в семье, так и среди окружающих. Этим я

¹ Александр Дмитриевич Бланк умер в 1870 году. *Ред.*

объясняю, что крестьяне пожелали посвятить свою школу имени матери. Лекаршей она никогда не была, но забирала с собою на лето побольше общеупотребительных лекарств и охотно давала советы крестьянам. Отец мой, большой демократ по натуре, действительно заходил запросто к крестьянам, а главное, при всех встречах — в поле, на дороге — дружески и непринужденно беседовал с ними. Конечно, ни школы устраивать, ни на фортепьяно учить при таких приездах к теткам в гости мы не могли. Лакомства дешевые для ребятишек привозились. Деревенские женщины заходили после нашего приезда поговорить с матерью, или она, гуляя через деревню, останавливаясь у той или иной избы, демонстрировала нас, а ей свою молодежь показывали и о пережитом рассказывали. Дети, приезжавшие в гости, принимали, конечно, деятельное участие в играх своих кузенов и их деревенских приятелей. Помнится, что раза два и в ночное Володя ездил.

Из упомянутых автором крестьян я ни одного не припоминаю¹, вспоминаю другие имена, но возможно, что при встрече мы восстановили бы знакомство с упомянутыми. Из ямщиков, нанимаемых обыкновенно в соседней, в версте расстояния, деревне, припоминаю больше татар, — деревня была заселена наполовину русскими, наполовину татарами и в обиходе носила название «Татарской». Но возможно, что нанимались и русские ямщики. Конечно, не только головой, но и ничем вообще они при этом не рисковали: если дело «о недозволенной отлучке» поднадзорного доходило даже до суда, как было со мною позже, в Самарской губернии, то ямщик вызывался попросту в качестве свидетеля.

В. И. Ленин и Татария. Сборник документов, материалов и воспоминаний. Казань, 1970, с. 296—299

¹ Табейко, в частности, упоминает ямщика Феклина и Якова Дмитриева.
А. Е.

СООБЩЕНИЯ ИСПАРТА

Большой интерес к биографии Владимира Ильича вызывает теперь массу воспоминаний о нем. Среди них встречается немало путаницы, несообразностей, а порой даже прямой мистификации.

Образцом такой мистификации, которая особенно широко разлита в провинции и перепечатывается излишне доверчивыми центральными органами, является статья некоего Бабинцева, появившаяся в смоленской газете, а потом перепечатанная в «Смене». Для предупреждения новых перепечаток и осведомления товарищей Истпарт приводит здесь открытое письмо в редакцию «Смены», посланное по поводу этой статьи.

Открытое письмо в редакцию «Смены»

Уважаемые товарищи!

Прошу поместить в ближайшем номере «Смены» следующее письмо.

Прочла только что статью «Юношеские годы Ленина» — из воспоминаний старого коммуниста, — в № 8 (майском) «Смены» и спешу сообщить вам, что ни грана истины в этой статье нет, выразить свой горячий протест против помещения в органе ЦК РКСМ такого некритического, непроверенного материала.

А между тем проверить его было бы так просто, пока живы и находятся даже совсем под боком, в Москве, его родные сестры Анна и Мария Ильиничны и родной брат Дмитрий Ильич.

Печатание без такой проверки является недопустимым невниманием к памяти Владимира Ильича со стороны редакции органа ЦК РКСМ.

Фактически в статье все — сплошной вымысел.

1) Начать с того, что никакой усадьбы близ Симбирска, ни в поэтической местности гончаровского «Обрыва», ни в иной у Ульяновых не было, что известно из ряда биографий Владимира Ильича.

2) Александр Ильич никогда не располагал флигелем в три комнаты, хотя бы с самой «спартанской» обстановкой; он занимал всегда не больше одной маленькой комнатки.

3) *Никакое не известное мне лицо ни в 1883, ни в каком-либо ином году в нашем доме не гостило, хотя «месяц, проведенный в семье Ульяновых, жив до сих пор в памяти автора».*

4) Александр Ильич не только не «состоял ни в какой террористической группе в 1882—1883 году» (в возрасте 16—17 лет), но не был ее членом и в первые годы студенчества, вплоть до зимы 1886 года.

5) Владимир Ильич не был в Казани осенью 1889 года, вследствие чего не могла состояться вторая встреча с ним автора.

6) Не могла состояться и третья, так как В. И. не был отправляем этапом в Сибирь из Бутырок ни в 1891 году, ни позже.

Если первая, юношеская встреча могла быть проверена только близкими родственниками, к каковым редакции надлежало обратиться, то последние две требовали для своей проверки лишь небольшой доли внимательности. В воспоминаниях пишущей эти строки о жизни Владимира Ильича в Казани, помещенных в ленинском номере *руководящего органа ЦК РКСМ «Молодой гвардии»*, указывается, что Ленин уехал совсем из Казани в мае 1889 года.

Товарищи редакторы ЦК РКСМ, надо вам читать хотя ваши собственные издания!

Выдуманность третьей встречи очевидна как из целого ряда воспоминаний об Ильиче, указывающих, что до осени 1893 года он жил в Самаре и что арест в декабре 1895 года был его первым (не считая студенческого) арестом, так и из воспоминаний той же Елизаровой в 3-м (ленинском) номере «Пролетарской Революции». Там говорится, что В. И. поехал в ссылку в Сибирь *на свой счет, а не этапом из Бутырок.*

А редакторам ЦК РКСМ надлежит читать кроме своих также и общепартийные издания.

Не так трудно было бы навести справку о том, работал ли в «Искре» с Ильичем — особенно в 1900 году, когда количество работников было так незначительно, — некий Бабинцев. И при более серьезном отношении со стороны руководящих работников нашего комсомола им должна была бы бить сразу в глаза беззастенчивость хвастовства автора о трех (!!!) побегах с каторги. Ведь это почище 20 000 курьеров Хлестакова выходит!

А всего недопустимее печатание без проверки:

«В процессе А. Ульянова я был приговорен к повешению, которое было заменено вечной каторгой!»

В процессе 1 марта 1887 года на скамье подсудимых сидело 15 человек, среди которых фамилии Бабинцева нет. Не фигурирует она даже и на периферии в качестве привлеченных, свидетелей и т. п. (имеется полный стенографический отчет процесса). Таким образом, не только к повешению, но и к высылке по этому процессу автор не мог быть присужден.

Чувствуя, очевидно, «чье мясо съедено», автор и не подписывает своих «воспоминаний», предпочитая скрываться, хотя и стыдливо, но веско, под общим почетным наименованием «старого коммунара».

Доверчивое печатание его мистификации окрыляет его еще более, и он посылает, как мне известно, в редакцию следующее «воспоминание» о 1886 годе, где вранье его распускается — если это только возможно — еще более махровым цветом.

К чему это приведет, наконец? К созданию материала для юмористических отделов различных белогвардейских изданий?!

Товарищи редакторы, нельзя поощрять такой хлестаковщины. Надо относиться серьезнее к делу и, памятуя завет Ленина нашей молодежи, работать, учиться и еще раз учиться.

А. Елизарова-Ульянова

*Пролетарская революция,
1924, № 8—9, с. 404—405*

Письма

Н. А. ДЬЯКОНОВОЙ

18 $\frac{16}{X}$ 87

Дорогая Наденька!

Сейчас, неожиданно, представился случай в город, которые теперь, благодаря осенней погоде и распутице, стали очень редки, и я тороплюсь написать Вам хоть немного. Мне досадно, что можно написать лишь немного и второпях, так как сейчас едут, но не хочется откладывать письмо. Ваше письмо меня очень обрадовало — большое терсі за него и за карточку, которая, по-моему, очень хороша.

Спасибо Вам большое за ласку, дорогая моя, она мне так дорога, я точно цепляюсь теперь за всякую привязанность, и с Вами мне бы так хотелось не прерывать сношений! Как жаль, что я только последнее время сошлась побольше с Вами! У меня дурная черта в характере, что я слишком медленно схожусь с людьми и, когда привяжусь больше, приходится расставаться, а иногда со мною бывало, что это медленное вглядывание люди принимали за нежелание и, пока я собиралась, успевали отвернуться. Может быть, поэтому у меня бывало мало друзей, может же быть, впрочем, и по какой-нибудь более серьезной причине.

Вы говорите, Наденька, чтобы я писала обо всем, что хочется сказать, но мне хочется часто сказать так много, а я не умею как-то переключать на бумагу — все выходит как-то топорно и не так, особенно если, как сейчас, надо торопиться. Не умею я как-то схватить чувство на письме, а так бы легко, казалось, поговорить и поплакать вместе. Я, может быть, эгоистична — простите. Что б я ни делала, я все думаю об одном, я часто вижу его¹ во сне и во сне, мне кажется, живу больше, чем наяву.

Я прежде не понимала ненависти, а теперь ненавижу так, что иногда мне кажется, будто я никого уж не люблю.

На маму, я боюсь, не нагоняю ли бóльшей тоски — не под силу иногда бывает крепиться и говорить и заставлять себя

¹ А. И. Ульянов. Ред.

думать о постороннем, а также видеть, как это несчастье на нее действует, как она, по обыкновению, не крепится. Ей очень хочется, чтобы меня пустили в Казань,— подала прошение министру, не знаю, что выйдет. Навещать ее изредка мне позволили, недавно даже с неделю прожила там. Но, как ни хочется видеть маму, тянет опять в деревню — как-то здесь, на приволье, точно легче; деревенская жизнь, даже поздней осенью, мне очень нравится, может быть, потому, что здесь легче быть бездеятельной.

Вот пришли торопить — надо кончить. Итак, впрочем, довольно много написала, а раз, с неделю тому назад, только начала Вам писать и пришлось бросить — не подождали меня. Вообще теперь у нас сообщение плохое,— зато с редким случаем так ждешь письма.

Пишите, если не очень скучно. Простите за это письмо — пишу так несвязно,— вижу, что нынче меньше, чем когда-либо, мне удастся писать. Целую Вас и желаю всего лучшего.

Мой поклон М. Ал.¹ и всем Вашим. Поцелуйте Сашу². Пишите побольше о себе, дорогая моя.

Ваша А. У.

Р. С. А адрес Вы мне забыли написать — посылаю опять на имя С. Ал.³

Послано из Кокушкино в Петербург

*Печатается по тексту журнала
«Наука и жизнь», 1987, № 1,
с. 12—13, сверенному
с рукописью*

¹ *Михаил Александрович Дьяконов* (1856—1919) — муж Н. А. Дьяконовой, профессор русской истории, действительный член Петербургской Академии наук. *Ред.*

² *Саша, Александр Михайлович Дьяконов* (1886—1956) — сын Н. А. Дьяконовой, впоследствии известный энтомолог, профессор Ленинградского университета. *Ред.*

³ *Сергей Александрович Порецкий* (1860—1916) — брат Н. А. Дьяконовой, преподаватель, автор нескольких научно-популярных книг по вопросам естествознания. *Ред.*

1888 год

Из письма Н. А. ДЪЯКОНОВОЙ

24 января 1888 г.

...Мы провели все праздники в деревне, где живем и теперь, кроме средних брата и сестры, которые помещаются в городе у тети¹.

Адрес наш теперь: Профессорский переулок, дом Завьяловой, Анне Александровне Веретенниковой. Теперь обжились здесь немного, не зябнем, как в декабре, да и морозы не такие сильные, но зато метели здесь бедовые, особенно нынешний месяц.

Выписали «Русскую мысль», «Неделю» и еще «Казанскую ежедневную газету»; ждем всегда с нетерпением случаев из города, которые теперь, благодаря вьюгам, стали реже, — и, впрочем, не столько для газет, как для писем, так как читаю все очень много.

Мама порадовала меня недавно, привезла из Казани посмертное издание Надсона. Я его так люблю! Я нахожу в нем так много своих мыслей и чувств, а это так приятно! Одно из посмертных четверостиший особенно поразило меня —

Надо жить — вот они роковые слова.
Вот она — роковая задача!
Кто над ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья над ней не ломалась от дум голова?

Послано из Кокушкино в Петербург

*Семья Ульяновых в Татарии.
Документы, материалы
и воспоминания.
Казань, 1985, с. 95—96*

Из письма Н. А. ДЪЯКОНОВОЙ

20 апреля 1888 г.

...Вы спрашиваете, как мы поживаем. Начали весной отдыхать, весна же нынче прелестная, и в деревне теперь очень хорошо, а к концу зимы у нас с мамой порядочно расходились

¹ Имеются в виду Дмитрий и Ольга, которые продолжали свои занятия в Казани. *Ред.*

нервы. Мама, вообще, не совсем хорошо себя чувствует, и ей надо отдохнуть притом. У меня бывают прегадкие состояния, чувствуешь, что нагоняешь тоску и на других, и это еще усиливает тоску, а не сбрасывает ее... Последнее время чувствую себя бодрее.

Очень беспокоит нас теперь судьба Володи,— отпустить его куда-нибудь маме будет, конечно, тяжело, а в деревне не удержать. Сергей Ал.¹ поедет за границу,— у меня была бы просьба к нему: не будет ли он так добр узнать кое-что о тамошней студенческой жизни (стоимость жизни, преимущество одного университета перед другим из тех, от которых он будет ближе и узнать о которых ему будет удобно). Я была бы ему очень благодарна.

Конечно, отпустить Володю туда беспокойно и страшно. Но как быть, если его никуда не примут или примут — выгонят через полгода,— учиться ему все-таки надо!

Разумнее бы, конечно, подождать года два, но это ему совсем не по характеру — скучает он без дела, а чтобы заняться самостоятельно — молод еще. И еще у меня будет просьба к Вам, милая Надя,— простите, если надоедаю.

Нынче Володя, вернувшись из города, сказал мне, что в Петербурге исключили недавно 40 человек, преимущественно юристов III и IV курса. Может быть, Дм. Як. узнает опять о Драницыне и Вы напишете мне? Я имею еще особые причины беспокоиться за него... Забываю Вас все спросить, получили ли Вы Евг. Ал.² лекции по философии, которые Драницын отнес на курсы? С ними была и книжка Рихтер,— просили Лидию³ зайти на курсы, навести о нем справку — ей ближе.

Лидия пишет, что Вы читаете вместе разные мудреные вещи,— вот я думаю, совсем отвыкла от научного чтения, читаю только немножко по англ., чтобы не забыть совсем,— но больше и охотнее работаю: мастерим себе летние костюмы. Училась я еще зимой стенографии,— не знаю уж, пригодится ли на что-нибудь, а надо все же думать, за какое дело взяться.

Послано из Кокушкино в Петербург

*Семья Ульяновых в Татарии.
Документы, материалы
и воспоминания.
Казань. 1985, с. 100—102*

¹ С. А. Порецкий. Ред.

² О ком идет речь, не установлено. Ред.

³ Л. В. Винберг. Ред.

19 мая 1888 г.

Из Кокушкино

Давно уж я не беседовала с Вами, дорогая Надя, и соскучилась уже. Пишите и Вы мне скорее. Начинаем пользоваться летом, хотя пока оно довольно холодное.

Мама хочет пить кумыс, ей бы надо поправить за лето здоровье, которое порядком расстроилось. Сюда собирается на лето один из моих двоюродных братьев, доктор, который также хочет пить кумыс, — так вот они хотят устраивать его сами. Пока мама пьет кумыс из коровьего молока. Сейчас она еще с хозяйством хлопочет, но на лето я хочу взять его на себя. Что еще я буду делать летом? Кажется, верхом буду — мама купила мне седло, братьям по рубашке, вероятно, вышью, — должно быть, и работа найдется, стенографией буду заниматься (не знаю, не потерянное ли это только время), — языками боюсь уже говорить, так как мои благие намерения на этот счет кончались до сих пор ничем. И больше ничего! Знаете, Наденька, я часто боюсь, что за теперешним моим бездействием я совсем отвыкну от всякого дела, буду не способна к какой-нибудь серьезной работе, — что я так и не выйду из своей теперешней апатии и буду пробавляться чем-нибудь вроде делания абажуров!.. Что же за паразит я буду!.. Однако будет!

Впрочем, есть и еще дело, к которому я всегда чувствовала охоту, к которому, мне кажется, у меня есть некоторые способности, но которое теперь идет у меня уж очень туго и по непривычке и потому, что не могу поглотиться им вполне, — это литературная работа. Недавно сделала попытку — послала сказку и пару стихотворений в детский журнал; не знаю, что из этого выйдет. Пока это — между нами.

Да, ведь Вы совсем еще не знаете, что я — поэт! Так как я пишу Вам очень откровенно, то Вы должны знать меня со всех сторон, поэтому и еще потому, что это, может быть, развлечет Вас, посылаю Вам одно из стихотворений, написанных в тюрьме, где я особенно много писала. Думаю, что мысль этого стихотворения понравится Вам.

Недавно ездила на день в город, где не была с декабря. Совсем я отвыкла от него. Знаете, что меня поразило при въезде как странная ненужность, от которой в деревне я отвыкла? — звон колоколов и солдаты, часовые. О первом я еще недавно была совсем противоположного мнения, но теперь

служба пробуждает во мне только злобу, а некоторые места особенно бьют по нервам!

Но довольно! Я что-то очень разболталась,— верно, потому, что давно не говорила с Вами. Не надоедают ли Вам мои излияния?..

Ну, до свидания,— всему бывает конец! Целую крепко Вас и маленького Сашу. Мой поклон М. А., С. А.¹ и всем Вашим. Не забывайте Вашу А. У.

Р. С. Кланяйтесь от меня Лидии и всем В.²

Послано в Петербург

*Семья Ульяновых в Татарии.
Документы, материалы
и воспоминания.
Казань, 1985, с. 102—103*

Из письма Н. А. ДЪЯКОНОВОЙ

14 сентября 1888 г.

Кокушкино

Я провожу эту осень, как и прошлую, в деревне с маленькой сестрой³. Мама с остальными — сестрой и братьями⁴ — переселилась в город (адрес наш: 1-я гора, дом Орлова). Брату позволили жить в Казани, но в университет не пустили: он рвется за границу, но маме очень не хочется пускать его туда. Осень нынешний год прекрасная, мы много гуляем и пользуемся деревней. Ну, а что Вы? Более подробные сведения о себе откладываю до следующего письма — не пишется как-то после такого большого промежутка, не зная, что Вы и насколько кстати придет мое письмо, буду ждать Вашей весточки...

Ваша А.

Послано в Петербург

*Семья Ульяновых в Татарии.
Документы, материалы
и воспоминания.
Казань, 1985, с. 104*

¹ М. А. Дьяконов и С. А. Порецкий. *Ред.*

² По всей вероятности, здесь речь идет о Веретенниковых. *Ред.*

³ М. И. Ульянова. *Ред.*

⁴ Имеется в виду Ольга, Владимир и Дмитрий Ульяновы. *Ред.*

15 октября 1888 г.

Прежде всего сообщу Вам приятную новость: я в Казани, куда меня пустили на 4 месяца лечиться от нервной болезни. Очень приятно, что зиму можно провести вместе. Переехала на днях с сестренкой¹, и наслаждаемся теплом, чистотой и уютностью после нашего деревенского помещения. Я чувствую себя гораздо бодрее и здоровее, но, несмотря на свои старания, я и в семье мало успеваю сделать, чтобы слить и ободрить всех. Брат² тоскует как-то вследствие своих неудач (его и за границу не пустили и вообще косятся очень на бедняжку, раздувают все страх как). Не знаю, что будет,— но я, впрочем, отучаю себя теперь смотреть в будущее: довольно настоящих забот.

Так как мне нет теперь деревенских забот по хозяйству и я теперь на всем готовом, то у меня гораздо больше досуга, который не знаю, на что употребить; продолжаю изучение итальянского языка, которое начала еще в деревне и который мне очень нравится, но все это накопление знаний, а прилагать их хочется. В деревне увлеклась было одним делом, но начать его не привелось: выучилась у проходившей кружевницы плести кружева с целью обучить этому деревенских девушек, чтобы они могли зарабатывать что-нибудь в зимние месяцы,— но вот я уехала, а может быть, что-нибудь бы вышло.

Кое-что о моей жизни Вы можете также узнать от Кати: мне было очень жаль, что она мне ничего от Вас не привезла. Нынешнюю осень мне в деревню было несколько визитов: приезжал один очень милый двоюродный брат, Катя³ и еще один знакомый, Елизаров⁴; знаете ли Вы его? Он тоже был в Париже, но, к сожалению, ничего не мог мне сообщить о Вас; сказал только, что видел М. Ал.⁵ издали на диспуте Платонова, улыбающимся и довольным.

Он привез мне и положения диссертации Платонова, но, к сожалению, они где-то в Казани затерялись и не попали мне в руки...

¹ М. И. Ульянова. Ред.

² В. И. Ленин. Ред.

³ О ком идет речь, не установлено. Ред.

⁴ М. Т. Елизаров. Ред.

⁵ М. А. Дьяконов. Ред.

Р. С. Собираюсь сняться и пошлю Вам тогда карточку.

Послано из Казани в Петербург

*Семья Ульяновых в Татарии.
Документы, материалы
и воспоминания.
Казань, 1985, с. 106—107*

Из письма Н. А. ДЬЯКОНОВОЙ

28-ое дек. 88 г.

...Мы живем по-прежнему. Брат ¹, после того как ему отказали в позволении ехать за границу, просил о разрешении сдавать экстерном в Ярославском лицее; но вот уж два месяца, а ответа нет, верно, и туда не пустят. А что бы, кажется, этого не позволить? Занимался бы он по крайней мере! Мы бы этого по некоторым причинам желали даже больше допуска его в университет.

О себе сказать нового совсем нечего. Живу тихо; кроме родных, ни с кем не выдаюсь и никого почти не знаю. В последнее время у меня очень досадный перерыв в занятии итальянским языком, — прочла одну статью, которую могла найти здесь, и теперь читать нечего. Веду переписку с Цинзерлингом ², но он что-то очень неаккуратен и мешкает — до сих пор не послал даже каталога. Не знаю, откуда я могла бы достать хотя что-нибудь итальянское поскорее. Все-таки это некоторое дело для меня, и перерыв в нем я ощущаю очень тоскливо. Да и вообще часто, особенно по вечерам, нападает тоска, при которой ничего не могу делать, и это отчасти причина, что откладывала так долго письмо к Вам, моя дорогая.

Напишите, как проводите праздники. Желаю Вам всего хорошего на новый год, а в частности: М. Ал. ³ кончить скорее и защитить блестяще свою диссертацию, Сашеньке — вырасти и окрепнуть побольше (это главное в его лета), а Вам, но что же я Вам пожелаю, голубушка! Главное для Вас — их здоровье и счастье... Ну, желаю и Вам здоровья и всего лучшего и желаю провести получше это лето где-нибудь вместе с М. Ал. и С. Ал. Кланяйтесь всем от меня.

Целую Вас крепко. Не забывайте Вашу А. У.

Мама кланяется Вам и М. Ал.

Напишите, как проводите эту зиму. Как поживает Колодезникова.

Послано из Казани в Петербург

*Печатается по тексту журнала
«Наука и жизнь», 1987, № 1,
с. 13, сверенному с рукописью*

¹ В. И. Ленин. Ред.

² По-видимому, книготорговец. Ред.

³ М. А. Дьяконов. Ред.

1896 год

М. Т. ЕЛИЗАРОВУ

15 марта 1896 г.

Получила вчера письмо А. М.¹, за которое благодарю, и твои трагические многоточия. От нас письма идут что-то медленно, хотя мы опускаем их в курьерский ящик. У меня уже далеко нет энергии в беготне первого моего приезда. С Чеб.² видимся редко. Ив. Н.³ был как-то, да не застал. Путешествую еще усиленно к В-штейну³, он делает некоторые попытки, но все они, боюсь, не приведут ни к чему. С В. поболтали нынче целый час; он бодр по-прежнему⁴. Дач смотреть не ездили: во-1-х, хочется узнать сначала, к чему приведут хлопоты, так как тогда, может быть, напрасно и смотреть; во-2-х, распутица сильная.

Послано из Петербурга в Москву

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 68*

¹ Возможно, речь идет о А. М. Лукашевич. Привлекалась по делу Московского комитета РСДРП. Знакомая А. И. Ульяновой-Елизаровой. *Ред.*

² *И. Н. Чеботарев. Ред.*

³ *М. Ф. Волкенштейн* — адвокат. В. И. Ленин числился у него помощником присяжного поверенного в 1893—1895 годах. Речь идет о попытке взять В. И. Ленина на поруки из дома предварительного заключения, где Владимир Ильич находился с 9 декабря 1895 года, арестованный по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». *Ред.*

⁴ Анна Ильинична имеет в виду свидание с В. И. Лениным в доме предварительного заключения. *Ред.*

П. Б. АКСЕЛЬРОДУ ¹

Глубокоуважаемый Павел Борисович!

Получила письмо ² в ответ на Ваше и решила послать Вам его таким образом, чтобы Вам не разбирать самому «китайскую грамоту». Вот оно ³.

О «Вашем» способе я написала ему ⁴ на днях, как и вообще обо всем, о чем мы с Вами говорили. Но, вероятно, из того, что он его никак не припомнит, надо вывести, что он считает его неудобным. Не могу не сказать со своей стороны, что я его ⁵ побаиваюсь. Впрочем, и вообще, дорогой Павел Борисович, я, от души желая для него этих работ, т. к. они дадут ему огромное нравственное удовлетворение, — и боюсь за него. На днях я с тревогой услышала здесь, что о работах его знают больше, чем бы я думала... Так, Сергей Николаевич ⁶ в собравшемся у

¹ П. Б. Аксельрод (1850—1928) — социал-демократ; принимал участие в создании и деятельности первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда»; с 1900 года — член редакции газеты «Искра» и журнала «Заря»; со II съезда РСДРП — один из лидеров меньшевизма. Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно; находясь в эмиграции, активно боролся против Советской власти. *Ред.*

² Имеется в виду письмо В. И. Ленина П. Б. Аксельроду от 16 августа 1897 года, которое А. И. Ульянова-Елизарова должна была переслать адресату. Письмо было написано Лениным «химией». Чтобы облегчить П. Б. Аксельроду прочтение такого непростого письма, Анна Ильинична, проявив его, переписала и отправила адресату в тексте собственного письма 29 сентября 1897 года. *Ред.*

³ Далее следует текст указанного письма В. И. Ленина П. Б. Аксельроду (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 12—13). *Ред.*

⁴ В. И. Ленину. *Ред.*

⁵ Способа переписки. *Ред.*

⁶ С. Н. Прокопович (1871—1955) — буржуазный экономист, публицист и политический деятель; представитель «экономизма», один из активных проповедников бернштейнианства в России. В 1897 году приезжал к П. Б. Аксельроду в Цюрих, а затем к Г. В. Плеханову — в Женеву. Встречался за границей и с

него довольно большом обществе наметнул мне,— совсем некстати и весьма прозрачно,— что он знает об одной его тактической вещице¹. Вещь эта была написана нынешней весною в крайне рискованных условиях (не помню теперь, говорили ли мы с Вами о ней,— кажется, не пришлось); Сергей Николаевич осведомлен о ней, как видно, довольно подробно, хотя и в одностороннем освещении, что показывает, что знает он о ней, что называется, из пятых рук. Конечно, это бы еще небольшая беда была, что знает, если бы он умел знать про себя. Я была очень возмущена, но промолчала, понятно, чтобы не выдать себя. Пишу об этом, чтобы сказать, что выбор переписчика меня немало беспокоит, если даже такой, на вид как будто и серьезный человек, как Сергей Николаевич, не умеет молчать. Не взять ли мне на себя это дело с тем, чтобы пересылать Вам по окончании уже с верными okazиями,— как Вы думаете об этом? Выгода была бы та, что, кроме нас с Вами, никто ничего бы не знал.

Думаю пробыть здесь² еще до 4—5 октября, так что ответ мог бы застать меня еще здесь (*Moabit, Calvinstrasse, № 7*). Позднее же адрес мой: Москва, Управление московско-курской железной дороги, Марку Тимофеевичу Елизарову³. На него можно посылать и «Вашим» и «нашим» способом. На какой адрес посылать мне Вам? На тот ли английский⁴, который дал мне Гинцбург, или более скорый может быть путь?

В письме ко мне «общий знакомый»⁵ просит передать «большуший привет» Георгию Валентиновичу⁶ и просьбу сообщить ему, какое место в «Капитале» отметил он «для Тулина»⁷. Еще он пишет, что Ваши и Георгия Валентиновича

другими политическими эмигрантами. Об одной из таких встреч и говорится в этом письме. *Ред.*

¹ По-видимому, речь идет о какой-нибудь листовке или прокламации Владимира Ильича (*А. Е.*), написанной в «крайне рискованных условиях» — в доме предварительного заключения. *Ред.*

² В Берлине. *Ред.*

³ Адрес этот только для нашей переписки, а не для Гинцбурга. *А. Е.* (*Б. А. Гинцбург* (1863—1920) — социал-демократ, меньшевик. Анна Ильична, будучи за границей, вела с ним переговоры о пересылке из Москвы материалов для издательства группы «Освобождение труда». *Ред.*)

⁴ Отсюда видно, что письма В. И. Ленина из Шушенского для П. Б. Аксельрода посылались в Цюрих и через Англию. *Ред.*

⁵ Имеется в виду В. И. Ленин. *Ред.*

⁶ *Г. В. Плеханов* (1856—1918) — видный теоретик и первый пропагандист марксизма, деятель российского и международного рабочего движения; основатель первой российской марксистской организации — группы «Освобождение труда» (1883). *Ред.*

⁷ *Тулин* — псевдоним В. И. Ленина. *Ред.*

лестные отзывы о писаниях его для рабочих для него ценнее всего, что бы он мог себе представить¹.

Со своей стороны скажу, что воспоминание о пребывании моем в Цюрихе и о таком родственном, сердечном отношении ко мне Вас с семьею и Веры Ивановны² останется всегда одним из лучших моих воспоминаний! Прошу Вас передать мой горячий привет Вере Ивановне и всем Вашим. Жму крепко Вашу руку и желаю Вам здоровья и всяких благ!

Ваша А.

Простите, что исписала так все кругом³, но хочу поблагодарить Вас еще за знакомство с Каутским⁴, Цеткин⁵, к сожа-

¹ В связи с этим письмом Анны Ильиничны считаю необходимым привести следующий отрывок из ее публикации: «Во время моей летней поездки за границу я познакомилась с членами группы «Освобождение труда», отвезла им привет от Владимира Ильича. Они с большим интересом расспрашивали о нем и просили передать ему, что никто в России не пишет так хорошо для рабочих, как он. Я сообщила это ему, конечно, в конспиративном, — молоком с водою или химией написанном письме в книге, в номере журнала или в каталоге, как писала ему и из-за границы. По поводу этого отзыва Владимир Ильич написал мне таким же способом, что одобрительный отзыв «стариков», т. е. Плеханова и Аксельрода, о его писаниях для рабочих — для него ценнее всего, что он мог бы себе представить.

Эти слова Владимира Ильича в его письме от 16.VIII к П. Б. Аксельроду (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 12—13) показывают, какое большое уважение питал в то время Владимир Ильич к обоим основателям группы «Освобождение труда». Вернувшись из-за границы в 1895 году, он много рассказывал мне о них, советовал съездить также познакомиться» (Пролетарская революция, 1929, № 2-3, с. 201). *Ред.*

² *В. И. Засулич* (1849—1919) — видная участница народнического, а затем социал-демократического движения в России. С 1883 года принимала участие в создании и деятельности группы «Освобождение труда». В 1900 году вошла в редакцию «Искры» и «Зари». С 1903 года меньшевичка. К Октябрьской социалистической революции отнеслась отрицательно. *Ред.*

³ Письмо занимает всю свободную «площадь» четырех страничек почтовой бумаги. *Ред.*

⁴ *Карл Каутский* (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала; вначале марксист, позднее ренегат марксизма, идеолог центризма, родоначальник одного из оппортунистических течений в рабочем движении — каутскианства. *Ред.*

⁵ *Клара Цеткин* (1857—1933) — выдающийся деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей КП Германии, член Президиума ИККИ (с 1921 года). Участвовала в создании и работе II Интернационала. Один из организаторов «Союза Спартака», член ЦК КПГ с 1919 года. С 1920 года депутат германского рейхстага. *Ред.*

лению, не застала. Корректуры не получила¹, ибо Каутский хочет напечатать уже все вместе. Обещал послать мне сюда, и я жду с нетерпением. Что Ваши головные боли?

29-ое сентября

*Написано 29 сентября 1897 г.
Послано из Берлина в Цюрих*

*Печатается по тексту журнала
«Пролетарская революция», 1929,
№ 2—3, с. 255—258, сверенному с
рукописью*

¹ Речь идет о корректуре первой части статьи П. Б. Аксельрода «Die historische Berechtigung der russischen Sozialdemokratie», опубликованной в «Die Neue Zeit» в апреле 1898 года. Анна Ильинична вела переговоры с Каутским о возможности пересылки этой корректуры Владимиру Ильичу в Шушенское. Статья эта была издана по-русски в 1898 году в Женеве под заголовком «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России». См. отзыв В. И. Ленина на нее в письме А. Н. Потресову от 26.I.1899 года (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 46, с. 18—22). *Ред.*

1898 год

Из письма М. И. УЛЬЯНОВОЙ

Belgique — Бельгия

Bruxelles Zxelles

Rue du College N 17 M-Ile Oulianoff

31-ое октября.

Дорогая моя Марусечка! Кажется, я довольно давно не писала тебе — не собралась как-то. Сажусь поболтать сейчас. Мы только что отпили чай, к которому приехал Марк, и сидели, перечитывали твое последнее письмо, — оно очень интересно. Так приятно слышать, что ты чувствуешь себя хорошо там и что у тебя такие милые подружки — хотелось бы познакомиться с ними. Теперь ты получила уже, конечно, посылку. Напиши, как дошло, — не измялось ли сильно платье? Я отправляла и беспокоюсь, хорошо ли доедет. Жаль, что ты не написала раньше о карточках: можно бы все послать. Напиши, что тебе из них хочется особенно, и я как-нибудь в заказных пошлю. Теперь ты берешь уж, верно, уроки французского. Желаю скорейшего успеха. Очень рада была слышать, что ты начала понимать на лекциях, что увлекаешься ими. Какие симпатичные все профессора по твоему описанию!..

О сборнике В.¹ ни слуху ни духу. Мы здесь живем, конечно, очень тихо; ходили раз с Митей познакомиться с одним санитарным врачом, но он человек занятой и вряд ли выйдет знакомство². С Митей начали читать Маркса, III т.³ — не знаю, пойдет ли; еще по-немецки Sombart'a⁴; в немецком он немного

¹ Речь идет о сборнике работ В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи». *Ред.*

² Речь идет о В. А. Левицком — близком знакомом семьи Ульяновых, служившем санитарным врачом в Подольском уезде Московской губернии. Позднее В. И. Ленин привлек его к сотрудничеству в газете «Искра». *Ред.*

³ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии, т. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Под ред. Ф. Энгельса. Пер. с нем. Спб., 1896. *Ред.*

⁴ Анна Ильинична пишет о книге В. Зомбарта «Фридрих Энгельс (1820—1895). Страницы из истории развития социализма» (Берлин, 1895).

Вернер Зомбарт (1863—1941) — немецкий буржуазный вульгарный экономист, один из идеологов германского империализма. В. И. Ленин упоминает Зомбарта в своей работе «Анкета об организации крупного капитала» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 301). *Ред.*

успел. Скучает он несколько тут,— главная причина: определенного занятия нет; медициной ему теперь заниматься не хочется, до выяснения положения, говорит он. Я, собственно, думаю, что он напрасно так неуверен. Зимой, вероятно, поеду в Питер, но не так-то скоро еще. Ну, да теперь и погода невеликая; дня два было морозно, и мы недурно погуляли с ним в парке. Что до меня, то мне сидится тут и сиделось бы еще лучше, если бы был перевод. Пока еще ни с чем не устроилось.

Ужасно какое-то скверное письмо выходит, перо ползет тяжело чего-то, точно мы по здешней грязи... Не знаю, отчего это последнее время у меня не выходят вовсе письма, вот оттого и не пишешь, что не ладится отчего-то.— Мы все совершенно здоровы, мамочка чувствует себя хорошо. Митек сейчас сидит и барабанит. Они с Марком, действительно, занимались нынче присканием имени для молодого пса... Пиши ты больше, дорогая, целую тебя крепко, желаю успеха и довольного настроения. Всего хорошего, как от души желает тебе твоя А. Мамочка целует тебя — напишет в следующий раз. Знаешь, я здесь вступила во владение многими твоими вещами: ношу твою шляпу, она мне очень нравится; надевала раза два твои рубашки — мои совсем худые, а еще носила твою розовую кофточку (с несчастными рукавами). Что ты скажешь на такое самоуправство? Что я тебе новую сшить за нее должна? Хорошо, к твоему приезду. Целую еще раз.

31 октября 1898 г.

Послано из Подольска в Брюссель

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917.*

М., 1969, с. 82—84

1901 год

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

С Новым годом, дорогая моя Марусечка! С Новым, хорошим и счастливым! Желаю тебе, чтобы в нем сбылось, во-1-х, твое самое сильное желание, потом — второе по силе; потом — третье... И чтобы весь он был веселым и радостным, усеянным листочками клевера в четыре лепестка, которые, говорят, приносят счастье. Мои прошлогодние васильки были такими неудачными!.. Итак, всего лучшего, моя дорогушечка! Какая-то ты стала теперь? Изменилась, верно, с тех пор как я не видела тебя. Жду с нетерпением вашей карточки, — передай это племяннику¹, а также поздравление от меня с Новым годом и желание счастья. Все собираюсь ему ответить, да не соберусь. Пусть не считается, коли есть охота. От В.² только несколько слов карандашом на конверте получила. Пишет, что очень занят. Беда иметь брата писателя! Надя³ пишет, что получили письмо от тебя. На днях ответит, вероятно. Смотри же, веселись на праздниках, Марусек мой хороший! Катайся на коньках, маскируйся! Еще раз всего лучшего, дорогая.

Твоя А.

Все эти дни искала в библиотеке чего-нибудь по беллетристике. Ничего-то хорошенького и короткого нет! Прилагаемый рассказик плоховат; но, может быть, ты все же воспользуешься им? Мамочке только не давай переводить его, — он очень мрачный. Кое-где можно сократить и изменить, — это не важно. Здесь сильный кризис, а потому это — наболевший вопрос. Один роман в журнале рекомендовали мне для перевода. Пишу запрос в «Мир божий»⁴. Если они закажут его, то я смогу прислать тебе одну книжку журнала, и мы станем, если хочешь,

¹ О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

² В. И. Ленин. *Ред.*

³ Н. К. Крупская. *Ред.*

⁴ «Мир божий» — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал либерального направления. Издавался в Петербурге с 1892 по 1906 год. *Ред.*

переводить его вместе. А разве Schlaf¹ вовсе не нравится? Я читаю его с удовольствием: по-моему, он оригинален, хорошо передает оттенки настроения, и язык у него прелестный. Рассказ «Gerechtigkeit»² (кажется), по-моему, очень подходил бы для газеты. Если бы не бестолковый несколько конец, то он и вообще хорош бы был. Идейной же беллетристики что-то вовсе нет. Впрочем, поищу еще. Ну, пиши, дорогая моя! Целую крепко! Prosit Neujahr!³

Конец декабря 1901 г.

Послано из Берлина в Самару

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 133—134*

¹ *Иоганн Шлаф (Schlaf) — немецкий писатель. Ред.*

² — «Справедливость». Ред.

³ — С Новым годом! Ред.

1902 год

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

Пишу тебе несколько слов на карточке твоего любимого Брюсселя, Манечек дорогой! Я послала тебе книжечку Гейне и журнал по одному адресу. Получила ли ты? Что читаешь? Как живешь? Жду более подробного письма.

Меня ты не вполне поняла, когда я писала о лени к немецким книгам. Это надо, конечно, *cum grano salis*¹ понимать: я не все рассказы «*Voran die Liebe*»² понимала, а лишь один и видела, что ты не прочла его, ибо мама спрашивала после получения книги: а когда же обещанный рассказ пошлешь ты? Ну, вот. Кланяйся знакомым и пиши, дорогая. Нынче больше написать не успею — на днях много писала. Всего хорошего! Целую крепко!

Твоя А.

Шведский лексикон и книги не отдавайте и не продавайте. Может, будет еще кто-нибудь заниматься им,— даже я на старости лет.

Начало 1902 г.

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 135*

Послано из Берлина в Самару

Д. И. УЛЬЯНОВУ

Господину доктору Дмитрию Ильичу Ульянову.
Земская грязелечебница Херс. земства.
Станция Гниляково Юго-Зап. жел. дор.

25/VIII.

Вот пишу тебе уже с родных мест, дорогой мой Митек. Едем мы³ недурно, обе здоровы. От тебя в день отъезда полу-

¹ — иронически, с долей насмешки. *Ред.*

² — «Прежде всего любовь». *Ред.*

³ Имеются в виду М. А. Ульянова и А. И. Елизарова, которые в августе 1902 года возвращались в Россию из поездки за границу. *Ред.*

чили наконец письмецо, были страшно рады, ибо долго без вести были.

Твое письмо, где ты писал посмотреть Кавказ и Крым описывал, мы не получили.

Приезжай лучше поскорей в Самару, очень хочется видеть тебя, а я там долго не пробуду — поеду к Марку¹. Напиши по получении этого письма, когда кончается работа и когда думаешь выехать. Напиши на адрес Мани. Мы двигаемся очень медленно, ибо попали на товарно-пассажи́рский поезд. Только завтра вечером будем в Вязьме — значит, не раньше среды в Самаре. Пиши скорее и приезжай скорее, дорогой, — так хочется видеться!

Я так рада русским видам, русской речи кругом — успела уже соскучиться. Точно корней под собой больше чувствуешь, точно спокойствие какое-то вливается. Все такое домашнее, свое, маленькое: маленькие деревья, маленькие коровки... серенькое небо, серенькие болотца. Были, правда, и другие впечатления — менее приятные², но они миновали. Так до свидания, наконец, дорогой. Обе с мамой целуем тебя и жаждем видеть. Приезжай же скорее и пиши. Еще раз до свидания.

Твоя А.

25 августа 1902 г.

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 141*

*Послано из Минска (по пути из-за
границы) в Холодную Балку*

РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

29/X. Писала вам недели две назад на бельгийский адрес. Получили ли? Теперь пишу, чтобы повторить два адреса, данных Юрьеву Тоблером, членом его прошлогодней группы.

Надежде Романовне Короть, Томск, Спасская ул., дом Вейсмана (для конвертов).

Городская лечебница (для медицинских преискурантов в корках)... Напишите, пожалуйста, Юрьеву, чтобы послал по нему скорее (т. е. транспорт). Здесь страшная бедность. Все получается в ничтожном количестве. № 4 и «Что делать?» не видели. Последнее особенно нужно бы, ибо местным духом прямо прокоптились. Приходится бороться с разными кустарн[ическими] предприятиями.

¹ Вернувшись из-за границы, А. И. Елизарова вскоре уехала в Томск, где М. Т. Елизаров работал в управлении Сибирской железной дороги. *Ред.*

² Намек на обыск, которому А. И. Елизарова подверглась в пограничном пункте при возвращении из-за границы в Россию. *Ред.*

Сибирский Союз ¹ распадается, ничего не выпускает. Здешний комитет ² его слаб людьми и средствами. Его вполне возможно перетянуть на свою сторону.

Сборам денег кроме косности сильно мешают социалисты-революционеры. На днях посылаю немного на всегдашний адрес. Из них 100 рублей личных добыто Марком с одного предприятия, 15 рублей от Сибиряка В.— просят поместить в отчете ³— и рублей 100—150 от... хотя бы кружка сибиряков.

Как дела? В каком положении транспорт? Не стоит ли для здешних окраин наладить его через Америку? В каком положении русский съезд?

Сообщите, пожалуйста, годятся ли адреса, данные мне осенью.

*Написано 11 ноября
(29 октября) 1902 г.*

*Послано из Томска
в Лондон*

*Переписка В. И. Ленина и
редакции газеты «Искра»
с социал-демократическими
организациями в России.
1900—1903 гг. Сб. док.
в 3-х томах. М., 1969,
т. 2, с. 422—423*

РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

Письмо от X получено 11/ХII.

...Относительно брошюры пишите теперь Сусликам ⁴. Монаха ⁵ мы тащим сюда с целью одного предприятия, которое, поставленное на коммерческую ногу (подробнее об этом, когда выгорит), могло бы давать хорошие барыши, но он, кажется, не сдвинется с места, хотя ответил пока еще надвое.

Здесь образую группу «Искры» ⁶. Есть сестра Любы и еще берлинцы-искровцы. На днях пошлем немного денег.

Нет ли у вас кого своих по сибирским углам? Тогда сообщите. Предполагаем поездки с целью связать.

¹ «Сибирский социал-демократический союз» был создан весной 1901 года.
Ред.

² Томский комитет РСДРП. *Ред.*

³ См.: Искра, № 30, 1902, 15 декабря. *Ред.*

⁴ Г. М. и Э. П. Кржижановские. *Ред.*

⁵ А. И. Ерамасов. *Ред.*

⁶ Томская группа «Искры» сложилась осенью 1902 года в составе А. И. Ульяновой-Елизаровой, Н. Н. и Н. Н. Баранских, В. И. и Е. Б. Броннер и др. Вскоре она приняла название «Сибирская группа революционных социал-демократов».
Ред.

Зеленой книги не разобрала. Чье это письмо? Попроси, пожалуйста, повторить, дай один из моих адресов.

*Написано 28 (15) ноября
1902 г.*

*Послано из Томска
в Лондон*

*Переписка В. И. Ленина и
редакции газеты «Искра» с
социал-демократическими
организациями в России.
1900—1903 гг. Сб. док. в 3-х томах.
М., 1969, т. 2, с. 470.*

РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»¹

7/XII. Посылаю 230 р.; 100 — наших; 15 р.— от Сибиряка В.;
50 р.— от ч-ев, а 65 — от сибирского кружка².

Пожалуйста, напечатайте, а то будут нарекания.

*Написано 20 (7) декабря
1902 г.*

Послано из Томска в Лондон

*Переписка В. И. Ленина и
редакции газеты «Искра»
с социал-демократическими
организациями в России.
1900—1903 гг. Сб. док. в
3-х томах. М., 1969, т. 2,
с. 528*

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

С праздником, дорогая Марусенька! Пишу тебе на карточке байкальской скалы,— не видела ее в такой красе,— зимой не так много увидишь. Но все же Байкал красив; мне все вспоминалась твоя песенка о «священном море Байкале», когда я проезжала его³.

Желаю, чтобы и на наступающих праздниках тебе пелось, чтобы у тебя было веселее на душе и всего, всего самого хорошего! Как твои зубы? Будь здорова, моя хорошая, и напиши же поскорее и побольше твоей А.

Середина декабря 1902 г.

*Послано с Дальнего Востока (по
пути в Порт-Артур) в Самару*

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 147*

¹ Получено на адрес Lehmann'a 5 января 1903 года. *Ред.*

² См.: Искра, № 31, 1903, 1 января. *Ред.*

³ В первой половине декабря 1902 года А. И. Елизарова вместе с мужем М. Т. Елизаровым проезжали мимо озера Байкал по пути из Томска на Дальний Восток, в Порт-Артур, где М. Т. Елизаров получил временную работу в управлении Восточно-Китайской железной дороги. *Ред.*

1903 год

РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

18/IV, на № 21¹.

Адрес в Манчжурию: М-г Braun, poste restante. Bureau de postes (лучше писать по-английски) Инкоу через Marseille — Brindisi — Suez — Shanghai. Пошлите, пожалуйста, туда кроме новинок «Что делать?».

О томичах. Дайте им адреса. Они пришлют другие адреса сами. Просят, когда нет материала, на письма извещать в почтовом ящике о получении денег, корреспонденций etc.

К доктору² заезжали на 2 дня, но он, кажется, безнадежен и т. д.

313 р., из них опублик[уйте] только 13 р. от № 10³, 100 — личные, 200 — на беглецов, опубликует Киев.

Отвечено 26/IV⁴.

*Написано ранее 18 (5) апреля
1903 г.*

Послано из Самары в Лондон

*Переписка В. И. Ленина и
редакции газеты «Искра»
с социал-демократическими
организациями в России.
1900—1903 гг. Сб. док. в 3-х
томах. М., 1970, т. 3, с. 296*

В. И. ЛЕНИНУ

26/VI. Пишу тебе немного, пользуясь оказией в необычных условиях. Прежде всего о деле: М [арк] послал из Китая 250 р. на имя Рихтера — разъехались с Вами. Прими меры, чтобы их раздобыть. Чай, это не очень сложно будет? Как у Вас насчет средств теперь? Как вообще живете и чувствуете себя? Какие отношения со стариками?⁵ Напиши либо прямо, а то стороной ничего не узнаешь. У Вас ли 3.2 1.7 7.2 3.11 5.2? (размазана

¹ Дата получения письма. *Ред.*

² О ком идет речь, не установлено. *Ред.*

³ См.: Искра, № 39, 1903, 1 мая. *Ред.*

⁴ Пометка Н. К. Крупской. Письмо не обнаружено. *Ред.*

⁵ Очевидно, с членами группы «Освобождение труда». *Ред.*

химия). Напишите о ней ¹, если ей самой не удастся. Как-то придется ей выполнить свою миссию? Очень затрудняется она теперешним открытым образом жизни.

Мы живем так себе. Мама была больна чем-то нервным вроде солнечного удара от жары и очень напугала нас. Теперь она поправилась, но разные нервные боли у ней еще остались, каких прежде не было. Мы собираемся съездить с ней посоветоваться к доктору, когда не будет так жарко. Плохо она жары выносит. Не знаю, где и с кем было бы ей удобнее и покойнее поселиться с осени.

М[арк] останется, может быть, еще в Порт-Артуре, где у него есть некоторые планы. 22, 24, 3.10, 3.20, 73, 47, 42, 91, 32, 92, 10.4, 34, 94. Я поехал бы в какой-нибудь большой южный город. Напишите. Куда Вам было бы желательнее — надо будет, конечно, устроиться тогда там с каким-нибудь заработком. Почему и запрашивал уже знакомых о железной дороге.

*Написано 9 июля (26 июня)
1903 г.*

*Послано из Самарской
губернии в Лондон*

*Переписка В. И. Ленина и
редакции газеты «Искра»
с социал-демократическими
организациями в России.
1900—1903 гг. Сб. док. в 3-х томах.
М., 1970, т. 3, с. 420*

¹ О ком идет речь, не установлено. *Ред.*

•

1905 год

В. И. ЛЕНИНУ и Н. К. КРУПСКОЙ

Конец письма ¹.

Либеральная публика собралась вчера сначала в Публичной библиотеке, — к вечеру (ее закрыли потом) в Вольном экономическом ², где было принято письмо к офицерам, решено выпустить письмо к солдатам, предлагалась забастовка лиц интеллигентных профессий, но не прошла, конечно; затем решено было добывать оружие и устраивать повсюду митинги. Во многих частях города устроены перевязочные пункты. Поп Гапон ³, на которого я и многие глядели как на чистого зубатовца, все же как будто не темная личность. Эту полутемную, отчасти наивную по вере в царя, отчасти не совсем нормальную точно личность вынесла наверх волна накопившегося народного возмущения, и он сумел овладеть толпой. Теперь он подписывается под всеми требованиями с.-д.

Очень хорошо, что ПК и группа ЦК объединились теперь и начинают выпускать листки за общей фирмой.

Ну, пока до свидания! Что-то будет завтра? Вечером необычно пустынно на улицах; дворники запирают с 10 часов ворота; был слух, что город объявлен на военном положении. Совсем точно революция у нас начинается... Так ли?..

Ваш Игорь ⁴

1905 г., январь, позднее 9

Послано из Петербурга в Женеву

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 156

¹ Начало письма, адресованного В. И. Ленину и Н. К. Крупской, не сохранилось. *Ред.*

² Вольное экономическое общество — учреждено в Петербурге в 1765 году для «распространения в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений». Издало «Труды ВЭО» (вышло 280 томов) и другие книги. *Ред.*

³ Г. А. Гапон (1870—1906) — священник, агент царской охранки. Накануне революции 1905—1907 годов создал по образцу зубатовских новую проправительственную рабочую организацию. Инициатор шествия петербургских рабочих с петицией к царю 9 января 1905 года, которое закончилось расстрелом рабочих. *Ред.*

⁴ А. И. Ульянова-Елизарова. *Ред.*

1908 год

В. И. ЛЕНИНУ

11-ое сентября.

Дорогой мой Володя!

Пишу тебе из Петербурга, куда приехала 3-го дня. Говорила по поводу издания твоей книги¹ с Клецовым² — братом того господина, который устраивал ее в «Звене»³ и об условиях которого я тебе уже писала. Он уже и в том немногом, что предлагал, идет на попятный. Он предлагал по 100 р. с листа при помесечной плате и по 75 (!) при плате в 3 срока. Теперь же он говорит, что по 100 р. ни в коем случае платить не может, что он согласился недавно на издание литературно-критического сборника меньшевиков, где все авторы (и Плеханов в том числе) получают лишь по 60 р., если издание в 3000 экз., и еще по 40 р., если потребуются довести до 5000. Твою же книгу, он думает, нельзя выпускать больше как 3000 экз. (Напиши кстати, какого объема она приблизительно будет, а то все спрашивают, и это важно для выяснения стоимости издания.)

Но прежде чем говорить с этим господином, я зашла в «Знание»⁴ к Пятницкому⁵. Он едет на днях в Ausland⁶ и там хотел переговорить. Сам он стоит за издание твоей книги и против того, чтобы издательству и в этом (философском) вопросе было

¹ Речь идет о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». *Ред.*

² Н. С. Ангарский (Клецов) (1873—1943) — член КПСС с 1902 года, литератор. Один из сотрудников издательства «Зерно». *Ред.*

³ «Звено» — частное издательство Л. О. Крумбюгеля, существовавшее в 1908—1911 годах в Москве. Издательством был выпущен ряд социал-демократических изданий, в том числе и книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». *Ред.*

⁴ «Знание» — товарищеское книгоиздательство в Петербурге; было организовано в 1898 году по инициативе К. П. Пятницкого. В 1900 году в число пайщиков вошел М. Горький; в конце 1902 года он возглавил издательство после его реорганизации. Горький объединил вокруг «Знания» писателей-реалистов, отражавших в своих произведениях оппозиционные настроения русского общества; осуществив организацию прогрессивно-демократического издательства, Горький стремился в то же время освободить литераторов от кабалы буржуазных издателей-дельцов. *Ред.*

⁵ К. П. Пятницкий (1864—1938) — один из основателей книгоиздательства «Знание»; был распорядителем и редактором издательства. *Ред.*

⁶ — за границу. *Ред.*

придано одностороннее направление, но окончательно хочет выяснить там и тогда обещал дать мне знать телеграммой сюда, а также я просила его известить одновременно и тебя; тогда ты сам сможешь списаться, установить условия (он говорит, что это будет всецело зависеть от тебя: будет выше гонорар, будет повышена цена книги; выплату же они во всяком случае могут произвести в 2 срока — $1/2$ по представлении рукописи, а может быть, и в один срок).

Я думаю, что во всех отношениях лучше будет, если устроится со «Знанием», — между прочим и деньги ты сможешь получать там же в Ausland'e, что все-таки спокойнее. Да и противны были разные штуки брата Клестова, о которых я писала, и я уже решила поговорить еще с кем-нибудь здесь, прежде чем соглашаться на его условия. Но больше не знаю, с кем говорить; «Посев»¹ не согласен. Всего лучше, если удастся в «Знании». Если же нет — пиши свое мнение. Издатель «Аграрного вопроса»² еще в прежнем положении. Сегодня его видела жена. Он сказал, что сейчас ничего не может заплатить, но, может быть, на днях его положение изменится и тогда он заплатит. Пару экземпляров 2-го тома обещала достать мне. Тогда пришло. На днях должен выйти наконец сборник в память Маркса³.

Слышала здесь от видавших тебя недавно, что ты выглядишь плохо и очень переутомился. Это очень грустно. Не зарабатывайся, пожалуйста, дорогой, и побереги себя. Тебе, верно, нужен был бы отдых где-нибудь в горах и усиленное питание. Устрой себе это. Ну, пусть попозже выйдет философия⁴. Не послать ли тебе денег? Пиши, когда и сколько. Я могу это, как уже писала тебе, — Марк прислал мне твои деньги.

¹ «Посев» — книгоиздательство в Петербурге. *Ред.*

² Имеется в виду М. С. Кедров, который стоял во главе издательства «Зерно». По делам издательства М. С. Кедров неоднократно привлекался к судебной ответственности и присуждался на разные сроки заключения в крепости. С ним был подписан договор 11 августа 1907 года на издание статей В. И. Ленина «За 12 лет» в трех томах. Из трех томов в середине ноября 1907 года вышел первый том. Вместо предполагавшегося второго тома удалось издать только сборник: *Вл. Ильин. Аграрный вопрос, ч. 1, Спб., 1908.*

Вторая часть второго тома, которая должна была включить рукопись «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 годов», была конфискована в типографии. *Ред.*

³ Речь идет о сборнике: Карл Маркс (1818—1883). К двадцатипятилетию со дня его смерти (1883—1908). Спб. [Кедровы], 1908. 410 с. На обл. загл.: Памяти Карла Маркса. В письме М. И. Ульяновой В. И. Ленин 25 января (7 февраля) 1908 года писал, что он не примет в нем участия, так как «невозможно наскоро написать такую вещь» (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 245*). Но Ленин все же принял участие в сборнике, написав для него статью «Марксизм и ревизионизм» (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 15—26*). *Ред.*

⁴ Имеется в виду книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». *Ред.*

Пробуду здесь несколько дней; заберу вещи и двинусь в Москву. Не знаю, как устроимся там: знакомых почти никого не осталось. Но здоровее там будет, думаю; особенно теперь совсем не хочется везти маму в холерный город. Всем привет.

Жму руку. Пиши.

Твоя А.

11 сентября 1908 г.

Послано из Петербурга в Женеву

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 177—178*

В. И. ЛЕНИНУ

15-ое ноября.

Дорогой Володя! ¹

Я видела вчера Ивана Ивановича ², возвратившегося на днях из Петербурга. Он виделся по моей просьбе с Пятницким, который говорил и ему, что «стоит всецело» за издание книги ³ в «Знании» и едет не позже 15-го ноября на Капри для личных переговоров. Принимая во внимание теперешние издательские условия, Иван Иванович советует мне также обождать этого ответа, каковой, по его мнению, должен быть утвердительным. Относительно того, что такие невероятные оттяжки происходят, то тот же знакомый думает, что это не к данному случаю надо отнести, а к общим порядкам указанного издательства. Так, книга его и Богданова (Курс политической экономии) ⁴, принятая и на Капри, о которой Иван Иванович получил телеграмму от Горького с выражением согласия еще в сентябре, несмотря на то, все оттягивалась, и о ней Пятницкий (с технической стороны) всё еще хочет лично переговорить с Горьким. Относительно твоей книги Иван Иванович думает, что тоже техническая сторона главное (Пятницкий должен выяснить, какие издательские планы у Горького), и посоветовал мне для ускорения запросить непосредственно Горького. Я поколебалась было, не зная, будет ли это удобно при сложившихся отношениях, но все же решила запросить, чтобы положить конец волоките. Указы-

¹ Ответ В. И. Ленина на это письмо А. И. Ульяновой-Елизаровой см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 263—265. *Ред.*

² И. И. Скворцов-Степанов (1870—1928) — член КПСС с 1896 года. Литератор-марксист. *Ред.*

³ Имеется в виду книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». *Ред.*

⁴ Речь идет о книге: Богданов А. А., Скворцов-Степанов И. И. Курс политической экономии. Спб., Знание, 1910, т. 1. Книга вышла только в 1910 году. *Ред.*

ваю на 2-месячную почти оттяжку Пятницкого и прошу известить не позже 1-го декабря: да или нет.

Пока же не знаю, что делать. Бонч предлагал написать в «Звено», где он знаком, просила его сделать это, — без письма же идти не имеет смысла. Приходится уж выждать еще немного. Разве попытать еще в одно издательство здесь зайти.

Книгу твою читаю (прочла около половины). Чем дальше, тем она все интереснее. Заменяю согласно твоему указанию «поповщину» «фидензмом»; вместо «попов» ставлю «теологов». По-моему, надо основательнее все такое выкинуть, а то книга будет нецензурной. С этой целью надо заменить как-нибудь: «Луначарский даже боженьку себе примыслил» (с. 189). Как корректурную поправку считаю, что надо перевести фамилию Cauwelaert — Ковеларт¹, а не Кау, ибо такого дифтонга во французском языке нет. — Ну, а потом некоторую ругань надо опустить или посгладить. Ей богу, Володек, у тебя ее чересчур много, точно в «Победе кадетов»². Для философской книги особенно уже пестрит ею. Иногда очень сильно и метко — сравнение Чернова с Ворошиловым³, например, прямо превосходно. Многие нападки на философов, их тарабарщину и т. п., хотя крайне резки и тебе за них достанется, наверное, но с твоей точки зрения последовательны и понятны. Но... «il ne font rien outreg»⁴ (привожу одну из твоих любимых поговорок), потому что такая утрировка лишь ослабляет, — уверяю тебя. Поэтому ходатайствую, чтобы ты выбросил «Гоголевский Петрушка»⁵ (о Юшкевиче, — этот особенно прямо в порошок стерт и без того); выражения «трусливы» и «нечестно» (о Базарове⁶ и Богданове⁷). «Литературное неприличие» (на с. 207). Эта фраза и по себе очень некрасива. — «Не улыбку, а омерзение»...

¹ Если это французский писатель. А. Е.

² См.: Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 271—352. *Ред.*

³ См. работу «Материализм и эмпириокритицизм», где дается это сравнение Чернова с Ворошиловым. — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 99. *Ред.*

⁴ — «не надо ничего утрировать». *Ред.*

⁵ «Гоголевский Петрушка» — слуга Чичикова из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». В работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» это сравнение оставлено (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 57). *Ред.*

⁶ В. Базаров (1874—1939) — философ и экономист, с 1896 года принимал участие в социал-демократическом движении. В 1905—1907 годах сотрудничал в ряде большевистских изданий, вместе с И. И. Скворцовым-Степановым участвовал в переводе «Капитала» Маркса. В период реакции отошел от большевизма, пропагандировал «богостроительство» и эмпириокритицизм, был одним из главных представителей махистской ревизионистской марксизма. *Ред.*

⁷ А. Богданов (1873—1928) — социал-демократ, философ, социолог, экономист. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. В годы реакции и нового революционного подъема возглавлял отзовистов, был лидером антипартийной группы «Вперед». В вопросах философии пытался создать собст-

(с. 519). Это и с цензурной стороны неудобно и резко прямо до грубости... Пожалуйста, выкинь это «омерзение» невозможное — ведь разбор дела по существу в этой главе гораздо красноречивее.— Потом, на с. 514... «проповеди платонической любви истасканными»... фуй, даже дописать неприятно... Ведь это же прямо неприличная фраза,— прямо обидно за литературу, что она внедряется в нее, за ту критику, которая без таких фраз так сильна и остроумна... Ты видишь, я выписала немногое из большей половины книги, но тем горячее убеждаю я тебя выпустить или изменить это немногое, особенно два последних выражения. Не порти свою книгу — они тебе самому потом претить будут. Однако ночь на дворе, и голова совсем устала. Будем кончать. Всего лучшего. Привет всем. Жму крепко руку. Пиши.

А.

15 ноября 1908 г.

Послано из Москвы в Женеву

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 183—185*

В. И. ЛЕНИНУ

Приписываю наутро пару слов к маминому письму. Пятн.¹, привлекаемый уже по 9 процессам, составляет теперь, оказывается, при каждом новом условии на издание договор нотариальный, что отвечает в случае суда за содержание книги сам автор. Такой договор составил он с И. И.² Хорошо было бы, если бы в данном случае он возложил ответственность прямо на автора, но И. И. думает, что так его не проведешь и он будет искать ответственное лицо по сю сторону досягаемости.

Термин «реализм», который ты отбрасываешь так просто, принят ведь еще древнегреческой философией, в отличие от идеализма или номинализма, и потому, понятно, все еще встречается в философии.

Спешу отправить письмо и дочитать твою книгу³. Поэтому до свиданья!

Твоя А.

Так вы переезжаете окончательно в Париж? Когда? Счастливого пути и лучших условий жизни.

17 ноября 1908 г.

Послано из Москвы в Женеву

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 187*

венную систему — «эмпириомонизм», разновидность субъективно-идеалистической махистской философии, резкую критику которой дал В. И. Ленин в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм». *Ред.*

¹ К. П. Пятницкий. *Ред.*

² И. И. Скворцов-Степанов. *Ред.*

³ Имеется в виду книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». *Ред.*

1909 год

В. И. ЛЕНИНУ

Rekommandée m-r VI. Oullianoff.
24. Rue Beannier. 24 Paris (XIVme) France.

Заказное.

Франция, Париж.

В. Ульянову

7-го марта.

Дорогой Володя! ¹

Возвращаю тебе согласно твоей просьбе добавление, которое придется поместить уже в конце книги, так как IV глава не только сверстана, но сдана уже в печать.

Одновременно с ответом отправляю сверстанные 19 и 20-ые листы.

Да, книга страшно запаздывает! Ходила вчера лично беседовать об этом с издателем, но его не застала; обещали сегодня прислать сверстанный 21-ый лист и 2-ую корректуру, дальше и ничего нет! Печатают в самой большой здешней типографии — Суворина ², и все-таки затяжка. Передала твою большую просьбу выпустить скорее книгу; просила об этом раньше и сама.

За мной задержки нет. В первых листах, когда мама была сильнее больна, я не исполняла иногда в срок корректурные правки, но теперь всегда аккуратно приготавливаю их, а они вот заставляют ждать.

Пожалуй, из-за почтово-телеграфной забастовки ³ ты поздно получишь это письмо. Да и от вас давненько нет письма. Мамочке получше. Понемногу она встает и выходит в столовую. Вот и сейчас лежит здесь на Митиной кровати, просит поцеловать вас, собирается написать сама.

¹ Письмо является ответом на письмо В. И. Ленина от 24 февраля (9 марта) 1909 года (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 277—279). В свою очередь В. И. Ленин отвечает на публикуемое письмо (см. там же, с. 284). *Ред.*

² *А. С. Суворин* (1834—1912) — реакционный журналист и издатель. *Ред.*

³ Почтово-телеграфная забастовка во Франции продолжалась с 15 по 23 марта 1909 года. *Ред.*

Смягчения в рукописи я делала, руководствуясь твоими указаниями: ты писал, что по отношению к Богданову¹ и Базарову² можно смягчить, а по отношению к другим я ничего не изменяла. Протестую против того, что на Москву жертвуются лишь 4 авторских экземпляра. Ты писал: пусть бы экз. 50 авторских дал издатель. Я выторговала 100 — ergo³: 50 мои — so⁴? Entendu⁵?

Ну, до свидания! Спешу очень, чтобы сдать на почту до 7-ми часов. Целую Маню⁶ и Надю⁷ и жму твою руку.

Твоя А.

7 марта 1909 г.

Послано из Москвы

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 194—195

В. И. ЛЕНИНУ

19-ое марта.

Дорогой Володя!⁸ Сегодня я отправила тебе сверстанные 20-ый (с диаграммой) и 21-ый листы, а также чистые листы 9—18-ый. Это уже окончательно напечатанные листы.

Типография по каким-то соображениям ставит: «корректур». Вставила, как увидишь, в 20-ый лист поправки, кроме примечания о Рамсэе⁹, которое поставлю к 837-ой странице. Каюсь, что не вставила его в гранки, а теперь пришлось бы переверстывать 2 листа для этого...— Стр. 802^а и 802^б вставила.

Относительно выхода книги приходится сказать с сокрушением, что к пасхе она не выйдет, как ни мало осталось, ибо во вторник на следующей неделе работы в типографии кончаются. Насела на издателя. Он очень смутился — «Ist ganz krumm geworden, der Herr Krumbügel, und noch roth dazu»¹⁰, — сказала я маме. Тюря он порядочная! Напомнила я ему, с какой самоуверенностью он несколько раз говорил мне: «Что Вы беспокоитесь, книга выйдет к сроку»¹¹ — 21». — Теперь говорит, что

¹ А. Богданов. Ред.

² В. Базаров. Ред.

³ — следовательно. Ред.

⁴ — так? Ред.

⁵ — Договорились? Ред.

⁶ М. И. Ульянова. Ред.

⁷ Н. К. Крупская. Ред.

⁸ Ответ В. И. Ленина см.: Полн. собр. соч., т. 55, с. 287—289. Ред.

⁹ Речь идет о примечании об Уильяме Рамсэе в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 331—332). Ред.

¹⁰ — «Совсем скривился господин Крумбюгель и даже покраснел». Ред.

¹¹ Еще на третьей неделе поста уверял меня, что книга выйдет через неделю. А. Е.

типография его надула. Плохо, что я не могу прямо в типографию обращаться, а приходится действовать через этого тюрю. Не стоит, по-моему, прощать ему недоимку. О ней я ему не сказала еще, однако, а сказала только: сразу и деньги нужны наконец — чтобы получить их до своего отъезда. Он согласился, что задержка по его вине, и сказал, что в понедельник даст мне деньги. Как их тогда послать? Почтой прямо на тебя? Можно именованным чеком в заказном письме; или с знакомым, который поедет 25-го? Можно, пожалуй, чеком?

Ужасно мне обидно, что затянулась так книга! Настаивала и вчера и сегодня, чтобы двинули скорее набор остального, чтобы я по крайней мере в гранках просмотрела все. А там придется уже, пожалуй, попросить писателя¹, как ни досадно мне, что не смогу кончить сама. На пасху мы думаем тронуться с мамой в Крым, если ее здоровье позволит это. Ждем еще Марковых билетов, хотя если их не отсрочат, то все равно купим.

Мамочка за эту неделю заметно поправилась и 3 дня выходит уже понемногу на воздух (больше сидит на стуле перед крыльцом).

Раньше она была слаба, чтобы ехать, а теперь надо было бы двигаться уже скорее, чтобы попользоваться южной весной. На будущей неделе ждем Марка из Сызрани, он поможет нам собраться, а потом будет искать себе занятия. На Митю надежды плохие. Потом товарищ — врач — зовет его в Саратов, есть там некоторые шансы устроиться санитарным врачом. Очень хорошо было бы, если бы это удалось, и полезно ему, конечно, съездить.

Относительно книги постараюсь сделать на этих днях все, что смогу. Ты меня, верно, клянешь, ну да кто ж его знал, что так выйдет.

Постарайся уже теперь подождать — спокойнее — в 1-х числах апреля, вероятно, выйдет.

Пока, до свидания! Жму крепко руку и целую Маняшу² и Надю³.

Твоя А.

19 марта 1909 г.

Послано из Москвы в Париж

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 197—198*

¹ Имеется в виду И. И. Скворцов-Степанов. *Ред.*

² М. И. Ульянова. *Ред.*

³ Н. К. Крупская. *Ред.*

В. И. ЛЕНИНУ

m-r Wl. Oulianoff.
24. Rue Beannier. 24
Paris (XIVme) France.

Франция, Париж
2-ое апреля.

Дорогой Володя! ¹

Вчера получила твое письмо от 8/IV и пошла переговорить с издателем. Типография, оказывается, начнет работать с сегодняшнего дня, и сегодня утром он обещал поехать переговорить и поторопить и хотел сообщить мне о результате сегодня. Но так как до сих пор известия еще нет, то отправляюсь сейчас сама. Прямо в типографию еще не ходила; если сегодня ничего не выяснится, пойду завтра.

Список опечаток составляю. Недостает у меня к 13-му листу. Разве их вовсе нет? Но этому я боюсь верить. Я проверю, конечно, сама по гранкам, но если у тебя есть — пришли.— Настаиваю усиленно, чтобы мне хотя бы гранки послали все, чтобы все вставки сделать, а сверстанные поручить бы уже писателю ². Ехать мы думаем числа 7—8. Пишите до тех пор. На днях напишу опять. Пока жму руку. Мама целует, чувствует себя недурно. Целую Маню и Надю. Привет.

Твоя А.

2 апреля 1909 г.

Послано из Москвы

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 199*

В. И. ЛЕНИНУ

10-ое апреля.

Дорогой Володя! Пишу в вагоне — потому карандашом. Вчера вечером выехали наконец с мамой на юг. Мама чувствует себя хорошо. Едем в 1-м классе и со всем комфортом.

¹ Письмо А. И. Елизаровой является ответом на письмо В. И. Ленина от 26 марта (8 апреля) 1909 года, где он пишет, что «мне *дьявольски* важно, чтобы книга вышла скорее. У меня связаны с ее выходом не только литературные, но и серьезные политические обязательства» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 289—290). В. И. Ленин торопился с изданием книги «Материализм и эмпириокритицизм» потому, что в июне 1909 года предстояло совещание расширенной редакции газеты «Пролетарий» (фактически Большевицкого центра), на котором должен был произойти решительный бой с Богдановым и его сторонниками. *Ред.*

² Имеется в виду И. И. Скворцов-Степанов. *Ред.*

Хотела написать тебе вчера, но за возней не успела: пришлось укладывать весь дом, так как квартиру мы пересдали и все отправляем в склады.

В типографии снова, несмотря на все обещания, надули: рабочие и в понедельник не принялись правильно работать. Поэтому мне прислали лишь гранки от 810—867 с. рукописи, которые (без моих исправлений) я послала и тебе. Вклеила вставку к с. 812 и примечание о Рамсэе к 837-ой. Остальные мелкие примечания передала Леониду Сергеевичу Перес¹, который взялся прокорректировать оставшиеся 3—4 листа и наоблести за внесением моих исправлений в сверстанные листы. Переговоры я вела с ним в квартире Ив. Ив.², который взял на себя авторскую корректуру. Так что надеюсь, что все выйдет хорошо и, весьма вероятно, лучше, чем у меня, так как моя корректура этой книги сильно подгуляла.— Обещал Леонид Сергеевич присмотреть и за скорейшим выходом книги. (Метранпаж обещал выпустить ее к 15-му, но я думаю, что надует.)

Обращаться тебе надо теперь к Леониду Сергеевичу Перес, — Кузнецкий мост, книжный магазин «Образование», — или к Ивану Ивановичу Скворцову, — Большая Пресня, д. № 42, кв. 8. — Все³, имеющее более спешный характер, направляй по первому адресу, ибо это передастся скорее. Я передала ему все остальные добавления, в числе их и последнюю большую вставку к с. 879. — Он не специалист-корректор и языков не знает (немецкий немного), но Ив. Ив. рекомендовал его. При книжном деле он состоит уже давно. За труд свой он назначил по 4 р. с листа, а с корреспондентией тебе и остальными хлопотами в 25 р. Я предлагала ему больше, но он отказался. 10 р. я передала ему — остальные он хотел получить с издателя. Издателю я передала твой текущий счет, на который он обещал выслать через неделю по выходе книги 1400 р. (200 из них неустойки) — то, что уплатит корректору и потратит на пересылку авторского экземпляра книги, — я дала ему адрес. За точностью обещал присмотреть Перес — по телефону всегда может переговорить. — Кажется, все.

Список опечаток (*abimé, durschob*⁴) для листов, по 21 включительно, я составила и отдала в типографию. Также оглавление этих листов.

¹ Л. С. Перес — социал-демократ, большевик. Работая в книжных магазинах, Перес был связан с И. И. Скворцовым-Степановым и Крумбюгелем. *Ред.*

² И. И. Скворцов-Степанов. *Ред.*

³ да, вернее, пожалуй, все вообще. А. Е.

⁴ Речь идет о типографских дефектах. *Ред.*

Ну, как же вы живете? Жалею очень, что С. П.¹ не приехал вчера, как его ждали, и я не могла расспросить его о вас. Пишите теперь: Ялта, до востребования, пока не дам адреса. Послезавтра утром будем в Севастополе, а оттуда морем, если оно не будет бурно, или лошадьми (последнее, боюсь, утомительно будет для мамы: 85 верст) в Ялту.

Ну, до свиданья! Пишите! *Mes saluts a tout le monde et mes souhaits pour vorte jour de naissance!*²

Votre A.

10 апреля 1909 г.

Послано в Париж по
дороге из Москвы в Крым

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 200—201

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Ст. Синельниково, Екатерининской ж. д.,
Аркадию Антоновичу Нещеретову — для
М. А. Ульяновой

14. VIII—09.

Дорогая моя мамочка, здравствуй!

Я писала тебе 3-го дня и вообще пишу часто, но из вчерашнего письма твоего от 5-го увидела, что ты не получила еще моего 1-го. Ужасно будет досадно, если оно пропало! Это доставит тебе лишнее беспокойство. А я писала тебе 2-го, 4-го, 5-го, 6-го, 9-го и 12-го.— Правда не мало? Вполне ли ты здорова, моя родная? Пиши мне откровенно. Я совершенно здорова. Погода теперь очень хороша. Марк поправляется, но довольно медленно. Что-то у него побаливает нога еще. Впрочем, он уже гораздо лучше себя чувствует за те дни, что вышел из больницы.— Мерси за письмо Мани. Сонечке³ я написала и дала ее адрес. Горячо и крепко целую тебя, моя дорогая, и шлю всем привет.

Твоя Анна

14 августа 1909 г.

Послано из Екатеринбурга

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 209

¹ О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

² — Привет всем и мои пожелания к вашему дню рождения! *Ред.*

³ С. Н. Смидович (1872—1934) — член КПСС с 1898 года. Работала агитатором и пропагандистом в Москве, Туле, Калуге. Неоднократно подвергалась арестам и ссылке. Знакомая семьи Ульяновых. *Ред.*

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Ст. Синельниково, Екатерининской ж. д.,
Аркадию Антоновичу Нещеретову — для
М. А. Ульяновой

30/VIII—09 г.

Шлю привет из Перми, дорогая мамочка! Сегодня дала тебе телеграмму. Тронулись наконец. Сейчас сидим на вокзале и ждем парохода. Кажется, придется поехать товаро-пассажирским, и мы пробудем тогда сутками дольше в дороге. Как твоё здоровье? Какие вести от Мани? Уехала ли Тонечка¹? Как же она отдала мне свой чайник?!

Целую крепко ее, если она с вами. Привет Пр. Митр.² и Арк. Ант.³ Марк очень кланяется, а я крепко целую.

Будь здорова, дорогая!

Твоя А.

30 августа 1909 г.

Послано из Перми

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 211—212*

¹ Антонина Ивановна Ульянова — жена Дмитрия Ильича Ульянова. *Ред.*

² Прасковья Митрофановна Нещеретова — жена Аркадия Антоновича Нещеретова. *Ред.*

³ Аркадий Антонович Нещеретов — дядя Антонины Ивановны Ульяновой. *Ред.*

1911 год

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Марии Александровне Ульяновой.
Угодниковская ул., № 26. Саратов. Russland.

$\frac{22}{IX} - \frac{5}{X}$ 11 г.

Дорогая моя мамочка!

Сейчас получила твое письмо от 18-го, merci за него! Мы чувствуем себя хорошо. Мне кажется, что Марк ¹ посвежел уже за эту неделю. Я тоже начала брать ванны — соленые-пресоленные и вода бурого цвета, — так что и для меня второй курорт выходит, — за компанию. Когда поеду к В. ², еще не знаю. Получила от него письмо, что он возвращается в Париж и не едет в Италию, так как Ел. В. ³ больна, — что-то с сердцем у нее неладно. Да и не по погоде теперь в Италию ехать. Вставьте, пожалуйста, окна и топите, хоть понемногу! Тебе сырость в комнатах очень вредна. Необходимо протапливать.

Целую крепко тебя с Маней.

Будьте здоровы, дорогие.

Твоя А.

Марк шлет большой привет ⁴.

22 сентября (5 октября) 1911 г.

Послано из Германии

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 248—249*

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Марии Александровне Ульяновой. Саратов,
Угодниковская ул., № 26. Russland

9/X—11 г.

Дорогая мамочка!

Спасибо за письмо от 20-го, которое получила вчера! Мы здоровы, погода стала у нас лучше, много гуляем. Доктор находит у Марка большое улучшение. На днях напишу больше, а сейчас спешу дать весть. Завтра едем во Франкфурт — надо

¹ М. Т. Елизаров. *Ред.*

² В. И. Ленин. *Ред.*

³ Елизавета Васильевна Крупская. *Ред.*

⁴ Последняя фраза в конце письма стерта. *Ред.*

раньше встать. Очень рада, что у вас была М. Андр.¹ Как теперь живете? Получали ли вести о Мите? Надя и Володя написали. Ел. В. лучше, Надя извиняется, что запоздала с ответом из-за ее болезни. Скоро, верно, соберусь я к ним.

Целую вас крепко.

Ваша А.

Будьте здоровы! Топите! Одевайтесь теплее.

26 сентября (9 октября) 1911 г.

Послано из Франкфурта-на-Майне

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 249—250

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Марии Александровне Ульяновой.

Угодниковская ул., д. 26. Саратов. Russland

$\frac{17}{X}$ 11 г.

Дорогая мамочка!

На днях я послала тебе большое письмо и приложила газетную вырезку для перевода Мане; надеюсь, что ты получила свое-временно. Теперь же пишу лишь пару слов. Еду наконец нынче вечером в Париж. Завтра утром буду там и оттуда напишу вам подробнее. Пишите мне теперь на Володин адрес, на конверте не надо — для передачи; внутри можно: Ане. Я вполне здорова и охотно еду. М.² чувствует себя также хорошо. Погода здесь прелестная, и мы каждый день гуляем по окрестным лесам. Целую горячо вас обеих; будьте здоровы, дорогие мои! Наде³ привет. Ванну топите — Марк говорит. С какой стати в баню ходить. Мегсі за письмо от 28-го и за «Живой труп». Au revoir! Марк шлет приветы.

4(17) октября 1911 г.

Послано из Франкфурта-на-Майне

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 250

¹ Мария Андреевна Грачевская — племянница М. А. Ульяновой; дочь сестры Марии Александровны — Екатерины Александровны Залежской. *Ред.*

² М. Т. Елизаров. *Ред.*

³ Надя Голубятникова — племянница М. Т. Елизарова. *Ред.*

Дорогая Манечка!

Вчера я послала тебе через Hachette¹ только что вышедшую у них книгу: Henri Asselin. «Les paysages de l'Asie»². Ты удивишься такому географическому волюму; но я прочла в одной немецкой газете хвалебный отзыв о ней и указание на ее особый интерес в данный момент, когда Китай привлек к себе общее внимание. Описывается как раз та долина Яндсе-Кианго, на которой происходят теперь события³, ее жизнь, ее природа, культура китайцев. Поручиться, конечно, ни за что нельзя, но я думаю, что тебе следует предложить издание ее Крумбюгелю, например (Б. Никитская, 20), или «Посеву» (Петербург, Колокольная, 9). Крумбюгелю лучше, потому что он денежнее. Впрочем, лучше всего напиши одновременно и тому и другому и подчеркни достоинство книги (это можно сделать, не читая, по моему отзыву, — обратила-де внимание на Западе за пределами Франции, — сочувственный отзыв передовых немецких газет и т. п.). А в ожидании ответа ты сможешь, я думаю, утилизировать отдельные главы для саратовских газет — на два фельетона, например. Запроси их. Для «Копейки»⁴ же можно дать 2—3 коротеньких изложения; публика, читающая ее, тоже очень интересуется жизнью Китая. Это лучше пустыньских беллетристических рассказов — вырезала тебе пару, да не знаю даже, стоит ли посылать — разве Анатоля Франса⁵.

Что же касается тех педагогических книг, о которых ты просила Надю, то она просит сообщить тебе, что ничего интересного пока на литературном горизонте не появлялось, что она ждет на днях новый библиографический указатель и тогда надеется, что сможет дать тебе указания. — Как идут твои уроки? Очевидно, саратовская публика откладывает репетирование до экзаменов — это выгоднее.

Привет знакомым. Газету попроси высылать в Париж. Я здесь ничего еще, можно сказать, не видела. В. занят спешной

¹ — издательство Ашетт. *Ред.*

² — Анри Аслэн. «Пейзажи Азии». *Ред.*

³ По-видимому, имеются в виду крестьянские восстания и городские волнения, происходившие в 1911 году по всему Китаю. *Ред.*

⁴ Возможно, имеется в виду «Саратовская копейка» — ежедневная газета. Выходила в Саратове с 1910 по 1913 год. *Ред.*

⁵ Вместе с письмом послана вырезка из французской газеты. Под рубрикой «Сказки и новеллы» напечатана новелла Анатоля Франса под названием «Петрушка». *Ред.*

статьей ¹, а одной не хочется куда-нибудь в концерт или театр. Даже на больших бульварах не была еще. Ну, и чертовски возросло движение тут с тех пор, как я жила! До свидания, моя хорошая! Как здоровье мамочки? Береглась бы она в эти холода, меньше в кухню ходила бы. И также ванну, чего бояться! Маме нельзя ходить в баню!

Целую горячо.

Твоя Анна

9(22) октября 1911 г.

Послано из Парижа в Саратов

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 251—252*

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Марии Александровне Ульяновой.
Угодниковская, д. № 26. Саратов. Russie

Дорогая моя мамочка!

Как-то ты живешь? Здорова ли? Стужа у вас, по газетам, страшная. Замазали ли (и хорошо ли) окна? Не дует ли с лестницы? Носи, пожалуйста, теплые панталоны и чулки и берегись побольше. На базар ты ведь уже не ходишь? Айвы мне не надо, варенья такая уйма. Я надеюсь, вы кушаете его? Пожалуйста! — Я вполне здорова и очень рада, что попала сюда и повидала В.² Он здоров и ездит в библиотеку, работает над одной статьей. Пишу сейчас в своей комнатке, которая очень хороша и уютна, выходит в садик. Сейчас пойду к ним обедать (они обедают в 12 ч., а ужинают в 7 ч., готовит им *femme de ménage*³). Е. В. поправилась, но Надя не допускает ее до хозяйства. Своего адреса я не пишу, потому что не стоит, — долго не пробуду здесь. М.⁴ пишет, что чувствует себя хорошо и гуляет много. До свидания, моя хорошая, и целую тебя крепко-крепко! Будь здорова, голубушка моя!

Твоя А.

Привет Наде ⁵ и знакомым.

9(22) октября 1911 г.

Послано из Парижа

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 252—253*

¹ Очевидно, речь идет о статье В. И. Ленина «Столыпин и революция», которая была опубликована 18 (31) октября 1911 года в газете «Социал-демократ» № 24 (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 324—333). *Ред.*

² В. И. Ленин. *Ред.*

³ — прислуга. *Ред.*

⁴ М. Т. Елизаров. *Ред.*

⁵ Надя Голубятникова. *Ред.*

1912 год

Из письма М. И. УЛЬЯНОВОЙ

25-ое мая 1912 года.

Дорогая моя Манечка! ¹

Вот наконец я и дома! ² Мама несколько успокоилась и говорит, что стала спать лучше. В городе жарко и пыльно; ездили с ней вчера на Волгу.

Посидели там с часок на пристани. Воздух там дивный; Волга разлилась так широко и прекрасно! Жаль было только, что ты не можешь подышать этим чудным воздухом!

Вообще мне все кажется теперь роскошным: такое обилие воздуха и света! Не замечаю даже, чтобы в городе было душно,— вот как все познается по сравнению. В первые минуты чувствовала только радость, что на воле и с мамой,— теперь же грустно, что ты в тюрьме еще. Хотя моя камера и была сырая, но зато большая,— воздуха в ней было больше, наверное, чем в твоей клеточке. Хоть бы гулять тебе побольше удавалось! Я сижу все дома с мамой. Никого не видала, кроме твоей ученицы, которая одна почти посещала маму и была очень мила и заботлива к ней. Многие из знакомых разъехались, да, по правде сказать, и не тянет никуда, никого и видеть не хочется. Уедем, верно, с мамой к двоюродной сестре хоть на самое жаркое время,— тебя жаль только оставлять здесь одну! ...Ты писала, что вывязала бумагу почти всю. Какой тебе купить — напиши. Не сиди только много за вязанием: вредно это для груди сидеть согнувшись. Я постоянно вставала от работы или книги, выпрямлялась, делала гимнастику. Делай тоже гимнастику, дорогая моя! Будь, по возможности, спокойнее и терпеливее. Бог даст, и тебе недолго придется еще сидеть!

Мамочка не пишет тебе сегодня, просит передать ее крепкий поцелуй, Надя шлет тебе тоже поцелуй и пожелание вернуться

¹ Настоящее письмо, а также письма М. И. Ульяновой из тюрьмы и письма родных к ней, направленные через жандармское управление, были просмотрены и проверены химическим способом для выявления скрытого текста. Письма носят следы этой проверки. На конвертах писем надписи: «Проверено. Выдать». *Ред.*

² А. И. Елизарова через две недели после ареста была освобождена из саратовской тюрьмы. *Ред.*

скорее домой. Будь здорова, дорогая моя, как тебе горячо желает твоя А. Елизарова.

Целую тебя крепко, Марусечка!

Послано из Саратова в саратовскую тюрьму

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 259—260*

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

Саратов. Губернское жандармское управление,
Рабочий переулоч, для Марии Ильиничны
Ульяновой

11-ое июня.

Друг мой, Манечка!

Все сложено уже у нас; поджидаем только известия о приходе парохода, который опоздал («Русь»), и я села поболтать с тобой. Мало уж очень пришлось поговорить с тобой на свидании! Ты показалась обеим нам более бледной и одутловатой, чем прошлый раз,— отсутствие воздуха сказывается, конечно. Пожалуйста, не запускай, обратись к доктору. Укажи ему, что ты всегда страдала от малокровия. Наверно он признает, что тебе надо быть больше на воздухе, и замолвит слово за то, чтобы тебе гулять больше,— как я гуляла. Все-таки парализовала бы несколько дурные следствия заключения. Пожалуйста, отнесись к этому серьезнее и обратись, не откладывая, пока не развилось малокровие! Плохо уж очень приходится проводить тебе лето, дорогая!

Что это тебе представилось, что я не совсем здорова? Все время совершенно здорова была, да и условия у меня прекрасные,— теперь еще еду кататься по Волге.

Начала письмо дома, а дописываю на пароходе, и не на «Руси», как предполагала, а на волжском¹. Теперь пароходы так переполнены, что нельзя рассчитать заранее, на каком поедешь,— приходится помещаться там, где можно. Вот и теперь: на «Руси» мест не было, и на волжском во II классе ни одной каюты не было, но зато мы находимся в I — с билетом II.

Пишу во вторник утром. Едем пока хорошо, погода прекрасная, мамочка чувствует себя хорошо. Замечательно яркой и свежей кажется зелень по берегам! Дорого дала бы я, если бы ты могла взглянуть сейчас хоть на один, два вида из окна рубки,

¹ А. И. Ульянова-Елизарова, по-видимому, ошиблась, называя пароход «волжский». М. А. Ульянова в письме к М. И. Ульяновой указывает название парохода: «Вольский». *Ред.*

где пишу. Мы проехали уже Вольск и пристаем сейчас еще к какой-то пристани. Однако покачивается,— трудно писать даже! Сегодня вечером будем в Сызрани. Если пароход не опоздает, съезжу повидать мать Марка. Завтра утром должны быть в Самаре. Надя¹ выйдет, наверно, повидаться,— дали телеграмму. Поедем днем мимо Жигулей — это приятно. Будем вспоминать, как жили в Морквашах² и высаживались с парохода в лодку. И как тебя раз ошибкой посадили вместо «Купца» на «Надежду» и все твои мытарства вследствие этого,— помнишь? Я довольна, что мы поехали не на «Руси» — наследнице «Надежды» — с ней всегда какие-нибудь приключения! Симбирск проедем ночью; в четверг же, в три часа дня, должны быть в Казани. Оттуда пароход по Каме пойдет в шесть часов вечера и через двое суток — в субботу, в пять часов вечера, мы приедем на пристань «Гольяны», куда Маруся³ вышлет за нами экипаж. Итак, целых пять суток пути! Далеко заедем!

А день жаркий. По краям горизонта собираются облачка, и лениво плывут по Волге сонные плоты.

Все еще грузимся в Балакове! Получила ли ты книги, переданные мною для тебя 6-го? Что читаешь охотнее?

В субботу мы принесли тебе ветчины, колбасок, масла, сыру, сухарей, лимон, два апельсина и пять яблок. Получила ли ты все это? Теперь передачу тебе будет носить или твоя ученица, или Маша⁴. Пьешь ли какао? Не послать ли тебе кофе? Покупаешь ли ежедневную выписку молока, яиц на свой счет?

Пожалуйста, принимай все меры, чтобы сохранить, по возможности, здоровье в твоих скверных условиях! Жалею, что не послала тебе гимнастику Миллера. Не сиди много, согнувшись!

Хотела приложить к этому письму послание Горки⁵, — третье по счету, но, к сожалению, забыла его дома. Пишет он теперь в жаркие дни ленивее, чем прежде. Вспоминает часто песни, которые пел с тобою и говорил мне многие из них наизусть,— память у него хорошая.— Ну, до свидания, дорогая моя! Обнимаю тебя крепко. Будь здорова, как горячо желает

твоя Анна Елизарова

11 июня 1912 г.

Послано с парохода по пути в
Ижевск в саратовскую тюрьму

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 267—268

¹ Надя Голубятникова. *Ред.*

² В с. Моркваши М. А. и М. И. Ульяновы отдыхали летом 1903 года. На короткий срок приезжал к ним Д. И. Ульянов с женой. *Ред.*

³ М. А. Грачевская — племянница М. А. Ульяновой, жила в Ижевске. М. А. Ульянова и А. И. Ульянова-Елизарова ехали к ней. *Ред.*

⁴ М. С. Сорокина-Домовитова, прислуга. *Ред.*

⁵ Гора — Г. Я. Лозгачев (1906—1972) — член КПСС с 1929 года. Воспитывался в семье Анны Ильиничны и Марка Тимофеевича Елизаровых. *Ред.*

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

20.XI—1912 г.

Дорогая моя Марусечка! Целую тебя крепко, хорошая моя! Скучно нам с мамочкой без тебя и пусто, — это само собой разумеется. Но здоровы мы обе. Получили твою открытку. Из нее выходит как будто, что вы успели в Москве к утреннему поезду на Вологду. Так ли это? С нетерпением ждем вестей, как доехали и где ты будешь. Боюсь, М.¹ поторопится уехать. Забыла перед отъездом попросить его не спешить. Вечно самое нужное забудешь!

Сейчас отнесла твоей Мальке² булок, сушек, чаю, сахару и какао. Напиши матери ее, чтобы дала мне адрес бабушки. Может быть, она возьмет девчурку. Знаешь, какая там новость? Королькова³ перевели куда-то в Отделение. Спрашивала о твоих книгах. Хотели поискать; я знаю только 2 — Куприна и Dondet. Напиши, если помнишь, какие еще. Дорогая моя, будь осторожна.

Скворцова⁴ получила письмо от мужа из Вологды от 8-го. Еще не знает, куда назначат.

Целую горячо и спешу. Сейчас сидит Гора⁵ и считает, шлет поклон тебе.

Твоя А.

Послано из Саратова в Вологду

«Ждем вестей из Вологды...»

*Переписка семьи Ульяновых
в период вологодской ссылки*

*М. И. Ульяновой, ноябрь 1912 г. —
сентябрь 1914 г. Архангельск, 1978, с. 10*

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

25/XII—12 г.

С праздником, Марусечка дорогая! Целую и обнимаю крепко и желаю, чтобы не скучно прошли праздники и чтобы ты была совсем здорова. У нас все благополучно. М.⁶ едет только 1-го, так что праздники проведем вместе. От Митюши нет ни слуху ни духу, — не едет и не пишет! Я не написала тебе эти дни, потому что завозилась с разной домашней ерундой. Между прочим,

¹ М. Т. Елизаров. Ред.

² Одна из знакомых Ульяновых находилась в саратовской тюрьме с девочкой Малькой, о которой Ульяновы заботились. Ред.

³ Корольков — социал-демократ, арестованный по одному делу с М. И. Ульяновой. Ред.

⁴ Жена И. Скворцова, высланного в Вологодскую губернию вместе с М. И. Ульяновой по делу Саратовской социал-демократической организации. Ред.

⁵ Г. Я. Лозгачев. Ред.

⁶ М. Т. Елизаров. Ред.

и елку, представь, все же устраиваем,— не выдержала характера, захотелось елового запаха в комнатах и удовольствия для Горы. Хотели маленькую, но пошел покупать Марк, и хотя и мамочка с ним отправилась, все же получилась большая, кудрявая елка, на которую сколько ни навешивай, все мало. Спаслась золотой и серебряной бумагой, так как почти ничего не покупали. Еще событие: плененный елкой и перспективой убирать ее вместе, Горка явился к нам вчера на ночевую. Провел прекрасно ночь и с утра занялся полученным заводным автомобилем. Одним словом, кооптировали себе младенца на Рождество! Приведет еще Катя¹ своих мальчиков. Придут, вероятно, Муся с родителями². Он приехал. Но на нее я, конечно, для такой елки не рассчитывала. Впрочем, костюмчики бумажные есть. Завтра думаем пойти в театр на «Хорошо сшитый фрак»³. А по поводу «проф. Сториц»⁴ здесь в клубе было собеседование, продолженное еще на один вечер. Жаль, я пропустила в газете и не пошла. Наш Саратов так реагировал на Сторицына, что получил специальную благодарность автора и обещание приехать весной. Вот безвкусица-то! Как это рисует автора характерно! А еще публику в мешанстве упрекает. Прямо отвратителен по мелочности.

Не волнуйся из-за уроков, дорогая моя,— вот уж не стоит. Как бы я хотела быть с тобой и внушить тебе, что не стоит! Хотя ты не больно меня в этом слушаешь. Конечно, страшно дешево меньше 1 рубля за 3 часа ежедневных занятий. Будут другие. Не балуй только ребятишек, а то будет возни вроде как с Лелей и Ниной⁵. М.⁶ встретил Нину, она спрашивала твой адрес и с жаром объявила о полученных от тебя открытках. Ну, не ладится письмо,— по-праздничному. 1-го отнесу что-нибудь Мальке. Понесла 10-го, и, представь, не взяли. Черный ст.⁷ сказал: «Только 1-го». — «Да у меня же взяли раз 20-го», — сказала я. Но ничего не помогло.

Ну, до свидания, моя родная! Целую горячо за себя и маму. М. шлет привет. Твоя А.

Послано из Саратова в Вологду

«Ждем вестей из Вологды...»

*Переписка семьи Ульяновых
в период вологодской ссылки М. И. Ульяновой.
Ноябрь 1912 г. — сентябрь 1914 г.
Архангельск, 1978, с. 10*

¹ Старшая сестра Горы Лозгачева. *Ред.*

² Муся — дочь А. П. и С. М. Скляренко. *Ред.*

³ «Хорошо сшитый фрак» — пьеса Габриэля Дрегели. *Ред.*

⁴ «Профессор Сторицын» — пьеса Леонида Андреева. *Ред.*

⁵ Леля и Нина — дочери А. М. и Л. С. Лежавы. *Ред.*

⁶ М. Т. Елизаров. *Ред.*

⁷ По-видимому, жандармский чиновник. *Ред.*

1913 год

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

26/II 1913 г.

Дорогой Манек!

Ты удивилась телеграмме? Но в газетах были на этих днях тревожные слухи из Вологды, а от тебя, как раз несколько дней,— и к маминому рождению тоже,— не было вестей. Я и встревожилась.

Жаль, что в телеграмме ты не прибавила, насколько коснулась тебя амнистия. Или ты сама не знала еще? Конечно, как только узнаешь, так напиши. Я все время убеждала маму, что больше, чем на 1/3, нельзя рассчитывать, но под конец, под влиянием слухов о широкой амнистии и мои надежды окрылились, и я написала тебе одно зряшное письмо.

Теперь надо приноравливаться к другому. Прежде всего напиши мне скорее и обстоятельнее, что из книг и вещей послать тебе еще. Все постарайся вспомнить, чтобы сразу ящик с книгами и посылку отправить. И еще какие могут быть распоряжения относительно оставшихся твоих вещей, чтобы потом не жалеть и не переделывать. Кое-что из книг я думаю отобрать и продать букинистам, например сб. «Знание». Или жаль, по-твоему? Хотелось бы меньше отправлять вещей. Приступила к продаже мебели,— «открыла лавочку», как советует Марк, который всегда не прочь возложить на меня такие дела. Что за скука ходящие по квартире дамы, которым в конце концов ничего не нужно! Относительно дальнейшего у нас все еще не выяснено, как водится. Как будто бы хорош был такой план: уехать нам отсюда на раннюю весну, когда в Вологде все равно сыро, еще и плохо, и провести пасху не одним, а с Митей, о котором я очень соскучилась, но мама начинает как будто бы раздумывать, хотя определено не говорит. Видимо, она о тебе соскучилась и, как всегда, не принимая во внимание климатические различия, говорит: посмотрим, может быть, весна теплая будет.— Но, конечно, если не южнее, то здесь следует апрель провести, ибо здесь он уже хорош. Боюсь звать особенно на юг, чтобы не

вышло как в прошлом году с Ижевским заводом ¹, что не отдых, а утомление,— если начнет очень быстро рваться оттуда. Вот как все у нас сложно. Напиши, как думаешь. Надеюсь, не только: «не знаю, что советовать» напишешь.

Ты пишешь, цыпка моя, что не понимаешь, какие это письма «не в счет». А несколькими строками ниже сама пишешь: «это письмо наспех,— скоро напишу больше».— И статистические исследования показывают, что около 75% твоих писем кончаются так, а ко мне, пожалуй, и 90% с утешением, что это «не в счет», а скоро последует «в счет». И сама же не понимаешь! Эх, головушка.

Знаешь, на этой неделе здесь будет читать Фриче ²! Собираюсь пойти его послушать. Хотелось бы познакомиться, да не знаю, как это сделать. Что за безлюдие здесь, ужасное! Никого по душе нет. Адвокатик один мне по душе был больше, да и тот теперь во многом не нравится. Спорим каждый раз бесконечно и, очевидно, никогда не доспоримся, ибо симпатии его определенные в одну сторону...

Ну, об этом подробнее во втором обстоятельном письме. Теперь жду ответа на первое, целую крепко. Будь здорова.

Твоя Анна

Послано из Саратова в Вологду

*«Ждем вестей из Вологды...»
Переписка семьи Ульяновых в
период вологодской ссылки
М. И. Ульяновой. Ноябрь 1912 г.—
сентябрь 1914 г. Архангельск,
1978, с. 44—45*

М. Т. ЕЛИЗАРОВУ

7/VI.13 г.

Получила твое письмо от 2-го, дорогой Марко, и стала уже подумывать, не махнуть ли и вправду к тебе в Омск. Отдохнула немного после дороги,— вот и мысли стали малость меняться. Но ведь только: приедешь в Омск, а ты оттуда улетел, и кто знает, на сколько. Ты писал правда, о том, чтобы заранее известила тебя и ты составишь маршрут в этом смысле. Но это чересчур уж мудро, особенно телеграммами. Все же пошли с Горкой вчера

¹ В Ижевск, к племяннице Марии Александровны М. А. Грачевской, М. А. и А. И. Ульяновы ездили в июне 1912 года. *Ред.*

² В. М. Фриче (1870—1929) — член КПСС с 1917 года, историк литературы и искусства. *Ред.*

на вокзал, разузнать относительно поездов. Оказывается, 4 дня и 3 ночи ехать. Ну, что бы тебе приехать в Уфу! Наверно, в организации тоже недочеты есть. Сюда попали сразу после жары на дожди и холод. Как быстро привыкает человек ко всему хорошему! Горка, впрочем, этого не замечает: везде находит интересное. Но им я не очень довольна,— балуется заметно. Может быть, здесь Маня еще побаловала, но начинается — «хочу», «не хочу» и вообще упрямство. Боюсь, не вышел бы баловник вроде тех, которых я всегда осуждала. Всячески сдерживаю Маню. А он замечает уже, что она балует, а я взыскиваю, и прилепляется к ней. И замечаю я, что это «ласковый теленок», который не только двух, а многих маток сосать будет. Своих родных не вспоминает, меня тем паче забудет тотчас, как кто приласкает. Видела это и в Феодосии. Вообще, любить не будет, в этом мама, верно, права; но это не так важно,— главное, чтобы не вышло громадное я с преувеличенными требованиями, чтобы сдержатъ его... А этого без любви тоже не сделаешь — вот почему было бы важно, чтобы он полюбил, а не то не принести бы ему вместо пользы вред.

Ну так, напиши на всякий случай, где будешь и вообще какие возможности застать тебя и сделать, м. б., с тобой какую-нибудь поездку. На всякий случай, ибо возможно, что и на запад поверну, к Питеру. Сделала бы это, пожалуй, на днях же, чтобы застать публику там, но вот с малышом связалась,— здесь его оставить боюсь, не надоест ли.— Да, легкая часть с ним, в Феодосии, кончилась, начинается более трудная и сложная. Итак, Лежава пишет, что от тебя «ждут»! Значит, прилепят тебя к Сибири, пока не дашь им большего. Да и вообще не захотят двигать. Твою «экс-Луну» с трудом поняла. Но как ты не поймешь, что дело мне не в Луне и не в других знакомых, а в возможности более или менее интересного дела, да разве еще в общем воздухе и духе Москвы. Но по некоторым такого рода соображениям, пожалуй, поселюсь в Питере. Знакомых здесь почти не видела,— как-то мельком. Пишет ли тебе Ив. Ник.¹? Он в отпуск уезжает летом?

Ну, до свидания, пока! Напиши же мне точнее, где и когда будешь, а я, руководствуясь этим, извещу письменно или телеграфно о своих намерениях. Целую и желаю впредь не знать ни болезней, ни скуки.

Пиши больше. *Анна*

Горка начал писать тебе, да закапризничал и сейчас дуется. В Саратове за ним этого не водилось!

¹ О ком идет речь, не установлено. *Ред.*

Посылаю вместо недописанного забытое как-то прежнее Горкино письмо. Ай! как тут холодно!

Послано из Вологды в Омск

*«Ждем вестей из Вологды...»
Переписка семьи Ульяновых в
период вологодской ссылки
М. И. Ульяновой. Ноябрь 1912 г.—
сентябрь 1914 г. Архангельск,
1978, с. 62—63*

М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Вологда. Московская ул., д. Самарина,
Марии Александровне Ульяновой
17/VIII—13 г.

Дорогая моя мамочка!

Вернулись мы сегодня утром из поездки по Каме¹, и получила я вашу открыточку от 13-го. Очень была рада вести. Вам пишу третий раз. Получила бы открытку 15-го, если бы не несчастный адрес на «Клубные номера»². Проехались мы очень хорошо на пароходе. Погода была прекрасная. И сейчас очень хорошо, настоящее лето. На днях тронусь обратно. Очень рада, что ты здорова, мамурочка. Берегись, пожалуйста. Марусеньку целую. М. шлет привет. Он пошел по делам. Горка что-то ленится, кажется, писать, да и мне малость мешает. Отправляю его на почту, которая недалеко.

Целую крепко обеих. Будьте здоровы и до скорого свидания.

Ваша А.

17 августа 1913 г.

Послано из Перми

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 303*

¹ А. И. Елизарова из Вологды, где гостила у М. А. и М. И. Ульяновых, выехала в Пермь для встречи с мужем. Анна Ильинична, Марк Тимофеевич и Г. Лозгачев совершили прогулку по реке Каме. *Ред.*

² Что такое «Клубные номера», установить не удалось. *Ред.*

1914 год

В. И. ЛЕНИНУ

21.I.14 г.

Дорогой друг!

Пишу Вам по возвращении¹ второй раз. Кроме того, послал письмо с оказией к рождеству. Почему Вы не отвечаете? Неужели не получили его? Вообще Вы совсем мне не пишете, а находите, что я мало пишу.

Журналы², какие были, Вам отправлены.

Книжка³ «Просвещение» должна была выйти 25-го. Теперь задержится на несколько дней из-за Ваших статей. Повторяю свою постоянную просьбу присылать статьи раньше, не задерживать №№. Статья об учительском съезде⁴ идет целиком в № 1-м, статья о товарище «Х» также⁵. «Итоги и перспективы»⁶ идут половиной⁷ в самом конце книги. Статья чуть-чуть ус-

¹ А. И. Елизарова в январе 1914 года вернулась в Петербург из Вологды, куда ездила к матери и М. И. Ульяновой на рождественские и новогодние праздники. *Ред.*

² Имеются в виду номера журнала «Просвещение» за 1913 год.

«Просвещение» — ежемесячный большевистский общественно-политический и литературный легальный журнал; издавался в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 года. В. И. Ленин из-за границы руководил «Просвещением». В журнале были опубликованы многие его работы. *Ред.*

³ Журнал «Просвещение», 1914, № 1. *Ред.*

⁴ Статья Н. К. Крупской «Итоги съезда по народному образованию» опубликована в журнале «Просвещение», 1914, № 1; подпись: *Н. К. Ред.*

⁵ Статья «Дело» товарища Х» напечатана в журнале «Просвещение», 1914, № 1; подпись: *К. Ц.*

Б. Г. Данский (Комаровский К. А., Х.) — с 1901 года состроил членом ППС, примыкая к ее левому крылу. За подпольную работу был несколько раз арестован. В 1911 году вступил в РСДРП. Принимал участие в работе по страховому движению, сотрудничал в «Звезде» и «Правде», а в 1913—1914 годах редактировал журнал «Вопросы страхования». В это время ликвидаторами было выдвинуто обвинение против Комаровского и большевиков об участии в буржуазной печати. Образованная по этому делу комиссия в составе представителей: от думской «шестерки», от редакции «За правду», журнала «Просвещение» и ЦК партии, расследовав дело, оправдала Комаровского, признав, однако, принципиальной невыдержанностью его сотрудничество в буржуазной печати в тот период, когда он начинал принимать участие в марксистской прессе. *Ред.*

⁶ «Итоги и перспективы» — статья Г. Зиновьева. *Ред.*

⁷ А вы еще пишете: больше ничего не ждите для № 1 (!!). Да как же мы можем ждать?! *А. Е.*

пела — днем позже и листы были бы напечатаны, и пошла бы о рабочем движении вместо прекрасной статьи Г. З., статья одного зеленого товарища¹. — Очень просим друзей давать материал пораньше! Еще раз напоминаем, что книга может выйти не раньше, как через неделю после посылки ваших статей, и что нельзя же выпускать ее не в том месяце, какой стоит на номере. Пожалуйста, посылайте тотчас же материал на № 2-ой. Кое-что для него мы уже сдали в набор. А потом в этом месяце будет масленица и опять много рабочих дней пропадет.

Относительно женского журнальчика² я писал уже, что, по-моему, нельзя начинать его без гроша, нельзя рассчитывать на пожертвования рабочих, ибо публика и так завалена поборами и жаль отрывать от ежедневной газеты³. Фонда никакого нет. Поднимал вопрос на редакционном собрании «Просвещения» об ассигновании 25 рублей, но об этом не приходится и говорить, ибо самим надо платить по векселям 300 рублей в этом месяце и иначе, как из dobroхотного даяния, покрыть этот долг нельзя, ибо подписка вся уйдет на расходы печатания № и другие ежедневные. — Только не влетел бы наш первый №, а то будет зарез. Не лучше ли при таких материальных условиях повременить с женским журналом, начать его сначала в виде, например, еженедельных приложений для женщин-работниц к ежедневной газете? Это только моя мысль, я не успел еще предложить ее здесь на обсуждение, но, мне кажется, это целесообразно: не будет лишних расходов на помещение, экспедицию и тому подобное. Будем иметь возможность приглядеться к требованиям, уяснить себе, каков будет спрос и т. п. А давать сможем не меньше и даже каждую неделю, ибо 2 раза в месяц, по-моему, слишком мало. А придется ведь рассчитывать главным образом на публику серую — еженедельное приложение будет популярнее журнальных книжек. Обдумайте это и сообщите свое мнение. Редакция пока что конституирована из 5 лиц⁴, — в некоторое изменение конституции: вам предоставляется пригласить тоже 5ое. Я конституции еще не видел, так что вам напишут об этом (или уже написали) другие. — Но все же обдумайте мое мнение, которое предложу нынче на обсуждение и других, — право же это будет резоннее, а то скандал выйдет,

¹ Название статьи и автора установить не удалось. *Ред.*

² «Работница» — легальный массовый большевистский журнал, выходил в Петербурге с 23 февраля по 26 июня 1914 года. *Ред.*

³ Она и без того в критическом положении. *А. Е.*

⁴ Редакция журнала «Работница» состояла из русской и заграничной части. В состав русской редакции входили: А. И. Елизарова, К. Н. Самойлова, Е. Ф. Розмирович, позднее П. Ф. Куделли, в заграничную — И. Арманд и Л. Сталь. *Ред.*

если сядем на мель после 1-го №.— «Вопросы Страхования»¹ нам не пример,— на такой сбыт мы рассчитывать не сможем. Ну, пока, надо кончать. Да, вот еще просьба: не у вас ли «Волны» Войтинского²? Вышлите нам их обязательно скорее — лучше с оказией,— ибо автор давно уже просит, чтобы устроить иначе. Собственно, мы с ним безобразно поступили, а отталкивать такого ценного сотрудника нельзя. Ну, привет и рукопожатия всем друзьям. «Коллега»³, кажется, на днях выходит из больницы и, может быть, не принужден будет даже ехать на лечение на какой-нибудь курорт. Буду ждать теперь ответа на свое бесконечное письмо.

Ваш Андрей⁴

Хорошо ли получаете письма на этот адрес? До получения ответа писать на него не буду.

21 января 1914 г.

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 307—308*

Послано из Петербурга в Краков

В. И. ЛЕНИНУ

$\frac{14}{III}$ 14 г.

Дорогой друг!

Ваша статья «О праве наций на самоопределение»⁵ получена вчера, а сегодня сдана в набор к апрелю. Получена еще из Парижа,— вероятно, от Цы-ча⁶ (без подписи) статья о бюд-

¹ «Вопросы страхования» — большевистский легальный журнал, выходил в Петербурге с октября 1913 по февраль 1918 года с перерывами. *Ред.*

² *Вл. Войтинский* — писатель. Из его повести «Волны» первая глава — «Луч света среди ночи» — была напечатана в журнале «Просвещение», 1914, № 4. *Ред.*

³ Возможно, имеется в виду арест редактора журнала «Просвещение» В. Е. Соколова, который вскоре был освобожден, и 2-й номер журнала за 1914 год вышел за его подписью. *Ред.*

⁴ *Андрей* — псевдоним А. И. Елизаровой. *Ред.*

⁵ Статья В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение» написана в феврале — мае 1914 года, опубликована в журнале «Просвещение» (1914, № 4, 5, 6). Подпись: *В. Ильин* (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 255 — 320). *Ред.*

⁶ *Г. В. Цыперович* (1871—1932) — экономист и литератор, участник революционного движения с 1888 года. В 1894 году за организацию социал-демократических кружков среди рабочих и матросов в Одессе сослан на 10 лет в Якутскую область. Эмигрировал в Париж. Сотрудничал в «Просвещении» и другой большевистской печати.

Статья о бюджете не была напечатана в журнале «Просвещение». *Ред.*

жете. Просим еще статей для апреля, ибо их еще мало. Март¹ должен выйти на будущей неделе. Уже сдается в печать. Там идет статья Степанова², ваши две заметки³ (взяты из газеты), рецензия Ю. К.⁴ на Богданова, статейка Г. З. «Упразднение предрассудков». Две статьи Г. З. были переданы нам последними; маленькая поместилась, вторая — «Об участии в буржуазной печати»⁵ отложена. Кроме недостатка места, по поводу ее возникли продолжительные прения и некоторые разногласия. Все согласны с положительной частью, — напоминание резолюций, — и чрезвычайной необходимостью ее, но относительно полемики много возражений, — как против резкости ее (медные лбы) и т. п., так и по существу. А именно: выдвигается, что кое-что в ней неправильно. Так, например, перепутаны некоторые псевдонимы (так, Надеждин⁶ — псевдоним одного большевика, а не ликвидатора); Егоровым — Л. М.⁷ подписывается по требованию редакции, побоявшейся давать место на своих столбцах Мартову, и некоторые другие тому подобные неточности. Большинство высказалось также за опущение конца (о французских ликвидаторах). При голосовании голоса разделились: $\frac{1}{2}$ высказалась за непомещение статьи в таком виде⁸ с тем, чтобы просить автора опустить конец и большую полемику, развить больше положительную часть статьи; $\frac{1}{2}$ за то, чтобы печатать ее с этими купюрами. Но за купюры — все. Вопрос этот теперь большой, но и страшно сложный также. Между тем положительная часть статьи почти ничего не прибавляет к тому, что было сказано по этому поводу в статье о товарище Х. Страшно важно дать для наших читателей руководство в этом вопросе,

¹ Имеется в виду № 3 журнала «Просвещение». *Ред.*

² Статья И. И. Скворцова-Степанова «Экономика и политика в рабочем движении» опубликована в журнале «Просвещение», 1914, № 3. *Ред.*

³ Речь идет о статьях В. И. Ленина «Радикальный буржуа о русских рабочих» и «Политические уроки», опубликованных в журнале «Просвещение», 1914, № 3, в разделе «На темы дня». Подпись: *В. Ильин* (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 9—15). Первоначально статьи, по-видимому, были направлены в «Правду», на что указывает в письме А. И. Елизарова: «Ваши две заметки (взяты из газеты)». *Ред.*

⁴ Рецензия Л. Каменева на книгу А. Богданова «Введение в политическую экономию (в вопросах и ответах)», издание «Прибой», опубликована в «Просвещении», 1914, № 3, за подписью: *С. Корсов*. *Ред.*

⁵ Статья Г. Зиновьева под заголовком «Уступки предрассудкам» опубликована в № 3, а статья «Против участия в буржуазной печати» — в № 4 за 1914 г. в журнале «Просвещение». *Ред.*

⁶ О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

⁷ Ю. Мартов (1873—1923) — участник петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Был сослан на три года в Туруханск. После ссылки принимал участие в подготовке издания «Искры». После II съезда РСДРП — лидер меньшевиков. *Ред.*

⁸ Среди них и Л. Бор. А. Е (*Л. Б. Каменев*. *Ред.*)

потому что никто почти в этом не разбирается, да и в редакции все решается от случая к случаю. Статья принимается, потом набор рассыпается и т. п. Для журнала нужна именно серьезная, обоснованная статья, а не полемические вылазки, на которые будут отвечать встречными разоблачениями и еще более запутают суть вопроса. А как же не быть разоблачениям?! В статье бранят «либеральный» «салон» «Киевской мысли»¹, — но ведь в нем участвует наш «ценный» сотрудник Демьян²; свой же Бокль; а люди, которых надо считать осведомленными, утверждают, будто там предлагал свое участие сам Г. З., но был отвергнут... Ну, ради бога, что же это за ужасная выходит неразбериха, — какие еще ушаты грязи будут выливаться взаимно! А мы, и рабочие еще больше, конечно, еще не прочухались от атмосферы, созданной вокруг товарища Х.

Лучше установить небольшие, но вполне определенные требования и оставить кивки на личности. Может быть, Г. З. найдет тогда лучшим дополнить свою статью (с купюрами она слишком коротка для журнала, в газете ее тоже отвергли). Тогда ее можно бы послать ему. Решайте и сообщайте скорее. Очень хотим надеяться, что вы и он отнесетесь к этому *sine ira*³. И очень желаем указаний и разъяснений и для себя также. Например. Была получена нами статья о бакинских стачках за подписью N.N. Материал чрезвычайно интересный. Сдали в набор. Потом выясняется, что автор ее — Карташев — участник «Известий Совета съездов по нефтяному»⁴ делу». — Статью оставили.

Но как мы можем знать, получая ту или иную статью, где, кроме того, печатается автор, — следствие, что ли, всякий раз вести?! А в статье Г. З. не выделена даже научная и специальная печать. — А потом: в печати нельзя, а в конторах, банках можно? Ведь все, кроме рабочих, так или иначе помогают капиталу.

Ну, массу исписал по этому проклятому вопросу. Жду от вас ответа на него. Относительно Марусина⁵: очень просит убедить вас в ложности ваших подозрений. — В С. Р. Г.⁶ принимает участие другое лицо, и инициалы другие. Там настоящая фамилия — не псевдоним. Вообще же Марусин отошел теперь от всего: устроился семьей и, видимо, устал от всех перипетий

¹ «Киевская мысль» — газета буржуазной демократической интеллигенции. Выходила в Киеве с 1900 по февраль 1918 года. В газете участвовали меньшевики. *Ред.*

² Имеется в виду Демьян Бедный. *Ред.*

³ — без гнева. *Ред.*

⁴ пишет, говорят, только статьи по техническим вопросам. А. Е.

⁵ Марусин — псевдоним А. П. Скляренко. *Ред.*

⁶ «Северная рабочая газета» — ежедневная легальная газета меньшевиков-ликвидаторов, выходила в Петербурге с января по май 1914 года. *Ред.*

и болеет иногда от последствий избиений. Другого вашего знакомого, Мих. Ив-ча ¹, не мог повидать до сих пор. Назначал он мне дважды; сидел я ждал и не дождался. К нему неудобно, непосредственных сношений нет,— длинная канитель. Как удастся — извещу.

Что не написали ничего о № 2-м журнала ²? Недовольны? Чем именно? «Работница» 2-ой № выходит на днях. Последний материал не мог быть помещен,— остался до № 3-го. Просим еще статью о том, как прошел этот женский день на Западе. Сообщите также адрес парижанок ³ — затерян. Полное безлюдье и результаты февральских событий задержали №. До сих пор не наладим многое технически. Но постепенно налаживается. Спрос и сочувствие большое.

Ну, уж рука отказывается писать. С трудом жму вашу. Всех вам благ и здоровья. Пишите.

А.

Не лучше ли этот адрес, чем прежний? ⁴

Дайте мне для меня одного какой-нибудь адрес. Этот, по которому пишу, был в пользовании выбывшего коллеги и поэтому, верно, неудобен уж. Спешите со статьями к апрельскому №. В этом месяце должен быть весь набран. Еще просьба: обратите внимание сотрудников на обещанные в году статьи — чтобы не оказаться обманщиками.

14 марта 1914 г.

Послано из Петербурга в Краков

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 311—313

¹ Возможно, речь идет о М. И. Калининне.

М. И. Калинин (1875—1946) — член КПСС с 1898 года. Соратник В. И. Ленина. Активный участник петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1911 года, вернувшись в Петербург после неоднократных арестов и ссылок, М. И. Калинин — слесарь оружейного завода, а затем завода «Айваз» — ведет большую партийную работу среди рабочих Петербурга, входит в состав Петербургского комитета, выполняет поручения ЦК. В 1913 году, после ареста Я. М. Свердлова, ЦК поручает М. И. Калининну руководство большевистской печатью. *Ред.*

² Имеется в виду журнал «Просвещение». *Ред.*

³ Имеются в виду адреса И. Арман и Л. Сталь — членов редакции журнала «Работница», находящихся в эмиграции в Париже. Их адреса для связи были утеряны, по-видимому, во время разгрома редакции и ареста членов редакции журнала «Работница» 18 февраля 1914 года. *Ред.*

⁴ Вся фраза была зачеркнута автором. Восстановлена. *Ред.*

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

Дорогая моя Манечка, обнимаю тебя крепко и посылаю любимую твою сирень и пожелание здоровья и хорошей, веселой весны. Как чувствуешь ты себя теперь, голубочка моя? Книжки французские постараюсь выслать нынче. Получила ли № 2-ой «Работницы» и что скажешь о нем? Нужен бы пасхальный материал к следующему №. Не имеется ли у кого-нибудь что-нибудь переводное подходящее? Почему не отзываетесь на это?

Пожалуйста, милочка, купи маме палку для улицы, зонт ненадежная опора; боюсь, чтобы она не упала в гололедицу. Пиши, что надо послать с М.¹ О шапочке помню. Пиши, не стесняясь, — хочется чего-нибудь вам послать.

Крепко обнимаю, родная моя, и желаю здоровья и хорошего настроения. Пьешь ли кефир? Пей, очень советую. Я тоже хочу приняться за него. Еще раз целую.

Твоя А.

Посылаю сейчас № Станиславу²; Петру³ не хочу, зачем с тобой ссориться. А ты напрасно его чересчур балуешь.

1914 г., март, позднее 16-го

Послано из Петербурга в Вологду

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 314—315

В. И. ЛЕНИНУ

2. IV. 14 г.

Дорогой друг!

Начал писать вам на днях, но вследствие одной тревоги⁴ не удалось кончить. Вследствие нее же отвечаю на ваши письма на память, не имея их под руками. Прежде всего о большом журнале⁵.

Статья «25 лет»⁶ сдана в набор. Теперь 4-ый № полон, — только на последнем листе можно поместить еще мелкие ста-

¹ М. Т. Елизаров. *Ред.*

² С. С. Кржижановский — был выслан в В. Устюг Вологодской губернии по делу Саратовской организации одновременно с М. И. Ульяновой. *Ред.*

³ П. А. Залуцкий — знакомый М. И. Ульяновой по вологодской ссылке. *Ред.*

⁴ По-видимому, речь идет об аресте журнала «Работница» № 3, о чем А. И. Елизарова более подробно сообщает В. И. Ленину в письме 15 апреля 1914 года. *Ред.*

⁵ Журнал «Просвещение». *Ред.*

⁶ Статья Г. Зиновьева «25-летие пролетарского праздника». *Ред.*

ть и заметки. Статья В. И. «Чему не надо подражать»¹ тоже сдана. № обещает быть интересным. Будет статья об отравлениях². В беллетристике идет глава «Волн»³. «Больной вопрос»⁴ не поместится. Вернуть его вам или сдать в набор к маю?

Теперь, пожалуйста: просмотрите проспект обещанных на 14-ый год статей и присылайте сами и попросите всех обещавших нам свои статьи сотрудников, с которыми имеете сношения, поспешить с исполнением обязательств. А то у нас ни одна из обещанных статей не была помещена. Это скандал! Если пройдет полгода и не будет ни одной из обещанных статей, то это отразится на подписке и подорвет наш престиж. У вас, наверное, есть проспект?

Ничего еще не решили со статьей N.N.⁵ о Баку. Ольминский⁶ написал ему какое-то строгое письмо, в ответ на которое тот прислал отчаянное. Спрашивается, на основании чьих полномочий Ольминский выбрасывает его за борт; что тогда, мол, надо его и из местной работы выбросить; что, сколько ему известно, вы относитесь к этому иначе, ибо даже пеняли ему (N.N.), что он в своем исследовании, вышедшем в хозяйской печати, политической точки зрения не подчеркнул⁷. Ольминский стоит на точке зрения резолюции, помещенной в П. Пр.⁸, — кажется, в 32 №. Притом резолюцию 907⁹ г., разрешающую принимать некоторое участие в буржуазной печати, толкует так, что нельзя, следовательно, принимать участие в хозяй-

¹ Статья В. И. Ленина «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении» (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 106—110). *Ред.*

² Статья Вив «Массовые отравления рабочих и санитарное состояние промышленных заведений». *Ред.*

³ Из повести Вл. Войтинского «Волны» в № 4 «Просвещения» была напечатана первая глава: «Луч света среди ночи». *Ред.*

⁴ Статья В. И. Ленина «Больные вопросы» нашей партии. «Ликвидаторский» и «национальный» вопросы впервые была опубликована в польском журнале «Pismo Duskusyine» № 1, август 1913 года. Подпись: N. Lenin (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 22, с. 223—230). *Ред.*

⁵ *Карташев*. О какой его статье идет речь, установить не удалось. *Ред.*

⁶ *М. С. Ольминский* (1863—1933) — член КПСС с 1898 года, большевик. Профессиональный революционер. После ссылки в Якутскую область в 1904 году эмигрировал, сблизился с В. И. Лениным и с того времени являлся активным участником легальной и нелегальной большевистской печати. В 1911—1913 годах принимал живейшее участие в газетах и журналах: «Звезда», «Правда», «Просвещение». С 1914 года работал в Саратове, сотрудничал в «Нашей газете», в сборнике «Под старым знаменем». *Ред.*

⁷ Верно ли это? *А. Е.*

⁸ В газете «За правду», 1914, № 32, была напечатана резолюция комиссии, созданной по делу «О товарище X» (Комаровском). А. И. Елизарова ошиблась, называя газету «Пролетарская правда». *Ред.*

⁹ На четвертой конференции РСДРП («Третья Общероссийская») (Гельсингфорс, 5—12 (18—25) ноября 1907 года) была принята резолюция по вопросу «Об участии в буржуазной прессе». *Ред.*

ской. В общем с этим нельзя не согласиться, но, в частности, мыслимы такие комбинации: 1) редакторское участие в буржуазной печати или 2) чисто техническое в хозяйской. Что менее допустимо? С моей точки зрения, первое.— Одним словом, вопрос сложный. Письмо Г. З. не разъяснило его. У всех получилось такое впечатление, что Г. З. смягчает многое, что письмо его не согласуется с его статьей,— и все же он стоит за напечатание статьи... Она сдана в набор и будет выслана ему в корректуре. Хорошо, если бы вы оба взвесили ее получше и дали нам обстоятельную статью, которой могли бы руководствоваться широкие круги. Ко дню 22-го апреля¹ (надеюсь, наш журнал выйдет к этому сроку) очень важна была бы такая статья. Лучше, думаем мы, немного ограничений, но вполне определенных,— напр. резолюций 1907 г., чем после строжайших требований вдруг окажется, что $\frac{1}{2}$ своих они не проводит. На радость ликвидаторам только. Как вы полагаете относительно статьи К-ва² (N. N.)? Часть нашей редакции считает, что надо поместить, часть против.

Переписка³ Маркса и Энгельса слишком обширна. Нельзя ли выбросить из нее несколько менее важных писем или, если нельзя, разделить на две книги? Отвечайте. Жму крепко руку и желаю всего лучшего. Жалею очень, что не знал об оказии, чтобы написать вам подробнее по поводу поручения⁴ вашего, которое выполнил,— с запозданием не по моей вине. Вам напишут, или, может быть, уже написали. Между прочим, Карл Карлович⁵ огорчается, что вы ему давным-давно не пишете и даже якобы поклонов не посылаете, и нервничает по этому поводу.

Да, относительно корректуры говорил с заведующим конторой. Обещал, что в следующей книге будет лучше. Жму еще раз руку.

Ваш Андрей

Что вы не пишете мне совсем? Сердитесь на что?

2 апреля 1914 г.

Послано из Петербурга в Краков

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 315—317

¹ 22 апреля (5 мая) 1914 года — 2-я годовщина выхода газеты «Правда». Ред.

² Карташев. Ред.

³ Статья Г. Зиновьева «Из переписки Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом (Вокруг «Новой Рейнской газеты»)». Ред.

⁴ О каком поручении В. И. Ленина идет речь, установить не удалось. Ред.

⁵ М. И. Ульянова. Ред.

Н. К. КРУПСКОЙ

письмо
верн...¹

2/IV 14 г.

Дорогой друг!

На этом листке пишу относительно «Работницы». — Начатое на днях не удалось кончить. Вы знаете о нашей неудаче. Вот вам и злободневные темы! А без них журнал, конечно, «никуда не будет годиться», как пишете вы. А следовательно, злободневной темой будет 1-ое Мая. Вот и вывернись с ней!

На вашу строгую критику отвечаю, что, собственно, не идти в счет должен не 1-ый №, а 2-ой, потому что первый был в большей половине сдан в набор прежней редакцией, в исправлениях принимали участие все, а 2-ой буквально 1 1/2 человека. — Вот, вы пишете: попросите секретаря написать, передайте то-то в контору, в редакцию... Все это передавать очень близко, самое легкое из всего, что приходится делать... Но другого всего, — редакторских, технических и других дел для 1 1/2 — или даже, вернее, для одного человека, слишком много. Приходилось и типографию отыскивать, — целый ряд отказывался; и контору оборудовать и бумагу закупать... Одним словом, одно это лицо через неделю такой работы буквально свалилось... Потому-то и секретарские функции оказались запущены и написать всем не успел. Парижский адрес был затерян прежней редакцией, — потому своевременно не было послано туда. Одним словом, приходится считаться с результатами таких разгромов, как февральский². Сейчас привлечены к редакции 2 лица: секретарь одного журнала (1/2, помогавшая одному целому лицу, — ибо сильно занят в своем журнале) и жена того издателя, которому вы на грош не верите. Это в смысле всякой помощи, кроме минимальной редакторской, сводилось к голому нулю. Имею в виду пригласить еще пару лиц: сестру одной заболевшей и еще одну... Но, впрочем, вы думаете, может быть, назначить другую редакцию, — тогда сообщайте. При таком безлюдье, конечно, далеко не уедешь. Очень неудобно было в прежней редакции соединение функций, — это скорее приводит к краху. Да и сейчас соединение есть.

Относительно 2-го № здешняя публика повсюду высказы-

¹ Пометка Н. К. Крупской. *Ред.*

² Первой мыслью было оставить все, — ибо справиться было мудрено. Да жаль стало: сочувствие большое, — стихийное что-то, правда, есть. *А. Е.*

вается одобрительно,— нравится больше I-го за большую популярность. За беллетристику тоже все и прежняя редакция также. Ведь состав читателей не тот, что в газете; если такой же был бы, незачем бы отдельный журнал издавать. Публика малосознательная, мудреных слов и статей не понимает. Большинство, говорят, отзывалось в I-м № о беллетристике, которая там очень понравилась.

И все же рост публики несомненный есть.

Интересны отдельные предстательницы, с которыми приходилось встречаться. Интересны и корреспонденции: напр. «Прислуга и раб. день» в № 3-м.

Относительно статей.— Некоторые увидите в № 3-м. Цифры изложили популярно, дроби отняли, чтобы доступнее было. Некоторые устарели, например Шевченко. Об аборте мы решили, что не стоит с начала журнала начинать,— и «женский» чересчур и что скажешь по сути.

Некоторые статьи запоздали во 2-ой №, потому что маленькая типография прокопалась с ним (начала рано).

Теперь присылайте что-нибудь майское,— беллетристику, сказку переводную, о заграничном движении... Пишите на редакцию того или иного журнала. Шлю большой привет и желаю здоровья и еще здоровья.

Андрей

2 апреля 1914 г.

Послано из Петербурга в Краков

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 318—319*

Н. К. КРУПСКОЙ

письмо получено 23/IV.

$\frac{3}{IV}$ 14 г.

Дорогой друг!

Письмо верн.

Только что отправил Вам письмо, как получилось письмо из Берлина с предложением принять участие в предварительном совещании по поводу августовской международной женской конференции¹. Пишет Коллонтай, прилагая листок тех пунктов, которые предложены к обсуждению женскими секретариатами разных стран. Спрашивает, не имеем ли мы каких-

¹ Международную женскую социалистическую конференцию, о подготовке которой идет речь, предполагалось провести в августе 1914 года. Но начавшаяся империалистическая война не дала возможности созвать конференцию в августе 1914 года. Конференция была проведена в марте 1915 года в Берне. В России конференции предшествовала большая партийная работа. Были проведены выборы делегатов в Петербурге, Москве, Иванове и других городах, в Русском бюро ЦК (Петроград) создано Бюро работниц. *Ред.*

либо своих предложений, поправок или дополнений. Посылать надо по адресу: Zutz Pertuvorstang Lindenstr 3. Hof I, Eingang II, Berlin.

Предлагает Коллонтай ей написать, если нам удобнее по-русски, а также быть передатчицей наших предложений в случае, если нашей представительницы на совещании не будет.

Теперь,— может ли кто-ниб. из вас или есть ли у вас кто-либо в Берлине, кого вы можете попросить быть нашей представительницей. Поручить придется, вероятно, телеграфно, ибо совещание назначено уже на 7-ое (20-ое) апреля,— в 10 ч. утра.

Одним словом, делайте там вы, что найдете нужным. Коллонтай мы отвечать не будем, представительницу посылать тоже, как знаете, не можем.

Читали нынче о том, что ликвидаторы тянутся за нами?! Пошлите какой-нибудь хорошенькой беллетристики переводной. На польском много бывает. С других языков. На будущей неделе надо весь материал сдавать в набор.

Привет! Всех благ!

Коллега знакомого повидал с большим оправданием не по моей вине. Он хотел писать вам сам, вероятно, уже исполнил это¹.

Привет! Всех благ!

Андр.

3 апреля 1914 г.

Послано из Петербурга в Краков

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 319—320*

В. И. ЛЕНИНУ

$\frac{15}{IV}$ 14 г.

Дорогой друг!

Пишу сейчас страшно наспех. Главным образом, чтобы известить автора статьи об участии в буржуазной печати, что на последнем (вчерашнем) редакционном совещании решено было, вследствие сильных возражений, опустить всю последнюю главу «с больной головы на здоровую», кроме самого конца (за звездочками) о том, что ликвидаторы по натуре близки к либералам и их участие в буржуазной печати не случайно.

Дело в том, что указание на то, что мы-де можем Л. М.²

¹ Последний абзац письма со слов: «Коллега знакомого...» и до конца густо зачеркнут Н. К. Крупской. Текст носит явно конспиративный характер, но о ком и о чем идет речь, установить не удалось. *Ред.*

² Ю. Мартов. *Ред.*

дюжину секретарей и других участников буржуазной печати из них назвать, встретило настоящий вопль в газете: это-де третий раз, значит, мы провозгласим! Два раза уже провозгласили, и ликвидаторы два раза заявили: назовите,— а мы смолчали, ибо как доказать, что Смирнов¹ секретарствует, другой то-то... Нельзя же, мол, твердить одно до бесчувствия.— А с выпуском этого места от главы оставалось слишком мало. И потом вообще в №, посвященном юбилею печати, не хотелось столько ругани вводить (а Ia Демьян с его паскуднейшей басней! Это, между прочим, прямая мионовщина,— себе только вред!).— Теперь, если автор не согласен на эту купюру, пусть немедленно телеграфирует, чтобы мы отложили печатать до майской книги, и тогда будем списываться. Если же согласен, чтобы статья шла в существенной части, то можно не телеграфировать,— молчание примем за согласие. Существенная ее часть будет уместна, думается, после статьи о юбилее печати (в темах дня). Книгу выпускаем в уменьшенном несколько размере (6 л.), но гоним, чтобы вышла 22-го. В ней идут: 1-я глава «Волн», 3 стихотворения; «О национ.» Ильина, его — «Чему не надо подражать»² и 2 рецензии³.

Зиновьева: «25-тилетие праздника», его же «о локаутах»⁴. Переписка Маркса и Энгельса; Шляпникова: «О бельгийских рабочих»⁵; 2 статьи об отравлении на «Треугольнике»⁶, статья по истории законодательства о стачках⁷, — кажется, все.

К маю есть — 2-ая глава «Волн»⁸, об украинском марксизме⁹, «Проблема 8-мичасового дня» Г. З., — классовая борьба

¹ О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

² В № 4 журнала «Просвещение» за 1914 год были напечатаны первые три главы из статьи В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение». Подпись: *В. Ильин* и статья «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении». Подпись: *В. И.* (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, соответственно с. 257—272 и 106—110). *Ред.*

³ Рецензия В. И. Ленина. Н. А. Рубакин. Среди книг. Том 2 (изд-во «Наука»). М., 1913, цена 4 руб. (изд. 2-е) (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 111—114). *Ред.*

⁴ Статья Г. Е. Зиновьева «Последний локаут и теория стачечного азарта». *Ред.*

⁵ Статья А. Г. Шляпникова «О бельгийских металлистах». *Ред.*

⁶ Кроме статьи Вив «Массовые отравления рабочих и санитарное состояние промышленных заведений» была помещена статья Т. Алексинской «По поводу отравления бензином на резиновых фабриках». *Ред.*

⁷ Статья Р. Раскольникова «Уголовные наказания за стачки в России (Историческая справка)». *Ред.*

⁸ Вторая глава «Волн» Вл. Войтинского в журнале «Просвещение» не была напечатана. *Ред.*

⁹ По-видимому, имеется в виду статья В. Степанюка «Из истории украинского марксизма», опубликованная позднее в журнале «Просвещение», 1914, № 6. В 1913 году Степанюк написал статью для газеты «Правда» с критикой

в Австралии ¹ ...² ждем конца статьи Ильина «О праве наций». Сталину ³ придется еще полежать. Все статьи нужны к 5—7-му мая; но для последних листов могут быть присланы к 10-му — 12-му — крайний срок. Спешите, значит, со статьей Ильина. Вообще, ждем материал. Рецензий, пожалуй, достаточно для 5-го №.

Деборин ⁴ не вышел еще. «Работницу» перепечатывать нельзя было, ибо полиция разобрала набор ⁵. Для нее последние ваши статьи ⁶ пошли в 4-ый № (выйдет в конце недели); материалу для 5-го № (майского) нет. Спешите присылкой.

Жму искренне руку. Андрей

15 апреля 1914 г.

Послано из Петербурга в Краков

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 321—323

украинских националистов. В. И. Ленин положительно отозвался об этой статье и рекомендовал написать еще одну — об истории и сущности «централизма» и «сепаратизма» среди социал-демократов Украины (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 263). Возможно, статья Степанюка для «Просвещения» была написана в связи с рекомендацией В. И. Ленина. *Ред.*

¹ «Классовая борьба в Австралии» — статьи с таким заголовком не было напечатано в «Просвещении». Возможно, имеется в виду статья Артема «Классовая борьба в Новой Зеландии», опубликованная в журнале «Просвещение», 1914, № 6.

Артем (Ф. А. Сергеев) (1883—1921) — член КПСС с 1901 года. Вел работу на Украине. После IV съезда РСДРП — на Урале. Был сослан в Сибирь, оттуда бежал в Китай, где работал в качестве кули, а затем поселился в Австралии и активно участвовал в рабочем движении. В 1912—1917 годах издавал газету «Австралийское эхо». *Ред.*

² Еще есть Веер. Еще не успел просмотреть. Послать вам на просмотр? А. Е. (Веер — Макс Бер — немецкий историк. В. И. Ленин предлагал М. И. Ульяновой написать статью для журнала «Просвещение» по книге Бера «История социализма в Англии» (по гл. IV, § 4, 5 и гл. VI). Статья, по-видимому, была написана. В журнале «Просвещение» статьи о Бера не было напечатано. *Ред.*)

³ О какой статье И. В. Сталина идет речь, установить не удалось. В журнале «Просвещение» за 1914 год статей Сталина не было напечатано. *Ред.*

⁴ А. М. Деборин (1881—1963) — философ, историк. С 1903 года — большевик. В 1907—1917 годах — меньшевик. После Октябрьской революции порвал с меньшевиками. Член КПСС с 1928 года. В 1929 году избран действительным членом Академии наук СССР. В период 1907—1917 годов выступал в числе активных борцов за диалектический материализм, против махизма и кантианства. Основная его теоретическая работа до 1917 года — «Введение в философию диалектического материализма» — вышла в 1915 году (Пг., Жизнь и знание). По-видимому, этой книгой интересовался В. И. Ленин. *Ред.*

⁵ Речь идет о журнале «Работница», 1914, № 3, на который был наложен арест Петроградским комитетом по делам печати. Редактор Ф. В. Марцинкевич был привлечен к ответственности за помещение статей «Волна заболеваний среди работниц», «Они рассердились» и за стихотворение «Работнице». В статьях и стихотворении не только наглядно показаны жестокие условия эксплуатации работниц, массовые и систематические отравления, рост профессиональных заболеваний, но в них звучит и призыв к борьбе, к сплочению вокруг своей рабочей партии. *Ред.*

⁶ По-видимому, речь идет об извещении о Третьей интернациональной конференции женщин-социалисток и организованных работниц, которую пред-

$\frac{29}{IV}$ 14 г.

Дорогой друг!

Вы знаете уже о неудаче, постигшей нас с № 4-ым¹. Нам не вернули с почты посланные экземпляры, так что, может быть, Вы их получите также. В таком случае напишите нам о вашем впечатлении. № вышел как будто недурной — жалко. Хлопочем о разрешении выпустить с вырезкой 1-ой статьи. Если хлопоты эти приведут к благоприятному результату, выпустим с вырезкой. Если, паче чаяния, нет, что делать с началом статьи Ильина², — перепечатать ее? Ждем теперь для № 5-го окончание этой статьи, «Проблему 8-ми час. раб. дня», Веega. Пожалуйста, поспешите с высылкой всякого материала — особенно указанных статей, которые должны пойти вначале. На беллетристику даем одну одобренную А. М.³ повесть⁴, затем будет статья о Щедрине⁵, потом «Маркс и Бакунин» Стеклова, Ильина «О национальном вопросе», Зиновьева «Проблема...». Затем имеется статья о классовой борьбе в Австралии⁶, статья об итальянском конгрессе⁷. Предполагаются статьи о последних политических событиях⁸, о бюджете⁹,

полагалось провести в Вене 21—22 августа 1914 года, и о статьях: а) И. Армаид «Работница и 8-мичасовой рабочий день», подпись: *Е. Блонина*; б) Н. К. Крупской «Работница, семья и проституция», подпись: *Н. К.*; в) Л. Сталь «Опасные для здоровья производства», подпись: *Людмила Сталь*. Извещение и статьи были напечатаны в журнале «Работница», 1914, № 4. *Ред.*

¹ Журнал «Просвещение», 1914, № 4, был конфискован за повесть «Луч света среди ночи» Вл. Войтинского. Редактор журнала В. Е. Соколов и автор повести привлечены к уголовной ответственности. Дело о журнале передано в Судебную палату. *Ред.*

² Начало (1—3 главы) статьи В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение». *Ред.*

³ А. М. Горький. *Ред.*

⁴ Рассказ Л. Гумилевского «В литейной». Опубликован в журнале «Просвещение», 1914, № 5. *Ред.*

⁵ Статья М. Ольминского «Салтыков-Щедрин» напечатана в журнале «Просвещение», 1914, № 5. *Ред.*

⁶ Возможно, А. И. Елизарова имеет в виду статью Артема «Классовая борьба в Новой Зеландии», напечатанную позднее в журнале «Просвещение», 1914, № 6. *Ред.*

⁷ Статья Н. Соломонова «XIV конгресс Итальянской социалистической партии в Анконе». *Ред.*

⁸ Возможно, идет речь о статье В. Яновского «Вокруг думской трибуны», напечатанной в журнале «Просвещение», 1914, № 5. *Ред.*

⁹ По-видимому, имеется в виду проект «К вопросу о смете министерства земледелия», подготовленный В. И. Лениным для выступления в Думе большевистского депутата. Эту речь произнес депутат Г. И. Петровский 28 мая 1914 года при обсуждении доклада бюджетной комиссии по смете департамента

о дне рабочей печати. Вот приблизительно проспект книги. Еще раз спешите с присылкой статей, а то в мае праздников много, а у нас сейчас нечего набирать.

«Работница» выходит на днях 5-м №. Идут, между прочим, статьи Сталь¹, Лилиной², — других нет. В Париж пишем. Посылайте же больше статей! Ваших совсем уже нет в портфеле. Очень трудно нам вывертываться с беллетристикой. А наверно, в иностранной, в польской можно много подходящего найти. Здесь, поблизости от Питера, хочет поселиться тетушка³, — будет, надеюсь, помогать.

Пригласили мы конторщицу (будет исполнять обязанности и секретаря) за 40 р. в месяц. Не знаю, как справимся, а без одного хотя платного человека никак нельзя. К тому же лето подходит, всем хочется отдохнуть хоть частицу его, — и вашему покорному слуге также. Надо будет наладить как-нибудь временно с обоими журналами. Относительно Андрея Николаевича⁴ могу сообщить вам, что он и сам желал бы очень повидать вас, но не знает, удастся ли. Он рассчитывал было к осени, но те планы, о которых вы сообщили ему одному и о которых, между прочим, говорят многие, пожалуй, осложняют это... Ну, надо кончать. Жму крепко руку и желаю здоровья и всех благ. Пишите же! На последнее письмо вы что-то не ответили. Просьбы ваши в последнем письме постараюсь по мере сил исполнить, хотя много сделать не смогу.

Au revoir!

Ан. Никол.

29 апреля 1914 г.

Послано из Петербурга в Краков

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 324—325

государственных земельных имуществ на 1914 год (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 171—176).

Статьи о бюджете и о дне печати в журнале «Просвещение», № 5 и № 6, 1914 года не появились. *Ред.*

¹ Л. Н. Сталь (1872—1939) — член КПСС с 1897 года. Революционную работу вела в Москве, Петербурге, Одессе, Николаеве и других городах. Активная участница Октябрьской социалистической революции. *Ред.*

² З. И. Лилина (1882—1929) — член КПСС с 1902 года. В 1905—1908 годах работала в России на нелегальной работе. За границей примыкала к кружкам, организованным В. И. Лениным. Принимала участие в журнале «Работница». Из-за границы (Швейцария) вернулась в Россию в 1917 году вместе с В. И. Лениным. *Ред.*

³ По-видимому, имеется в виду П. Ф. Куделли.

⁴ П. Ф. Куделли (1859—1944) — член КПСС с 1903 года; старейший работник Петербургской организации. В 1914 году принимала активное участие в журнале «Работница». *Ред.*

⁵ А. И. Елизарова. *Ред.*

8.V.14 г.

Дорогой друг!

Получили Ваше ругательное письмо на редакцию и второе, еще более ругательное, мне лично. Вы обвиняете нас и в анархии, и в захвате, и в том, что не договариваемся сначала... Но постойте. Если надо было договариваться, то инициатива должна была исходить от Вас. Когда Вы приветствовали Андр. Н., что он взял «active part in the redaction»¹ — Вы должны были указать, в чем эта part² должна заключаться. Иначе вышло, как всегда бывает. Вновь вступивший расспросил своего предшественника и руководствовался установившимся. В частности, и слышал и сам видел, что тот изменял Г. З. и в цензурном и в некоторых иных отношениях. А новый редактор газеты³ говорил мне сам, что часто сильно режет Г. З. (Не совсем понимаю, что вы хотели сказать игрой слов: le redacteur du journal et non pas les redacteurs au journal,— вероятно: quod licet lovi non⁴). Но мы и не лезем совсем в Юпитеры. Будьте справедливы и укажите, в чем мы когда-нибудь покушались на ваши статьи. Но при всем уважении к вам обоим⁵ лично и к некоей высшей инстанции не могли мы не возразить против фактических неверностей⁶, которыми изобиловала злополучная статья⁷ en question⁸. А когда автор выкинул их, заменив общей фразой: «сможем назвать дюжину ликвидаторов, занимающих ответственные посты в буржуазном издательстве»,— то возопили даже Юпитеры из газеты: дважды, мол, мы это провозглашали и дважды получили вызов: назовите,— и... смолчали. Раз, мол, ударь, два, да нельзя же до бесчувствия. Как докажешь, что такое-то и такое-то лицо является не сотрудником, а частью редакции?! Сколькими это

¹ — «активную роль (участие) в редакции». *Ред.*

² — роль. *Ред.*

³ По-видимому, имеется в виду редактор газеты «Правда». *Ред.*

⁴ — редактор для газеты, а не газета для редактора. Что позволено Юпитеру, то... *Ред.*

⁵ Имеется в виду В. И. Ленин и Г. Зиновьев. *Ред.*

⁶ Ведь отвечать за них нам бы здесь пришлось,— вас-то не достанешь. *А. Е.*

⁷ Речь идет о статье Г. Зиновьева «Против участия в буржуазной печати».

Статья подвергалась в редакции журнала «Просвещение» неоднократному обсуждению, острой критике и была значительно сокращена. Первоначально статья была, по-видимому, направлена в редакцию «Правды», затем передана в журнал «Просвещение». *Ред.*

⁸ — о которой идет речь. *Ред.*

еще судами пахнет.— Юпитеры из газеты оказались большими дипломатами, подкинув статью нам,— сами в минуту откровенности каялись, что подложили нам этим свинью.

Как нам было быть, когда при выпуске указанного места оказывалось, что от главы ничего почти не оставалось? Было 2 предложения: 1) вернуть ее паки для изменения и 2) поместить без последней главы, чтобы успела попасть в №, посвященный печати. Остановились на середине: попросили автора телеграммой приостановить, если не согласен на помещение в таком виде. И телеграмма должна была бы успеть, если бы не невероятная задержка последнего письма. Отчего это? Адрес не годится? — Что могли мы сделать большего? Что касается до предрезостной посылки «Проблем»¹ с некоторыми замечаниями, то, ввиду того, что Вы как бы докапываетесь, кто именно виноват, заявляю: теа culpa!² Мое это было предложение. И без всякой тени чего-нибудь предрезостного. Как раз потому, что и статья и прения о ней очень заинтересовали меня, что захотелось большего выяснения положения,— из преданности, так сказать, журналу. У наших противников то преимущество, что вся редакция налицо, что все обсуждения могут идти коллегиально. Это громадный плюс для журнала. И вот захотелось воспользоваться случаем, когда это можно было провести и у нас.— Я лично убежден в страшной пользе коллегиальной работы и ей приписываю и большую живость журнала с декабря (что отмечали и вы, и другие), и то, что люди, манкировавшие при прежнем коллеге, работали последнее время очень активно, смотрели на дело, как на свое. Таким образом, утилизируются самые маленькие силы, а этого, по моему крайнему разумению, должны добиваться силы большие.— Между тем Г. З. вычеркнул даже чисто фактические поправки,— например, об упущении последнего французского закона о 8-часовом рабочем дне. Конечно, это его воля и статья пойдет так, как он хочет,— но это ведь уже мелочно до смешного и не способствует возрастанию уважения к нему.

Ну, будет об этом! 5-ый № теперь полон (с окончанием Вашей статьи³, которую ждем)⁴ — кроме нее, яблоку поместиться негде. Придется, пожалуй, разбить на 2 части статью⁵

¹ Статья Г. Зиновьева «Проблемы 8-мичасового рабочего дня». *Ред.*

² — моя вина! *Ред.*

³ Статья В. И. Ленина (продолжение) «О праве наций на самоопределение». В № 5 «Просвещения» были напечатаны 4—7-я главы статьи (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 272—299). *Ред.*

⁴ Спешите с нею. *А. Е.*

⁵ Статья Ю. Стеклова «Маркс и Бакунин (к столетию со дня рождения М. А. Бакунина)» была напечатана в № 4 и № 5 журнала «Просвещение» за

Стеклова. Относительно 4-ой¹ еще неизвестно,— пошло на решение Судебной палаты.

А как со статьей по Веег'у? Одобрена она?

Вероятно, мне придется уехать месяца на 1¹/₂ — 2. Тут останется пока другой товарищ. Желательно все же, чтобы летом был побольше запас статей от вас, чтобы не было задержки...

Ну, должен кончать затянувшееся письмо.

Жму крепко руку и прошу принять в соображение главным образом мотивы, диктовавшие это письмо, и не ставить в строку, если где-либо по нечаянности что-нибудь переписал.

Ваш Ан.

Относительно стихотворения еще раз обращайтесь по адресу: к редактору нашего беллетристического отдела.

Какая тут жара и духота, сколько бесплодных путешествий по здешним лестницам, сколько всяких других незадач...

А вы только новыми *molentendu*² грозитесь... Ей-богу, и без них тяжело!

8 мая 1914 г.

Послано из Петербурга в Поронин

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 326—328

В. И. ЛЕНИНУ

28. V. 14 г.

Дорогой друг! Сейчас только получены Ваше письмо и открытка. Извиняюсь, что запоздал несколько с письмом: был болен мальчик³, который живет теперь со мной, и из-за этого я не успел ответить на Ваше последнее личное письмо (по поводу наших недоразумений). Очень рад, если они кончились и не будут повторяться в таком виде. Теперь о делах. № 5-ый⁴ выходит 30-го — 31-го отчасти из-за запоздания статьи «О национальном самоопределении», отчасти из-за одной технической ошибки здесь: сдана была в печать вся статья о Марксе и Бакуине, у типографа не оказалось больше шрифта, пришлось печатать начало книги и потом разбирать для статьи В. И.— Ничего уж не поделаешь. Теперь книга печатается и больше ничего, конечно, вставить нельзя.

О Троцком статья⁵ идет и «Поспешись — людей насме-

1914 год. Статья являлась извлечением из подготовляемой Стекловым книги «М. А. Бакуинин. Его жизнь и деятельность». *Ред.*

¹ Имеется в виду конфискация журнала «Просвещение», 1914, № 4. *Ред.*

² — недоразумениями. *Ред.*

³ Г. Я. Лозгачев. *Ред.*

⁴ Журнал «Просвещение». *Ред.*

⁵ Статья В. И. Ленина «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» опубликована в «Просвещении», 1914, № 5. Подпись: В. Ильин (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 183—206). *Ред.*

шишь»¹. О впередовцах² редактор газеты³ хотел напечатать там. Запрошу нынче, печатает ли он. Кроме того, что он сам запросил ее назад, у нас относительно нее такое опасение: удобно ли задевать теперь Горького? Мы с ним лично все еще не свяжемся: хотел известить нас, когда к нему приехать, и не извещает. Между тем его обхаживают все и вся.

Не оттолкнуть бы нам и его? Потом, когда завяжутся более тесные связи, может быть, он не примет близко, а теперь удобнее бы, чтобы газета говорила так о нашем редакторе беллетристического отдела, а не мы. Не правда ли?⁴

№ 6-ой в своей основной части у нас уже полон. Имеется 4 листа: беллетристика, конец Бакунина и Вашей статьи⁵, украинский марксизм⁶, иностранный отдел. Нужны лишь статьи на темы дня. Их и посылайте.

Вы пишете о проекте для Ветерана⁷. Никакого проекта при этом письме мне передано не было. Запрошу еще редакцию, но не ошиблись ли Вы при пересылке? Статьи письмоводителя⁸ фракции тоже не было.

К своему крайнему огорчению, не понял, что за письмо было возвращено и по какому адресу послано?!!

Отмененный адрес я не заменил до сих пор, потому что считал, что гораздо раньше — по семейным и другим обстоятельствам (здесь удобнее было раньше оставить работу, так как позже другой член уедет) — уеду на отдых и что не стоит

¹ Статья В. И. Ленина «Поспешись — людей насмешишь» опубликована в «Просвещении», 1914, № 5. Подпись: В. И. (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 180—182). *Ред.*

² Статья В. И. Ленина «О «впередовцах» и о группе «Вперед» опубликована в «Просвещении», 1914, № 6. Подпись: В. Ильин (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 353—359). *Ред.*

³ По-видимому, речь идет о редакторе газеты «Правда». *Ред.*

⁴ Может быть, если печатать нам, то выкинуть о Горьком? А. Е.

⁵ Окончание статьи В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение» (главы 8—10) опубликовано в «Просвещении», 1914, № 6. Подпись: В. Ильин (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 299—320). *Ред.*

⁶ В. Степанюк. Из истории украинского марксизма. *Ред.*

⁷ П. И. Стучка (Ветеран) (1865—1932) — член КПСС с 1895 года. Один из первых латышских революционеров и организаторов Компартии Латвии. После высылки из Латвии работал с 1907 по 1917 год в Петербурге, участвовал в журнале «Просвещение» под псевдонимом Ветеран. О каком проекте для Ветерана идет речь, установить не удалось. *Ред.*

⁸ Речь идет о Е. Ф. Розмирович, которая работала секретарем большевистской фракции IV Государственной думы. После ареста 18.II (3 марта) 1914 года во время разгрома редакции «Работницы» и освобождения ее из тюрьмы уехала за границу и вернулась в Россию только летом 1915 года.

О какой статье Розмирович идет речь, установить не удалось. *Ред.*

уже давать здешнего адреса. А теперь нечаянно все затянулось...

Теперь или пошлю на днях адрес, или пишете на К. К.¹, если я уеду к нему. Ну, до свидания! Всего лучшего!

Жму крепко руку.

Ваш Андр.

28 мая 1914 г.
Послано из Петербурга
в Поронин. Австрия

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 329—330

В. И. ЛЕНИНУ

Берн (через Стокгольм и Париж),

Вл. Ульянову, Доннербухлевег, 11 — А²
Вологда, 19 сентября 1914 г.

Дорогой Володя. Наконец-то мы получили весть от тебя (через Марка³) и узнали твой адрес; очень уж тревожно было до тех пор. Надеюсь, ты напишешь мне теперь подробнее о себе, как жил ты это время, верен ли слух о твоём аресте, бывший в газетах⁴. Как живешь теперь. Как здоровье твое и Нади. Каковы у вас материальные обстоятельства. Не послать ли денег. У нас с начала августа тоже было неблагоприятно: мама захворала на другой же день после переезда из деревни и пролежала три недели. Теперь хоть поправилась, но все еще слаба. Выходит понемногу на балкон в ясные дни; три раза ходила погулять в садик напротив. Поправка пошла бы, верно, успешнее, будь то лето или юг. Но все же, слава богу, поправилась. Было у ней что-то нервное — от переутомления, объяснял доктор: головные боли и большая слабость.

¹ Карл Карлыч — псевдоним М. И. Ульяновой. *Ред.*

² Адрес печатается по перлюстрации. *Ред.*

³ М. Т. Елизаров. *Ред.*

⁴ Об аресте В. И. Ленина писала газета «Русское слово».

По ложному доносу, обвинявшему В. И. Ленина в шпионаже, в его квартире по указанию австрийских властей 25 июля 1914 года был произведен обыск.

По вызову жандармерии 26 июля В. И. Ленин приехал в Новый Тарг, где был арестован и заключен в тюрьму. За отсутствием оснований для возбуждения судебного следствия 5 августа дело было прекращено, 6 августа В. И. Ленин освобождается из тюрьмы и возвращается в Поронин.

Вместе с Н. К. Крупской и ее матерью Елизаветой Васильевной В. И. Ленин 13 августа 1914 года выезжает из Поронина в Краков, добивается разрешения на выезд из Австрии в нейтральную страну — Швейцарию и 23 августа прибывает в Берн. В освобождении из тюрьмы и выезде В. И. Ленина в Швейцарию большую помощь оказали В. Адлер и Г. Дيامанд. *Ред.*

Очень она беспокоилась о тебе. Мы, конечно, не сказали ей о случае в газетах, она считала, что ты в Стокгольме, но все же тревожилась отсутствием вестей. Не пиши уж лучше ей, если пришлось в большой переделке побывать в Австрии,— будет потом все представляться возможность повторения. Очень она стала нервной. А мне и Марку в Петербург напиши подробнее. М. получил там место, и я поеду туда, как вернется Маня. У нас еще была неприятность: Маня была административно посажена под арест на месяц за хранение конфискованных изданий. Послезавтра это наконец кончается. Она здорова и вынесла заключение хорошо, кажется. Тяжелее было для мамы. Митя призван запасным врачом, но устроился хорошо пока: в Севастополе, в госпитале. Если не придут турки или не перешлют его куда-нибудь, то хорошо. Беспокоится тоже о тебе и спрашивает в каждом письме. Пиши пока сюда: Вологда, Московская, д. Самарина. Наши еще не вполне решили, ехать сейчас в Петербург или обождать здесь по теперешнему времени. Я, вероятно, на будущей неделе выеду хоть к концу. Сейчас пока кончу: еще на меня напасть, глаз один разболелся — потому мажу так. Окончу уже на этот раз. Целую крепко тебя и Надю, радуемся за вас. Мапочка тоже целует. Мы послали с нею открытку в Берн, до востребования, до получения твоего адреса.

Напиши¹, как относишься к теперешним событиям, так как хотелось бы поговорить. Журнал², слышала, хотят возобновить.

Твоя А.

19 сентября 1914 г.

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 337—338*

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

Москва. Сыромятники, Костомаровский переулок,
д. 15, кв. 336. Марии Ильиничне Ульяновой

$\frac{30}{XII}$ 14 г.

С Новым годом, Марусечка дорогая! Пусть он улыбнется тебе так же радостно и беззаботно, как эта рожица на карточке, но не будет таким меланхоличным, как свинка рядом! Как видишь, посылаю тебе немудрящую. Такой изящной от-

¹ Ответ В. И. Ленина на данное письмо см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 55, с. 355—356. *Ред.*

² Имеется в виду журнал «Просвещение». *Ред.*

крытки, как ты послала, не нашла. Очень рада, что ты ведешь легкомысленный, как пишешь, образ жизни, которого не знала в Вологде. Полегкомысленничала бы и я по театрам, да не с кем, а посерьезничать, если и удастся, — то толку из этого не выходит пока. Привет и новогодние пожелания знакомым, прежде всего Ст. Кржижановскому желаю не попасть на позиции¹. С удовольствием прочла в нынешнем № «Речи»² известие о письмах Меринга, Люксембург и других в редакцию английской газеты.

Манек, зайди к Сабашникову³. Не издаст ли он Володиной книги по аграрному вопросу⁴ (лист. 10 или 20 — по желанию издателя). Это — надежный издатель. Хорошо бы с ним дело иметь. Его знает Ел. Фед.⁵

Целую крепко! Пиши. *Анна*

30 декабря 1914 г.
Послано из Петрограда

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 346*

¹ Слова: «Ст. Кржижановскому желаю не попасть на позиции» восстановлены. Текст был сильно зачеркнут химическим карандашом (погашен) М. И. Ульяновой. *Ред.*

² В № 353 газеты «Речь» 30 декабря 1914 года сообщалось: «Times» сообщает, что в газете «Labour Leader...» напечатаны письма Карла Либкнехта, Розы Люксембург и Франца Меринга к английским рабочим.

«Речь» — ежедневная центральная газета кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля 1906 года под редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена. Газета закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября 1917 года. Немного позднее была возобновлена и выходила до августа 1918 года под названиями: «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век». *Ред.*

³ М. В. и С. В. Сабашниковы (1871—1943) и (1873—1909) — русские книгоиздатели. Основанное ими в 1890 году в Москве «Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых» пользовалось большой популярностью. *Ред.*

⁴ Возможно, имеется в виду книга В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 129 — 227). *Ред.*

⁵ Имеется в виду Е. Ф. Владимирская. *Ред.*

1915 год

В. И. ЛЕНИНУ

Берн. Дистельвег. 11. Вл. Ульянову

Петроград

1 февраля 1915 г.

Дорогой Володя, виновата я перед тобой,— давно не писала. Все у нас по-прежнему благополучно, все здоровы, как-то не собралась, а может быть та медленность, с которой идут письма (одно из твоих ко мне, кажется, последнее, шло 25 дней), не действует возбуждающе на переписку. Потом относительно твоей книги¹ я все еще не навела справок в нескольких местах. Очень боюсь не устроить бы так, как я устроила свою одну книжку в «Посеве»², не только гроша не получила, но и книги, сданные на комиссию, он все себе загреб. Написала в одно московское солидное издательство и поджидала ответа, но не получила ответа, и хочу написать уже, не ожидая его. Беседовала с Бончем³. Издательство, в котором он состоит пайщиком,— «Жизнь и знание»⁴, издало книгу Маслова⁵ по аграрн. вопросу с платой по 50 руб. с листа. Мне показалось это очень мало за самостоятельную работу, я сказала, что слышала, будто Маслов получил по 100 руб. Но оказалось, что такой гонорар он получил, действительно, но за свой какой-то курс политической экономии⁶,— нечто вроде учебника, изданного

¹ Речь идет о книге В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки», написанной в 1915 году (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 129—227). *Ред.*

² «Посев» — издательство в Петербурге. *Ред.*

³ В. Д. Бонч-Бруевич. *Ред.*

⁴ «Жизнь и знание» — издательство, организованное В. Д. Бонч-Бруевичем в 1907 году в Петербурге. *Ред.*

⁵ П. П. Маслов (1867—1946) — экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу, в которых пытался ревизовать марксизм. После II съезда РСДРП — меньшевик. *Ред.*

⁶ Возможно, речь идет о книге П. П. Маслова «Общедоступный курс истории народного хозяйства от первобытных времен до 20-го столетия». Пг., Жизнь и знание, 1914. *Ред.*

в 12 000 экз. Вышеупомянутая же научная книга, изданная в 3 тысячах экз., оплачивалась 50-ю рубл., что предполагают на такое же количество экз. и тебе. Уплату же можно рассрочить, уплачивать, например, помесечно. Бонч спросил, готова ли твоя работа и насколько скоро мог бы ты представить ее. Он советует издать самостоятельной книгой и вообще советует не разбивать на тома, ибо тогда, мол, плохо покупают 1-й том, ожидают 2-го. Так что его совет: выпускать одним томом — выйдет в 10, так в 10; в 20, так в 20 листов. Советовались со старым другом¹ относительно щекотливого вопроса, заплатит ли Бонч. Говорит, что надо составить условие письменное с издательством, в котором Бонч состоит одним из членов, и что платят, мол, хотя, говорили мне другие, и затягивают. Ну, вот, я запросила еще московское издательство, да ответа нет. Сообщая это, попытаюсь переговорить еще где-нибудь здесь и тогда напишу. Куда-то я телефонила, да говорят, что не издают новых книг, по случаю военного времени издательства сокращаются. Вообще же на жизни военное время у нас не отражается, как-то у вас там. Журналов и газет, конечно, меньше, но с нового года оживляются литературные стремления и некоторые газеты собираются выходить в свет. По крайней мере, говорят так. А получаешь ли ты «Речь»? Не желаешь ли еще какой-нибудь газеты или журнала? Как поживаешь и чувствуешь себя? Не выслать ли денег? На что ты живешь? Пожалуйста, дорогой, напиши без церемонии. Крепко целую тебя и Надю и шлю привет от Марка.

А.

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 348—349*

Из письма М. И. УЛЬЯНОВОЙ

11. IV. 15.

Дорогой мой Манечек!

Пишу тебе опять — хочется воспользоваться хоть этим способом побеседовать, пока ты близко. Хотелось бы очень повидать тебя и проводить — проехала бы в Москву, да, пожалуй, ты скажешь: зачем приехала и маму оставила?! Да, скажешь?.. Да и сама я, пожалуй, стала бы беспокоиться, оставив ее...

¹ Возможно, имеется в виду М. С. Ольминский. *Ред.*

Но во сколько часов ты уедешь в понедельник? ¹ Что это какой день выбрали — понедельник, да еще 13-ое?! (Удивляешься на мое суеверие, сестричка моя хорошая?) Эх, хорошо бы тебе съездить туда и возвратиться скоро! Конечно, я не сержусь на тебя, родная, за твою фантазию и до некоторой степени понимаю тебя: очень уже пусто и бессодержательно теперь везде вокруг. (Конечно, кроме того, у тебя и еще мотивы есть.) — Только бы ты не захворала и не переутомилась там!

...Есть намерение выпустить журнал летом в одном или двух №№ ². Если оно будет осуществляться, то удобнее бы на даче, где-нибудь поближе. М. ³ рекомендует Саблино к имению Кайзерлинга. Видела ли ты 3-ью книжку «Современного мира» ⁴? Здесь все возмущены статьей Алексинского ⁵, и действительно она возмутительна: какие-то инсинуации грязные. — Знаешь, кто очень возмущался? Наш баснописец ⁶, который явился сюда на побывку и был на днях.

Как будешь ты там питаться, на каких условиях ты едешь? На всем готовом? Очень рада, что получила мой долг, я могла бы и еще тебе выслать, если надо. А все-таки я сердита, что ты не взяла зонтик. Уложи получше вещи, что оставишь у О. И. ⁷, почисти и пересыпь от моли. А кофточки с лейкоцитами с собой не берешь? Тогда заверни ее во что-нибудь беленькое — жаль будет, если моль съест.

О всяких-то я пустяках болтаю, и все-то они плохо пишутся — хотелось бы повидать тебя и поговорить! Каким маршрутом едешь ты? Дай подробные сведения, какой отряд (может быть, за № или чьего имени?), фамилию врача, куда направляешься... адрес точнее. Не потеряйся ты там у нас, деточка!

...Ну, до свидания, моя дорогушка! Крепко и горячо тебя целую. Горячо желаю съездить хорошо и всего самого лучшего! Будь здорова и береги себя. Думай каждый раз о маме, когда что-нибудь рискованное будет. Я тоже так делала при некоторых обстоятельствах. Послала бы тебе цветочек какой-нибудь

¹ М. И. Ульянова, окончив курсы сестер милосердия, в составе лечебно-питательного отряда должна была выехать на Юго-Западный фронт, в Галицию, где в это время шли тяжелые, кровопролитные бои. *Ред.*

² Речь идет о журнале «Просвещение». Его издание было возобновлено только осенью 1917 года. Вышел один (двойной) номер. *Ред.*

³ М. Т. Елизаров. *Ред.*

⁴ «Современный мир» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, выходил в Петербурге с октября 1906 по 1918 год. *Ред.*

⁵ Речь идет о статье Г. А. Алексинского «О провокации», напечатанной в журнале «Современный мир», 1915, № 3. *Ред.*

⁶ По-видимому, имеется в виду Демьян Бедный. *Ред.*

⁷ О ком идет речь, не установлено. *Ред.*

в дорогу! — Ну, обнимаю еще раз! Смотри же, пиши больше и откровеннее.

Твоя Анна

...Марк шлет привет и лучшие пожелания.

11 апреля 1915 г.
Послано из Петрограда в Москву

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 355—357

В. И. ЛЕНИНУ

Получено 7/VI через Madame M-z¹
23/IV.

Дорогой друг²! Письмо Ваше получил. Журнал, как писали Вам, решено выпускать³. То есть пока, вернее, решено выпустить одну хотя книгу в июне, ибо если до июля не выйдет ни одной книги, мы потеряем право на журнал, и это жаль.

На газету было взято разрешение, но теперь после закрытия «Северного голоса»⁴, при всей его бледности и бесцветности, даже самые горячие сторонники газеты во что бы то ни стало сомневаются в том, чтобы был смысл выпускать ее. Журнал же при архиосторожности еще может существовать. Присылайте статьи по указанному адресу. Пока мы справлялись, их нет. В здешнюю часть редакции кооптированы еще Орловский⁵ и Авилов⁶. Взяли, собственно, чтобы собрать свою публику, хотя бы вокруг двух коллективов — «Прибоя»⁷ и «Просвещения». В журнале он⁶, думаю, будет полезен, и некоторые его несогласия будут парализоваться другими членами. Еще куда его действительно брать не следует. Это была

¹ Надпись Н. К. Крупской. *Ред.*

² Настоящие и последующие письма А. И. Елизаровой В. И. Ленину были написаны химией в книгах. Проявлены и переписаны Н. К. Крупской. *Ред.*

³ Речь идет о журнале «Просвещение». *Ред.*

⁴ «Северный голос» — еженедельная меньшевистская газета, выходила в Петрограде с января по март 1915 года. *Ред.*

⁵ В. В. Воровский (Орловский) (1871—1923) — член КПСС с 1894 года, советский дипломат и литературный критик. За активную революционную деятельность подвергался арестам и ссылке в Вологду на два года. После ссылки в 1914 году работал в Петрограде, а в 1915 году выехал в Стокгольм. *Ред.*

⁶ Б. В. Авилов (1874—1938) — социал-демократ, журналист и статистик. Партийную работу вел в Харькове, Петербурге, Калуге, Москве. *Ред.*

⁷ «Прибой» — легальное большевистское издательство, основанное в начале 1913 года и находившееся под контролем и руководством ЦК РСДРП(б). Осенью 1914 года ввиду усиления гонений на рабочую печать издательство прекратило свою деятельность. *Ред.*

неудачная идея *old friend*¹, оправдываемая лишь страшным безлюдьем. Он и сам отказался, ссылаясь как на то, что существуют некоторые разногласия между им и Вами, а также, что он и Юрия² брать не хочет. Просил между прочим от лица его, Орловского и — ва (москвича, впередовца)³, что они не согласны с двумя пунктами, выпущенными из «тезисов»⁴. Считают, что в новой редакции «поражение царской монархии» говорит то же, ибо в лице войск, мол, это неудобно из тактических соображений.

Я, впрочем, до смерти боюсь, что вы, истолковав что-нибудь не так, нападете, как, например, в передовице 40 номера⁵. Как так⁶ все точно изложишь, а вы сейчас в передовицу! Я не говорил, что желательно объединить «Северный голос» и «Наше дело»⁷ с нами, и не думал этого, а говорил лишь, что нельзя было уходить части фракции под знаменем «признания подполья» и так далее, ибо нельзя при современных условиях заявлять открыто о принадлежности легальной организации к нелегальной (исполнять нелегальную работу можно и должно, но заявлять об этом повсюду — большая наивность). Ну, будет об этом. Ужаснулся я-таки, что на основании только этого письма — передовица. Я считаю, да и кое-кто из товарищей, что лучше было бы вам написать короткую общую характеристику того, что наши пошли вообще против войны, и воздержаться от оценки подробностей поведения отдельных лиц, ибо скажут: как на основании одних буржуазных газет судить? Да и неубедительная поневоле получилась передовица.

¹ — старый друг (М. С. Ольминский).

По предложению М. С. Ольминского Б. В. Авиллов был выдвинут представителем ЦК в России. На запрос А. И. Елизаровой В. И. Ленин отклонил эту кандидатуру ввиду разногласий Авиллова с ЦК по вопросу об отношении большевиков к войне. *Ред.*

² Юрий — Л. Б. Каменев. До ареста был представителем ЦК. *Ред.*

³ О ком идет речь, установить не удалось. *Ред.*

⁴ Речь идет о работе В. И. Ленина «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», вошедшей в историю под названием «Тезисы о войне» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 1—11). *Ред.*

⁵ В качестве передовой в газете «Социал-демократ», № 40, 29 марта 1915 года опубликована статья В. И. Ленина «Что доказал суд над РСДРП Фракцией?» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 168—176).

«Социал-демократ» — нелегальная газета, Центральный Орган РСДРП; издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. После неудачных попыток выпустить № 1 газеты в России ее издание было перенесено за границу — в Париж, а затем в Женеву. С декабря 1911 года «Социал-демократ» редактировался В. И. Лениным. В газете было опубликовано более 80 статей и заметок Ленина. *Ред.*

⁶ Следующее непонятное слово, расшифрованное Н. К. Крупской как «снос (?)», снято. *Ред.*

⁷ «Наше дело» — ежемесячный журнал меньшевиков-ликвидаторов. *Ред.*

Юрий оправдывался. Просит передать товарищам, что 1) он не представлял себе до получения обвинительного акта размера процесса ¹, во-2) что некоторые депутаты так струхнули, что не пошли бы на придание ему более яркого характера и 3) что вы виноваты, выпустив тезисы и статью в 33-м номере за подписью ЦК ², в то время, как был-де уговор: тезисы без совета со здешними не выпускать. Тоже не согласен с местом о поражении царизма. Очень странные, по-моему, претензии! Говорит, что базироваться на ответе ³ Вандервельде было нельзя, потому что было выпущено «бюро» ЦК, а напечатано от ЦК, это значило бы то же, что признать и передовицу, а на это бы депутаты не пошли. Пришлось взять за базу думскую декларацию. По-моему, он зря валит на депутатов. Если и верно, что кое-кто из депутатов струхнул... то их привел, так сказать, в разум один Муранов ⁴, заявив, что на суде будет говорить все начистоту (роль Муранова огромная, как выясняется, он спас процесс).

Вам вышлются скоро обвинительный акт и речь Петровского ⁵. Хорош отчет в «Праве» ⁶.

Посылайте материалы для журнала. Только помните, чтобы цензурнее было. Мы вполне присоединяемся к Вашему мнению, что надо архилегально. Мы думаем даже, что по ны-

¹ Речь идет о процессе над большевиками — депутатами IV Государственной думы (А. Е. Бадаевым, М. К. Мурановым, Г. И. Петровским, Ф. Н. Самойловым, Н. Р. Шаговым и др.) за революционную деятельность, направленную против первой империалистической войны; все они были арестованы и после суда, который состоялся 10—13 февраля 1915 года, высланы на поселение в Туруханский край. *Ред.*

² Речь идет о статьях В. И. Ленина «Война и российская социал-демократия» и «Положение и задачи Социалистического интернационала», опубликованных в № 33 «Социал-демократа» 1 ноября 1914 года за подписью ЦК РСДРП (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 13—23, 36—42). *Ред.*

³ Речь идет об ответе большевиков на телеграмму Э. Вандервельде, посланную им думской социал-демократической фракции с призывом поддержать царское правительство в войне с Германией. Ответ напечатан за подписью ЦК РСДРП в газете «Социал-демократ» № 33 1 ноября 1914 года. *Ред.*

Эмиль Вандервельде (1866—1938) — лидер Рабочей партии Бельгии. Во время мировой империалистической войны — социал-шовинист, входил в буржуазное правительство. *Ред.*

⁴ *М. К. Муранов* (1873—1959) — член КПСС с 1904 года, большевик. Депутат IV Государственной думы от рабочих Харьковской губернии. Входил в большевистскую фракцию Думы. *Ред.*

⁵ *Г. И. Петровский* (1878—1958) — член КПСС с 1897 года. Был депутатом IV Государственной думы от рабочих Екатеринославской губернии, входил в большевистскую фракцию Думы. *Ред.*

⁶ Отчет о судебном процессе над членами с.-д. большевистской фракции опубликован в № 8—11 1915 года в газете «Право» под заголовком «Петроградская судебная палата (Дело депутатов с.-д. фракции)».

«Право» — еженедельная юридическая газета, издавалась в Петрограде с 1899 по 1917 год. *Ред.*

нешним временам и говорить о войне людям нашего направления совсем нельзя. Обязательно конфискуют. Надо молчать о ней. Само молчание будет красноречиво, а то вон и ликвидаторов прикрывают. Если выйдет первый номер журнала, будем орудовать дальше, а то с места в карьер. Еще ходатайствуем очень, чтобы не очень много полемики было в этом, первом номере. Во-первых, это нецензурно, а потом пусть... Ну, вы знаете мое мнение, разделяемое и некоторыми другими; так вот как ходатайство и передаю его вам. Вы меня терроризируете: я боюсь всякого неосторожного выражения, что сейчас перетолкованное в передовицу попадет, а это сковывает свободу письма, и без того очень скованную.

На газету (еженедельную) было уже взято разрешение, но теперь после закрытия «Северного голоса» даже самые оптимисты стали относиться скептически к этой возможности. Прервали... Сегодня говорили, что газету все же решено издавать. Просим вас посылать статьи по тому же адресу. Но безлюдье. Кое-кто из народа, организующего газету, не внушает большого доверия...

В Петроградском комитете были кровопускания — некоторые дельные люди должны были временно устраниваться. Кое-кто из публики очень зеленый, с махаевскими задатками...

2-й № газеты еще не вышел¹, но порядочно листовых выходит. Листок по поводу процесса Мясоедова (жандармского офицера, организовавшего шпионство в армии. Слышали ли вы? Мясоедов казнен в ставке главнокомандующего. Арестовано человек 50 по этому делу. Были обыски в охранке и департаменте полиции. Ведется дело это сенатом). Листок на эту тему был в 8000 экземплярах, были листки по поводу процесса депутатов, ленские, к солдатам — разбросаны в некоторых казармах.

Последнее время мне не приходилось видаться. Как повидаюсь, напишу. Просила адрес для вас, хотели достать. Печатать Петербургскому комитету от имени ЦК, конечно, нельзя. Ничего доброго от этого самозванства не выйдет, и не нужно оно сейчас. Относительно письма к вам о средствах к лицу, которое вернется, послать неудобно. У вас в письме не разобрал, кому приветы и дальнейшее. У вас на основании «Дня»² вкрались неточности — например, совершенно искажены слова

¹ Речь идет о нелегальной газете «Пролетарский голос» — органе Петроградского комитета РСДРП; издавалась с февраля 1915 по декабрь 1916 года. Вышло всего четыре номера. № 2 вышел 7 марта 1916 года. *Ред.*

² «День» — ежедневная либеральная буржуазная газета, издавалась в Петербурге с 1912 года. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября 1917 года. *Ред.*

Чхеидзе¹ по «Поводу войны». «День» дал самые путанные отчеты о процессе. Прямо обидно!

По чеку заплатили по курсу (и то с большим трудом) за 3000 рублей только 2232 рубля. Это возмутительно. Банк соглашается выдать снова чек, но с тем, чтобы не платить до конца войны. Как вы думаете? Неизвестно, конечно, каков будет курс кроны, может быть, еще упадет. И как поступить с деньгами? Перевести вам? Сколько? Пишите свое мнение. Или ждать конца войны. Нужно бы сколько-нибудь денег уделить и на транспорт. Александр² пишет, что средства нужны, но сколько — определенно не говорит. Одна его оказия обошлась в 500 рублей. Столько мы тратить не можем. А между тем номера «Социал-демократа» получаются в единичных экземплярах. Здесь умножение пока не налажено. Перепечатываются отдельные статьи, были посланы по провинциям, произвели везде впечатление, помогают сплотить публику. Ну, кончаю. Сердечные приветы и пожелания.

28/IV.

Р. С. Только что узнала, что на многих заводах собираются бастовать 1-го Мая. Много арестов.

23 и 28 апреля 1915 г.

Послано из Петрограда в Берн

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 361—364*

М. И. УЛЬЯНОВОЙ

Львов. Сиктусская ул., д. № 8, Анатолию Осиповичу Бонч-Осмоловскому, для Марии Ильиничны Ульяновой

27.IV.15 г.

Дорогая моя Манечка!

Пишу и я тебе немного, хорошая моя!

Все эти дни очень болит сердце по тебе. Как-то чувствуешь ты себя? Я понимаю, родная, что тебе тяжело и тоскливо, но будь спокойнее, береги себя для мамы хотя бы. Она каждый день

¹ Н. С. Чхеидзе (1864—1926) — один из лидеров меньшевиков. Депутат III и IV Государственной думы от Тифлисской губернии. Возглавлял меньшевистскую фракцию IV Думы. *Ред.*

² А. Г. Шляпников. *Ред.*

ждет вестей от тебя, и мыслями мы все с тобой. Я прямо эти дни ни о чем думать не могу, кроме как о тебе и Ст.¹

Боюсь за твоё здоровье, за твои нервы.

Будь мужественнее и спокойнее, хорошая моя! Только и желаю, чтобы выбралась поскорее из того ада здоровая и счастливая.

Мы здоровы. С дачей не решили, да как-то все на задний план отошло. Точно и нас ближе задела ужасная колесница войны. Знаешь, я была на днях в симфоническом концерте, и на меня произвела очень сильное впечатление патетическая симфония Чайковского: все время в ней слышалась и как-то очень глубоко переживалась война со всеми ее перипетиями, со всеми ужасами... На Карпатах были, судя по газетам, сильные бои эти дни. Что ты слышала? Имела ли весть о Ст.? Где он сейчас?

Я теперь почти не выхожу из дому, потому что М.² уехал на два дня, а прислуги нет. Сейчас пойду на поиски. Занята весь день хозяйственной ерундой, а мысли с тобой. Прости, что пишу неинтересно. Обнимаю еще раз горячо, сестричка моя хорошая! Будь здорова, родная, и береги себя, как просит тебя твоя А.

27 апреля 1915 г.

Послано из Петрограда

Переписка семьи Ульяновых.

1883—1917. М., 1969, с. 368—369

Из письма М. И. УЛЬЯНОВОЙ

Москва. М. Грузинская, д. № 7, кв. 13,
Марии Ильиничне Ульяновой

6/IX 15 г.

Дорогая Манечка!

...Здесь мало кого видела. Рассказывают кое-что интересное; оказывается, настроение у публики не такое подавленное, как это могло казаться из Лыкошина. Но неразбериха ужасная — все на свой лад, в маленьком кружке знакомых у всех свое мнение, ни в чем нельзя столкнуться. Никто не знает, чего ждать в ближайшем будущем. В Москве тоже, кажется, были забастовки? Здесь кончаются уже, говорят...

Твоя А.

6 сентября 1915 г.

Послано из Петрограда

Переписка семьи Ульяновых.

1883—1917. М., 1969, с. 374—375

¹ С. С. Кржижановский. Ред.

² М. Т. Елизаров. Ред.

30/IX.

Дорогой друг! Спешу поделиться с Вами известием о большой и прекрасной победе, одержанной нами на выборах в военно-промышленный комитет¹. Выбрано выборщиков было много — меньшевиков и народников: наши потерпели фиаско на многих заводах. Меньшевики, среди которых больше людей тертых, красноречивых, праздновали уже победу. Был их председатель на собрании выборщиков 27-го числа, был принят их порядок дня... Они уже потирали руки. И вдруг большинством, правда большинством всего голосов в 10... проходит большевистское решение не участвовать в военно-промышленном комитете и уполномоченных туда не посылать. Меньшевики подняли скандал, говорили о подлоге, стали пересчитывать голоса, но ничего изменить не могли. При выборах выборщиков происходили курьезные выборные явления. На некоторых заводах выбирают меньшевика, а наказ дают ему большевистский. Так было на трех заводах. Бывали, положим, случаи, что и большевику давали меньшевистский наказ. Настроение рабочих хорошо не разберешь... Но все же на собрании было сплоченное большинство большевиков — 72 руки дружно поднялись при всяком голосовании. Эта сплоченность произвела сильное впечатление даже на служащих военно-промышленного комитета, входивших в зал и присутствовавших при некоторых голосованиях. Но крики меньшевиков о подлоге имеют под собой некоторую почву. Петроградский комитет, не успевший по состоянию своей техники выпустить никакого листка, пришел к... решению. Он командировал на собрание двух своих членов, взявших мандаты у выбранных выборщиков Путиловского завода. Подлог этот, конечно, чисто формальный. Выборщики отдали добровольно свои мандаты, значит, они являются убежденными сторонниками ПК-ских взглядов. Отдали людям, которые лучше умеют выразить общие взгляды, — полным единомышленникам. И единомышленники эти оказались на высоте задачи. Сжато и дельно, ясно, определенно высказали они интернационалистскую точку зрения и провели заяв-

¹ Военно-промышленные комитеты были созданы в России в 1915 году крупной империалистической буржуазией. Пытаясь подчинить рабочих своему влиянию и привить им оборонческие настроения, идеологи буржуазии организовали «рабочие группы» при военно-промышленных комитетах. Большевики объявили бойкот военно-промышленных комитетов и их «рабочих групп» и успешно его провели. *Ред.*

ление ¹, которое посылаю вам письмом, на случай, если пропадет, повторяю, и здесь. Вот оно:

«В Центр. военно-промышленный комитет заявление: Уполномоченные фабрично-заводских предприятий Петрограда, руководствуясь наказом, данным избирателями, считающими принципиально недопустимым участие представителей пролетариата в организациях, каким-либо образом способствующих данной войне, доводят до сведения означенного комитета, что петроградский пролетариат от выбора своих представителей в Центральный военно-промышленный комитет отказывается и заявляет, что, если в составе военно-промышленного комитета окажутся каким-нибудь образом рабочие, против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба».

После принятия этого заявления удалось провести и наказ товарищам, составленный на основе «Социал-демократа» — кажется, № 39, — следовательно, вполне определенно интернационалистский. Пошлем его тоже. Но указание на статью делает для вас ясным его содержание. В газетах результаты выборов замолчали, представительство власти было совсем из газет выкинуто. Заседали выборщики с 12-ти утра до 11-ти часов вечера. Заседание было яркое и бурное. Гучков ² после своей вступительной речи попытался дать совет рабочим выбирать представителей. Меньшевик Гвоздев ³ выступил очень твердо и спокойно заявил: это мы и без вас знаем. Но кое-кто из большевиков даже недоволен. Возможность собираться, беседовать, двигать организацию была так приятна, что хотелось бы удлинить ее, и было срединное течение, предлагавшее не кончать все в первый день, а растянуть на несколько собраний, затем выбрать делегацию, которая должна была бы заявить, что выборы должны быть всероссийскими, одним словом, протянуть возможность собираться, беседовать, вести организацию, но это течение не взяло верха.

Вот наша победа. Не правда ли, хорошо?

Пишу вам в третий раз. Все ли получено? Со времени отправки письма узнала, что из Сибири от депутатов, истинных

¹ Заявление и часть письма использованы в качестве корреспонденции в газете «Социал-демократ», 1915, 20 ноября. *Ред.*

² *А. И. Гучков* (1862—1936) — крупный капиталист, организатор и лидер партии октябристов. Во время первой мировой империалистической войны председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне. *Ред.*

³ *К. А. Гвоздев* — меньшевик-ликвидатор. В годы мировой империалистической войны — социал-шовинист. Председатель рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. *Ред.*

хозяев железного фонда ¹, пришел наказ не брать его ни на что, кроме как на легальную ежедневную газету, когда она будет возможна. Это в дополнение к моему письму относительно тех рук, которые тянутся за этими деньгами. Говорил за это время со многими из своих. Все против мысли о создании органа при Петроградском комитете (легального), как бессмысленного соединения ²... Подыскиваем редактора для лучшего времени и для «Просвещения», т. е. его наследника. Напишите Ваше мнение по поводу всего этого. Доверяете ли вы литературной группе выделить из себя редакцию газеты, если это будет возможно? Если хотите, сообщу точнее, кто и кто остался в ней. Пока ничего нельзя. Отвечайте на мои вопросы. Посылайте «Коммунист» ³ и др. Стокгольмским представителям сообщены адреса и связи. Ждем новинок, «С.-дем.» и пр.

Горячий привет.

30 сентября 1915 г.

Послано из Петрограда в Берн

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 377—379

Из письма М. И. УЛЬЯНОВОЙ

Москва, М. Грузинская, д. № 7, кв. 13,
Марии Ильиничне Ульяновой

$\frac{4}{X}$ 15 г.

Дорогая моя!

...Было письмо от Нади ⁴ сегодня, а на днях открытка от Володи ⁵. Они еще в Sörenberg'e были (в начале сентября). Надино письмо от 11-го ⁶. Пишут, что пробудут еще с неделю.

¹ Железный фонд — фонд на издание газеты «Правда», состоял из сборов рабочих. Фонд этот находился в распоряжении депутатов-большевиков IV Думы и хранился у социал-демократа Симонова. *Ред.*

² Речь идет об издании легального органа при ПК одновременно с существованием нелегального «Пролетарского голоса». *Ред.*

³ «Коммунист» — журнал, был организован В. И. Лениным и издавался в конце 1915 года редакцией газеты «Социал-демократ» совместно с Г. Л. Пятаковым и Е. Б. Бош, финансировавшими его издание. В редакцию журнала входил также Н. И. Бухарин. Вышел всего один (двойной) номер. Дальнейший выход «Коммуниста» оказался невозможным из-за разногласий между редакцией ЦО и группой Бухарина — Пятакова — Бош. *Ред.*

⁴ Н. К. Крупская. *Ред.*

⁵ В. И. Ленин. *Ред.*

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 451—452. *Ред.*

Не знаю их бернского адреса, послала одну открытку туда наугад. Устраиваю здесь его книгу¹. Он спрашивает, что Гранат, будет ли печатать его статью о Марксе². Пишет, что нужен заработок. Когда получу их зимний адрес, отправлю 100 с лишним рублей Ел. Вас.³ денег, которые они весной просили не посылать ввиду невыгодности курса, но надо же когда-нибудь. Запроси их, нужны ли еще деньги. Я послала Володе твой адрес, но не знаю, дойдет ли (хотя писала, и в Берн, и в Sögenberg).

От Мити нет вестей после единственного письма с дороги из Тулы. Скучно это! — Как чувствуется тебе в Москве? Кого видишь из знакомых? Не зарабатывайся очень, хорошая моя! Ко мне частенько заходит кто-нибудь, но Рахили не вижу. Они меня оба стали предупреждать, чтобы скоро я их не ждала. И вообще они до неприличия, по-моему, ушли в детей, — хуже, пожалуй, Штремеров. Забежала я к нему за делом раз, на минутку буквально, так глядит, улыбаясь блаженно, на своего тоже улыбающегося малыша и неизвестно, слышит ли, что ему говорят... *Est modus in rebus*⁴! Целую тебя крепко за себя и мамочку.

Твоя Анна.

...Письмо получила, постараюсь исполнить.

4 октября 1915 г.

Послано из Петрограда

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 380, 381—382

В. И. ЛЕНИНУ

16/Х.

Дорогой друг! Пишу с оказией. Прежде всего должен исправить ошибку, вкравшуюся в последнее письмо. На выборах в военно-промышленный комитет резолюция, списанная для вас в том письме, прошла на основании наказа, составленного по статье «Защита отечества» в № 39, но наказ этот, читавшийся на заводах, на собрании, не предлагался и не обсуждался. Это было бы уже чересчур.

¹ Возможно, речь идет о книге «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки», написанной в 1915 году. *Ред.*

² Речь идет о статье В. И. Ленина «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)», написанной в июле — ноябре 1914 года для Энциклопедического словаря Гранат (См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 26, с. 43—93). *Ред.*

³ *Е. В. Крупская. Ред.*

⁴ — Всему есть предел! *Ред.*

Вы читали письмо Гвоздева — жалобу в военно-промышленный комитет — на неправильность в выборах. Позорное, чуть не доносчицкое письмо — от него отрекаются даже меньшевики в вышедшей на днях легальной газете. На заводах оно обсуждается, выносятся протесты. Ликвидаторы ведут сильную кампанию о перевыборах.

Петроградский комитет готовит номер «Пролетарского голоса» (задержался из-за технических затруднений), выпустим 2 листка к солдатам и еще маленький «Готовьтесь к революции».

Настроение хорошее — какое-то напряженное. Но в ПК большое безлюдье — совсем нет своих людей для работы.

Сильное желание своей легальной газеты. Собрали для этого 500 рублей. На газету есть уже разрешение — «Новая эпоха»¹. Думают попробовать выпустить. Если окажется невозможно, перейти на журнал или ежемесячник.

Для «Просвещения» подыскиваем редактора.

Ликвидаторская газета² сначала не вышла в назначенный день, так как из 2000 строк оставили 400. Потом заменили другим материалом и выпустили. Газета, оказывается, будет выходить не при Петроградском комитете. ПК только агитировал за сбор средств. Стремления завладеть фондом, о чем я писал вам, отошли. Смотрю лично очень пессимистически на возможность газеты.

Напишите относительно денег, полученных по чеку (2236). Я писал, что из них была оплачена оказия 125 р., теперь выдано еще Петроградскому комитету на «Пролетарский голос» 250 р. Надо ли послать вам. Сообщите. Жду ответа на многочисленные письма.

Горячий привет.

16 октября 1915 г.

Посламо из Петрограда в Берн

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 384—385*

В. И. ЛЕНИНУ

28/XI.

Вам отправлено 800 р., известите о получении, 600 передано депутатам. Остальные деньги с настоящего чека (еще рублей 300) вышлю, как только получу известие о получении посланных Вам денег, приложу и отчет на всю сумму.

¹ Издание газеты «Новая эпоха» не осуществилось. *Ред.*

² Речь идет о меньшевистской легальной газете «Рабочее утро»; выходила в Петрограде в октябре — декабре 1915 года. *Ред.*

Изыскиваем теперь пути для добывания средств. Между прочим, даем читать «Коммунист» за плату. Получили только 20 экз. и брошюру «Социализм и война»¹. Ждем с нетерпением «Социал-демократ» и еще «Коммунист» и другое, не вполне наладилась еще почта. Получив Ваше последнее письмо, отправился к новому издателю², о котором Вы писали, выяснил, что издательство действительно интернационально, т. е., по его словам, передал Ваше письмо. Хотел сам ответить Вам; пока же просил передать, что никогда не был шовинистом, что имя его под выступлением писателей³ поставили, не спросив его, но что протестовать ему было неудобно по личным причинам, т. е. чтобы не обидеть, ему неудобно было дезавуировать. Конечно, политического деятеля такие соображения не остановили бы, но... Во всяком случае шовинистам не сочувствует. Статью⁴ Старика⁵ просил послать тотчас же на Стокгольм, откуда перешлют, о второй же книге «Война и рабочие»⁴ хотел поговорить в редакции. У них проектировались, собственно, небольшие популярные брошюры. Пожалуй, из-за размера не подойдет. Но хотел поговорить, я указал, что возможно сокращение. Из-за размера не говорил ничего об «Аграрном вопросе». Но, может быть, найдут возможным издать они, и это лучше бы: в одни руки, да и условия много лучше. Поэтому подождите, если не выслали, высылать на имя первого издательства, а пошлите тоже на Стокгольм, а я переговорю. Я дал вам телеграмму о новом издательстве, как Вы просили. Сообщите, пожалуйста, получили ли ее и деньги.

Новый издатель произвел на меня прекрасное впечатление, очень просил вас кланяться, сказал, что очень любит вас, хотя и ругались где-то. Сейчас он в журнале («Летопись»⁶) и в

¹ Работа В. И. Ленина «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)» написана в июле — августе 1915 года, вышла в августе 1915 года в Женеве отдельной брошюрой в издании редакции газеты «Социал-демократ» (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 26, с. 307—350). *Ред.*

² Имеется в виду А. М. Горький. *Ред.*

³ Имеется в виду воззвание от писателей, художников и артистов, написанное в духе буржуазного патриотизма и оправдания войны царской России против Германии. Под воззванием стояла и подпись М. Горького. Воззвание было напечатано 11 октября 1914 года в № 223 газеты «Русское слово». В связи с этим В. И. Ленин поместил в № 34 газеты «Социал-демократ» от 5 декабря 1914 года заметку «Автору «Песни о Соколе», по своему характеру являющуюся открытым письмом к М. Горькому (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 26, с. 96—97). *Ред.*

⁴ О какой статье и о какой книге идет речь, установить не удалось. *Ред.*

⁵ В. И. Ленин. *Ред.*

⁶ «Летопись» — интернационалистский, литературный, научный и политический журнал, основанный А. М. Горьким. Выходил в Петрограде с декабря 1915 по декабрь 1917 года. *Ред.*

издательстве («Парус»¹) ставит целью: 1) борьбу за интернациональность и 2) борьбу со всеми остатками азиатчины в нашей жизни. Затем, немного конфузясь, заявил, что он продолжает считать необходимой у нас радикально-демократическую партию. Сам он в нее не войдет, мол, а содействие всякое и оказывает и будет оказывать. Якобы собирается эта партия проявить себя к созыву Думы. Войдет в нее кое-кто из кадетов левых, которые собираются отпасть от кадетизма (человек 15), кое-кто из прежних безголовцев², ближайшей задачей намечается необходимость революции и захвата власти. Группировать вокруг себя думают мелких служащих, конторщиков, учителей, мелких хозяйчиков, зажиточных крестьян. Издатель выдается с рабочими.

Было собрание человек на 20, в котором он проводил и провел, говорит он, резолюции о необходимости захвата власти и революционной борьбы. Но только... ушли часа в 3 ночи, а меньшевик, один оставшийся, все перевернул, политику выкинул, ограничился экономическим. С глубоким негодованием сообщал мне об этом собеседник. Вообще очень против меньшевиков. Он собрал для Вас материал по антисемитизму, по правовому съезду, отправленный вам на днях. Получите, пожалуйста, раньше этого письма. Так же письмо Александра³, буду называть его Львом, он же кстати похож на такового! Итак, Лев чувствует себя недурно, собирается скоро в дальнейшее путешествие. Организовал здесь некую группу содействия (из тех остатков «Прибоя» и «Правды»). Пилил, пилил одного участника выборов⁴, но он ничего не написал — все написал Лев. Вам послан ответ⁵ москвичей и уральцев Плеханову или вообще шовинистскому направлению. Настроение против него растет. Но не все рабочие так настроены. Новый издатель вынес убеждение, что многим надо вдалбливать правильное отношение, что налет патриотизма есть, имел случай наблюдать это. Составляется ответ или просто Profession de foi, и здесь на днях должен обсуждаться проект. Тогда я напишу. Было недавно заседание в

¹ «Парус» — издательство, существовало в Петрограде с 1915 по 1918 год. *Ред.*

² Имеются в виду «Беззаглавцы» — сторонники левокадетского журнала «Без заглавия». *Ред.*

³ А. Г. Шляпников. *Ред.*

⁴ Имеется в виду Е. А. Дунаев — большевик, один из руководителей Иваново-Вознесенской стачки 1905 года. В годы войны — член Бюро ЦК. Умер в годы гражданской войны. *Ред.*

⁵ Плеханов, Алексинский и другие шовинисты выпустили воззвание 7(20) октября 1915 года о защите родины. В № 49 «Социал-демократа» 8(21) декабря 1915 года имеется сообщение, что ЦО получен листок — ответ Плеханову на его манифест, указывающий на то, что Плеханов изменил социал-демократическим взглядам. *Ред.*

редакции нового журнала «Летопись». Суханов¹ заявлял себя с.-д., в общем соглашаются все с интернациональным большевистским взглядом, ликвидаторы выкурены. Теперь ждем — пригласят ли кого из наших в редакцию. Попросят ли вас в сотрудники. Впрочем, тут их верно только цензурные условия удерживают. Как считаете вы? Можно предложить им вашу статью об оппортунизме?² Я думаю, можно. Не пересылал ее вам обратно, ибо боялся, чтобы не пропала. Теперь, если не захотите в «Летопись», то пошлю той же почтой, которой отправлены документы. Сообщайте. Жду ответа относительно того, что думаете о профессионалах из Сибири³.

К.⁴ здесь. Лев виделся с ним и писал. Горячий привет. С удовольствием читаю «Коммунист».

28 ноября 1915 г.

Послано из Петрограда в Берн

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 398—399

¹ Н. Суханов — экономист и публицист. Был народником, затем примкнул к меньшевикам. В годы мировой империалистической войны объявил себя интернационалистом. *Ред.*

² Очевидно, речь идет о статье В. И. Ленина «Оппортунизм и крах II Интернационала». В журнале «Летопись» статья В. И. Ленина не печаталась (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 99—114). *Ред.*

³ Речь идет о депутатах IV Государственной думы, находящихся в ссылке в Сибири, и о возможности их возвращения. *Ред.*

⁴ Вероятно, А. С. Киселев.

А. С. Киселев (1879—1938) — член КПСС с 1898 года. В 1912—1913 годах — председатель союза металлистов в Петербурге. Член Русского бюро ЦК. Неоднократно арестовывался. *Ред.*

1916 год

В. И. ЛЕНИНУ и Н. К. КРУПСКОЙ

25/III.

Дорогие друзья! Письмо Ваше получено и давно, из-за болезни не мог отвечать. Теперь все лучше. Очень рады были интересным вестям. Просим сообщать о дальнейшем. Люба¹ приехала благополучно, поручения передала. На большую часть я уже ответил.

Все не наладится правильно транспорт. Получил порядочно, опять задержка. Денег послали немало. Теперь надеемся, Лев² наладит лучше. О кунштюке его правой руки³ слышали тоже. Очевидно, это верно относительно растрат. Мы уже боялись, не хуже ли что-нибудь, ему известны адреса. Запрашивали — нет ответа. Хотел просить вас обновить адреса.

На днях посылаем вам новый материал и листки. Вышлю их немного. Было после отъезда Льва два провала, так что хорошо, что он вовремя уехал. При одном провале [шпик? — А. Е.] явился на все явки одного района и в часы явок. Значит, осведомленность большая.

Путиловская стачка кончилась победой⁴: приняли назад

¹ С. И. Гопнер (Люба) (1880—1966) — член КПСС с 1903 года. Партийную работу вела в Одессе и Николзеве. В 1910 году эмигрировала во Францию. Была членом Парижской группы большевиков. Выполняла поручения В. И. Ленина по связи заграничного ЦК с Русским бюро ЦК. *Ред.*

² А. Г. Шляпников. *Ред.*

³ Речь идет о Богровском — социал-демократе, который некоторое время состоял секретарем большевистской группы в Стокгольме, ведал транспортом литературы в Россию. В 1916 году был исключен из партии за растрату денежных средств из партийной кассы и за нарушение партийной конспирации. В письме А. И. Елизарова высказывает опасение, не был ли он провокатором. *Ред.*

⁴ На Путиловском заводе в феврале — марте 1916 года проходила одна из крупнейших забастовок в России в годы первой мировой войны; в ней участвовало свыше 21 тысячи рабочих. Сигналом к стачке явилась листовка, выпущенная в начале февраля 1916 года Нарвским районным комитетом большевиков, который призвал рабочих к борьбе за улучшение экономического положения, к свержению царизма. Во главе путиловцев выступала большевистская организация, объединявшая в 14 цеховых группах свыше 100 человек. *Ред.*

всех рабочих, кроме посланных сразу на фронт, человек 100. Сейчас такого же типа у Лесснера. Завод закрыт, объявлен расчет всем, не знаю, чем кончится. Путиловцы в свое время обратились с листком ко всем металлистам с просьбой поддержать. Это и заставило оставить их в покое. И все же настроение какое-то неопределенное, прямо боевого нет. Имеет значение, может быть, и слабость организаций. Созданное Львом Бюро¹ оказалось мертворожденным. Тотчас по его отъезде из-за арестов были изъяты более деятельные члены, остальные или инертны, или должны улаживать дело по призыву на войну. Теперь такое безлюдье, что и «Вопросы»² остались почти без людей. Другие легальные издания совсем некому налаживать, да и не выйдет ничего при военной цензуре.

Выходит сборник в Саратове³. Если увидит свет, то для второго можно ваши статьи. Тогда сообщу об адресе. Хотя можно посылать на нового издателя. Относительно ареста нового издателя все ерунда.

Пришлось прервать письмо, съездить отвезти вам материалы, которые вы скоро получите⁴. Получили ли письмо, где мы просим вас написать популярную статью о лозунге «Гражданская война», который многим непонятен? Даже писатели, вроде Бориса Авилова, оспаривают возможность выставлять такой лозунг. Он хотел сам писать вам по поводу этого и того, что, раз вы подписались под Циммервальдским большинством, вы не можете быть против лозунга «мира». Взял ваш адрес, но не написал.

Безлюдье здесь полное.

«Аграрный вопрос», как писал уже Вам, берется к осени издать «Парус». Отдельная брошюра об Америке выходить уже не будет. Так выгоднее им, да и вам, по-моему, потому что брошюрку они хотели издать в двойном количестве, а книгу в 20 000 экз. по 100 р. за лист.

25 марта 1916 г.

Послано из Петрограда в Цюрих

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 410—412*

¹ Речь идет о первом составе Бюро ЦК, в которое входили Еремеев, Осипов, Шведчиков, Шляпников. Бюро существовало с осени 1915 по февраль 1916 года. *Ред.*

² Имеется в виду большевистский легальный журнал «Вопросы страхования»; выходил в Петербурге с октября 1913 по март 1918 года с перерывами. *Ред.*

³ В Саратове в 1916 году вышел большевистский сборник «Под старым знаменем». *Ред.*

⁴ А. И. Елизарова ездила в Финляндию, в Териоки, для получения литературы и передачи материалов к депутату финского сейма Марии Кархинен, с которой была налажена связь. *Ред.*

27/IV.

Дорогой друг! Ваше письмо от 10/IV получено. Получили ли Вы письмо в Ежемесячном Журнале на Ваш личный адрес? ¹ Беспокоюсь за него.

От Бюро осталось почти только название. Из троих уцелевших самое деятельное лицо — Еремеев ², правдист, теперь нелегальный. За последнее время должен был уехать для устроений с воинской повинностью и месяца два не вернется. Остальные двое рабочие — Дунаев и Осипов ³. Второй принимает участие в «Вопросах». Первый мало деятелен. Фактически теперь вопросы Бюро разрешаются Джемсом ⁴ и — ну хоть Олегом ⁵... Очень ценный человек, но сам сильно запачкан, разыскивался и должен был скрываться — из-за этого не может ближе помогать по легальному издательству, из-за этого же не может войти ближе в местную или Бюро работу, но фактически он и Льву ⁶ помогал главным образом, да и Джемсу также. Джемс его знает как Костю. Лев знает его под этим именем.

Пришлось прервать письмо на несколько дней.

...Подробнее о составе литературной группы не писали вам доселе, потому что она никак не спевалась. Кое-кто из прежних наших литераторов отошел вполне или наполовину, другие никак не могли спеться. Теперь кто уехал, кто совсем патриотом сделался. Надеялся все же, что выйдет что-нибудь, потому откладывал. Теперь надо признать, что группы своей у нас нет. Авилов охотнее сначала отзывался на заказы Петроградского комитета, но его проекты не удовлетворяли, особенно лозунг за мир — в гражданскую войну он не верит. И теперь он отошел. Неизвестно, конечно, насколько.

¹ По-видимому, речь идет о каком-то зашифрованном письме в журнале, название которого установить не удалось. *Ред.*

² *К. С. Еремеев* (1874—1931) — член КПСС с 1896 года, военный работник, журналист. Неоднократно подвергался арестам. С 1910 года работал в редакциях «Звезды», «Правды». В 1915 году член Петроградского комитета РСДРП и Русского бюро ЦК. *Ред.*

³ *Г. И. Осипов* — в годы войны член Русского бюро ЦК, член рабочей группы Стрелового совета. *Ред.*

⁴ *Джемс* — А. И. Елизарова. *Ред.*

⁵ *К. М. Шведчиков (Олег, Костя)* (1884—1952) — член КПСС с 1904 года. По заданию Петербургского комитета РСДРП в первую русскую революцию создавал боевые рабочие дружины, доставлял нелегальную марксистскую литературу из-за границы. Активно участвовал в большевистской печати. За революционную деятельность неоднократно подвергался арестам. *Ред.*

⁶ *А. Г. Шляпников*. *Ред.*

Совсем недавно слышал о новом издательстве ¹, предпринимаемом. (Дальше целая страница неразборчива, одна строка написана на другой ²) ...мне, что ничего еще не решено и в некотором роде просил об этом еще не писать (между нами).

Японцы ³ перешли к практическим шагам... Думаю, что их литературными и материальными средствами можно бы воспользоваться для популярных изданий, чуждых теоретических разногласий.

Здесь ужасное безлюдье. В ПК молодежь, и мало; новые рекрутируются туго. Не знаю еще, было ли что-нибудь вчера, 1-го Мая. ПК провозгласил забастовку (на день воскресный) и демонстрации.

Почему не пишете популярных брошюр? Нужны статьи о гражданской войне. Очень бы надо. Простите, что пишу так урывками и поздно. Транспорт получаем понемногу. Последний видели 48-й ⁴...

Здесь вредит Мирон ⁵, сидит в низах, в больничной кассе, пользуется влиянием, на безлюдье особенно, и ведет подкоп под «Вопросы страхования». Требовал, чтобы его провели в редакцию. Его провалили, опираясь между прочим на то, что он был в 24 часа отставлен от редакторства в «Правде» и до сих пор в правах не восстановлен. Последнее соображение, конечно, легковесно. Мог не годиться на одном месте, это не значит, что должен быть всюду выставляем.

Будучи забракован в редакции «Вопросы страхования», он стал агитировать за другой страховой орган.

Меня просили, чтобы вы высказались против такой агитации и, так сказать, пристыдили Мирона. Может быть, это можно сделать в виде письма в Петроградский комитет, между прочим.

¹ Имеется в виду большевистское издательство «Волна», организованное в Петербурге в 1916 году рядом литераторов-большевиков. *Ред.*

² Слова в скобках вставлены Н. К. Крупской при расшифровке письма. *Ред.*

³ По воспоминаниям Н. К. Крупской, «японцами» называли Г. Л. Пятакова и Е. Б. Бош, которые бежали из сибирской ссылки через Японию и Америку. *Ред.*

⁴ Имеется в виду газета «Социал-демократ» № 48. *Ред.*

⁵ М. Е. Черномазов (Мирон) — провокатор, состоял в РСДРП, был секретарем больничной кассы завода «Лесснер». С мая 1913 по февраль 1914 года являлся секретарем редакции «Правды»; по подозрению в провокаторстве Центральным Комитетом большевиков был отстранен от участия в партийной работе. В 1917 году разоблачен как секретный сотрудник петербургского охранного отделения в 1913—1914 годах. *Ред.*

В Москву поехал на жительство правдист Попов (?)¹. Хотел там организовать отделение Бюро. Он вполне свой человек. Я просил Карл Карлыча² дать ему ваш адрес и обучить письму. На Танину мать — Луначарскую³ — надо поставить крест. Назовем этого москвича Степаном, он должен был послать вам свой адрес шведских и норвежских левых.

Карл Карлович писал, что московская публика разочаровала его.

Хорошо ли писать на этот адрес или на ваш личный?

27 апреля и 2 мая 1916 г.

Послано из Петрограда в Цюрих

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 415—417

В. И. ЛЕНИНУ

Верните по прочтении⁴

7/VI.

Дорогой друг! Ваше письмо от 10/VI получил. Спасибо за подробные вести.

Вы писали о 1000 франков, полученных от американских немцев с.-д. в пользу жертв войны с.-д. Напишите нам поточнее, на какие цели они должны тратиться (помощь семьям с.-д.? ка-leкам с.-д.?), но не пересылайте денег, чтобы не было потери на курсах. Мы их будем передавать из наших средств, а вы засчитаете те в суммы ЦК, посланные из России. Этот год мы старались о финансах, и из ежемесячных сборов и разных мелких предприятий + продажи типографии «Дела» мы имеем теперь около 1200 рублей + вексель на 1700 рублей. Много уже истратили на транспорт, но он все еще налаживается медленно (до сих пор получили лишь 48-й № «Социал-демократа»).

Из Бюро Центрального Комитета поступила просьба, чтобы вы сообщили приблизительную потребность вашу на финансы — по рубрикам, если вам не составит труда: на издание газет, брошюр, на организацию, международные расходы и т. п., чтобы Бюро Центрального Комитета могло представлять себе ваши

¹ Речь идет о В. С. Попове, который в начале 1916 года был послан Русским бюро ЦК в Московскую партийную организацию в качестве представителя Бюро ЦК. Вместе с М. И. Ульяновой, П. Г. Смидович и другими большевиками принимал участие в работе по восстановлению районных партийных организаций г. Москвы. По воспоминаниям Попова о подпольной работе московских большевиков в 1916 году, они организовали тогда группу — Московский областной отдел в Бюро ЦК. *Ред.*

² М. И. Ульянова. *Ред.*

³ Речь идет о С. Н. Смидович (по первому мужу — Луначарская). *Ред.*

⁴ Надпись В. И. Ленина. *Ред.*

расходы и необходимый для вас бюджет, который и постарается по мере сил удовлетворять.

Деньги депутатам переданы все. О «Летописи» передал, попросил выслать один экземпляр на ваш личный адрес непосредственно. Задержка произошла из-за того, что Лев¹ распорядился, чтобы два экземпляра шли через Стокгольм. Ну, и застряли там, понятно.

Запрашивал о статьях Г. Зиновьева, сказали — нецензурны. Я сообщил, что автор предоставил делать какие угодно цензурные исправления. Обещали пересмотреть.

Горький еще в Петрограде и болен, говорят. На днях постараюсь повидать его и сообщить вам.

Новое сложное, слитное издательство², по словам Стеклова³, имеет уже 50 000, надеется иметь 100 000. Стеклов заявил мне, что выбрана уже организационная комиссия, в которую вошел, с одной стороны Потресов⁵, с другой — наш — Авилов⁶, а также Стеклов и еще кто-то из середины. Просил написать вам. Я усомнился, чтобы вы пошли, и выразил удивление, как был приглашен Потресов, тот ответил, что всех дольше был против приглашения ликвидаторов, но остался в единственном числе и «умыл руки» — подсказал я. Капиталисты, мол, давали деньги лишь при условии, что новое теоретическое издательство объединит всех с.-д.— Предполагаются чисто теоретические издания — всякая полемика изгоняется. Мечтается воздвигнуть издательство á la Dietz⁷.

Неясна для меня роль тут Горького, но ведь его на все можно склонить, и душа у него отходчивая. Говорят, разговаривает мирно с Потресовым — после «Морального босячества»!!!

Вы уже чересчур напали на меня за то, что я пожалел о вашем разрыве с японцами⁸. О них я знал, конечно, лишь по рассказам Льва, а потом и по журналу, сильно поднявшему настроение и помогшему собрать финансы в изрядной степени.

Но если бы вы знали, какое у нас безлюдье! Это что-то непопостижимое! Послали бы деньги на возвращение сибирякам, да с сапогами⁹ теперь больно скверно.

¹ А. Г. Шляпников. *Ред.*

² Речь идет о новом издательстве, создание которого предполагалось Гольденбергом, но не осуществилось, осталось только в проекте. *Ред.*

³ Ю. М. Стеклов. *Ред.*

⁴ Надпись, знак вопроса и подчеркивание В. И. Ленина. *Ред.*

⁵ А. Н. Потресов. *Ред.*

⁶ Б. В. Авилов. *Ред.*

⁷ Подобно издательству Дитца. *Ред.*

⁸ Имеются в виду Г. Л. Пятаков и Е. Б. Бош. *Ред.*

⁹ Имеются в виду паспорта. *Ред.*

В ПК безлюдье, почему имеет большое влияние Мирон¹. Между прочим, просил вас написать о последнем и травле им «Вопросов страхования».

Теперь жена Юрия (японка)² просит достать ей паспорт и желает приехать сюда работать в ПК. Вы ничего против не имеете? Конечно, ей сообщат, что ПК стоит на вашей точке зрения и писать по спорным вопросам не дадут.

Но для обычных листков необходимо лицо, стоящее в постоянном контакте с ПК, а такового Бюро в настоящее время выделить не может. Поневоле выходит близкий контакт с Мионом...

Настроение в низах прекрасное, всюду происходят митинги, обсуждающие всеобщую забастовку. Частичные кончались обыкновенно отправкой на передовые позиции, и вот с неизбежностью выяснилась дилемма: или не бастовать вовсе, или всем сообща. Посмотрим, что выйдет. По провинциям были аресты, так, в Екатеринославе взято 40 человек — все своих. В Нижнем побрали свою публику почти дочиства. В Самаре в связи с закрытием «Н. Голоса»³ была заарестована почти вся своя публика — уцелел каким-то чудом один Бубнов (Химик?)⁴. В Саратове вышел сборник⁵. Надеюсь, послали Вам его? Отправим им (Ольминскому) статью вашу и Г. Зиновьева. Может быть, поместят в следующем сборнике.

Еще раз просьба написать популярно о гражданской войне.

7 июня 1916 г.

Послано из Петрограда в Цюрих

Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 419—421

Д. И. УЛЬЯНОВУ

4.VIII—16 г.

Дорогой мой Митя!

Пишу тебе 4-го, в день твоего рождения, а потому прежде всего поздравляю тебя, мой родной, крепко обнимаю и целую и желаю здоровья, всего хорошего и по возможности лучшего

¹ М. Е. Черномазов. *Ред.*

² Е. Б. Бош. *Ред.*

³ Речь идет о легальной меньшевистской газете «Наш голос»; издавалась в Самаре в 1915—1916 годах, занимала социал-шовинистическую позицию. *Ред.*

⁴ А. С. Бубнов (Химик) (1883—1940) — член КПСС с 1903 года, с 1909 по 1917 год вел партийную работу в Н. Новгороде, Сормове, Петербурге, Самаре и других городах. Неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылкам. *Ред.*

⁵ Сборник «Под старым знаменем». *Ред.*

самочувствия на новый год твоей жизни. Пишу «по возможности», так как наше несчастье омрачает собою все. Почему от тебя так долго нет вестей? Ты не вовремя получил первую срочную телеграмму — неужели не получил ты второй, извещавшей о маминой смерти?! Нам с Маней было очень горько, что ты не мог быть с нами в те дни... А теперь мы и с ней разъединены, и, зная ее нервность, я очень беспокоюсь, как она одна справляется с несчастьем. Посадили меня в тюрьму. Я надеюсь, что не надолго, ибо не представляю себе, в чем меня могут обвинять: была я безотлучно при маме во время ее болезни, да и весь последний год почти не отходила от нее. Но взято, говорят, очень много народу так, пока разберутся в бумагах. Сейчас буду писать тебе о маминой болезни. Хотела написать тебе, как врачу, очень подробно, но отсюда, вероятно, не выйдет так. — Заболела мама с 24-го июня, т. е., собственно, она 23-го с вечера стала чувствовать себя нехорошо. Я не дала ей ее порошка, потому что дала его 20-го — за 3 дня; t° у нее была нормальная, язык хороший. Ночь она провела тревожно, но с ней была Маня и не разбудила меня. С утра она встала, но ее тошнило, и я убедила ее лечь, а сама поехала в город, как было решено раньше, поговорить с профессором Кетчером, лечившим ее, а если возможно, и привезти его, а также взять ей в городе препарат *digalen'a*, прописанный ей Кетчером. Вернувшись часа в 4, я застала ее в бреду и с затрудненным дыханием, она дышала приблизительно $\frac{2}{3}$ минуты усиленно; потом постепенно дыхание затихало, становилось спокойнее на $\frac{1}{3}$ минуты. И опять начиналось усиленное. Это была та особенность ее болезни, которая ни разу не проявлялась в прежних ее заболеваниях, а теперь не оставляла ее до конца. Позднее врачи определяли это дыхание «чейн-стоксовским». Бред выражался в том, что она все время хотела встать, уйти домой, в свою комнату. Но температура была даже ниже 36° , хотя правильно мы не мерили, — трудно было при ее состоянии. Случайно бывший врач прописал ей сердечные и нашел, что желудок хорош (по языку) и очищать его не нужно. В тот же вечер врач со станции прописал ей *adonis* и камфору в облатках, но первый надо принимать после пищи, а она отталкивала или выплевывала каждую подносимую ей ложку, а камфору тоже не могла принять. На следующий вечер другой врач прописал ей микстуру из *adonis*, *digitalis*, валерьянки и, кажется, *coffeini*. Она попринимала ее ночь и следующее утро, и ей стало лучше: 26-го мы вынесли ее в сад, она была в сознании, только слаба. Но потом стало опять хуже, и она успокаивалась только после впрыскиваний камфоры. Прописывали ей и питательные клизмы, но, кажется, мы только повредили ими ей. Для слабительного многие врачи находили, что она слаба, и я боя-

лась дать его. Так продолжалось побольше недели. Числа 3—4-го июля она перестала бредить, стала пить понемногу молоко, но часто забывалась. Было такое впечатление, что крутой период болезни миновал, но слабость усилилась. На второй неделе был наконец Кетчер, нашел вздутость живота, прописал ее порошок... Неизвестно, с самого начала была вздутость или создавалась клизмами. Но все же следовало мне с самого начала дать порошок. Сколько раз ты говорил мне, что я должна знать мамину натуру!.. Она была все время очень кротка и благодарила за всякую мелочь. В начале болезни она сказала: «Дай мне что-нибудь, ну, облатку,— ты знаешь что,— я хочу пожить еще с вами!» А потом повторяла несколько раз, «что уж бог даст!». Дня за два до смерти она сказала: «Куда же папа наш ушел?!», а в день смерти: «Где же наш Митек?» — В день смерти я принесла ей цветок из сада, и она улыбулась так оживленно, сказала по-французски: «Как это красиво! Какой хорошенький цветок». — И глаза ее заблестели. Она говорила ласково со мной и Маней. Но пульс у нее стал слабый и неровный. В 2 ч. она заснула спокойно, потом вдруг как-то глубоко вздохнула раз, другой и посинела. Впрыснули камфору, но было уже поздно.

Дорогой мой, пиши мне, пожалуйста, прямо, как думаешь о ее болезни, я очень спокойна и стараюсь благоразумно перенести свою невзгоду. Мне не тяжело, а приятно писать и слышать о ней. Больше у меня нет бумаги, поэтому должна кончать. Обнимаю тебя горячо. Когда-то я увижу тебя? Ты так походишь на нее! Будь здоров, хороший мой!

Твоя А. Елизарова

Условия у меня тут очень хорошие: я два раза в день гуляю, читаю, занимаюсь. Вполне здорова. Будь покоен за меня. Целую Тоню. — Выписываю обед: молоко, яйца, сливочное масло. Жду вести от тебя! Пиши на адрес Марка.

Марк, отправь, пожалуйста, это письмо Мите и не читайте его: тут ему о маминной болезни!

4 августа 1916 г.

Послано из петроградской тюрьмы
в Севастополь

Переписка семьи Ульяновых,
1883—1917. М., 1969, с. 422—424

13/ХІ.

Дорогой друг! Ваше письмо от 25/Х получено. Письмо Ваше Льву ² передано. Он категорическим образом заявляет, что не будет посвящать русских товарищей в заграничные дрязги, и пока держится лояльно. В бюро делал доклад о прекращении выхода «Коммуниста», и там принята резолюция (пришлем ее в следующий раз). Суть ее сводится к следующему: Бюро выражает солидарность с линией ЦО, занятой со времени войны, высказывает пожелание, чтобы на страницах ЦО не допускалась дискуссия, а чтобы для этого основывались особые частные издания, желало бы, чтобы полемика в ЦО велась более товарищеская и чтобы в ЦО по возможности допускались к сотрудничеству товарищи, несогласные с теми или иными вопросами программы или тактики. Повторю подробнее об этом на днях. Из личной беседы со Львом Карл Карлович ³ вынес впечатление, что Лев очень огорчен за Бухарина, которого считает крупной силой, и желал бы, чтобы его вторая статья ⁴ (по его мнению, она очень интересна) была помещена. Ему указывали, что нельзя этого требовать от редакции, которая с этой статьей не согласна. Пусть, говорит, пришлют ее тогда в Россию с ответом редакции, чтобы русские товарищи познакомились с ней, и все упирает на то, что лучше было бы ее поместить в сборник с какой угодно критикой, что нельзя разгонять таких ценных людей, как Бухарин и пр. Он собирается писать Вам сам, когда немного обоснуется.

...Мирона ⁵ устранили из организации, так же поступят и с теми, кто будет продолжать с ним дела.

Поляки очень просят прислать все польские издания. Может быть, можно и те, что издаются в Варшаве. За них будут присланы деньги.

Железный фонд был у Симонова, который умер. Надеются получить его у его вдовы. К этому же предприняты шаги. Если не выгорит, постараются так или иначе непременно пополнить.

¹ Надпись В. И. Ленина. *Ред.*

² А. Г. Шляпников. *Ред.*

³ М. И. Ульянова. *Ред.*

⁴ Статья Н. И. Бухарина «К теории империалистического государства».

Ред.

⁵ М. Е. Черномазов. *Ред.*

Получили ли Гучковское письмо¹ и Сибирские листки? Теперь для вас переписываются Петербургские листки и Сибирские листки и статьи. Материала масса. Надо будет переслать все думские речи, которые не были в газетах. Они все у нас есть, никогда, кажется, не было еще такого интереса к ним.

Привет от Джемса², он остается до половины января здесь. Старый издатель³ отказался посылать книги — боится.

Получаете ли книги, посылаемые Карлом Карловичем?

Слитное издательство совсем не то, что «Парус».

Рукопись об империализме получена⁴. Хотели снести с автором по поводу полемических глав и некоторой брани Каутского.

Горячие приветы.

13 ноября 1916 г.

Послано из Петрограда в Цюрих

*Переписка семьи Ульяновых.
1883—1917. М., 1969, с. 427—428*

¹ Имеется в виду письмо Гучкова от 15 августа 1916 года начальнику генерального штаба верховного главнокомандующего генералу Алексеву. Письмо выражало страх русской буржуазии перед нарастающей революцией и недовольство царским правительством, не способным предотвратить наступление революции. Письмо Гучкова было напечатано в газете «Социал-демократ» № 57 от 30 декабря 1916 года. *Ред.*

² *А. И. Елизарова. Ред.*

³ *В. Д. Бонч-Бруевич. Ред.*

⁴ Речь идет о рукописи В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Проводя предварительную цензуру, издательство удалило из 9-й и 10-й глав целые страницы, посвященные критике Каутского и Мартова (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 299—426). *Ред.*

1922 год

В. И. ЛЕНИНУ

8 декабря 1922 года.

Дорогой Володя!

Спасибо за воспоминания¹. Ты передал, чтобы я позвонила тебе, если будут какие-нибудь дополнения, но я тебя уже не застала. С дачей из-за кашля говорить мне трудно, потому пишу. Посылаю тебе продиктованный тобою листок (Воспоминания о Н. Е.) и его же с некоторыми изменениями — «Несколько слов о Федосееве». Я думаю, что такое заглавие или «Страничка о Федосееве» будет правильнее, ибо для «Воспоминаний» мал объем.

Потом я изменила соответственно имеющимся данным второй абзац — «В то время я жил...» вместо «Нужно сказать...», так как точно установлено время ареста Федосеева, а у тебя говорится слишком неопределенно. Прилагаю предисловие редакции, некоторый контакт с которым необходим.

Потом я определенно помню, что ты говорил мне в первое лето в Алакаевке, что был бы наверно тоже арестован, если бы остался в Казани.

Потом я выпустила один раз: «если память мне не изменяет», ибо воспоминания Сергиевского в этой же брошюре доказывают, что не изменяет.

Посылаю на всякий случай на просмотр несколько других статей о Федосееве, — если будет охота, — более любопытны из них странички Лалаянца².

Очень желателен, конечно, твой отзыв. Черкни его, а если просто согласишься с исправлениями, попроси передать по телефону.

Всего хорошего! Желаю отдохнуть и освежиться.

А. Елизарова

Известия, 1964, 12 августа

¹ Речь идет о воспоминаниях В. И. Ленина о Н. Е. Федосееве «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 324—325). Воспоминания были написаны В. И. Лениным по просьбе Истпарта для сборника, посвященного революционной деятельности Н. Е. Федосеева (см. кн.: Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России (Сборник воспоминаний). М.— Пг., 1923). Анна Ильинична готовила к публикации эти воспоминания Владимира Ильича. Как видно из письма, заголовок к воспоминаниям Ленина был предложен ею, она внесла в текст небольшие редакционные изменения. На ее письмо Владимиру Ильичу с этими предложениями имеется пометка Ленина: «Не возражаю». *Ред.*

² *И. Х. Лалаянц. Ред.*

1926 год

С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ¹

9.II.26 г.

Уважаемый Сергей Федорович!

Очень благодарна Вам, что Вы так сочувственно и так быстро откликнулись на мою просьбу.

Вы совершенно правы, говоря, что с не меньшей любовью, чем к тому делу, за которое он погиб, относился Александр Ильич и к науке. И если освещение его революционной работы дается в большей или меньшей степени другими товарищами, то для памяти его особенно ценно, чтобы освещение его кратковременной научной деятельности, его знаний, достижений и открывавшихся перед ним перспектив было дано таким товарищем, как Вы, который, при личном знакомстве с покойным, посвятил свою жизнь другой большой любви Ал[ександра] И[льи]ча — науке. Эта сторона его личности как раз наименее освещена в собранном у меня небольшом материале.

Кроме Ваших личных воспоминаний Вам нетрудно будет, вероятно, добыть документальный материал из архива Университета относительно той работы, за которую он получил золотую медаль на акте 8.II.1886 года, и других. Так, уже в январе 1887 г. он работал в зоологич[еском] кабинете Унив[ерситета] над исследованием органа зрения у какой-то породы червей.

Затем я слышала, что о его работах были отзывы про[фессор]ов Вагнера, Бутлерова и Менделеева.

Если для розыска каких-либо документов я могу помочь Вам, обратясь, напр[имер], с просьбой в Центрархив, — то будьте любезны известить меня об этом, и я сделаю с удовольствием, понятно.

Вам гораздо виднее, конечно, что именно наиболее характерно в научной работе брата и что следует главн[ым] обр[азом] подчеркнуть, и я с большой надеждой и огромной благодарностью жду Ваших воспоминаний о нем.

С искренним уважением

А. Ульянова-Елизарова

Неделя, 1962, № 20, с. 10

¹ Анна Ильинична собирала материал для книги о брате Александре Ильиче Ульянове, казненном за попытку покушения на царя Александра III. С. Ф. Ольденбург (1863—1934) был товарищем А. И. Ульянова по университету. Впоследствии советский востоковед, академик АН СССР. *Ред.*

29.VII. 26 г.

Уважаемый Сергей Федорович!

При нашем свидании в Москве Вы выражали сожаление, что не можете достать материал о Научно-литерат[урном] студенческом Обществе, необходимый Вам для Ваших воспоминаний о нем и роли в нем, — а также и вообще в научной работе, — Александра Ильича Ульянова. Поэтому, отыскав такой материал в архиве деп[артамента] полиции, я посылаю Вам копию его¹. Будьте добры сообщить, тот ли это материал, который Вы желали, и не нужен ли Вам еще какой-ниб[удь], в получении которого я могла бы оказать Вам содействие. Насколько я ознакомилась с архивом деп[артамента] полиции, я полагаю, что в нем Вы вряд ли сможете найти еще что-ниб[удь] на интересующую Вас тему. Более подробный материал должен иметься в Университет[ском] архиве, который должен находиться при Петерб[ургском] университете:

Так как я предполагаю приступить с осени к изданию сборника памяти Ал[ександра] Ильича, то я была бы очень благодарна Вам за скорейшую, по возможности, присылку Вашей статьи о нем.

С искр[енним] уважением

А. Елизарова-Ульянова

Неделя, 1962, № 20, с. 10

¹ Выписка из отношения петербургского градоначальника в Департамент полиции от 31 декабря 1886 года.

Секретно. В Департамент полиции.

Вследствие отношения от 31 октября сего года за № 2655/604, имею честь препроводить при сем в Департамент полиции добытый негласным путем печатный устав студенческого Научно-литературного общества, заседания коего бываю исключительно в здании университетского начальства.

По собранным сведениям оказалось, что совет этого Общества состоит из следующих лиц:

...3 и 4. Секретари общества: студенты Университета Иван Васильевич Аничков 25 лет и Александр Ильич Ульянов 20 лет... Ульянов имеет мать, двух сестер и двух братьев, проживающих в г. Симбирске, и сестру Анну 23 лет, состоящую слушательницей Высших Женских Курсов...

Ульянов и отчасти Сыромятников являются личностями в политическом отношении неблагонадежными.

Хотя на основании 15 § Устава все заседания Общества, его совета и научного отдела и происходят в зданиях Университета, но тем не менее предварительные совещания Общества могут происходить и на частных квартирах, особенно если принять во внимание, что такая личность, как Ульянов, играет в том Обществе выдающуюся роль секретаря.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абезянков (Ульянова О. И.) — 43
 Авенариус Рихард — 224
 Авилов Б. В. — 376, 391, 392, 395
 Адлер Виктор — 370
 Адоратский В. В. — 118, 202, 262, 264, 265, 269
 Аксельрод П. Б. — 138, 153, 208, 272, 273, 310—313, 322
 Александр II (Романов) — 11, 15, 46, 97, 109, 197
 Александр III (Романов) — 11, 15, 18, 19, 22, 46, 102, 115, 189, 200, 287, 402
 Алексеев — 401
 Алексинская Т. — 363—364
 Алексинский Г. А. — 375, 388
 Ангарский (Клестов) Н. С. — 325, 326
 Андреев Л. Н. — 345
 Андреюшкин П. И. — 22
 Аничков И. В. — 403
 Ардашев А. А. — 51
 Ардашевы (кузены) — 293
 Ардашева-Пономарева Л. А. — 119, 203, 294, 295
 Арманд И. Ф. (Е. Блонина) — 351, 355, 364
 Аросев А. Я. — 265, 269, 283, 284, 285
 Артем — см. Сергеев Ф. А.
 Асанин — 187, 188
 Аслэн Анри (Henri Asselin) — 339
 Ашетт (Hachette) — 339

Б

Бабинцев — 296, 297, 298
 Бабушка Мальки — 344
 Бабушкин И. В. — 133, 206
 Бадаев А. Е. — 378, 389, 395
 Базаров (Руднев) В. А. — 328, 331

Бакунин М. А. — 368, 369
 Барановский — см. Туган-Барановский М. И.
 Баранская Н. Н. — 320
 Баранский Н. Н. — 320
 Бауман Н. Э. — 273
 Бебель Август — 172, 173, 225
 Бедный Демьян (Придворов Е. А.) — 354, 362, 375
 Бекетов А. Н. — 54
 Белинский В. Г. — 44, 189
 Бер Макс (Beer) — 363, 364, 368
 Бернштейн Эдуард — 162, 211
 Благоев Димитр — 265
 Бланк А. Д. — 26, 35, 110, 111, 118, 198—199, 200, 294
 Бланк (Грошофф) А. И. — 34
 Блос Вильгельм — 173
 Блюменфельд И. С. — 273
 Богданов (Малиновский) А. А. — 216, 222, 224, 327, 328, 331, 333, 353
 Богровский Я. — 390
 Бокль Генри Томас — 50, 354
 Бонч — см. Бонч-Бруевич В. Д.
 Бонч-Бруевич В. Д. (Бонч) — 328, 373, 374, 400
 Бонч-Осмоловский А. О. — 380
 Бор Л. (Каменев Л. Б.) — 353
 Боткин — 57
 Боткин С. П. — 58
 Бош Е. Б. — 384, 393, 395, 396
 Брат Клестова (Ангарского) — см. Клестов В. С.
 Браун (Braun) — 322
 Брем Альфред Эдмунд — 142
 Броннер В. М. (Тоблер) — 319, 320
 Бруснев М. И. — 148
 Бубнов А. С. (Химик) — 268, 396
 Булгаков С. Н. — 211
 Бутлеров А. М. — 54, 402
 Бухарин Н. И. — 235, 239, 243, 245, 384, 399

В

В. В.— см. Воронцов В. П.
 Вагнер Н. П.— 54, 402
 Вальтер Скотт — см. Скотт Вальтер
 Вандервельде Эмиль — 378
 Ванеев А. А. (Минин) — 141, 142, 143, 149
 Варенцова О. А.— 267
 Вдова И. Г. Симонова — см. Симонова-Цветаева В. И.
 Вебб Беатриса — 153, 211
 Вебб Сидней — 153, 211
 Вейсман — 319
 Вересаев В. В.— 251
 Веретенникова А. А.— 203, 252, 294, 295, 303
 Веретенникова А. И.— 46, 47, 73
 Веретенникова Е. И.— 103
 Веретенникова М. И. (кузина, Маруся) — 52, 56, 58, 77
 Веретенниковы — 306
 Верещагин В. В.— 60
 Вив — 357, 362
 Вильгельм Фридрих — 172, 173
 Вильямс Альберт Рис — 260—261
 Винберг В. К.— 97, 98
 Винберг Л. В. (Лидия) — 85, 97, 98, 304, 306
 Винберг Н. В. (Нина) — 98
 Винберги — см. Винберг Л. В. и Винберг Н. В.
 Винокуров А. Н.— 207
 Вишневский И. В.— 37, 38
 Владимирская Е. Ф.— 372
 Владозов В. В.— 90, 105, 204, 252
 Воеводин — 71, 72
 Войтинский (Выдринский) Вл.— 352, 357, 362, 364
 Волкенштейн М. Ф.— 206, 309
 Володина А. И.— 180—181
 Воровский В. В. (Орловский) — 216, 376, 377
 Воронцов (В. В.) — см. Воронцов В. П.
 Воронцов В. П. (В. В.) — 80, 124, 125, 132, 133, 207
 Вральман (Ульянов А. И.) — 44
 Врангель П. Н.— 240
 Вячеслав М. Г. (Юрьев) — 319

Г

Гандурин К.— 267
 Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С.— 228, 280, 282
 Ганшин А. А.— 135
 Гапон Г. А.— 175, 275, 324

Гарнак Е. Е.— 59
 Гауптман Герхарт — 190
 Гвоздев К. А.— 383, 386
 Гейне Генрих — 49, 64, 105, 106, 318
 Генералов В. Д.— 22, 102
 Гербель Н. В.— 31, 32
 Гершен А. И.— 36, 47, 52, 68
 Гессен И. В.— 372
 Гинзбург Б. А. (Кольцов) — 311
 Говоров К. Г.— 258
 Говорухин О. М.— 19, 80, 83, 84, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 102, 105, 286
 Гоголь Н. В.— 328
 Голубева (Яснева) М. П.— 133, 205
 Голубятникова Надя — 338, 340, 341, 343
 Гольденберг И. П.— 395
 Гольдман — 145
 Гончаров И. А.— 38, 296
 Гопнер С. И. (Люба) — 390
 Горкун П. С.— 19
 Горький Максим (Пешков А. М.) — 273, 325, 327, 364, 369, 387, 388, 395
 Гранат А. Н., И. Н.— 195, 196, 385
 Грачевская М. А.— 338, 341, 343, 347
 Грессер — 84, 85, 87
 Гужон — 159
 Гумилевский Л.— 364
 Гучков А. И.— 383, 400

Д

Давыдов — 132—133
 Данский Б. Г. (Комаровский К. А., Х.) — 320, 350, 353, 354, 357
 Дарвин Чарлз — 59
 Деборин А. М. (Июффе) — 363
 Дейч Л. Г.— 13
 Дементьев — 190
 Деникин А. И.— 240
 Державин — 71
 Держинский Ф. Э.— 184, 237
 Диаманд Герман — 370
 Дитц, Иоганн Генрих Вильгельм — 395
 Дм. Як.— 304
 Дмитриев Я.— 294
 Добролюбов Н. А.— 84, 189
 Долгов Н. С.— 204
 Долгова — 88
 Дондет (Dondet) — 344
 Достоевский Ф. М.— 12, 48
 Дочери А. Д. Бланка — 111
 Дочь Лепешинского — см. Лепешинская О. П.

Драницын — 17, 304
Дрегели Габриэль — 345
Дрэпер Джон Вильям — 50
Дунаев Е. А. — 388, 392
Дьяконов А. М. (Саша, Сашенька, Сашурка) — 302, 306, 308
Дьяконов М. А. — 98, 302, 306, 307, 308
Дьяконова Н. А. (Наденька, Надя) — 98, 301—302, 303—304, 305—306, 307—308

Е

Евг. Ал. — 304
Елена — 30, 31
Елизаров М. Т. (Марк, Марко) — 70, 77, 85, 86, 87, 92, 100, 101, 122, 125, 126, 127, 150, 180, 181, 183, 184, 185, 190, 191, 254, 255, 275, 285, 307, 309, 311, 314, 315, 319, 320, 321, 322, 323, 326, 332, 335, 336, 337, 338, 340, 343, 344, 345, 346, 347—349, 356, 370, 371, 374, 375, 376, 381, 398
Елизаров П. Т. — 126
Елизарова П. И. — 343
Енукидзе А. С. — 187
Ерамазов А. И. (Монах) — 320
Еремеев К. С. — 226, 391, 392
Ерофеев — 104—105

Ж

Жбанков Д. Н. — 25
Желябов А. И. — 15, 19
Жена Кедрова М. С. — 326
Жуковский В. А. — 117

З

Завьялова — 303
Залежская Е. А. — 338
Залежский А. А. — 305
Залуцкий П. А. — 356
Запорожец П. К. (Гуцул) — 143, 149, 168
Засулич В. И. — 208, 213, 273, 278, 279, 312, 322
Зволянский С. Э. — 131, 149
Зиновьев Г. Е. — 234, 237, 238, 350, 351, 353, 354, 356, 358, 362, 364, 366, 367, 395, 396
Злинченко К. П. — 263
Знаменская А. А. — 73
Зомбарт Вернер — 314
Зубатов С. В. — 190

И

Ив. Ник. — 348
Ильин, Ильин В., Ильин Вл. (Ленин В. И.) — 224, 326, 352, 353, 362, 363, 364, 368, 369
Ильина А. Д. — 34
Ионов В. А. — 125
Ишерский И. В. — 99

К

К. К., Карл Карлович, Карл Карлыч — см. Ульянова М. И.
Кабанов А. С. — 258
Кайзерлинг — 375
Калайтан Р. И. — 70
Калашников В. А. — 27, 31, 112, 199, 258
Калинин М. И. — 355
Калмыкова А. М. — 168, 169, 170, 171, 255
Каменев Л. Б. (Л. Бор, С. Корсов, Ю. К., Юрий) — 187, 231, 232, 237, 238, 267, 271, 276, 279, 281, 282, 353, 377, 378
Канчер М. Н. — 18, 19, 22
Карамзин Н. М. — 30
Кареев Н. И. — 125
Карпей — 36
Карпов (Ленин В. И.) — 218
Карташев (NN) — 354, 357, 358
Кархinen Мария — 391
Карышев Н. А. — 206
Карякин М. — 25
Катя — 307
Каутский Карл — 162, 172, 282, 312, 400
Кашкадамова В. В. — 79
Кедров М. С. — 275, 326
Кедрова — 160
Керенский А. Ф. — 53, 181, 233, 237
Керенский Ф. М. — 37, 53, 116, 117, 202
Кетчер — 397, 398
Кибальчич Н. И. — 15
Киселев А. С. — 389
Клейбер — 85
Клестов В. С. — 325, 326
Книпович Л. М. — 170
Князев — 104, 105
Ковеларт (Cauwelaert) — 328
Козлов — 38
Колодезникова В. Г. — 308
Коллонтай А. М. — 245, 281, 360, 361
Корнилов Л. Г. — 236, 237
Корольков — 344

Короть Н. Р. — 319
Костомаров Н. И. — 142
Котляревский — 102
Красиков П. А. (Павлович) — 267
Красин Г. Б. — 133
Красин Л. Б. — 133, 206, 222
Краснов Т. Н. — 182
Крестовский В. В. — 49
Кржижановская-Невзорова З. П. —
129, 170, 253, 275, 320
Кржижановский Г. М. (Суслик) —
142—143, 149, 157, 169, 206, 320
Кржижановский С. С. — 356, 372,
381
Кривенко С. Н. — 124
Кривцов С. Т. — 281
Крохмаль В. Н. — 162
Крумбюгель Л. О. — 325, 330, 331—
332, 333, 334, 339
Крупская Е. В. — 147, 152, 210,
254, 337, 338, 340, 370, 385
Крупская Н. К. (Минога, Надина,
Рыба) — 121, 141, 143, 147, 152—
153, 154, 156, 161, 163, 164, 165,
166, 167, 170, 177, 178, 180, 181,
199, 203, 210, 211, 212, 229, 254,
275, 282, 316, 322, 324, 331, 332,
333, 338, 339, 340, 350, 359—
360, 360—361, 364, 370, 371, 374,
376, 377, 384, 390—391
Крыленко Н. В. — 182
Кубышкин (Ленин В. И.) — 43
Куделли П. Ф. — 282, 351, 365
Кузнецов М. Ф. — 80
Купер Джеймс Фенимор — 32
Куприн А. И. — 344
Кускова Е. Д. — 153, 171, 210, 211

Л

Лаврова С. А. — 35
Лалаянц И. Х. — 81, 158, 161, 401
Лаплас Пьер Симон — 263
Латышев — 284
Левицкий В. А. — 314
Ледебур Георг — 283
Лежава А. М. — 345, 348
Лежава Леля и Нина — 345
Лежава Л. С. — 345
Лейбович А. — 99, 101
Лекгер — 73
Лелевич Г. — 265
Леман Карл (Lehmann) — 321
Ленин — 214
Ленин В. И. (В, В. И., Володек,
Володя, Ильин, В. Ильин, Вл.
Ильин, Карпов, Кубышкин, Ле-

нин, Н. Ленин, N. Lenin, Рихтер,
Старик, Тулин, К. Тулин, В. Улья-
нов, Вл. Ульянов) — 11, 26, 27,
29, 30, 32, 33, 37, 39, 40, 41, 42, 43,
44, 46, 52, 73, 78, 79, 80, 81, 82, 104,
107, 111, 112, 113, 114, 115, 116,
117, 118, 119, 120, 121, 122, 123,
124, 125, 126, 127, 128, 129, 130,
131, 132, 133, 134, 135, 136, 137,
138, 139, 140, 141, 142, 143,
144, 145, 146, 147, 148, 149, 150,
151, 152, 153, 154, 155, 156,
158, 159, 160, 161, 162, 163, 164,
165, 166, 167, 168, 169, 170, 171,
172, 174, 175, 176, 177, 179,
180, 181, 182, 183, 184, 185, 186,
187, 188, 191, 195, 196, 198, 199,
200, 201, 202, 203, 204, 205, 206,
207, 208, 209, 210, 211, 212, 213,
214, 215, 216, 217, 218, 219, 220,
221, 222, 223, 224, 225, 226, 227,
228, 229, 230, 231, 232, 233, 234,
235, 236, 237, 238, 239, 240, 241,
242, 243, 244, 245, 246, 247, 248,
250, 251, 253, 254, 256, 260—261,
264, 265, 268, 269, 271, 272, 273,
274, 275, 277, 278, 279, 280, 281,
282, 283, 284, 285, 286, 288, 289,
290, 291, 292, 293, 294, 295, 296,
297, 298, 304, 305, 306, 307, 308,
309, 310, 311, 312, 313, 314,
316, 320, 321—323, 324—327,
327—329, 329, 330—331, 331—
332, 333—335, 337, 338, 339, 340,
350—352, 352—355, 356—358,
361—363, 364—365, 366—368,
368—370, 370—371, 372, 373—374,
376—380, 382—384, 384—385,
385—386, 386—389, 390—391,
392—394, 394—396, 399—400,
401, 403
Ленин Н. — 196
Lenin N. — 317
Лепешинская О. П. — 154
Лепешинский П. Н. — 154, 160,
212, 263, 268
Лермонтов М. Ю. — 44
Лесснер — 391
Либкнехт Вильгельм — 190
Либкнехт Карл — 372
Ливанов А. И. — 125, 204
Ливановы (Ливанов А. И. и его
жена) — 204
Лидия — см. Винберг Л. В.
Лидина З. И. — 365
Литкенс Е. А. — 265

Лозгачев Г. Я. (Гора, Горка) — 180, 343, 344, 345, 347, 348, 349, 368

Лозгачева Е. Я. (Катя) — 345

Лопатин Г. А. — 15

Лукашевич И. Д. — 17, 18, 19, 21, 22, 99, 100

Лукашевич А. М. — 309

Лукьянов Н. Я. — 258

Луначарская С. Н. — см. Смидович С. Н.

Луначарский А. В. — 216, 222, 224, 265, 328

Люба — см. Радченко Л. Н.

Люксембург Роза — 372

Лядов (Мандельштам) М. Н. — 68, 84, 86, 87, 267

М

М-z — 377

М. Ал. — см. Дьяконов М. А.

Майков А. Н. — 32

Майн Рид — см. Рид Томас Майн

Малченко А. Л. — 160

Малченко Е. В. — 160

Малых М. А. — 190

Малька — 344

Мандельштам М. Н. — см. Лядов М. Н.

Маркс Карл — 17, 18, 66, 80, 90, 105, 115, 120, 121, 124, 128, 131, 133, 138, 200, 201, 203, 204, 224, 229, 232, 235, 248, 314, 326, 358, 362, 368, 385

Мартов Л. (Цедербаум Ю. О., Егоров, Л. М., Юлий) — 149, 151, 156, 157, 158, 160, 207, 212, 213, 214, 215, 275, 277, 353, 361, 400

Марусин — см. Скляренко А. П.

Марцинкевич Ф. В. — 363

Масленников А. Н. — 135, 207

Масленников В. Н. — 135, 207

Маслов П. П. — 373

Мать Мальки — 344

Мать Цедербаума (Мартова) Ю. О. — 149

Мах Эрнст — 224

Меллье — 106

Менделеев Д. И. — 51, 58, 402

Меринг Франц — 372

Миллер — 343

Милюков П. Н. — 231, 233, 372

Мирон — см. Черномазов М. Е.

Михайлов Н. Н. — 140

Михайловский Н. К. — 124, 125, 131, 135, 207, 275

Мицкевич С. И. — 135, 190, 207

Молотов В. М. — 226

Москопуло-Никонова А. В. — 68

Муж Калмыковой А. М. — 170

Муранов М. К. — 378, 389, 395

Мясоедов — 379

Н

Надеждин — 353

Надина (Крупская Н. К.) — 178

Надсон С. Я. — 303

Назарьев В. Н. — 35, 257—259

Невзорова-Кржижановская З. П. — см. Кржижановская-Невзорова З. П.

Невский В. И. — 268

Неклюдов Н. А. — 25

Некрасов Н. А. — 42, 44—45, 48, 56, 109, 117, 131, 197

Нещеретов А. А. — 335, 336

Нещеретова П. М. — 336

Николаев И. Н. — 112

Николай I (Романов) — 46, 107, 108, 109, 197

Николай II (Романов) — 145, 146, 164, 231, 265, 324

Никонов С. А. — 24, 92

Нина — см. Винберг Н. В.

Новорусский М. В. — 17, 18, 19, 20, 22, 23

Ногин В. П. — 232, 238

О

О. И. — 375

Обезьянков (Ульянова О. И.) — 43

Ольденбург С. Ф. — 402, 403

Ольминский М. С. — 216, 226, 262, 263, 264, 265, 269, 357, 364, 374, 377, 396

Орлов — 306

Орлова — 120

Орловский — 67

Орловский — см. Воровский В. В.

Осипанов В. С. — 17, 22

Осипов Г. И. — 391, 392

Охотников Н. М. — 113, 114, 115, 200

П

Павлович — см. Красиков П. А.

Панина С. В. — 218

Перес Л. С. — 334

Перовская С. Л. — 15

Песковский М. Л. — 72, 103

Петр Великий — 274

Петрашевский М. В. — 108

Петровский Г. И.— 364—365, 378,
389, 395
Пилсудский Юзеф — 80
Писарев Д. И.— 48, 49, 50, 61, 75,
189

Платонов — 307

Плеханов Г. В. (Бельтов, Георгий
Валентинович) — 14, 130, 134,
136, 138, 160, 162, 208, 213, 215,
221, 232, 271, 272, 273, 277, 278,
279, 280, 310, 311, 312, 322, 325,
388

Плещеев А. Н.— 45, 109

Подвойский Н. И.— 265

Покровский И. С.— 49, 189

Покровский М. Н.— 262, 264, 265,
266

Полетаев Н. Г.— 225

Пономарев А. П.— 119, 203

Попов В. С.— 394

Пор А. И.— 117

Порецкий С. А.— 302, 304, 306, 308

Постников В. Е.— 124, 206

Потресов А. Н.— 133, 134, 147,
148, 156, 158, 207, 212, 213, 255,
272, 277, 313, 395

Преображенский Е. А.— 235

Прибыловский П. А.— 29

Прокопович С. Н.— 153, 171, 210,
211, 310, 311

Проминский И. Л.— 151, 210

Прушакевич В. П.— 112

Пугачев Е. И.— 13

Пушкин А. С.— 44, 49, 213

Пятаков Г. Л.— 239, 384, 393, 395,
396

Пятницкий А. П.— 53, 54

Пятницкий К. П.— 325—326, 327,
328, 329

Р

Радченко Л. Н. (Люба) — 212, 320

Радченко С. И.— 149, 170, 206

Разин С. Т.— 13

Разумовская — 88

Рамсэй Уильям — 331, 334

Раскольников Р.— 363

Рахиль — 385

Рид Джон — 260

Рид Томас Майн — 32

Рихтер — 304

Рихтер (Ленин В. И.) — 322

Розенов — 173, 174

Розмирович Е. Ф.— 182, 351, 369

Романов С. А.— 150

Романовская С. С.— 34

Ростова — 117

Рыков А. И.— 238

Рылеев К. Ф.— 31, 45, 109, 197

С

С. П.— 335

Сабашниковы М. В. и С. В.— 372

Савельев М. А.— 265

Савушкин — 51

Салтыков-Щедрин М. Е.— 48, 62,
63, 67, 68, 82, 364

Самарин — 349, 371

Самойлов А. И.— 126

Самойлов Ф. Н.— 378, 389, 395

Самойлова К. Н.— 351

Сарбатова В. Г.— 27, 30

Сачков — 54

Саша, Сашенька, Сашурка — см.
Дьяконов А. М.

Свердлов Я. М.— 185, 237

Семевский В.— 69

Сергеев Ф. А. (Артем) — 363, 364

Сергей (князь) — см. Романов
Сергей Александрович

Сергиевский Н. Л.— 401

Сестра Любы — см. Баранская Н. Н.

Сеченов И. М.— 58

Сибиряк В.— 320, 321

Сильвин М. А. (Пожарский) —
141, 142, 143, 164, 165

Симонов И. Г.— 384, 399

Симонова-Цветева В. И.— 399

Скворцов И.— 344

Скворцов П. П.— 204

Скворцова — 344

Скворцов-Степанов И. И.— 274,
327, 328, 329, 332, 333, 334, 353

Скляренко С. М.— 345

Скляренко М. А. (Муся) — 345

Скляренко А. П. (Попов, Мару-
син) — 125, 126, 262, 345, 354—
355

Скобелев М. И.— 233

Скотт Вальтер — 32

Смидович (Луначарская) С. Н.—
335, 394

Смидович П. Г.— 394

Смирнов — 362

Соколов В. Е. (Коллега) — 352, 364

Соловьева — 117

Соломонов Н.— 364

Сорокина-Домовитова М. С. (Ма-
ша) — 343

Спасский С.— 286, 287, 289, 290, 291

Сталин И. В.— 226, 235, 237, 265,
363

Сталь Л.— 351, 355, 364, 365
Старик (Ленин В. И.) — 387
Старков В. В. (Вева) — 142, 157
Стасова Н. В.— 58, 67
Стеклов Ю. М.— 364, 367—368, 395
Степан — 394
Степанюк В.— 362—363, 369
Стефанович Я. В.— 13
Страхов — 53
Струве П. Б.— 84, 133, 134, 170,
207, 208, 211
Стучка П. И. (Ветеран) — 369
Суворин А. С.— 330
Суслики — см. Кржижановские Г. М.
и З. П.
Суханов Н. (Гиммер Н. Н.) — 389
Сыромятников — 403

Т

Табейко А.— 293, 294
Таганцев Н. С.— 25
Тенишев А. А.— 64, 70
Тоблер — см. Броннер В. М.
Толстой Д. А.— 287
Толстой Л. Н.— 33, 47, 68, 82, 290,
291
Торгонская — 129, 253
Торнтон — 207
Троцкий Л. Д.— 225, 230, 239,
245, 368
Туган-Барановский М. И.— 84,
86, 87, 89, 211
Тулин (Ленин В. И.) — 208, 311
Тулин К. (Ленин В. И.) — 134
Тулинов — 105
Турати Филиппо — 282
Тургенев И. С.— 49, 50, 60, 80
Тынянов — 115

У

Ульянов А. И. (Вральман) —
11, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24,
25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34,
35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44,
45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53,
54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62,
63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72,
73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82,
83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91,
92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100,
101, 102, 103, 104, 105, 106, 111,
112, 113, 115, 116, 117, 118, 120,
121, 122, 128, 130, 133, 134, 139,
163, 189, 197, 198, 200, 201, 202,
251, 252, 258, 259, 262, 284, 286,

287, 288, 289, 290, 291, 292, 297,
298, 301, 402, 403
Ульянов В. Н.— 25, 29, 107, 197, 198
Ульянов Д. И. (Митек, Митюша,
Митя) — 24, 27, 30, 37, 43, 51, 52,
64, 65, 66, 81, 104, 111, 119, 120,
130, 135, 156, 157, 159, 294, 296,
303, 305, 306, 314—315, 318, 330,
332, 336, 338, 343, 344, 346, 371,
385, 396—398, 403
Ульянов И. Н.— 25, 26, 27, 28, 29, 31,
33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42,
43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51,
54, 55, 62, 65, 66, 72, 73, 74, 75,
78, 79, 81, 91, 99, 103, 107, 109,
110, 111, 112, 113, 115, 116, 117,
128, 130, 163, 196, 197, 198, 199,
200, 250, 257, 258, 259, 295, 296,
398
Ульянов Н. В.— 25, 107, 196, 197
Ульянов Н. И.— 30
Ульянова (Смирнова) А. А.— 29,
107
Ульянова А. И. (Тонечка, Тоня) —
336, 343, 398
Ульянова (Бланк) М. А.— 17, 26,
27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37,
39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 49,
51, 54, 55, 57, 58, 59, 62, 65, 66,
73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 91, 99,
102, 103, 104, 105, 106, 110, 111,
112, 117, 118, 119, 120, 121, 122,
128, 129, 130, 139, 144, 149, 150,
151, 153, 155, 156, 157, 159, 161,
162, 163, 164, 166, 167, 189, 190,
191, 198, 199, 200, 202, 203, 205,
210, 212, 250, 251, 252, 255, 258,
259, 275, 285, 294, 295, 296, 301—
303, 304, 305, 306, 308, 315, 316,
318, 319, 323, 327, 329, 330, 331,
332, 333, 335, 336, 337, 338, 340,
341, 342, 343, 344, 345, 346, 347,
348, 349, 350, 356, 370—371, 374,
375, 380—381, 385, 397, 398, 403
Ульянова М. И. (К. К., Карл Кар-
лович, Карл Карлыч, Манек,
Манечек, Манечка, Маня, Мару-
сек, Марусенька, Марусечка) —
24, 27, 37, 43, 51, 64, 65, 81, 104,
111, 119, 120, 135, 150, 156, 157,
159, 164, 167, 181, 190, 191, 192,
255, 256, 296, 306, 307, 314—315,
316—317, 318, 319, 321, 326, 331,
332, 333, 335, 336, 338, 339—340,
341—342, 342—343, 344—345,
346—347, 348, 349, 350, 356, 358.

363, 370, 371, 371—372, 374—376,
380—381, 381, 384—385, 394,
397, 398, 399, 400, 403

Ульянова М. Н.— 107

Ульянова О. И. (Абезьянков, Обезьянков) — 27, 30, 35, 37, 40, 41,
42, 43, 44, 46, 52, 53, 65, 79, 81,
104, 111, 113, 116, 121, 128, 129,
250—253, 303, 306, 403

Ульянова Ф. Н.— 107

Умов В.— 53, 101

Ф

Федосеев Н. Е.— 122, 153, 203, 204,
262, 401

Феклин — 294

Филиппов — 187, 188

Франс Анатолий — 339

Фриче В. М.— 347

Фролов К.— 187

Фролов С.— 187

Х

Х.— см. Данский Б. Г.

Халтурин С. Н.— 15

Хардин А. Н.— 97, 205

Ц

Цедербаум Ю. О.— см. Мартов Л.

Цезарь Юлий — 114

Цеткин Клара — 312

Цинзерлинг — 308

Цицерон Марк Туллий — 114

Цыперович Г. В.— 352

Ч

Чайковский П. И.— 381

Чеботарев И. Н.— 63, 73, 76, 77,
80, 82, 83, 87, 91, 92, 96, 101, 105,
163, 309

Чеботарева А. К.— 141, 163, 164

Чернов В. М.— 328

Черномазов М. Е. (Мирон) —
393, 396, 399

Чернышевский Н. Г.— 12, 109

Четвергова М. П.— 121, 203

Чехов А. П.— 129, 130

Чириков Е. Н.— 121

Чорба — 190

Чугунов С. М.— 38, 50

Чхеидзе Н. С.— 380

Ш

Шагов Н. Р.— 379, 389, 395

Шведчиков К. М. (Олег, Костя) —
391, 392

Шевченко — 360

Шевырев (профессор) — 96

Шевырев П. Я.— 17, 19, 22, 91,
92, 94, 96, 102, 286

Шевыревы (сестры) — 96

Шелгунов В. А.— 133, 139, 163, 206

Шестернин С. П.— 160, 162

Шестернина С. П.— 160

Шлаф Иоганн (Schlaf) — 317

Шляпников А. Г. (Лев) — 281,
362, 380, 388, 389, 390, 391, 392,
395, 399

Шмидова Р. А.— 83, 84, 87, 92,
99, 100, 101

Штейнгауер Я. М.— 38

Штейндль — 274

Штремер Н. Н.— 385

Штремеры — 385

Шутко К. М.— 281

Щ

Щедрин — см. Салтыков-Щедрин
М. Е.

Щербаков М.— 54

Щербо А. Ф.— 253

Э

Эйдельман Б. Л.— 267

Эйхенбаум Б. М.— 115

Энгберг О. А.— 151, 210

Энгельс Фридрих — 123, 124, 204,
232, 278, 314, 358, 362

Эссен (Грошопф) Е. И.— 26, 111

Ю

Юденич Н. Н.— 240

Юдин Г. В.— 151

Южаков В. В.— 124, 125, 132, 206,
207

Юрий — см. Каменев Л. Б.

Юрьев — см. Вячеслав М. Г.

Юшкевич П. С.— 328

Я

Явейн Л. Ю.— 205

Яковлев А. И.— 151

Якубова А. А.— 129, 149, 166, 168,
170, 253

Якубович — 88

Якубовский Г. В.— 115

Яновский В.— 364

Яснева-Голубева М. П.— см. Голу-
бева (Яснева) М. П.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Воспоминания	
Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове	11
Предисловие	—
I. Детские и школьные годы Александра Ильича	25
II. Годы студенческие (1883—1887 гг.)	56
III. Последний год жизни Александра Ильича	72
Воспоминания об Ильиче	107
I. Семейная обстановка (Родители В. И. Ульянова-Ленина и их время)	—
II. Детские и юношеские годы Владимира Ильича	112
III. Жизнь в Казани	120
IV. Жизнь в Самаре	123
V. Начало революционной работы Владимира Ильича Ульянова (Н. Ленина)	128
1. Из Самары в Петербург	—
2. Новые знакомства и связи	130
3. Борьба с «экономистами»	135
4. Слежка и арест	139
VI. Владимир Ильич в тюрьме	141
VII. Ссылка	151
VIII. Возвращение Ильича из ссылки и идея «Искры»	155
IX. Третий арест Ильича. Поездка в Уфу и отъезд за границу	159
Из статьи «Владимир Ильич в тюрьме (Декабрь 1895 года — февраль 1897 года)»	163
По поводу посылки «СРЕДО» Владимиру Ильичу в Сибирь	170
К 18 марта (Отрывок из воспоминаний)	172
Из выступления о В. И. Ленине в годовщину его смерти	175
Из предисловия к «Письмам В. И. Ленина к родным (1910—1916 годы)»	177
Речь на вечере воспоминаний «Ленин и Октябрь» в Институте Ленина 29 октября 1927 года	179
Страничка воспоминаний о Владимире Ильиче в Совнарком	183
В. И. Ленин и самарская деревня	187
Из автобиографии Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой	189

Очерки, статьи

В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности	195
От ИМЭЛ	—
Предисловие автора к «Краткому очерку жизни и деятельности В. И. Ленина»	196
Глава I. Семья, детские и школьные годы	—
Глава II. Казанский и самарский периоды жизни Владимира Ильича	201
Глава III. Петербург. Начало социал-демократической работы. Тюрьма и ссылка	206
Глава IV. Период «Искры». Первая эмиграция. II и III съезды социал-демократической партии	213
Глава V. Революция 1905 года	218
Глава VI. Период реакции. Вторая эмиграция	223
Глава VII. Период подъема. Эпоха «Звезды» и «Правды»	225
Глава VIII. Мировая война	228
Глава IX. Февральская революция. Июльские дни. Ленин вынужден скрываться	230
Глава X. Октябрьская революция	237
Глава XI. Жизнь и работа Ленина при Советской власти	238
Глава XII. Болезнь и смерть Владимира Ильича	246
Послесловие	247
Первая подруга Владимира Ильича	250
Тайна шахматного столика	254
К статье г. В. Назарьева «Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета»	257
Предисловие к русскому изданию 1925 года книги: Вильямс Альберт Рис. Воспоминания о Ленине	260
Ретроспективный взгляд на Истпарт и на журнал «Пролетарская революция»	262
Ленинский сборник I [Рецензия]	271
Ленинский сборник II [Рецензия]	277
Против плагиата, литературной выдумки и вранья. Открытое письмо редакции журнала «Новый мир»	286
Еще раз против перевирания и переделок чужих произведений. По поводу ответа редакции журнала «Новый мир» на открытое письмо в «Комсомольской правде», 1930, № 50	289
Примечания к статье А. Табейко «Из прошлого тов. Ленина»	293
Сообщения Истпарта	296

Письма

1887 год

Н. А. Дьяконовой. 16 октября	301
--	-----

	1888 год	
Из письма Н. А. Дьяконовой. 24 января		303
Из письма Н. А. Дьяконовой. 20 апреля		—
Из письма Н. А. Дьяконовой. 19 мая		305
Из письма Н. А. Дьяконовой. 14 сентября		306
Из письма Н. А. Дьяконовой. 15 октября		307
Из письма Н. А. Дьяконовой. 28 декабря		308
	1896 год	
М. Т. Елизарову. 15 марта		309
	1897 год	
П. Б. Аксельроду. 29 сентября		310
	1898 год	
Из письма М. И. Ульяновой. 31 октября		314
	1901 год	
М. И. Ульяновой. Конец декабря		316
	1902 год	
М. И. Ульяновой. Начало года		318
Д. И. Ульянову. 25 августа		—
Редакции «Искры». 11 ноября (29 октября)		319
Редакции «Искры». 28 (15) ноября		320
Редакции «Искры». 20 (7) декабря		321
М. И. Ульяновой. Середина декабря		—
	1903 год	
Редакции «Искры». Ранее 18 (5) апреля		322
В. И. Ленину. 9 июля (26 июня)		—
	1905 год	
В. И. Ленину и Н. К. Крупской. Январь, позднее 9		324
	1908 год	
В. И. Ленину. 11 сентября		325
В. И. Ленину. 15 ноября		327
В. И. Ленину. 17 ноября		329
	1909 год	
В. И. Ленину. 7 марта		330
В. И. Ленину. 19 марта		331
В. И. Ленину. 2 апреля		333
В. И. Ленину. 10 апреля		—
М. А. Ульяновой. 14 августа		335
М. А. Ульяновой. 30 августа		336
	1911 год	
М. А. Ульяновой. 22 сентября (5 октября)		337
М. А. Ульяновой. 26 сентября (9 октября)		—

М. А. Ульяновой. 4 (17) октября	338
М. И. Ульяновой. 9 (22) октября	339
М. А. Ульяновой. 9 (22) октября	340
1912 год	
Из письма М. И. Ульяновой. 25 мая	341
М. И. Ульяновой. 11 июня	342
М. И. Ульяновой. 20 ноября	344
М. И. Ульяновой. 25 декабря	—
1913 год	
М. И. Ульяновой. 26 февраля	346
М. Т. Елизарову. 7 июня	347
М. А. Ульяновой. 17 августа	349
1914 год	
В. И. Ленину. 21 января	350
В. И. Ленину. 14 марта	352
М. И. Ульяновой. Март, позднее 16	356
В. И. Ленину. 2 апреля	—
Н. К. Крупской. 2 апреля	359
Н. К. Крупской. 3 апреля	360
В. И. Ленину. 15 апреля	361
В. И. Ленину. 29 апреля	364
В. И. Ленину. 8 мая	366
В. И. Ленину. 28 мая	368
В. И. Ленину. 19 сентября	370
М. И. Ульяновой. 30 декабря	371
1915 год	
В. И. Ленину. 1 февраля	373
Из письма М. И. Ульяновой. 11 апреля	374
В. И. Ленину. 23 и 28 апреля	376
М. И. Ульяновой. 27 апреля	380
Из письма М. И. Ульяновой. 6 сентября	381
В. И. Ленину. 30 сентября	382
Из письма М. И. Ульяновой. 4 октября	384
В. И. Ленину. 16 октября	385
В. И. Ленину. 28 ноября	386
1916 год	
В. И. Ленину и Н. К. Крупской. 25 марта	390
В. И. Ленину. 27 апреля и 2 мая	392
В. И. Ленину. 7 июня	394
Д. И. Ульянову. 4 августа	396
В. И. Ленину. 13 ноября	399
1922 год	
В. И. Ленину. 8 декабря	401
1926 год	
С. Ф. Ольденбургу. 9 февраля	402
С. Ф. Ольденбургу. 29 июля	403
Указатель имен	404

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова
О В. И. ЛЕНИНЕ И СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ.
ВОСПОМИНАНИЯ, ОЧЕРКИ, ПИСЬМА, СТАТЬИ

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редакторы *Н. И. Коршикова, М. Ю. Мухина*
Художник *Л. Н. Морозова*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

ИБ № 7260

Сдано в набор 27.10.87. Подписано в печать 23.03.88. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага
офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,23.
Усл. кр.-отт. 27,14. Уч.-изд. л. 24,92. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заказ № 3268.
Цена 1 р. 40 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ПРАВДА

Странички из дневника

Выходящая на-дняк работа о грамотности населения России по данным переписи 20-го года (Статистическое Управление, Москва, 1922 г., Центральное статистическое Управление, Отдел народного образования) составляет очень важное явление.

Привожу ниже таблицу грамотности населения России за 1897 и 1920 гг. соответственно по этой работе.

Число грамотных по годам

	1897 г.	1907 г.	1920 г.
1. В том числе:			
2. Мужчины	325 472	126 253	229 130
3. Женщины	241 357	56 213	150 281
4. Всего (мил.)	170 307	45 134	108 214

В то время, как мы бились о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преобладали и с буржуазной культурой дела обстоит у нас очень слабо. Оказалось, что как и следовало ожидать от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (97 и годов) оказался слишком медленным. Это служит ярким предостережением и предупреждает тех, кто встает и встает в эпохе пролетарской культуры. Это показывает, сколько еще настоятельной народной работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обще-

образовательности населения России по данным переписи 20-го года (Статистическое Управление, Москва, 1922 г., Центральное статистическое Управление, Отдел народного образования) составляет очень важное явление.

Привожу ниже таблицу грамотности населения России за 1897 и 1920 гг. соответственно по этой работе.

	1897 г.	1907 г.	1920 г.
1. В том числе:			
2. Мужчины	325 472	126 253	229 130
3. Женщины	241 357	56 213	150 281
4. Всего (мил.)	170 307	45 134	108 214

В то время, как мы бились о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преобладали и с буржуазной культурой дела обстоит у нас очень слабо. Оказалось, что как и следовало ожидать от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно и даже прогресс наш по сравнению с царскими временами (97 и годов) оказался слишком медленным. Это служит ярким предостережением и предупреждает тех, кто встает и встает в эпохе пролетарской культуры. Это показывает, сколько еще настоятельной народной работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обще-

ПРАВДА

О НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Из речи Ленина в Сургуте)

История эта не только наша, но и история всего мира. История эта не только наша, но и история всего мира. История эта не только наша, но и история всего мира.

История эта не только наша, но и история всего мира. История эта не только наша, но и история всего мира. История эта не только наша, но и история всего мира.

История эта не только наша, но и история всего мира. История эта не только наша, но и история всего мира. История эта не только наша, но и история всего мира.

Н. ЛЕНИН

О КООПЕРАЦИИ

ПРАВДА

Как нам реорганизовать Рабкрин.

(Предложение 12-му съезду партии).

Возникает, что Рабкрин преждат для нас предметом трудности, и

По моему мнению, такое соединение Рабкрин с ЦК принесет пользу общему делу учреждения. С одной стороны, Рабкрин получит таким путем столь важный авторитет, что станет, по меньшей мере, не хуже самого ЦК. С другой стороны, сам ЦК совместно с ЦКК выйдет окончательно из той горюхи, в которую попал, и

Н. ЛЕНИН

ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ.

